

ЛГО, 1-2

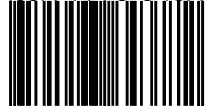
ЛИЦЕЙСКОЕ И ГИМНАЗИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. 2007

10 ЛЕТ

О РАЗУМНОМ, ДОБРОМ, ВЕЧНОМ

ISSN 1993-643X

9 771993 643772 >

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать»

45871

www.lgo.ru

lgo@lgo.ru

(495) 309-1805

№ 1–2, 2007

10 ЛЕТ О РАЗУМНОМ, ДОБРОМ, ВЕЧНОМ

Специальный проект ЛГО:

**Всероссийский конкурс школьных изданий
«БОЛЬШЕ ИЗДАНИЙ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ»**

<http://portal.lgo.ru>

Благодаря поддержке Департамента
образования города Москвы,
ЛГО доставляется бесплатно
во все школы, лицеи, гимназии, кол-
леджи, педагогические вузы,
научно-методические центры столицы

Издается с сентября 1997 г.
Журнал зарегистрирован в Комитете по печати
Рег. № 016347 от 10.07.97
Периодичность выхода: 10 раз в год

Главный редактор:
Татьяна Михайлова
[e-mail: tb@lgo.ru]

Литературный редактор:
Владимир Баберя

Макет:
Борис Юшманов

Дизайн и верстка:
Наталья Гришина
Дмитрий Тишкин

Корректурa:
Лариса Аввакумова

Обозреватель:
Анна Чайковская

Заведующий корреспондентским пунктом в Беларуси:

Юрий Гуртовенко
Телефон в Минске: (8-10-375-17) 286-7059
[e-mail: gurtovenko-pressa@tut.by]

Набор:
Татьяна Белова

Консультационная поддержка – **Лариса Курнешова**

Руководитель рекламной службы: **Ольга Ежкова**
Тел.: (495) 995-1310, 770-2528

Распространение: **Ольга Солдаткина**
Тел.: (495) 309-1805; тел./факс: (495) 309-0529

Издательство Московского культурологического лица № 1310
Почтовый адрес: 111141, Москва, ул. Перовская, 44а
Тел.: (495) 309-1117, тел./факс: (495) 309-0529
[e-mail: lgo@lgo.ru; [http:// www.lgo.ru](http://www.lgo.ru)]

© Лицейское и гимназическое образование, 2006

Выпускается с приложениями: брошюрой «Педагогические советы»
(подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **81154**)
и постером «Мастер-класс. Открытый урок»
(подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **81149**)

Редакция журнала сожалеет, что не может обеспечить рецензирование и возврат всех рукописей, поступивших в ее адрес

Подписка в любом отделении связи

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **45871**
Вы также можете оформить подписку,
позвонив нам по телефонам: (495) 309-0529, 309-1117

Журнал отпечатан в ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15
Тираж 10 524 экз.

сплайн
информационный центр

105005, г. Москва, ул. Бауманская, д.5, стр.1
Телефон/факс: 755-88-97, 258-07-69
cons@debet.ru www.debet.ru

Издательство журнала в своей работе использует
лицензионную Справочную Правовую Систему КонсультантПлюс.
Услуги по обслуживанию Системы КонсультантПлюс
оказывает информационный центр «Слайн».

КОНСУЛЬТАНТ[®]
ПЛЮС

Главный редактор
Татьяна Михайлова

Милое женское обаяние, потрясающая энергия, обворожительная улыбка, неумное творчество, фонтанирующий креатив, педагогический задор и романтический драйв. «Скачущие кони» и «горящие избы» — не вопрос. И это все о ней — о главном редакторе.

Заведующий учебно-методической редакцией
Олег Тимохов

Есть люди, которых трудно не заметить и без которых нельзя обойтись, причем не в силу их высокого должностного положения, а просто потому, что они безотказны, они постоянно в движении, они всегда востребованы и нужны сразу всем. Он — именно такой человек.

Верстальщик
Заместитель заведующего редакцией

Наталья Гришина

Очаровательный взгляд, всегда хорошее настроение, готовность помочь каждому плюс личное и тесное знакомство с различными программами верстки — все это неизбежно выливается в яркие и аккуратные полосы журнала.

З Н А К О М Ь Т Е С Ь :

Дизайнер
Борис Юшманов

Под кажущейся замкнутостью и философской отстраненностью, абсолютной невозмутимостью и строгим взором скрывается загадочная душа авторитетного компьютерного творца, способного свернуть «дизайнерские Гималаи» и креативно отразить собственное мироощущение.

Литературный редактор
Владимир Баберя

Все очень просто: надо понять, что хотел сказать автор, неудачные словосочетания заменить на правильные, лишнее — отсечь, нужное добавить, где-то переписать заново, словом, сделать текст красивым и литературно элегантным. Еще придумать несколько вариантов заголовка, еще написать поздравление в стихах, а еще пошутить, а еще...

Выпускающий редактор
Дмитрий Рогожкин

Легко и уверенно ориентируясь в безбрежном океане материалов, предназначенных для публикации в приложениях к журналу, как настоящий капитан спокойно обходит все редакторские мели, выдерживает литературные бури и творческие штилы и наслаждается красотой исторических проливов.

Редактор
Татьяна Лишманова

Юный задор, пусть небольшой, но реальный учительский опыт, внимательное отношение к советам старших, стремление научиться многому и желание многое успеть сделать – что еще нужно, чтобы через некоторое время стать настоящим мастером своего дела?!

Корректор
Лариса Аввакумова

Магическое поклонение перед великолепием русского языка, зоркий корректорский глаз и тонкое филологическое чутье неизменно способствуют тому, чтобы недрогнувшей рукой поставить соответствующий знак на полях очередного журнального шедевра.

Обозреватель
Анна Чайковская

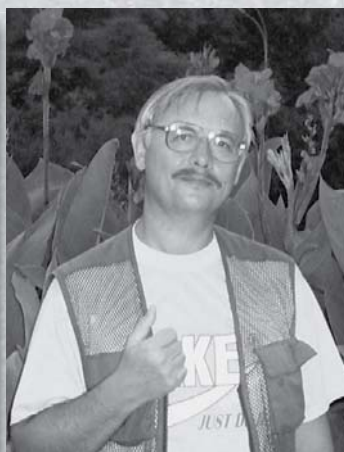
«Обозреть необозримое» – таков девиз и жизненное кредо человека, который по долгу службы обязан быть в курсе всех событий культурной жизни страны и мира, знать тонкости образовательного процесса и уметь в сжатые сроки написать «несколько слов» на десяток-другой страниц журнала.

д о р о г а я р е д а к ц и я

Верстальщик
Дмитрий Тишкин

Тихо и молчаливо, без лишнего шума и суеты, но в жесткие сроки и на должном качественном уровне, – так и выходят из-под принтера одна за одной (можно сказать «гуськом») сверстаные страницы и с нежным шелестом складываются в стройную стопку в ожидании дальнейших приказаний своего хозяина.

Верстальщик
Владимир Барыбин

Рассудительность и внешняя неторопливость, умение сосредоточиться на главном даже под прессом неумолимого времени, неуемное стремление к точности в изложении производственных заданий и обязательная аккуратность среди частогокола приложений, брошюр и лоций составляют черты его характера.

Наборщица
Татьяна Белова

Глядя на грациозно взлетающие над клавиатурой кисти рук и прислушиваясь к упоительной мелодии набора, начинаешь понимать, что настоящего виртуоза можно встретить не только в концертном зале филармонии, а дирижировать можно не только оркестром.

Фотограф
Евгений Быканов

Как ни парадоксально, но иногда даже 200 тысяч «срабатываний затвора фотоаппарата» не хватает, чтобы «остановить мгновение» и запечатлеть лицейскую, культурологическую, конкурсную, да и просто жизнь во всем ее многообразии, разноцветности, светлости и неповторимости.

СОДЕРЖАНИЕ

Эпиграф к номеру:

Воображение рисует, разум сравнивает, вкус отбирает, талант исполняет.

Гастон де Левис

Знакомьтесь: дорогая редакция

2

10 лет в центре внимания

6

Людмила Петрушевская

Это поколение-82

*И тут... случился Лицей... Это был другой мир, другие книги, разговоры...
иные взаимоотношения с педагогами, с каждым особенные...*

7

Панорама

Уроки Лихачева

*Жизнь сложилась так, что большинству из нас он запомнился пожилым человеком,
настоящим российским патриархом, многое повидавшим и многое передумавшим*

19

Этимологический словарь

**15–16, 26, 62,
91–92, 194, 207**

Новости образования

Мир не стоит на месте...

«Все об образовании, все для образования!» –

вот девиз Российского образовательного форума

27

«Global education – Образование без границ-2007»

29

**Главная тема
НАШИ ЛЮДИ**

Александр Пентин

*Его можно назвать отцом-издателем ЛГО. Учитель с большой буквы, ученый,
занимающийся педагогической наукой, и потрясающе талантливый журналист*

Метаморфозы времени

33

Учебное исследование и то, что им не является

45

Биология одаренности

51

Алексей Любжин

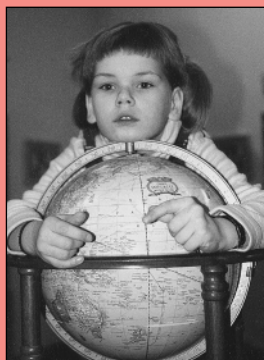
*Человек-ретро, литературовед, переводчик, он является постоянным автором ЛГО.
Он именно филолог, а не просто «пишущий» человек*

Оставить в покое недостижимое

65

Так живет весь цивилизованный мир...

71

ГЛАВНАЯ ТЕМА

10 ЛЕТ О РАЗУМНОМ, ДОБРОМ, ВЕЧНОМ

Гаянэ Амбарцумян

Удивительная женщина, сочетающая в себе педагогический талант, необыкновенный дар рассказчика и артистизм, чьи публикации всегда вызывают неподдельный интерес читателя

35 лет в заточении

Три разных судьбы, три похожие смерти...

Правдивые выдумки

**79
93
105**

Татьяна Михайлова

Директор Лицея, бессменный руководитель ЛГО на протяжении десяти лет, главный редактор и вдохновитель Портала школьной прессы. Энергия и неистощимая фантазия ее вызывают искреннее удивление коллег

Новеллы об учителях

Роза ветров

Зачем учиться?

Учитель оценивает ученика

Анкета для мэтра

Он был с квадратной головой...

**119
133
161
166
173
181**

Игорь Гуртовенко

Врач-гомеопат, твердо убежденный, что поставить истинный диагноз, ориентируясь только на симптомы болезни, невозможно. Прекрасный собеседник, чьи интересы простираются намного дальше медицины

Не опускайте Канта в прорубь

Разрешите себе поболеть

**185
189**

София Бер-Тамоева

Активная, очень обаятельная женщина, обладающая уникальной способностью все делать талантливо. Будь то организация выставки, написание сценария или редакция самого скучного текста

«Это опасная штука – нырять в себя. Можно и не вынырнуть»

Про лицей, или, точнее, про класс, похожий на стаю шумных и говорливых птиц...

**197
203**

**Новеллы
об учителях**

119

Лицей – это тот водораздел, который отделяет нас от нас – тех, какими мы были в тот день, в солнечно-бликовый день вступительных испытаний, и тех, какими мы стали теперь, со всеми нашими достоинствами и недостатками

«Это опасная штука – нырять в себя. Можно и не вынырнуть»

197

Говорят, что раньше психология была наукой о душе, а теперь стала наукой об ее отсутствии

«Восьмой урок»

Подписной индекс – 20822

ТЗ «Сценарий интеллектуального турнира» (ИТ)

Постеры

Подписной индекс – 81149

Правильное питание школьников

Дипломы

Брошюры

Подписной индекс – 81154

Воспитание автора и читателей

Учитель. Поведение и характер

10 лет в центре внимания

Пилотный номер ЛГО вышел в свет в 1997 году. Помните те времена? Наверное, все умеющие чувствовать ход истории ощущали себя в середине 90-х на переломе эпох. Коммунистическая, очевидно, сдавала позиции, постепенно уходя в небытие. Новая приближалась, обещая исполнение самых смелых желаний, освобождение от оков прошлого и, как именно тогда и стали говорить скептически настроенные шутники, «сбычу всех мечт».

Мы помнили, что оставалось позади, и повторения прошлого не хотели. Что мерещилось нам впереди? Казалось, что уж теперь-то – только пережить смутное время, и все будет так, как надо...

Но «как надо» все мы понимали по-разному. И планы строили разные.

В те 90-е годы многое начиналось заново, в том числе и в школьном деле: гимназии, лицеи... Идея журнала, посвященного этой особой ветви школьного образования, витала в воздухе. Ведь в стране после почти векового перерыва каждый год открывались новые учебные заведения, ориентированные не на массовое, а на иное – более качественное, более (слово из тех же времен) «продвинутое». Поначалу это были единичные примеры, плоды усилий отдельных энтузиастов, но уже вскоре стало ясно – перед нами серьезное явление, достойное столь же серьезного изучения.

Журнал возник как попытка разобраться в сути предмета: что, в самом деле, представляет собой образование лицейско-гимназическое и в чем его отличие от просто хорошего школьного? Существует ли у этих особых образовательных учреждений своя особая педагогика? И правильно ли мы делаем, используя исторически утвердившиеся названия для совершенно новых школ, пытаясь провозглашать идею преемственности там, где справедливее было бы говорить о новаторстве?

Вот какие темы дискутировались в первом, пилотном выпуске ЛГО: «Зачем изучать математику в гуманитарной школе? Многим непонятно, почему надо заниматься здоровыми детьми в школах... Можно ли решить проблему перегрузок уничтожением аудиторных часов? Как вы относитесь к понятию «элитное образование»? Оно не вызывает у вас аллергии?» Собственно, любую из них можно заново обсуждать сегодня, ведь образование – процесс, в котором ничто не может быть решено раз и навсегда, в котором каждое положение требует корректировки в зависимости от обстоятельств, места и времени.

Главные проблемы образования и сейчас остаются в центре внимания ЛГО. И хотя журнал постоянно меняется, то уходя в научно-популярную область, то приобретая черты литературно-художественного издания, он остается верен своей основной теме. И, конечно, своей аудитории – учителям и администрации лицеев и гимназий, работникам управлений народного образования, ученым и методистам, всем, кто профессионально интересуется школой, и, разумеется, самим школьникам, гимназистам, лицеистам и их родителям.

В юбилейном выпуске ЛГО представлены статьи авторов, которые все эти десять лет сотрудничали с журналом и регулярно публиковали статьи по самым разным темам. Актуальность многих из их материалов ничуть не поблекла за прошедшее время, и, надеемся, найдет своего заинтересованного читателя и сейчас.

Предлагаемый выпуск – своего рода дайджест, где под одной обложкой собраны наиболее яркие публикации десятилетия, или, иными словами, наш отчет о проделанной работе.

Мы будем рады, если он доставит вам интеллектуальное удовольствие, подскажет новые идеи или поможет ответить на вечные вопросы педагогики. Ведь в деле образования, как известно, ничто не может быть установлено окончательно.

Ваша редакция

Людмила Петрушевская

Наша дочь родилась в последний год правления Брежнева. Это были баснословные времена, другая эпоха.

Через двадцать дней после ее рождения у меня закрыли спектакль в Ленкоме, «Три девушки в голубом», и премьера состоялась только когда ребенку было уже три года с гаком

ЭТО ПОКОЛЕНИЕ-82

Собственно говоря, Наташа к этому времени успела сменить троих руководителей партии и правительства: упомянутого Брежнева, больного водянкой Андропова, а также неходячего Черненко, и жила уже при правлении улыбчивого, молодого и здорового, хотя и подозрительно малограмотного Горбачева.

При кратком правлении Андропова начали сажать без разбору, лагеря были переполнены так называемыми «хозяйственниками», т. е. теми, кто зарабатывал больше секретарей райкомов КПСС (кто не знает, что такое КПСС, – Коммунистическая партия Советского Союза, а кто не знает, что такое Советский Союз, СССР – это Союз Советских Социалистических Республик, их было 16 штук, включая почти европейскую Прибалтику, Украину с морями, фруктово-винную Молдавию, весь мирный Кавказ и тихую, спящую под дождем ядохимикатов среди хлопковых полей Среднюю Азию), а также лагеря были полны читателями запрещенной литературы.

Когда Наташе был год, как раз и наступил андроповский 37-й год, и у нас посадили друга, и мы стали тоже готовиться к обыску, пораздавали все книги и рукописи знакомым. И не было человека, который бы отказался взять опасный груз. За хранение и распространение давали до 5 лет лагерей.

Андропов помер, затем воцарился совсем уже хромой на голову Черненко, его за руки водили (на глазах включенной телекамеры) к урне голосовать, но он успел объявить «Год письма», вернее, за него объявили и начали отвечать на письма трудящихся. Я написала письмо Черненко (с уведомлением о вручении), что у меня закрыли спектакль неизвестно почему, и «Трех девушек в голубом» опять посмотрели (его смотрели регулярно раз в полгода, но решения не выносили никакого). Опять не разрешили, на том уже и Черненко помер.

Кстати говоря, про этот каскад похорон в народе ходил анекдот: «У вас есть пропуск в Колонный зал на похороны?» – (гордо): «У меня абонемент!»

Именами усопших тут же называли города. Хороший город Рыбинск стал г. Андропов. Возник город Устинов (в честь покойника маршала). Была жуткая байка, как телефонистка междугородки кричит на весь зал: «Андропов, вас вызывает Устинов!» (мертвец мертвеца). Про ушедшего Черненко (его звали Константин Устинович) ходил следующий анекдот: «Стали думать, как в его честь назвать Одессу. Черненкоовск – мрачно, Устинов уже есть. Э, переименуем Одессу в Константинополь!»

Итак, Наташе исполнилось три годика, и явился Горбачев. Это был четвертый и последний Наташин партийный руководитель КПСС, и вдруг наш спектакль в Ленкоме разрешили, мы ликовали, на общественном просмотре в театре толпа зрителей прорвала ограждение, смела дружинников (одному сломали руку) и проникла на второй этаж в пальто.

Никто не верил, что послабление пришло надолго, старались успеть. Вообще все было как в последний раз, даже когда давали сыр или подушки, толпы ломились.

И действительно, через полгода спектакль опять закрыли, теперь уже лично член Политбюро КПСС по фамилии Лигачев. Спектакль разрешили только через полгода. Лигачев прославился одним – фразой в адрес Ельцина: «Борис, ты не прав». Теперь и это забыли.

Ни Наташа, ни все эти деятели не подозревали о существовании друг друга, а вот в моих воспоминаниях руководители всего-навсего ее современники. Так странно устроены родительские глаза!

Когда Наташа еще ходила в садик, наш средний, Федя, написал после уроков на доске: «Да здравствует тысячелетие крещения Руси!» Классная руководительница позвонила нам с возмущением и наткнулась на меня, а я молча передала телефон мужу. Все, что я услышала (и классная) от нашего горячего папы, могло заставить верующего перекреститься, а неверующего вздрогнуть. Феде пришлось уйти из этой английской школы.

Когда Наташе исполнилось семь лет и в классе надо было вступать в октябрята, Наташа не пошла в этот день в школу. Прогуляла и дополнительный набор в октябрята, который устраивался позже для плохих, отстающих учеников. Учительница заподозрила что-то неладное, назначила индивидуальный прием. Беспартийная Наташа со слезами и в этот день отказалась идти в школу.

Дети из соседних классов ходили на нее смотреть как на ту девочку, «которая не любит Ленина» (формулировка учительской).

Но шли новые времена, и нас не вызывали к директору, и ребенка не исключили, как когда-то попросили из школы Федю и, еще раньше, моего старшего, пятиклассника Кирюшу, который на обратной стороне тетради, где была клятва пионеров, во фразе «пионеры преданы идеалам коммунистической партии» переправил, разумеется, «преданы» на «предали», плюнув на неверный падеж «идеалам». Кроме того, само собой понятно, он исправил слова «пионеры хранят память» на «пионеры хоронят». Что тут было! Один папаша, майор, произнес на родительском собрании, куда меня вызвали, вескую формулировку: «сахаровщину разводят». Да, рядом с клятвой пионеров Кирюша изобразил еще и виселицу! Не в том смысле, в каком ее изображал Пушкин с подписью «и я бы мог», а просто они играли в слова с дружкой.

С тех-то пор я боюсь школьных собраний.

Итак, Наташе семь лет, она учится в музыкальной школе, барабанит «Савка и Гришка сделали дуду», носит косички, смотрит «спокуху», а на ночь папа читает им с Федей Библию или я рассказываю очередную сказку. Кончилась война в Афганистане! Это было счастье.

Многие из поколения Кирилла были там. Некоторые остались в горах навеки, искромсанные, о горе.

Вскоре Наташа начала ходить в детский церковный хор.

В первую же минуту путча 1991 года Наташа свалилась с высокой температурой, мгновенно отошла – так ее напугали наши крики и слезы. И болела все три дня, пока папа с Федей не ворвались в дом с криком: «Они бежали! Гекачеписты дунули!» И тут же она ожила и встала.

Тем не менее тень голода нависла над нами, в магазинах ничего не было. Но законы стали либеральней – разрешалось теперь покупать дома в деревне. (Раньше ничего было нельзя, и, чтобы приобрести избу, приходилось обманывать закон, составлять какие-то липовые доверенности или выписываться из города и прописываться на селе, причем с устройством на работу в колхоз! Тоже было вроде рабства.) Но, повторяю, вышло послабление в законах. На гонорар от невышедшей книги мы купили дом в Дубцах Меленковского р-на Владимирской области, и следующие четыре года подряд (пока не заболела моя мама) мы с Наташей (а иногда приезжали и папа, Федя, Кирюша и его дети – Маша с Анютой) проводили там лето. Сажали, пололи, собирали, поливали. Кормились с огорода.

Наташа носила воду сначала в маленьких пятилитровых канистрах, а потом стала стесняться – все дети смотрят – и стала носить по два огромных десятилитровых ведра от колодца, как взрослая. Начала говорить, как все местные, на «о». Она «сОбирала ягОды, грибы», водила за собой команду голопузой малышни, дико боялась пауков и смотрела на звездное небо. Говорила: «Я трепещу перед небом». Крестилась, взглянув на икону. Как все, говорила «ихово» вместо «ихнее» и употребляла глагол «заеывать». В деревне у Наташи объявился малолетний жених, Ефимка. Один раз мы даже нашли на крыльце ветку смородины с ягодами (результат набега на чужой сад, видимо, в своем садочке аккуратные деревенские дети не озоруют, не рвут ягоды вместе с веткой). Наташа сказала «дурак». В деревне Наташа сочинила свой первый и единственный верлибр: «Трава лелеет мои ноги, и полный луг цветет».

Это были странные, чудесные времена. Вдруг открылась государственная граница.

Большую часть своей жизни мы сидели в своей стране, как в лагере, огороженные колючей проволокой. Стремление поехать за границу считалось попыткой побега. За такие дела сажали. Ходили слухи о смельчаке, который переплыл Черное море и вылез на берег в Турции! Если бы его выловили из воды наши, дали бы ему восемь лет лагерей.

За границу мы ездили в Литву и Эстонию. И вдруг – мы не верили своим ушам! – ворота лагеря открылись.

Мой старший, Кирюша (год рождения 1964), мало где бывал (в крайнем случае в Коктебеле или автостопом в Прибалтике), он ходил в обычную дворовую школу (у нас с мужем были демократические взгляды, пусть живет как все), хлебнул много чего (в частности, учительница первого класса меня вызвала и тяжело произнесла: «Вы последите за ним. Чой-то он самый умный в классе»). А на пятом году его обучения опять-таки учительница литературы тоже вызвала меня и низким голосом сказала:

– А вы знаете, что он Достоевского читает?

Я ужаснулась такому разоблачению и стала отрицать, но напрасно.

– А «Бедных людей»! – победно сказала учительница.

Дело происходило в темном коридоре школы, у женского туалета.

– Да вы что! – воскликнула я. – Он только до смерти студента Покровского дочитал, заплакал и бросил.

На дворе стояла холодная весна 76-го года, Федя только родился, до Наташи было еще шесть лет.

Кирюша, рожденный в 1964 году, уже с 16 лет работал в больнице, четыре года пахал санитаром в реанимации, учился в университете, служил дворником

в подземном переходе, и только когда КПСС отдала концы, стал работать переводчиком и журналистом.

Зато Федя с Наташей – другое поколение – ездили со мной в разные страны, куда меня приглашали, поскольку детей мне не с кем было оставить, а Россия, открывшаяся для мира, всех интересовала. И приглашающая сторона была согласна даже на младших родственников.

Дети учили языки, пели в опере музыкальной школы. Федя ставил рождественские вертепы и спектакли, Наташа в них играла с полутора лет, и, когда приходили гости, Федя немедленно вешал занавес в коридоре, рисовал билеты на клочках, давал «три звонка», сажал гостей на расставленные стулья... Это были длинные импровизации, и мы щедро хлопали. В двенадцать лет Федя стал выпускать свой журнал, в тринадцать начал работать на телевидении, в шестнадцать в отделе выпуска газеты «Коммерсант».

Наташа, поколение-82, немногословно требовала конфет, жвачки, мороженого и Барби, как у Оли Самойловой.

В результате у нее появилась кукла Барби, одинокая, недорогая, из стран народной демократии, с суставами на заклепках, любимая. Для нее мы построили из ящика домик, делали с Наташей стулья и кровати, шили (весьма коряво) ей юбки и клеили шляпы. Кукла вскоре облысела после очередного мытья головы, но все равно осталась любимой, даже когда моя переводчица привезла Наташе шикарную, настоящую Барби. Боже, какие сериалы Наташа закатывала с подружкой Анечкой при участии трех их «Барбей»! Маленькие артистки сидят на полу, глаза туманные, щеки румяные, куклы меняют наряды и разговаривают фальшивыми голосами, какими вскоре запищали и задудели героини мыльных опер, поскольку все роли дублировала одна несчастная актриса за малые деньги и говорила то колоратурой, то дородным нутряным басом, во всех случаях неестественно.

Поколение-82 отличалось нелюбовью к каше и супу, обожало кока-колу, чипсы и телевизор, ненавидело уроки физкультуры, математики и обществоведения и тяжело, с боем читало требуемые по программе книжки. Любило это поколение только Карлсона, Мумми-троллей и Пеппи – Длинный Чулок, а также мультики (любые).

Музыкальную школу наша девочка окончила на четверки, жутко волновалась на экзамене. Для отчетного концерта мы с ней купили на рынке ее первое в жизни модное платье – черное сверху, цветастое снизу, длинное. Она согласилась надеть бусики. Мы, глотая слезы, смотрели из зала, как она выходит к роялю, словно к гильотине, обреченная несчастная пианистка. Как склоняет свои светлые волосы над клавиатурой, и ее пальчики, как сосульки, тюкают по клавишам, хорошо, что по нужным.

Ну что же, вздыхали мы, эта младшая наша совершенно подавлена своими шумными старшими братьями и суровыми родителями. Что же, она будет жить тихо. Будет кофе подавать в офисе директору.

Однако в дальнейшем, в шестнадцать лет, она пела со своей группой «Люди собрались» совершенно бесстрашно в любом зале. Это уже произошла смена шкурки.

Как все родители, мы старались таскать детей по музеям, по городам, по интересным знакомым – но дети в своих наушниках нас не слушали. Хорошо, что успели поучить их той, другой, классической, музыке и языкам еще в пору, когда они были обучаемы и послушно ходили в школу.

И тут в нашей жизни случился Лицей.

В руки – так велела судьба – лег интересный журнал, выпускаемый одним московским лицеем. Он восхитил всю нашу семью. Мы позвонили по указанному телефону. С нами говорили прекрасным голосом. Наташа прошла тестирование

и была принята. Началась совершенно новая школьная жизнь, лицейская. На церемонии вступления в звание лицеиста дети спели «Гаудеамус» (тот, который я пела в университетском хоре, – больше никто не знал этих слов в округе, боюсь сказать, скольких квадратных километров).

Наташа, знавшая до тех пор банальный школьный расклад – уроки, перемены с драками, выволочки от классной руководительницы, никакого просвета и принесенные домой синяки, – расцвела. Это был другой мир, другие книги, разговоры. Это были иные взаимоотношения с педагогами, с каждым особенные. От восторга, умиления до сопротивления и слез. Крики по вечерам: «Где у нас Мандельштам?! (Ахматова, Пастернак и т. д.). Куда все подевалось?!» Приходы из музеев, из кино. Беготня по друзьям. Разговоры. Приготовление уроков лежа на полу. Взросление.

Поколение-82 вылезло из старой шкурки, высохло, вылупило глазки и шасть вон из дому! Жить!

Как они при этом успевают учиться, читать своего Кастанеду, танцевать ночи напролет, слушать любимые группы, готовиться поступать кто куда, болтать по телефону, посещать музеи, кино, театры, есть бутерброды с одним вареньем, болтаться в «секонд-хэндах», общаться, подрабатывать где кто может, даже в телевизионных передачах, кататься на роликах, мыть (очень редко) посуду, что-то рассказывать родителям в восторге, ходить хвостом за старшими друзьями, бриться налысо, делать колечки, браслетики, писать какие-то статьи, учиться фотографировать, учиться рисовать, учиться петь джаз и «сводить» виниловые пластинки в подражание диджеям!

Нельзя сказать, что эти дети не боятся ничего, они видят вокруг себя эти перспективы – истощенных иглоукалывателей, цинковые ящики из армии и много еще чего.

Но дети так спешат все понять, они знают компьютеры, технику, музыку, уже на всем покатались и, как любые новые существа, мгновенно принимают каждое любопытное предложение. На них работают целые индустрии. Заколачиваются миллиарды. Это они – надежда рекламы. Со всех сторон тянутся услужливые руки с сидюшниками, видеокассетами, кепочками-маечками, ботинками и штанами, сигаретами, таблетками и шприцами... Денег, правда, нет. Денег нет страшно, вплоть до разборок с родителями, которые недосчитались денег в кармане... Но появляются друзья, которые готовы на все. Угощают, принимают. Водят в ночные клубы. Звонят, забивают стрелки. Интересуются их жизнью.

Дети дали мне пейджер, когда я лежала в больнице. И на него стали приходить совершенно чужие сообщения (кто-то «прицепился», как сказал Федя).

Любопытства ради я переписала часть из этих переговоров:

- Дима, позвони Даниилу домой.
- Дима, возможно, мы с тобой не услышимся сегодня, если есть возможность, позвони после 24 домой. Даниил.
- Дима, мне нужно «Джохан Бленд». Да-да, это именно та вещь, кот. Мамедов крутил вместе с «Дельтой». Поможешь, Арт.
- Выходи на улицу. Николай.
- Заходи быстрее, Дима.
- Дима, мы выезжаем. Брякни мне на мобайл. Арт.
- Срочно позвони, пожалуйста, мне домой. Николай.
- Дима, ты не торопись, я за тобой заеду и напрямую поеду в «Манхеттен».
- Ведь на самом деле, Дима, самое главное я тебе не сказал, а прошла уже практически неделя.
- На домашний, Дима.
- У шлагбаума в семь. Николай.
- У шлагбаума в восемь. Николай.

– Нужен срочно. Где ты, Николай?
– Дима, к сожалению, задерживаюсь. Возможности встретиться не будет. Перезвоню завтра.

- Армен, срочно позвони в «Ромашку».
- Паша, позвони 7623150. Эдик.

Этот Дима, видно, уже ушел. От родителей – к друзьям. И если раньше все зависело от семьи, то теперь все будет, как скажут Эдик-Паша-Арт и странный Николай у шлагбаума. Они чем-то зарабатывают на жизнь. И Дима им нужен.

Теперь они будут вести Диму по жизни.

А что же поколение-82?

За два-три последних года это поколение проделало огромный, невероятный путь (та самая «смена шкурки») – от мирного семейного сосуществования, которое проходило под бочком у мамы со всхлипом «ты знаешь, оказывается, у меня нет друзей» до «ма, я сегодня не приду, буду готовиться к экзаменам».

От жизни, когда детки под боком, а родители заняты простыми вещами: уложить ночью и поднять утром, а вечером встретить у метро, и это не считая накормить-загнать в ванну-приготовить вещи на утро-как уроки-освободить телефон-опоздаешь-опаздываешь уже...-во сколько кончаются уроки-обед на плите-почему все осталось-вынеси мусор-вынеси мусор-вынеси мусор, кому говорят!!! – до робкого родительского «ну ты хоть позвонишь?»

Ты позвонишь нам, поколение-82? **лго**

Педагогические перлы

Выписано нашим редактором из разных методичек

– Прошу слова! – закричал вдруг кто-то...

– Нате вам слово, – сказал председатель

Из Булгакова

Дизайн утвари.

На этом неблагоприятном фоне идет процесс депрофессионализации воспитателей, а само воспитание упрощается до примитива.

Есть воспитание криминальной среды, со своими ценностями, правилами, лидерами и методами.

От учащихся требуется обуздание негативных, агрессивных или враждебных реакций, и на них налагается ответственность за такое обуздание.

В бескомпьютерной ситуации даже незначительное исправление может потребовать несоразмерно больших усилий (переписывания целых страниц).

Школа должна быть для всех и стать максимально школой для каждого.

Противоречия в мировоззрении современного ученика и ценностями учителя порождают проблемы в педагогической деятельности.

Несколько слов о том, что мы можем сделать еще лучше в будущем.

Молодость быстро летит: лови уходящее время.
День миновавший всегда лучше, чем нынешний день
(Овидий, «Наука любви»)

Útendúm (e)st aetáte, citó pede lábitur áetas:
Néc bona tám sequitúr, quám bona príma fuít
(*Ovidius. Ars amandi*)

Этимологический словарь

ВЕЩЬ И СЛОВО

Занимаясь этимологическим разбором слов, мы всегда выходим за рамки просто этимологии. Разумеется, обойтись без словарей невозможно, но дело в том, что разнообразные лексиконы дают лишь отдельные упорядоченные значения слов и никогда не способны научить пониманию. Понимание — это проникновение, создающее или, точнее, открывающее целостность смысла. В европейской философии XX в. был мыслитель, которого обыкновенно обвиняют за частое и неоправданное использование этимологий в своих размышлениях; однако в одной своей фразе он очень строго показал отношение мысли к происхождению слов. «По-настоящему дело здесь и в прочих случаях обстоит не так, что наша мысль питается этимологией, а наоборот, этимология неизменно обречена на то, чтобы вспоминать прежде всего о сущностных отношениях того, что неразвернутым образом именуют слова словаря как слова мысли». Безусловно, этимология — это наука, и в этом качестве ее необходимо уважать, но кто сказал, что она обязана замкнуться в себе и слушать только свой собственный голос?

Говоря «вещь» и «слово», мы, как правило, слышим «предмет» и «обозначение». Без этого, скажем, семиотике обойтись трудно. Радикально звучит повседневный язык: «Это все споры о словах, давайте же перейдем к делу!». Действительно, слово — всего лишь слово, *flatus vocis*, а вещь — это вещь. Мы могли бы еще долго приводить примеры, иллюстрирующие эту оппозицию, но наша задача заключается в другом. Важно увидеть, что противоположность не так безусловна, как кажется на первый взгляд, и что слова и вещи во многих языках связаны друг с другом тесными древними узами.

Оба слова возникают из той области, которая отнюдь не безразлична для человека, а затрагивает самое его существо — отсюда, где речь идет о жизни и смерти. «Глаголю же вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный» (Матф. 12, 36). Здесь *ἀποδώσουσι λόγον* позволяет услышать совершенно иное понимание слова, относящее нас к ситуации суда, по-гречески «кризиса». Людей неминуемо спросят, призовут к ответу, и они должны будут «дать отчет» за свои слова как за свои поступки. Сократ, находясь перед своими судьями, как свидетельствует платоновская «Апология», тоже говорил о требовании дать отчет (*λόγον δίδόναι*), причем нельзя было прибегнуть к чему-то более весомому, нежели слова.

Теперь послушаем, о чем может поведать вещь. Оказывается, что она тоже непосредственно сопряжена с местом, где творятся суд и правда. Немецкое слово *Ding* происходит из области германского права. В древневерхненемецком *thing*, *ding* относились к собранию свободных людей на суде. Средневерхненемецкое *dinc* вплоть до конца Средневековья означало слушание дела в суде, противоборство, судный день; *dinc-hof* — двор, на котором проходили ежегодные судебные разбирательства, *dinc-stuol* — судейское кресло. Это древнее значение до сего дня живет в шведском *ting* (суд), норвежском *storting*, датском *folketing* (парламент¹).

Так мы догадываемся, что вещь и слово происходят из одного истока, характер которого — первое захватывающее, вызывающее человека до всякого решения. И не случайно, что их единство проявляется в пространстве фундаментальных отношений между людьми — в лексиконе государства и права. В глаголе *вещать* славянскому уху это единство слышится вполне конкретно. У Даля ему даются такие толкования: «сказывать, говорить, объявлять, поведать», причем новгородская форма *вещевать* значит «осуждать». В *вещать* тот же корень, что в древнерусском *вече*. В церковно-славянском языке форма множественного числа слова «вещь» часто употребляется в значении государственных дел и скрывает в себе индоевропейский корень со значением «говорить» (ср. польск. *rzecz* и русск. *речь*²).

На вечевой сходке или на суде слово, сказанное ответственно, без сомнения, приравнивается к самим вещам. Не стоит забывать и о тех весьма серьезных отношениях, которые именуют выражения вроде «государево слово и дело» или «*Cosa Nostra*». И там и здесь вещи задевают и проникают в нас через слова, а слушая и произнося слова, мы заняты самими вещами **ЛГО**

Александр Михайловский

¹ Заметим, что само слово «парламент» от фр. *parler* (говорить).

² Ср. лат. *vox* (голос), др.-инд. *vākti* (говорит, рассказывает).

Этимологический словарь

ДЕНЬГИ

В немецком языке существует одно весьма показательное различие между *Geldstück* (монета) и *Geldschein* (банкнот). Первое относится к звонкой монете, второе — к видимости денег, к тому, что только кажется деньгами, но на самом деле «не имеет веса». Заглянув в историю названий денежных единиц, мы сможем увидеть, на чем основывается это различие.

Английское слово «*dollar*» происходит от *daler*. Оно восходит через голландский язык к немецкому обозначению крупной серебряной монеты. Слово «*Thaler*» (талер) возникло как сокращение от *St. Joachimsthal*¹ — местечка в Богемии (ныне *Jáchymov*), где с начала XVI в. чеканили эту монету на серебре, добывавшемся на знаменитых местных рудниках. Любопытным образом два корня этого сложного топонима дали равнозначные всходы на почве разных языков. Ведь отсюда происходит и распространенное в XVII — начале XVIII в. столичное обозначение крупной серебряной монеты — ефимок (от первой части слова). Один торговый устав второй половины XVII в. ясно свидетельствует о том, как Московская казна, наподобие современного Центробанка, играла на разнице стоимости денег и так же радела о «валютной выручке»: «Пошлина с продажи и мены иностранных товаров 2 алтына с рубля; с русских товаров, отпускаемых иноземцами в свои государства, по гривне с рубля; но если иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, то ему пошлин с них не платить, и что купит на золотые и ефимки, то везет в свою землю беспошлинно. Все эти золотые и ефимки в порубежных городах иноземцы должны отдавать в казну, из которой получают за них русские мелкие деньги: за золотой по рублю, за ефимок любский по полтине».

Русское слово «рубль» первоначально обозначало не денежную единицу, а кляп или отрубок. Корень со значением «рубить» указывает на возникновение рубля (с XIII в.), как продолговатого серебряного слитка или половинного обрубка гривны (слово употреблялось в Москве). Гривна же (или гривенка) вплоть до XVII в. имела значение веса, и употребляемые в письменных памятниках выражения «гривна серебра», «гривна золота», «гривна кун» подразумевали не монеты или их аналоги, а определенную меру веса (фунт).

Равнозначной московскому «обрубку» денежной единицей была марка. Это слово восходит к средневерхнемецкому *marc, marke* — «полфунта серебра или золота; знак». Откуда такая идентичность смыслов? Дело в том, что в средневековье марка исходно представляла собой начальственную отметку на серебряном слитке, что было впоследствии перенесено на сам слиток, а позднее и на монету установленного веса². Подобный процесс наблюдается во многих языках. Для сравнения можно привести итальянскую лиру, *lira* (от латинского *libra*, вес³), а также английский фунт, *pound* (от лат. *pondus*). В Новое время вес и, соответственно, ценность монет постоянно уменьшались, пока не достигли совершенной условности, определяемой другими вещами и подчиненной другой, отвлеченной игре цифр.

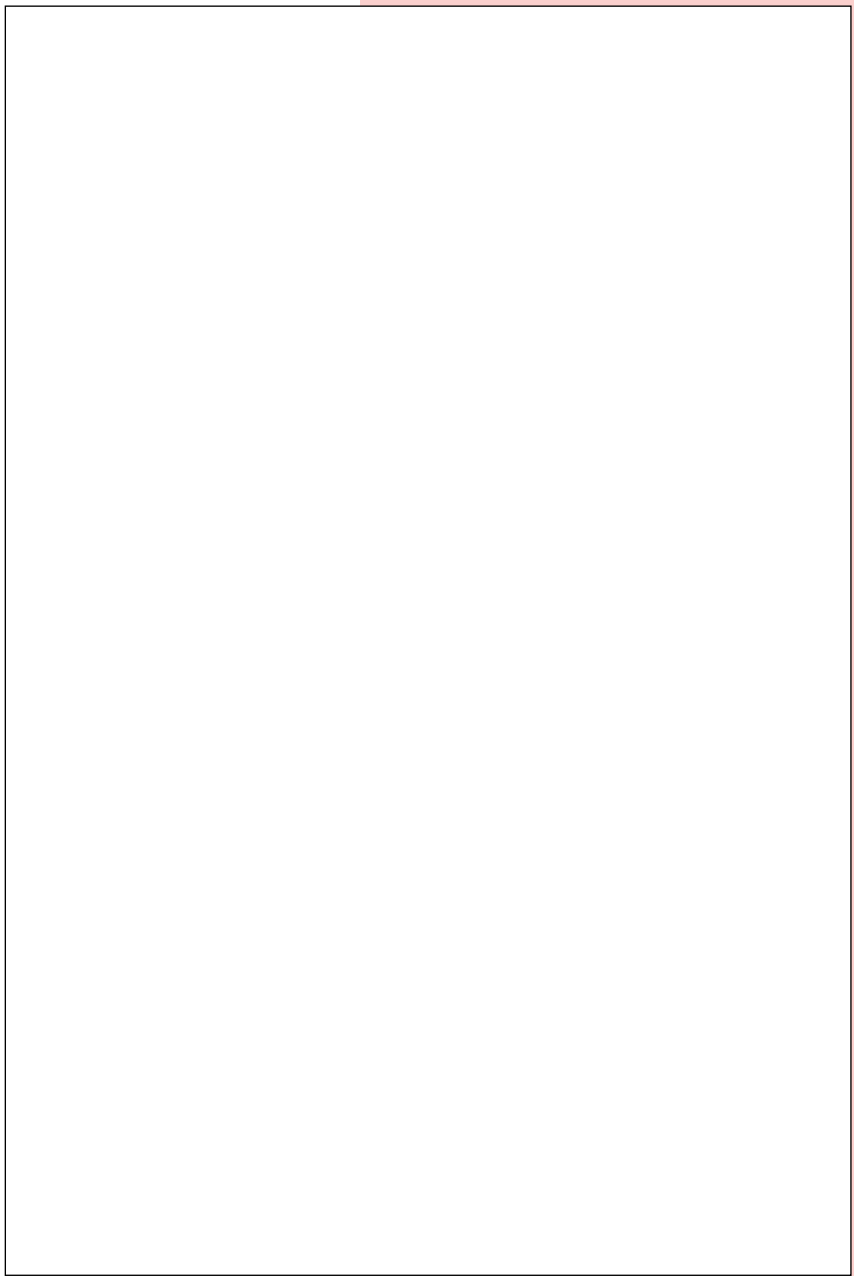
Вспоминая различные экономические операции и процессы из мировой экономической истории Нового времени, можно с уверенностью утверждать, что деньги одновременно являются и фикцией, и наиболее реальной величиной, в которой выражается стоимость. Из конкретной, «весомой» величины, измерявшейся в коровах, шкурах или слитках, деньги, а через них и то, для чего они служат эквивалентом, превратились в предмет спекуляций, т. е. приобрели как бы созерцательный, идеальный характер. Трудно сказать, когда и как произошло ослабление этой связи с вещественной основой, но именно оно создало необходимые условия для того, чтобы возникли биржевые комбинации, подобные бесконечным музыкальным композициям, и деньги, подобные приливам и отливам неизмеримого моря. Очевидно, что весы и рука едва ли сгодятся для того, чтобы определить, сколько фунтов в этих магических нулях бизнеса **ЛГО**

Александр Михайловский

¹ В переводе с немецкого — «долина святого Иоахима».

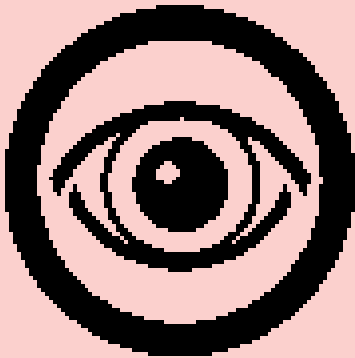
² Что касается французского *franc*, то свое название он получил от среднелатинского девиза «*Francorum rex*» — «король франков», который чеканился на первых монетах этого рода, изготовленных в 1360 г.

³ В весовом отношении лира изначально равнялась фунту меди.

Уроки Лихачева

Панорама

В конце 2006 года в московской гимназии № 1503 прошла открытая городская научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Д.С. Лихачева. Состоялся интересный и волнительный разговор о личности Дмитрия Сергеевича, о его многогранной научной и общественной деятельности. И прежде всего – о преподанных им уроках доброты, человечности и порядочности

УРОКИ ЛИХАЧЕВА

*«Увы, таких людей мы больше не увидим»
Из сочинений гимназистов Петергофской гимназии*

Представляете ли вы себе Дмитрия Сергеевича Лихачева двадцатилетним? Пятнадцатилетним? Жизнь сложилась так, что большинству из нас он запомнился пожилым человеком, настоящим российским патриархом, многое повидавшим и многое передумавшим. Наверное, именно это обстоятельство до некоторой степени отдаляет от него сегодняшних школьников – что им, молодым, рассуждения того, кого даже их учителя и родители не могут представить иначе как старцем? Сфера научных интересов Дмитрия Сергеевича, древнерусская литература, тоже не из тех, что занимают первые полосы газет; его характерный слог далек от нынешнего, да и манера выражать свои мысли разительно несовременна. Какие уж тут могут быть точки соприкосновения?..

УЧЕНИКИ И КОЛЛЕГИ

Открывая конференцию, Стелла Николаевна Цимбалюк передала слово ее взрослым участни-

кам – тем, кто был связан с Дмитрием Сергеевичем профессиональными интересами и может рассказать о собственных, не книжных, а непосредственных-личных впечатлениях.

Для Владимира Николаевича Захарова – студента-филолога семидесятых, а ныне доктора филологических наук, заместителя директора Российского гуманитарного научного фонда – встреча с научными трудами Дмитрия Сергеевича Лихачева была неизбежна. Подготовка доклада по «Слову о полку Игореве» переросла в спор второкурсника и ученого-литературоведа. «Я так понял (неправильно понял, сразу же признаюсь), что Дмитрий Сергеевич настаивает на его фольклорном происхождении. В поздних трудах я нашел как раз то, что доказывал в своей студенческой работе: «Слово» – авторское произведение».

Рассказ Владимира Николаевича стал на конференции первым мостиком, перекинутым из времен уже прошедших ко дню сегодняшнему. Как ни старательно изучали гимназисты жизнь

и деятельность Лихачева при подготовке собственных выступлений, некоторые факты наверняка оказались для них неожиданными. О том, что работа о преимуществах старой орфографии, наполовину всерьез, наполовину в шутку написанная еще в студенческие годы, послужила поводом для ареста Дмитрия Сергеевича и последующей отправки в лагерь, — знают сейчас все.

Если слово является началом дела, общением, то в ложном слове, слове-штампе заключена величайшая опасность, которой постоянно пользуется дьявол.

А вот о том, что современная текстология утверждает необходимость аутентичного переиздания книг Достоевского в дореволюционной орфографии и авторской пунктуации, извест-

но менее. Лихачев написал всего три статьи о Достоевском и при этом сделал столь серьезные открытия в его поэтике, что Международное общество изучения Достоевского избрало его своим почетным президентом. Уже девяностолетним старцем Лихачев стал руководителем комис-

сии по информатике в Пушкинском Доме, занимался внедрением информационных технологий в филологию.

Таковы тоже не слишком широко известные обстоятельства.

Владимир Михайлович Константинов, профессор МГУ, доктор биологических наук, назвал Лихачева символом эпохи: «Все, что происходило со страной, происходило и с ним». Как и все в стране, Дмитрий Сергеевич не понаслышке знал, что такое война (его вывезли из блокадного Ленинграда в 1942 году в крайней стадии истощения). Как очень и очень многие, прошел через лагерный ад (сначала Соловки, затем Беломорско-Балтийский канал) и чудом остался в живых. Злая гримаса советской власти: как только филолог Лихачев покинул Соловки, туда тут же был привезен философ Флоренский. Всего же, напомним, счет шел на миллионы, ведь по политическим мотивам в период с 1930 по 1953 год в лагеря было отправлено более трех с половиной миллионов человек.

Пока в 20-х и в начале 30-х годов тысячами расстреливали офицеров, «буржуев», профессоров и особенно священников и монахов вместе с русским, украинским и белорусским крестьянством — все казалось «естественным» для горожан. Но затем началось «самопожирание власти», оставившее в стране лишь самое серое и безличное — то, что пряталось, или то, что приспосабливалось к террору.

Дмитрий Сергеевич большую часть жизни посвятил изучению древнерусской литературы, продолжив дело, начатое в XIX веке Федором Буслаевым, Николаем Тихонравовым, Елпидифором Барсовым. Собственно, в первую очередь благодаря Лихачеву тексты «Слова», «Моления Даниила Заточника» и летописей стали фактом русской культуры, перестав быть исключительным достоянием узких специалистов.

Филолог по определению кабинетный ученый. Казалось бы, исследователю поэтики древнерусской литературы сложно рассчитывать на внимание широких масс. Но парадокс Лихачева состоит в том, что, занимаясь проблемами, равно далекими как

от провозглашаемых коммунистических целей, так и от повседневных забот жителей Советского Союза, он оказался именно тем человеком, к чьим словам прислушивались все — и гуманитарии, и технари, и общественность, и власть. Он говорил донельзя простые вещи: что нельзя врать, что нужно в любой ситуации оставаться порядочным человеком, что надо беречь природу и хранить память.

«Нет ни одного лишнего слова, нет непонятного слова, — сказала Стелла Николаевна про духовное завещание Лихачева, известное под названием «Десять заповедей человечности». — Так просто. Так сложно, как жизнь». И школьники один за другим повторяли слова Лихачева, глядевшего в зал с портрета на экране: «Не убий и не начинай войны... Не помысли народ свой врагом других народов... Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба...»

Соглашались ли? Понимали ли?

«РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ»

Конференция продолжилась выступлением Ивана Скроботова из гимназии № 1 МИИТ, прочитавшего блоковских «Скифов». Читал он прекрасно, но именно благодаря этому стало вдруг совершенно ясно, что «Скифы» — произведение, максимально далекое от Лихачевского мироощущения. Ирина Юрьевна Юрьева, руководитель Пушкинской программы российского Фонда Культуры, сочла своим долгом отметить это в своей реплике:

«В данном случае Д.С. Лихачев был оппонентом Блоку и сторонником Пушкина, который говорил о европейском характере русской

культуры. Блоком в поэтической форме выражена крайняя позиция. Но мы должны помнить о том, что Лихачев был «русским европейцем», и что он никогда не отделял Россию от Европы. Он говорил, что между Россией и Европой нет разницы, кроме такой же, как, например, между французской и немецкой культурой. И русская культура настолько впитала в себя европейскую, что искоренить ее никакими веками татаро-монгольского ига невозможно. Кроме того, как специалист по древнерусской литературе он прекрасно понимал, что основа нашей культуры – Христианство. А Христианство не имеет ничего общего с Востоком».

Европейская культура — Культура
Общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре
России, должны принадлежать общечеловеческой
культуре через принадлежность именно
к культуре европейской.

У конференций в жанре «беседы о великом человеке» всегда есть опасность превратиться в череду славословий, где не прорваться к правде сквозь торжественные речи, венки и дифирамбы. Тем более, – когда речь идет о столетнем юбилее филолога. Тем более, когда речи эти произносят шестнадцатилетние мальчики и девочки.

«Дмитрий Сергеевич считал, что жизнь гражданина должна быть наполнена смыслом. Он был истинным патриотом», – говорят со сцены новые выступающие. Школьники волнуются, читают по бумажке, оглядываются на экран, и видно, что не все и не всегда толком понимают, что они читают и о чем говорят.

Это неизбежно, наверное: придется еще много прожить и продумать, чтобы понять, насколько

патриотизм Лихачева отличается от патриотизма каких-нибудь православных хоругвеносцев. Несчастливая судьба высоких слов: их повторяют из века в век, из поколения в поколение, и все равно никогда невозможно предугадать, что имеет в виду собеседник, произнося слова «добро», «честь», «патриот», «духовность», «память».

Мы в ответе перед временем и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почитания предков, но при этом, конечно, должны учитывать тяжелые последствия коммунистической антихристианской диктатуры.

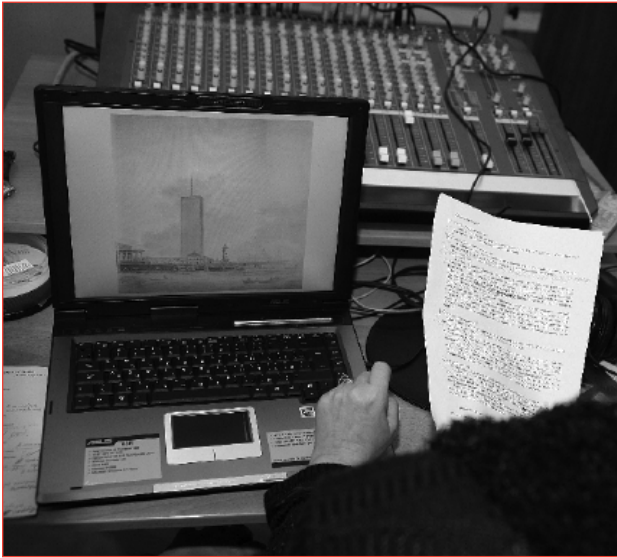
Кстати о памяти. Милые гимназистки, выступая с докладом о нравственном завещании Лихачева, произнесли много совершенно правильных слов о том, что помнить о прошлом есть обязанность культурного человека. Они сокрушались, что общество «забыло» о Победе, отпраздновав 60-летний юбилей, что память о Куликовской битве оживает лишь на время урока, что не ухожены кладбища и в запустении монументы... И не видели ничего странного в том, что сами они в уборке кладбищ и монументов не участвуют. Они иллюстрировали свое выступление фрагментами из документального фильма... И даже не подозревали, что не упоминать имен его создателей – значит проявлять те самые забвение и неблагодарность, от которых предостерегал их многократно цитируемый Дмитрий Сергеевич.

Все это говорит, однако, не о том, что Лихачев непонятен детям (так же непонятен он и многим-многим взрослым), а о том, что учить памяти, добру, нравственности – дело трудное, как подъем по ледяной горке: чуть ослабил усилия – и снова оказываешься внизу.

ПЕТЕРБУРГ ЛИХАЧЕВА

Никита Дейнега и Евгения Рутковская из Петергофской Гимназии императора Александра II говорили о петербургских корнях Дмитрия Сергеевича с особой гордостью, и потому особо выделяли интонацией второе прилагательное в выражении «представитель настоящей петербургской интеллигенции». Они попробовали проследить этапы судьбы Дмитрия Сергеевича по улицам Санкт-Петербурга, начав с дома № 42 на Невском, где еще в 1794 году поселились предки Лихачева, и где прошло его детство. На экране сменяли друг друга страницы

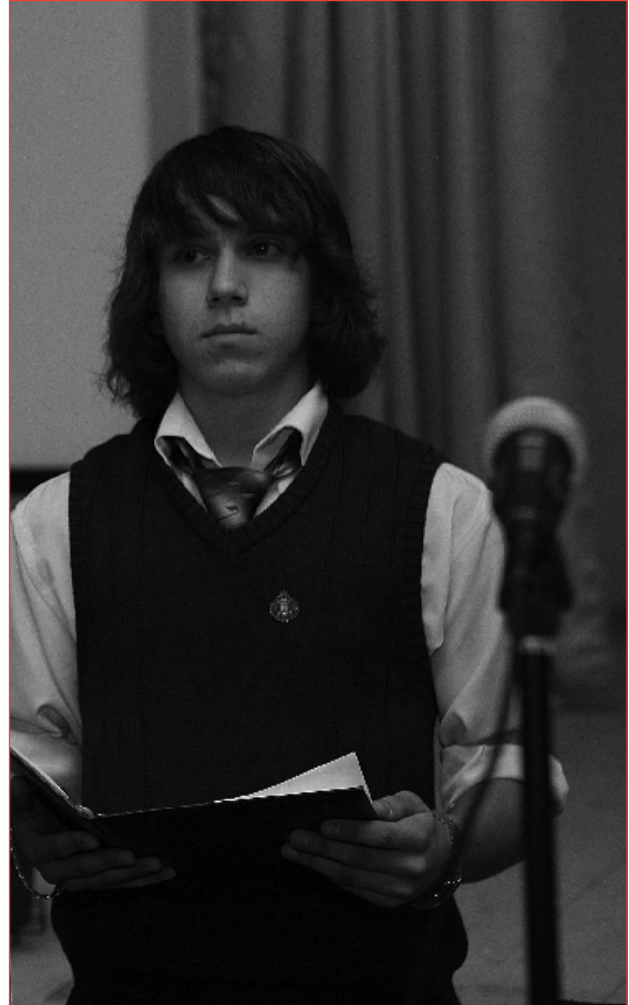
электронной презентации: Мариинский театр, Петропавловская крепость, школа Карла Мая, где «швейцар приветствовал учеников по-немецки, а прощался по-итальянски, уча вежливости собственным примером».

Петербургцы помнят Лихачева не только как филолога, но, может быть, даже в большей степени, как человека, едва ли не в одиночку противостоявшего бездумным планам городских властей по перестройке Санкт-Петербурга. Иногда, как в случае с башней на Васильевском острове, ему удавалось остановить чиновников, иногда, как в случае с передвинутым-таки портиком Руска возле Гостиного двора, не вполне.

Впервые задумался о мечте — Возвратить Естественное Имя для города на Неве. Это стало делом моей жизни с этого года. Пройдет немного лет, и я вновь буду жить в Санкт-Петербурге. Имя Ленинград для меня ненавистно своей лицемерной подлостью.

Как выяснилось, гимназисты считают необходимым продолжать лихачевскую линию защиты города, а потому выступают решительно против строительства газпромовского небоскреба, который, по их мнению, разрушает архитектурный облик Петербурга.

— Скажите, а как вы определяете, разрушает новое здание облик города или нет? — спросил я Никиту Дейнегу, говорившего с убежденностью человека, не ждущего от башни Газпрома ниче-

го хорошего. — Когда Кваренги совсем рядом с барочным Смольным собором Растрелли построил свой классицистический Смольный институт, пострадал ли от такого контрастного соседства архитектурный облик Санкт-Петербурга?

Никита лишь чуть-чуть задумался, но тут же нашел ответ:

— Если мы говорим о демократии в нашей стране, то надо руководствоваться мнением жителей. Население не было опрошено. Нас не спрашивали — строить или не строить.

— Вы заранее уверены, что получится очередная бездушная коробка?

— В проекте есть определенная красота, но он не впишется! Я бы отводил для таких зданий другие места. Устраивать новый Петербург лучше за пределами его исторической части.

— Создавать новый центр, не разрушая старый?

— Именно так.

Ирина Юрьева,
руководитель Пушкинской
программы российского
Фонда Культуры

— Ирина Юрьевна, насколько верно нынешние школьники понимают, чем был для нашей культуры Д.С. Лихачев? Нет ли опасности, что, относясь к его имени с почтением и повторяя произнесенные им слова, они, тем не менее, останутся внутренне чужды его урокам?

— То, что я услышала, свидетельствует как раз об обратном: ребята воспринимают Лихачева как своего современника. Самое главное, что они восприняли из его заветов — активная позиция по защите культуры, памятников истории.

Дети очень хорошо чувствуют, насколько современны работы Лихачева. Может быть, древнерусская литература от них далека, и выступления по такой теме несколько академичны, но думаю, что они к ней еще придут. Человечность древнерусской литературы — это еще у них впереди.

Несомненно, они поняли главное: Дмитрий Сергеевич — наш современник, он активный защитник современной культуры. И опираясь на его имя, они выражают свою граждан-

СВЯЗЬ КУЛЬТУР

На конференции говорили не только о самом Д.С. Лихачеве. Связь многих выступлений с именем русского филолога была не тематической, а идейной: его подход к изучению литературы, его отношение к культуре преломлялись то в рассказах о путешествиях по России (учителя гимназии № 1503 Л.Н. Дорохина и А.И. Парамонович), то мультимедийного проекта, посвященного Витебску (Филипп Лукьянец, гимназия № 4, Витебск).

Екатерина Федорова из Московского культурологического лицея № 1310, напротив, выступила с исследованием «Сравнения в лирике Пастернака — «фейерверк поэтической праздничности» (Д.С. Лихачев)». Работа полностью выдержана в русле научной традиции Лихачева, полагавшего задачу филологии в том, чтобы учить такому пониманию текстов, которое за языковыми явлениями помогает увидеть отразившуюся в текстах жизнь. При аналитическом изучении лирических стихотворений Пастернака выяснилось, что 80 процентов сравнений выражены оборотом со сравнительным союзом «как» или «словно» («гроза, как жрец, сожгла сирень»), и 20 процентов — творительным падежом существительного («туман отовсюду нас морем настиг»). Отсюда автор делает вывод, возможно, не бесполезный для понимания и преподавания столь тонкой материи, как поэтический текст — сравнения в стихах Пастернака не только непривычны, парадоксальны, загадочны, но и выполняют специфическую роль. Они создают у читателя ощущение праздника «в тот момент, когда сравнение берет верх над истинным смыслом».

Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Ольга Бурунова из Витебска (гимназия № 4) рассказала о белорусских переводах «Слова о полку Игореве», которые вряд ли стали бы возможны без кропотливых усилий, предпринятых Дмитрием Сергеевичем. Маленькая подробность — как правильно перевести слово, обозначающее взимаемую дань и по-русски звучащее почти как «белка» — показала гигантскую сложность переводческой задачи, диктуемой «Словом». В переводе Н. Заболоцкого звучит так:

*И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора...*

Но в белорусских говорах есть близкое слово, означающее девушку, рабыню на продажу — стало быть, вовсе не о белках говорил автор «Слова». И в переводе Рыгора Бородулина восстанавливается историческая справедливость. (О превратностях текста «Слова о полку Игореве» упоминал и Владимир Михайлович Константинов, сказавший несколько слов о знаменитой «зигзице». По его мнению, птица, с которой сравнивается горющая Ярославна, — это не «кукушка» Заболоцкого и не «чайка» Солоухина, а чибис — птица, кричащая «Чи вы? Чи вы?» над мертвыми телами павших воинов.)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Конференция длилась весь день и наверняка оставила след в сознании и душах участников. На следующий день имя Дмитрия Сергеевича Лихачева снова возникло на страницах Интернета, но уже совсем в другом контексте. Виктор Шендерович в «Ежедневном журнале» рассказывал о беспробудной человеческой глупости, о дебрях древних предрассудков и свежих зарослях идиотизма, растущих со скоростью сельвы, — и заметил, что «человеческая тропа, ценою судьбы, а иногда и жизни прорубленная каким-нибудь Чаадаевым или Лихачевым, зарастает за сутки.

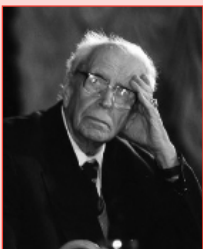
Значит ли это, что не стоит рубить тропу?»

Наверное, стоит.

скую позицию. Об этом говорили и московские дети, и дети из гимназии Петергофа. Если бы был жив Дмитрий Сергеевич, он бы очень порадовался, поскольку сам он поручал молодежи весьма ответственные дела. Например, однажды он поручил одной из студенток написать статью в «Правду». Причем рекомендовал ее так: «Я давно знаю этого человека, она вам напишет...» И когда потом выяснилось, что «давняя знакомая» 80-летнего человека — юная студентка, была, что называется, сцена из «Ревизора»...

Лихачев сотрудничал с двумя школами Петербурга, приглашал детей потрудиться в рукописном отделе Публичной библиотеки. Один из школьников нашел неизвестные документы времен Петра Великого и опубликовал их: так у школьника появились текстологические, археографические, научные работы.

И современные дети, на мой взгляд, — достойные наследники Дмитрия Сергеевича Лихачева.

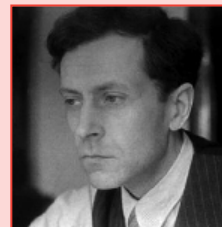

Дмитрий
Сергеевич
Лихачев

[15 (28) ноября 1906, Санкт-Петербург — 30 октября 1999, там же] — российский ученый-литературовед и общественный деятель, академик РАН (1991; академик АН СССР с 1970), Герой Социалистического Труда (1986).

В 1928–1932 гг. был репрессирован, узник Соловецких лагерей. Фундаментальные исследования «Слова о полку Игореве», литературы и культуры Древней Руси, проблем текстологии. Книга «Поэтика древнерусской литературы» (3 издание, 1979). Эссе «Заметки о русском» (1981). Работы о русской культуре и наследовании ее традиций (сборник «Прошлое — будущему», 1985). Председатель правления Российского международного фонда культуры (1991–1993; председатель правления

Советского фонда культуры в 1986–1991). Государственная премия СССР (1952, 1969); Государственная премия Российской Федерации (1993).

В статье использованы материалы сайта
<http://www.vivarussia.ru/Books/2203.HTM>

Этимологический словарь

ИСКУССТВО

Искусство — франц., англ. *art*, итал. *arte* от лат. *artem* (форма вин. п. от *ars*), нем. *Kunst*. Современное значение (творческий процесс и его результаты в определенных, достаточно традиционных областях) является относительно поздним. Проследим за развитием концепта в основных европейских языках.

В греческом языке сферу искусства в современном ее понимании описывает слово *τέχνη*, его латинское соответствие — *ars*. Однако это более широкое понятие, нежели его аналоги в современных европейских языках. Спектр его значений — *ремесло, искусство, наука*. Слова Сальери у Пушкина: *Ремесло / Поставил я подножием искусству* —

можно, конечно, перевести на древние языки, но это потребует значительного напряжения фантазии: античность склонна отождествлять ремесло, искусство и науку, а не противопоставлять их друг другу, да и сам пафос противопоставления ей был бы чужд и непонятен. *τέχνη* и *ars* как раз и описывают это тройное тождество. Кстати, тот же Пушкин весьма правильно поступил, отказавшись в «Евгении Онегине» переводить *Ars amatoria* как искусство любви, выбрав более правильный вариант — «наука страсти нежной»; Овидиево название типично для учебных пособий и пародирует заголовки риторических руководств *Ars oratoria*. В греческом мы можем наблюдать параллельный процесс: оба слова применяются для жанра учебника. Греческие *τέχνη ἐλεύθεραι* и латинские *artes liberales* — «свободные искусства», т. е. занятия, достойные свободного человека (не надо приписывать этому словосочетанию романтических и постромантических ассоциаций, связанных со *свободой творчества*) — составили основу именно научного преподавания в европейской школе, продержавшегося до конца XX столетия. Отметим также и то, что в представлении многих греков — как, напр., Платона — изобразительные искусства были делом ремесленников, такое же отношение господствовало в музыке, и лишь изящная словесность была вполне благородным занятием.

Для французского слова «*art*» эстетический аспект искусства — далеко не самый важный. Знаменитый словарь Литтре в качестве первого значения указывает «способ делать что-либо в соответствии с определенным методом и определенными процедурами». Как видим, здесь на первом плане именно ремесленный аспект. Потому и неудивительно, что в таком замечательном памятнике старофранцузского языка, как «Песнь о Роланде», мы встречаем словосочетание *males arz* — дурные науки, т. е. магия и оккультизм.

Второе значение у Литтре — единственное, пересекающееся с основным современным словоупотреблением. Сюда входят прежде всего «свободные искусства», поэзия и искусства механические. Дальше эстетики ожидать уже не приходится: либо «противопоставление природе» и «ловкость в достижении результата», либо устаревшее — «гуманитарные предметы и философия». Во французской системе ученых степеней *maître ès arts* (лат. *magister artium*) — тот, кто имеет право преподавать философию и словесность. Лишь с XVII века — отмечает другой знаменитый словарь — начали противопоставлять друг другу искусства изящные и механические, *beaux arts* и *mécaniques*; это противопоставление распространяется в XVIII столетии и подготавливает почву для научной эстетики (что бы ни понимать под этим словосочетанием).

Не иначе ведет себя *art* и в английском языке. Ключевое слово для объяснения — *skill*, сноровка (либо ее выставление напоказ или применение). Перечень значений оказался бы близок к французскому, и потому мы его не повторяем; отметим лишь великолепный шекспировский каламбур, основанный на сходстве этого заимствования из романского ареала с одной из ныне устаревших форм глагола to be:

Romeo (RJ II, iv, 94): *now art thou what thou art, / by Art as well as by Nature*.

Характерно, что значение «улаживания вкуса и творчества прекрасного», *gratification of taste or production of what is beautiful*, Оксфордский словарь английского языка дает под десятым номером и относит к периоду не ранее XVI века (в то время как коннотации «учености» свойственны *art* с раннего периода, с XIII столетия).

В немецком *Kunst* уже давно не слышится отзвук *können* (мочь). Однако изначально эта этимологическая связь присутствовала в языковом сознании. Прежде всего был актуален научный аспект (*wissen*), и, в первую очередь, это знание относилось к латинскому языку и связанным с ним дисциплинам. С XIV века фиксируется сближение с *philosophia, scientia, doctrina*; возникает немецкая калька *freie Künste* для латинского *artes liberales*. Слово тесно ассоциируется со школой и школьными науками — как в хорошем, так и в пренебрежительном смысле слова. Еще в XVIII веке Галлер писал:

Die Bücher, wo mein Geist von Kunst zu Künsten irrte, / Книги, где мой дух блуждал от науки к науке.

Есть у *Kunst* и его исходное античное значение ловкости и умения. Современное значение — эстетическое — начинает просматриваться с XV–XVI веков. Так, поэт XVI века писал:

O Gott, heiliger Geist, gib Kunst, / о Боже, Дух Святой, дай искусства.

С XVI–XVII вв. в немецком языке начинает выстраиваться связь понятия с изобразительными искусствами.

В древнерусском языке (до XIV века включительно) слово искусство не встречается; зато нередко фиксируется прилагательное искусный — причем с самого раннего периода, с XI–XII веков. Оно употребляется изначально в двух значениях: испытанный, прошедший проверку (искушенный) и опытный, знающий, умелый. Искусство как таковое появляется позднее. Развитие значения вполне параллельно европейскому: так, еще в начале XIX века А.П. Ермолов мог писать о превосходстве французских стрелков в «искусстве» (сейчас под «военным искусством» мы понимаем прежде всего деятельность полководца).

Безусловно, этот параллелизм не случаен, поскольку наши ходячие представления об искусстве и эстетике — весьма недавнего происхождения. Многие вполне добросовестно убеждены, что для классицизма главное «правило», в то время как его эстетика знает два первостепенных понятия — «красоты» и «недостатки», и правила касаются лишь того, чтобы избегать последних. С романтизмом пришла идея оригинальности (и, безусловно, не было более эффективно-го способа распространить в искусстве банальность и штампы). В антично-староевропейскую концепцию ремесла квадрат Малевича не вписывается; вопрос заключается только в том, с чем расставаться, — с концепцией или с квадратом? **ЛГО**

Алексей Любшин

В апреле прошлого года отметил свой юбилей Российский образовательный форум, который стал уникальным выставочным пространством. Все, кто имеет отношение к образованию, могли осуществить свои планы по поиску и налаживанию новых контактов, привлечению новых клиентов, абитуриентов и учащихся, обменяться новыми разработками и опытом по актуальным проблемам образования!

МИР НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ...

Нынешней весной в КВЦ «Сокольники» вновь откроется Российский образовательный форум. Он получил широкое признание среди учителей, методистов, ученых и студентов вузов и колледжей, школьников и их родителей, менеджеров в сфере образования и представителей средств массовой информации.

История зарождения Форума уходит в 1996 год, когда была проведена одна лишь выставка «ШКОЛА». Потенциал проекта накапливался годами, и сегодня он вполне оправдывает ожидания организаторов, что подтверждается возрастающим числом его гостей и участников. Последний Форум собрал 650 участников, а экспозиционные площади составили около 10 000 кв. метров. В слогане: «*Все об образовании! Все для образования!*» отражена суть выставки, ее стратегия.

За прошедшие десять лет Форум перешел на качественно новую ступень развития, свои приоритеты и цели он устанавливает в соответствии с вызовами времени. Ключевыми целями на сегодня являются: демонстрация эффективного, инновационного и в то же время доступного образования; поддержание и повышение престижа образования как национальной идеи и, конечно же,

представление результатов реализации первого этапа **Приоритетного проекта «Образование»** на всех его направлениях и уровнях отечественного образования! Главный стенд освещает все направления проекта «Образование». Основной раздел «**Школа**» предлагает вниманию посетителей презентацию стендов инновационных школ и вузов, лучших учителей. Главный стенд освещает все направления Приоритетного национального проекта «Образование» и результаты, достигнутые в 2006 году.

В рамках выставки «ПРОФИ» состоится «**Форум молодого специалиста**», организованный Фондом молодежных инициатив совместно с Управлением федеральной государственной службы занятости г. Москвы. В нем примут участие организации, занимающиеся вопросами социальной направленности и ориентации молодежи на динамически меняющемся рынке труда. Непосредственно на стендах посетители смогут получить *консультацию по профориентации*, подробную информацию о рынке труда и потребностях в специалистах, пройти тестирование и сдать пробный ЕГЭ, а желающие получить или сменить работу смогут посетить ярмарку вакансий.

Особое место на нынешнем Форуме займет экспозиция, посвященная **патриотическому воспитанию молодежи**, ее профориентации на военные профессии и организации начальной военно-профессиональной подготовки на довузовском уровне. Предпосылкой к созданию данного раздела стало возрождение в России системы кадетских корпусов и увеличение количества суворовских военных, нахимовских военно-морских и военно-музыкальных училищ. Все желающие смогут ознакомиться с историей создания, современным состоянием, достижениями и трудностями современного военного образования.

В ответ на растущий общественный интерес к проблеме преподавания основ православной культуры принято решение организовать тематический раздел **«Православное образование, воспитание, культура»**. Его основная задача – содействие в развитии православного образования российских школьников и демонстрация концепции православной педагогики, форм и методов ее воплощения. Для участия в проекте приглашены учебные заведения и общественные организации, имеющие опыт преподавания «Основ православной культуры», воскресные и при-

ходские школы и представители системы Духовного образования. Особенного внимания заслуживает круглый стол по «Проблемам нравственного воспитания в образовательных учреждениях и вопросам преподавания православной литературы», организованный Московской патриархией и издательством «ПРО-ПРЕСС».

В работе выставок примут участие представители Совета Федерации, Государственной думы РФ и других органов государственной власти, а также общественных организаций, руководители образовательных учреждений из различных регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья, видные ученые.

Дирекция приглашает всех желающих принять активное участие в Российском образовательном форуме, его двери всегда открыты для новых идей и предложений!

Дирекция
Российского образовательного форума
Тел./факс: (495)995-0595; 105-3483

В конце марта в Москве пройдет первый международный конгресс-выставка «Global education – Образование без границ-2007»

С 25 по 28 марта 2007 года в Москве в выставочном комплексе «Крокус Экспо» состоится завершающий этап высокотехнологичного проекта «**Global education – Образование без границ-2007**», старт которому был дан 5 октября 2006 года. Одновременно с выставкой пройдут пленарные заседания и круглые столы на образовательную тематику. Впервые выставка и конгресс будут проходить параллельно: в режиме реального времени и в сети Интернет.

«Конгресс-выставка online» предоставляет возможность любому человеку, имеющему доступ в Интернет, не только виртуально посещать с помощью сайта www.globaledu.ru выставочные стенды и пленарные заседания Конгресса, но и принять участие в конкурсной программе.

Проект реализуется Министерством образования и науки совместно с Российским союзом промышленников и предпринимателей при поддержке Общественной палаты, Совета Федерации, Российского Фонда культуры и Российской академии наук. Его цель – повысить информированность населения о ходе модернизации российской системы образования и реализации приоритетного национального проекта «Образование».

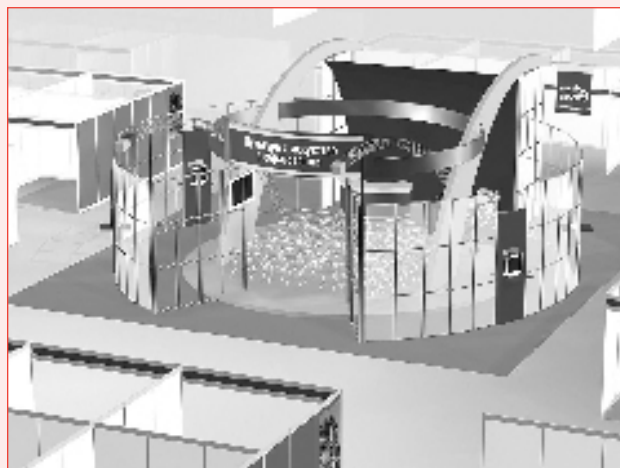
На выставке будут представлены все ступени, формы и виды образования. Особое внимание

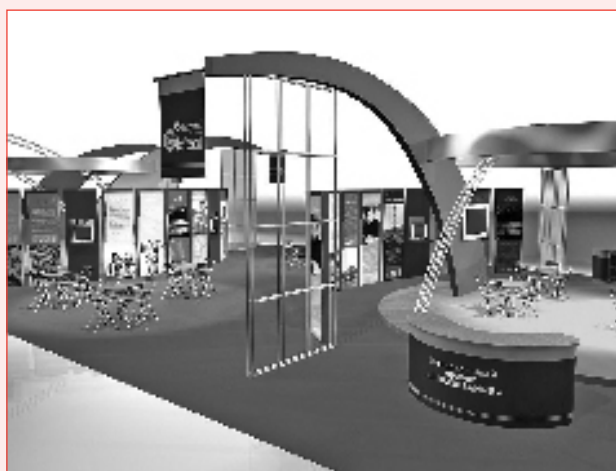
уделено опыту интеграции учреждений начального и среднего профессионального образования с крупнейшими производственными компаниями, а также различным направлениям информатизации образования.

Впервые заявлены проекты: «Интерактивная образовательная карта России», «Школа XXI века», «СПО XXI века», «Русская инженерная школа» совместно с Ассоциацией технических вузов, «Рабочие нового поколения». Данный проект, реализуемый Российским союзом промышленников и предпринимателей совместно с Министерством образования и науки, направлен на подготовку современных высококвалифицированных производственных кадров.

Одновременно на четырех площадках пройдут мастер-классы лучших учителей, презентации учебных учреждений, современных образовательных программ и методик.

Международный конгресс-выставка станет местом дискуссий представителей образовательных структур, бизнеса и общества о новых стандартах образования, об адаптации знаний, получаемых учащимися и студентами, к требованиям современного бизнеса, а также о новых формах частно-государственного партнерства.

Уже сейчас в рамках проекта «Global education – Образование без границ-2007» осуществляется целый ряд образовательных проектов, итоги которых будут подведены 25–28 марта 2007 года на выставке.

Среди них особое место занимает Интернет-поединок «Глобальный вызов», начавшийся 18 декабря 2006 года в Доме ученых. Известные российские ученые Евгений Велихов, Федор Митенков и Владимир Фортов, а также Майкл Тендлер (Швеция) и Антонио Луке (Испания) предложили молодежи решить ряд авторских работ в области физики. В борьбу вступили уже более 80 старшеклассников и студентов из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Новосибирска, Ярославля, Томска, Новосибирска, Казани и других городов России. К ним присоединились участники из Италии, Германии, Китая и Сингапура. Выполненные работы принимаются до 20 февраля, а 26 марта на выставке состоится разбор задач с авторами в интерактивном режиме и награждение победителей. Проект реализуется совместно с фондом «Глобальная энергия» и фондом Д. Зимина «Династия».

Для молодых дизайнеров 1 февраля 2007 года стартует проект «Формула света» – на лучшее световое оформление реального образовательного учреждения.

Огромный интерес вызвал продолжающийся конкурс фотографий и рисунков «Мир глазами детей». Работы в номинациях «Моя школа», «Моя родина», «Мир вокруг нас», «Моя семья», «Жизнь студента» присланы более чем из ста населенных пунктов страны. Специального приза удостоены ученики школы села Пивань Комсомольского района Хабаровского края за серию фотогра-

фий «Мастерок». Итоги конкурса будут подведены 11 марта 2007 года, а награждение победителей пройдет в ходе выставки.

В рамках проекта «Интеллектуал» 13 марта 2007 года для школьников пройдет первый тур Интернет-олимпиады по иностранным языкам, а завершится она 26 марта. Главный приз – двухнедельное обучение за рубежом в период летних каникул.

Для преподавателей из любого региона страны, имеющих доступ в Интернет, 13 и 16 февраля 2007 года пройдут два интерактивных урока информатики в рамках проекта «Всероссийский урок информатики». Компания Microsoft в режиме реального времени представит свою программу «Безопасность работы школьников в сети Интернет». Третий урок будет проведен для школьников 27 марта 2007 года на выставке.

Все интерактивные проекты в рамках подготовки и проведения проекта «Global education – Образование без границ-2007» осуществляются при участии компаний Golden Telecom, Microsoft, Panasonic, Hewlett Packard.

Организаторы проекта: группа компаний «Конкорд» при участии выставочной компании «Консэф». Генеральный телекоммуникационный партнер – Golden Telecom.

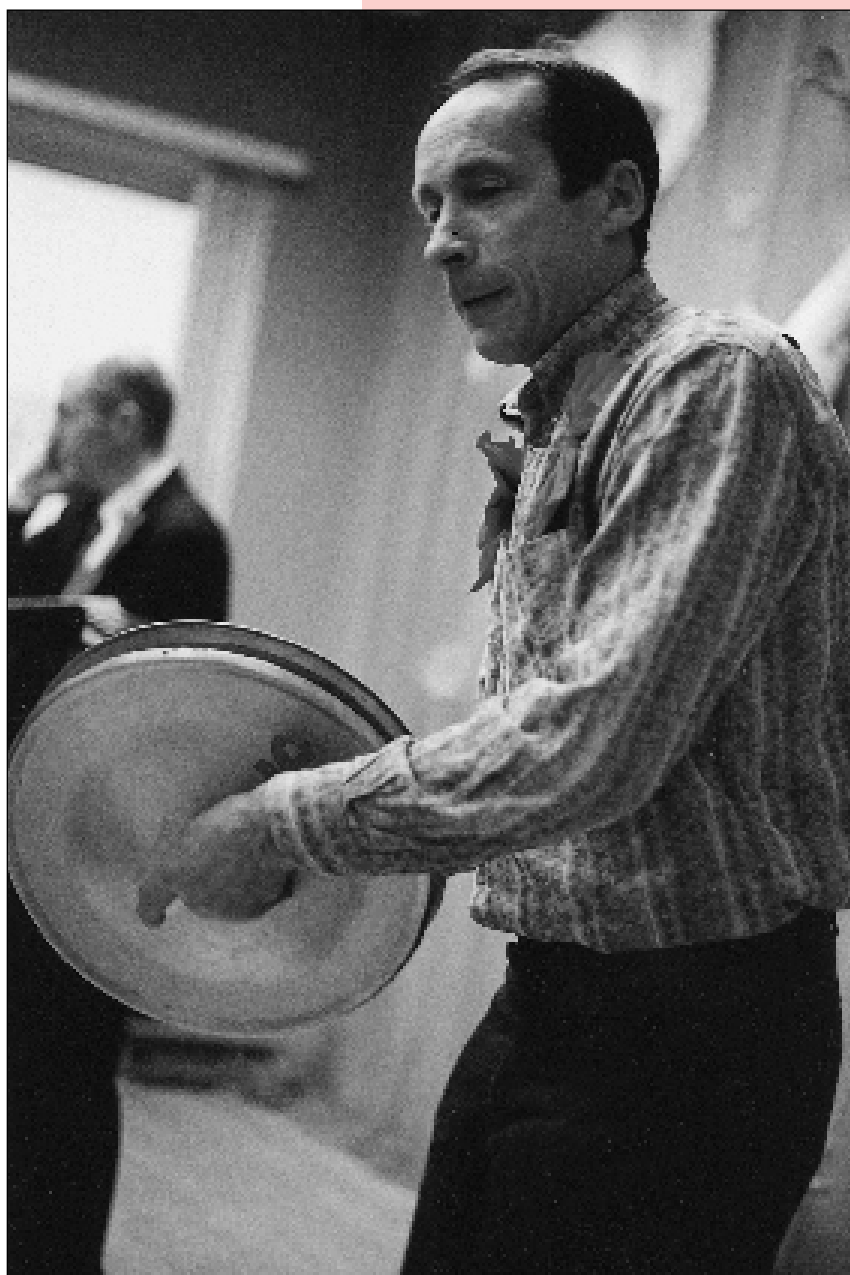
Контакты:

(495) 961-1199;

e-mail: efimova@globaledu.ru

Ефимова Светлана –

руководитель пресс-службы проекта

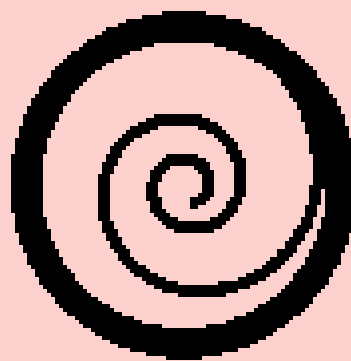

Метаморфозы
времени

Учебное
исследование
и то, что им
не является

Биология
одаренности

Наши люди.
Александр
Пентин

ПЕНТИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ

Его можно назвать отцом-издателем ЛГО: Александр Юрьевич был одним из главных редакторов журнала с 1997 по 2004 год. Разработчик концепций (он все любил переводить в концепции), прекрасно знающий и понимающий школу изнутри (как учитель) и снаружи (как ученый, занимающийся педагогической наукой). А еще и потрясающе талантливый журналист с идеальным речевым поведением. Его материалы всегда отличались глубиной и философским наполнением, хотя стиль их напрочь лишен вычурности и «заумности».

Главный принцип Александра Юрьевича как учителя физики заключался в уходе от скучной зубрежки. Вместо нее он предлагал изучать сложные явления и процессы с помощью элементарных предметов, кои в великом множестве всегда возникали из его портфеля. Взяв обычный карандаш, Пентин мог запросто демонстрировать детям законы аэродинамики в действии, диффузию или силу притяжения Земли. Он не возводил себя на пьедестал, был не где-то «над», а рядом. Обожал играть с ребятами в футбол и баскетбол. Ему вообще были интересны люди. Наверное, поэтому Александр Юрьевич тоже интересен всем, кто с ним знаком. Кстати, сам он себя считает истинным гедонистом, любящим поспать и хорошо покушать.

Вряд ли найдется человек, которого бы никогда не посещали мысли о времени. Но только у одних людей эти мысли не идут дальше некоторых банальных выводов, утвердившихся в языке в форме знакомых идиом, у других они дают начало все новым и новым размышлениям, которые, в свою очередь, могут воплотиться в произведения искусства, науки или философии

МЕТАМОРФОЗЫ ВРЕМЕНИ

Научные, художественные и «лингвистические» толкования одной темы

Казалось бы, очень велика разница между тем, что и как говорят о времени художник и ученый, поскольку вообще различаются характер их работы и способ мысли. Художник выражает свое представление ритмическим строем произведения, сюжетными трюками с прошлым и будущим, циклическими повторами, разглядыванием через «временной микроскоп» кратчайших отрезков или, наоборот, «сжатием» веков до мгновения. Художник свободен в обращении со временем, он даже может себе позволить играть с ним, хотя нам все же интереснее не столько эта игра (ибо количество этих игр все-таки конечно, и они неизбежно повторяются), сколько острота и даже болезненность его переживания времени. Ученый нуждается в строгости. Он и сам хочет знать точно, каково время, а потому придирчиво проверяет себя; но он же хочет, чтоб и другие по его выкладкам узнали то же, что знает он. Но не получается ли так, что вольные «игры» художников и строгие выкладки ученых в конечном счете оказываются подозрительно схожи? И не возвращает ли нас и то и другое ко все тем же знакомым идиомам, уже

перестающим быть после этого простыми банальностями?

Совсем недавно я присутствовал на юбилее одного учреждения, со дня основания которого отмечали 10 лет. Кажется, не маловат ли возраст для того, чтобы затевать юбилейные торжества? И как бы в ответ на подобные сомнения на церемонии то и дело звучали слова: «каждый год этой последней декады века в нашей стране надо считать за два...», «за это время столько всего произошло, что хватит на целую эпоху...», «время оказалось словно бы спрессовано...». Словно бы? Что это, все та же расхожая метафора, оказавшаяся удобной формой, для того чтобы выразить чьи-то субъективные ощущения? Или в этой характеристике времени – не истории, не психологии восприятия, а именно времени как такового – возможно присутствие какого-то объективного, научного смысла?

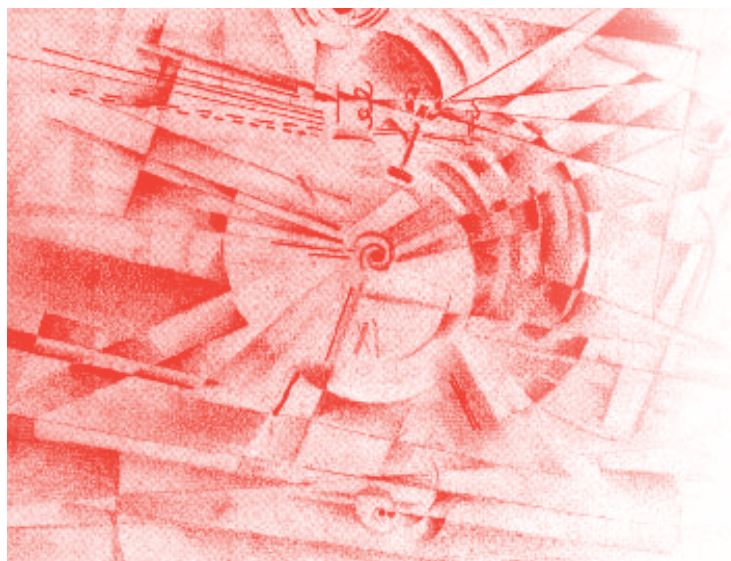
Когда мы говорим «время спрессовано», то обычно имеем в виду, что определенный промежуток времени, отмеряемый часами или календарем, вместил в себя очень много событий, очень

много впечатлений, очень много перемен. Гораздо больше, чем другие, такие же по протяженности промежутки. Но ведь на это же явление можно посмотреть с иной точки зрения. Само время уплотнилось, а потому и события оказались теснее «прижаты» друг к другу в этом спрессованном времени. Сожмите в кулаке булку с изюмом – и вы увидите на срезе, что плотность изюмин существенно увеличилась.

Признаки уплотнения времени (пусть читатель решает, использовать здесь кавычки или нет) видны не только на примере исторического периода, переживаемого Россией. Темп становится самодовлеющим фактором нашей цивилизации. Он совсем не обязательно работает на какой-то результат, способствует эффективности, но сам оказывается сутью и целью процесса. Темп (и резкость) движений современного танца, темп игры (в футбол, хоккей, даже в шахматы), темп операций, выполняемых пользователем компьютера (не говоря уж о профессионале), темп подготовки деловых бумаг, написания новых книг, создания новых фильмов... Искусство все чаще подчиняется только эстетике темпа, и никакой другой. Калейдоскопическая смена картин в современном повествовании фокусирует внимание читателя или зрителя только на действии, только там, где активно творится сюжет. Диалог, занимающий больше чем полстраницы сценария, кажется неимоверно затянутым. Мастерство актера уже совсем не в том, чтобы держать паузу, – все равно никто не станет вглядываться в его глаза. Романы, фильмы, а композиторы говорят, что и произведения серьезной музыки, становятся похожи на клип. Педагоги и психологи рассуждают о «клиповом мышлении» нынешних детей. Или, что почти то же самое, – «кликвом». Происхождение слова понятно: «кликают» (от *англ.* *click* – щелкать) «мышкой» компьютера, вызывая («выкликивая») ссылки гипертекста. Такой ребенок не способен читать традиционный учебник, потому что он привык «схватывать» сразу, а тут надо прочесть параграф от начала и до конца. От поколения к поколению не столько «разрывается связь времен», сколько меняется «оптика времени». Оптика старших приспособлена для глубокой проработки изображений – для них все еще важны нюансы в движениях души и мысли. Младшие¹ используют «широкоугольный объектив» – их картинка должна охватить как можно больше единиц действия.

¹ Понятия «старшие», «младшие» достаточно условны. Это скорее культурная, чем возрастная типология.

Кажется, что на рисунке Михаила Векслера «Звонящий будильник» можно увидеть неоднородную плотность времени

Однако существуют процессы, темп и ритм которых остаются практически неизменны. Земля всегда делает оборот вокруг Солнца за 365 с небольшим суток, а вокруг своей оси – за 24 часа, сердце совершает, как правило, от 60 до 80 колебаний в минуту, женщина вынашивает плод все те же 9 месяцев. Подобными устойчивыми процессами мы и исчисляем время. Это удобно, с ними легко сравнивать любые другие длительности. Но почему нельзя взять за эталон времени промежуток, через который появляется новое поколение процессоров или новая марка автомобиля? Такие промежутки будут постоянно уменьшаться, но как раз это и станет свидетельством того, что время цивилизации ускоряется. И все-таки подобные выводы останутся для нас не более чем метафорами, пока наука с присущей ей строгостью не ответит на вопрос:

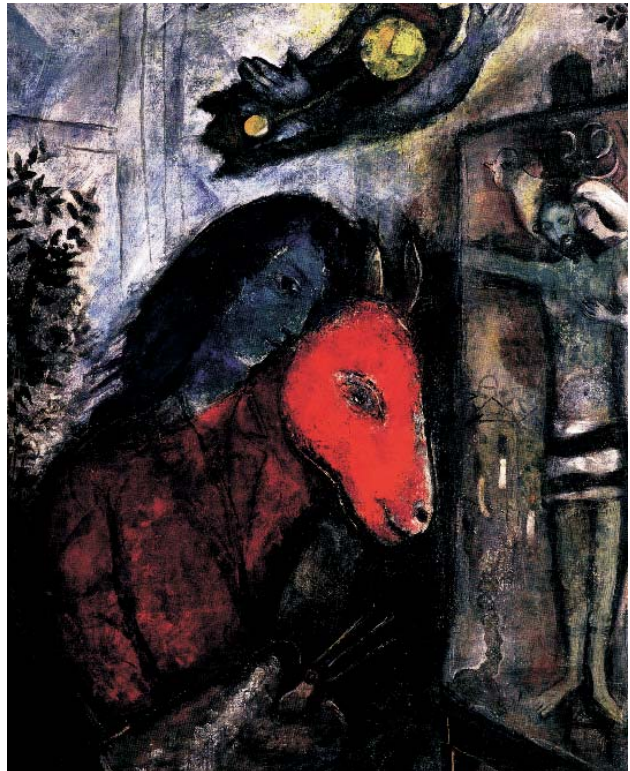
А МОЖЕТ ЛИ ВОООЩЕ УСКОРЯТЬСЯ ИЛИ ЗАМЕДЛЯТЬСЯ ХОД ВРЕМЕНИ?

Мы знаем, как на этот вопрос отвечает физика. Теория относительности говорит (а эксперименты и наблюдения подтверждают), что время действительно замедляется в некоторых особых физических условиях. Этими условиями являются огромные силы тяготения или огромные скорости движения. Часы, расположенные возле поверхности звезды (если представить, что они не сгорят), будут идти медленнее, чем такие же часы в открытом космосе. Точно так же часы, летящие

мимо нас почти со скоростью света, идут медленнее, чем часы у нас на руках. Разумеется, этого замедления времени никак не заметил бы человек, который сам находится в очень сильном поле тяготения или проносится мимо нас вместе с «летающими часами». Ведь он тоже существовал бы в темпе этого замедленного времени. Все эти странности мог бы заметить только сторонний наблюдатель, если бы он обладал соответствующими техническими возможностями. А при встрече этот наблюдатель мог бы, к примеру, сказать своему визави: «Знаешь, ты шевелился, как черепаха». Или: «До чего же медленно ты работал». То есть абсолютно то же самое, что сплошь и рядом говорят друг другу люди при вполне обычных обстоятельствах.

Действительно, с точки зрения логики довольно трудно сказать, чем, к примеру, случай, когда «старшие», наблюдая за «младшими», заключают, что их время устроено по-другому, принципиально отличается от типичных ситуаций, иллюстрирующих теорию относительности. Да и сам Эйнштейн, объясняя суть относительности, говорил: «Если вы сидите на раскаленной сковородке, то мгновение кажется вам вечностью. А если вы на свидании с девушкой, то час за часом проносится, как одно мгновение». Шутка, конечно, но в каждой шутке – всего только доля шутки... Известно, например, что пчелы «знают», в какое время суток определенные цветы выделяют нектар, и летят к этим цветам точно вовремя. То есть у них имеются хорошие «внутренние часы», основанные на каких-то физиологических ритмах в работе их организма. Так вот, эксперименты показали, что если пчел подержать в холодильнике, то они прибывают к цветкам позднее, чем нужно. И наоборот, если их содержали при повышенной температуре или кормили химикалиями, усиливающими обмен веществ, то они летели к цветкам слишком рано. Согласно другим исследованиям, примерно то же происходит и с людьми. Больному с высокой температурой кажется, что внешнее время (которое показывают, например, настенные часы) идет чересчур медленно, потому что его внутренние химические часы убыстрили свой ход. Так что все происходит почти в точном соответствии с шуткой Эйнштейна: повышение температуры ускоряет (или уплотняет) внутреннее время организма, а понижение температуры замедляет это время. Есть и другие факторы, которые могут влиять на ход внутреннего времени. Испытуемому, которого раскручивали в центрифуге, предлагали оценить, когда пройдет 20 секунд. При достижении центро-

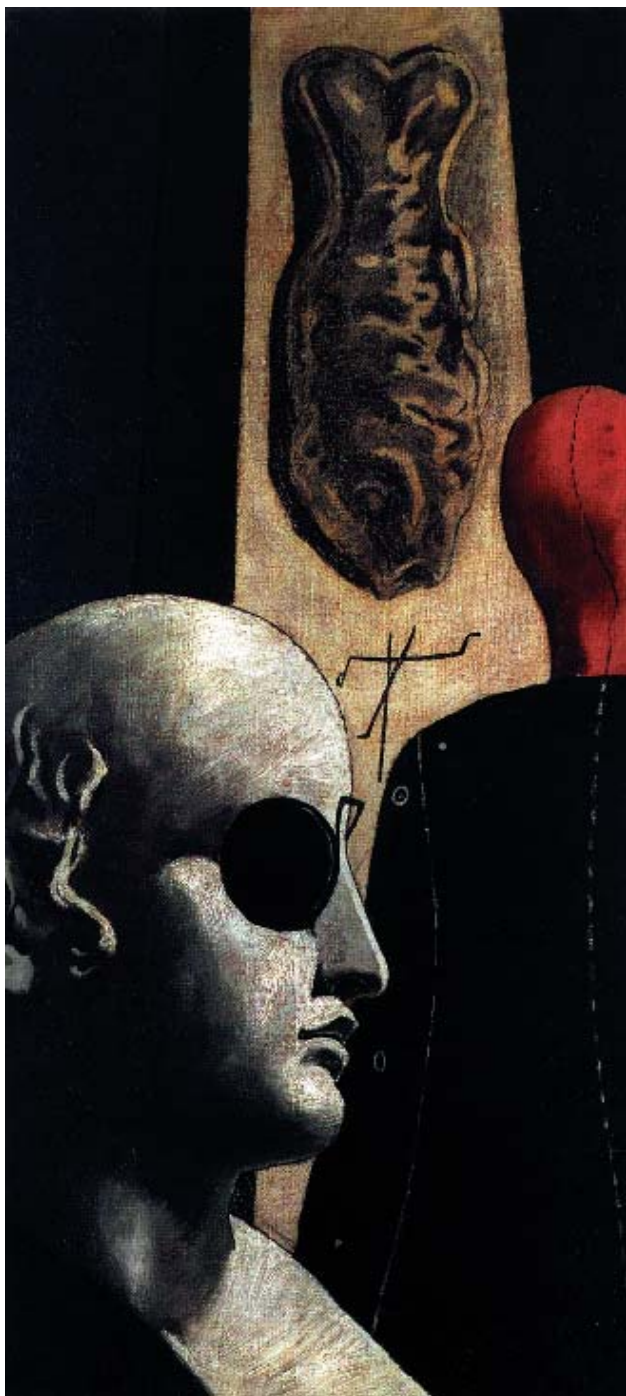
«Летающие часы» есть не только в теории относительности, но и в картине Марка Шагала «Автопортрет с несколькими часами. Перед распятием»

бежного ускорения в 3g он нажимал на кнопку уже через 13 секунд, тогда как в отсутствии ускорения он делал это приблизительно через 16 секунд (интересно, что и в обычных условиях человеку оказалось свойственно укорачивать достаточно длительные отрезки времени и, наоборот, удлинять очень короткие)².

А вот удивительный случай, который описан Павлом Флоренским в книге «Иконостас»³. Там рассказывается о сновидении некоего человека, в котором «спящий пережил чуть ли не год или более французской революции, присутствовал при самом ее зарождении и, кажется, участвовал в ней, а затем, после долгих и сложных приключений с преследованиями и погонями, террора, казни короля и т. д. был наконец вместе с жирондистами схвачен, брошен в тюрьму, допрашиваем, предстал перед революционным трибуналом,

² Ссылки на упомянутые выше исследования можно найти в книге: Уитроу Дж. Естественная философия времени. М.: Прогресс, 1964.

³ Я впервые узнал об этой поразительной истории из лекции знаменитого режиссера-аниматора Юрия Норштейна, на которого я еще буду ссылаться в дальнейшем.

Картина Георгия де Чирико имеет загадочное название «Ностальгия поэта». Может быть, это ностальгия по «утраченному времени», ведь глаз, смотрящий на нас, закрыт, а открыт, вероятно, тот, который обращен к символам прошлого

был им осужден и приговорен к смертной казни, возведен на эшафот, голова его была уложена на плаху, и холодное острое гильотины уже ударило его по шее...» – и в этот момент он в ужасе просыпается, как выясняется, от того, что сложилась железная кровать и ударила его по шее холодной никелированной спинкой. Если верить рассказу (а не верить нет оснований, потому что нечто подобное переживали разные люди, в особенности, как говорят, те, кто стоял на краю смерти, и за какие-то мгновения перед их мысленным взором пробежала чуть ли не вся жизнь), то получается, что многочисленные события целого года могли уместиться в долю секунды, отделяющую физический удар железом по шее от момента пробуждения. В экстремальных психических условиях, так же как в экстремальных физических (огромные скорости, огромные гравитационные поля), время повело себя как пластичный материал, поддающийся сжатию или растяжению. В случае, описанном Павлом Флоренским, время оказалось сжато до такой степени, что события, которые, согласно сюжету сна, последовательно располагались друг за другом на протяжении года, стали практически одновременными, и спящий «увидел» их все разом, словно перед ним разложили страницы с комиксом или развернули кинолентку с уже отснятой историей. Дальше – задание уже для «зрительной памяти», которой за предоставленные мгновения надо было «ухватить» как можно больше деталей. Чем больше их будет, тем дольше по времени будет длиться последующая изустная передача сна и тем длиннее будет казаться сам сюжет.

В этой истории есть еще одна важная особенность⁴. Причина сновидения, или толчок к разворачиванию его сюжета (удар железом по шее), оказывается в конце самого сюжета (в виде удара ножа гильотины), т. е. для спящего «кинолентка» как бы разматывалась от последнего кадра к первому. В отношении катушки с лентой не принципиально, откуда куда она разматывается (это зависит только от того, как ее перед тем смотали). Но если говорить о времени, то придется признать, что оно в этом сне промчалось вспять и лишь в последующем отчете сновидца было реконструировано правильное направление⁵.

⁴ Разумеется, эту особенность обсуждают и Флоренский, и Норштейн.

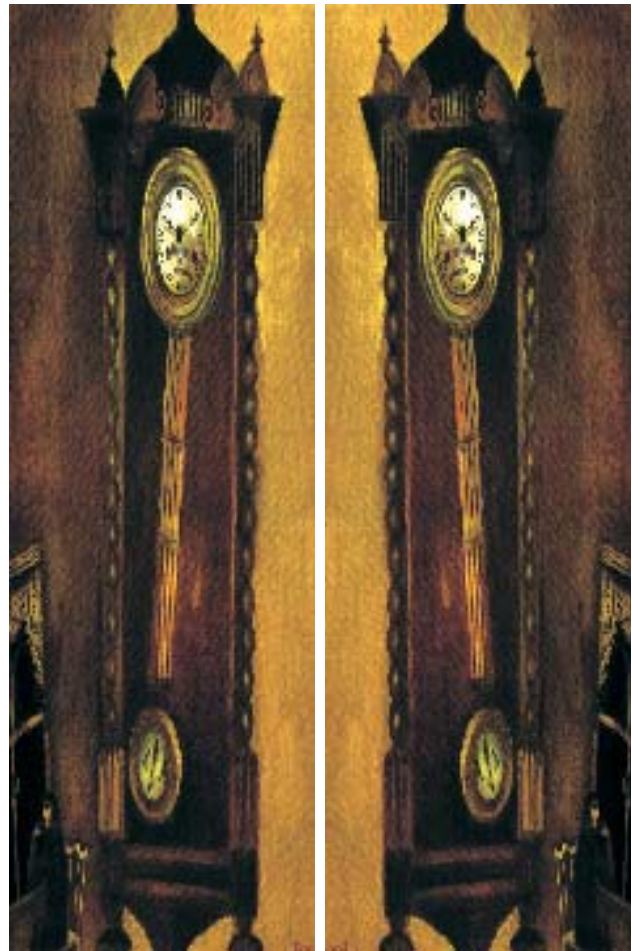
⁵ Возможно, тут уместна аналогия с оптикой нашего зрения. Ведь на сетчатку глаза также проецируется перевернутое (с ног на голову) изображение, а затем уже мозг все ставит на место. Причем мозг младенца не сразу умеет это делать.

Здесь я вновь обращаюсь к личным впечатлениям. Примерно в тот же период, что я побывал на юбилее некоего учреждения, мне довелось присутствовать на одном масштабном совещании, почти съезде, проходившем в Большом Кремлевском дворце. Участники совещания, работники образования из всех регионов России, должны были одобрить и принять важные документы, определяющие государственную политику в сфере образования. Суть, однако, не в том. Атмосфера, царившая на этом собрании, заставила вспомнить, что прежде в огромном зале Дворца проходили съезды КПСС и другие крупные сборища партийно-советской номенклатуры. То же апатичное единодушие аудитории, та же жесткая заданность хода заседаний, тот же диктат председательствующих, то же лстивое стремление организаторов поскорее откозырять стопроцентно вероятному завтрашнему хозяину страны. Словом, полное ощущение, что нас вернули лет эдак на 18–20 в прошлое. Когда мы обменивались впечатлениями, один мой знакомый сказал: «Зря говорят, что время нельзя повернуть назад».

Читатель, конечно, догадался, что я рассказал это не для того, чтобы дальше обсуждать превратности исторического пути России. Просто я привел пример типичных обстоятельств, с которыми может связываться еще одна группа суждений о времени. Суждений, объединенных темой обратимости или необратимости времени. «Переменился я – но здесь опять // Минувшее меня объемлет живо». Но: «...тому, что было, // Уж не бывать! уж не бывать!» Два этих полярных высказывания взяты из стихотворений, следующих буквально друг за другом в томике собрания сочинений Пушкина. Эти полюса – стремление оживить прошлое и невыполнимость этой попытки – могут создавать между собой поле колоссальной душевной напряженности, которое способно ломать психику, толкать к самоубийству⁶ и порождать выдающиеся события творчества⁷.

Произведения литературы и кинематографа, в которых авторы вспоминают свое детство или

Можно ли считать, что на зеркальном отображении картины Марка Шагала «Часы» время течет в обратную сторону?

юность, невозможно перечислить. Но порой это даже перестает быть похожим на воспоминания. Кажется, что художник через скрупулезную реконструкцию материальной среды, а главное, тончайшей ткани ощущений рассчитывает физически войти в прошлое. Возможно, для того, чтобы наконец понять что-то в себе самом. Вот «Зеркало» Андрея Тарковского. Прошлое здесь дано в поэтике сна, и в этом уже заключена определенная «хитрость» автора, потому что сон является, пожалуй, самым надежным коридором в другие пласты времени. По степени воздействия на нашу душу персонажи сновидения могут быть даже реальнее, чем их прототипы из крови и плоти. Сам герой (а возможно, и автор) фильма более реален для себя в облике ребенка, не случайно во взрослом своем состоянии он так ни разу и не появляется в кадре – есть только его голос. Гипнотические способы лечения подтверждают, что сон – это действительно какая-то возможность «попасть»

⁶ По-видимому, сюда можно отнести многие самоубийства среди брошенных супругов или любовников, а также самоубийства людей, которые не смогли перенести ностальгии по ушедшей эпохе. Так, японский писатель Мисима в 1970 г. совершил харакири, поняв, что уже никогда не удастся вернуть Японию самураев. Я благодарен историку Георгию Кнабе, от которого узнал об этом факте.

⁷ Подобно тому, как физические поля огромной энергии порождают парные частицы (частица + античастица).

в свое прошлое, прошлые состояния души. Однако сон эфемерен, в нем нельзя закрепиться; точнее, это можно сделать, только если перевести его в абсолютную фазу, иначе говоря, в смерть (что, похоже, и происходит с невидимым героем «Зеркала»). Поэтому фильм можно считать попыткой фиксации, хотя бы средствами искусства, этого виртуального прошлого.

«Впал в детство» – так говорят иногда про стариков, у которых разрушаются рассудок и память. Между тем эти слова могут иметь точный, буквальный смысл. Человек начинает жить в своем детстве, воспринимать мир как ребенок, он «припоминает» детали, о которых, казалось, навсегда забыл, став взрослым. На этом явлении построена вполне детективная интрига европейского бестселлера последних лет, романа «Small world» (приблизительный русский эквивалент – «Мир тесен») швейцарского писателя Мартина Сутера. Герой романа заболевает болезнью Альцгеймера и, по мере того как недуг прогрессирует, «спускается» во все более ранние периоды своего детства. Там, когда ему было года четыре или пять, и обнаруживается тайна всей его жизни. Выясняется⁸, что он был свидетелем убийства своего отца, а потом мачеха и ее сестра постепенно, с помощью тонких психологических манипуляций, спрятавших под видом игры, поменяли его местами (именами, родословной, общественным положением) с родным сыном мачехи, который и стал наследником огромного состояния убитого. После того как больного принялись лечить каким-то экспериментальным препаратом, он начинает выздоравливать и при этом быстро забывать все то, что увидел в детстве. Однако правду уже узнали все окружающие. Таким образом, погружение в прошлое помогло вскрыть случившуюся там несправедливость и тем самым «скорректировать» настоящее. По существу, примерно эту же задачу решает и психоанализ.

В картине Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин», где герой также реконструирует события из времени своего детства, есть один мимолетный и, казалось бы, незначительный эпизод, который почему-то произвел на меня при просмотре необъяснимо сильное впечатление. В сцене проводов журналиста Ханина (которого играет Андрей Миронов) нам, помимо главных персонажей, пока-

зывают каких-то случайных людей, вероятно, тоже провожающих. И вот из числа этих людей на переднем плане внезапно возникает пожилой мужчина чудаковатого вида, который бормочет что-то невнятное и беспардонно заглядывает прямо в камеру. Это ясно из того, что оптика так искажает его лицо, как могло бы быть, если только оно оказалось чересчур близко к объективу. У зрителя даже мелькает мысль, что это и впрямь какой-то случайный зевака, прорвавшийся на съемочную площадку. Однако теперь, мне кажется, я сумел объяснить себе мое странное впечатление. Своим приемом режиссер сообщает нам, что он вместе со своей камерой находится там, в прошлом. Его фильм – это не воспоминания, а репортаж с места событий.

И вновь нам хотелось бы понять, существует ли под упорно повторяющимися попытками искусства оживить минувшее хоть какая-то объективная, научная основа. Пусть вопрос будет звучать так:

РАССМАТРИВАЮТ ЛИ УЧЕНЫЕ ВСЕРЬЕЗ ВОЗМОЖНОСТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ В ПРОШЛОЕ ИЛИ, ГОВОРЯ ШИРЕ, ВОЗМОЖНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ ВРЕМЕНИ?

Оказывается, рассматривают. Впрочем, физики, в отличие от художников, не столько стремятся найти способ попасть в прошлое, сколько понять, почему это невозможно. Ведь основные уравнения физики легко допускают поворот времени, или замену t на $-t$. Мир будет подчиняться тем же законам, только скорости движения всех частиц изменят свое направление на противоположное, а значит, процессы получат обратный ход. Если бы мир состоял всего из двух бильярдных шаров, то после их соударения было бы довольно просто вернуться в первоначальное состояние, т. е. в «прошлое»: для этого надо устроить другое соударение, которое зеркально повторяет первое. Казалось бы, с увеличением числа «шаров» появляются лишь технические (включая и математические) сложности, но ничего принципиально нового. Примерно этот смысл содержится в известном высказывании Лапласа.

Состояние Вселенной в данный момент можно рассматривать как результат ее прошлого и как причину ее будущего. Разумное существо, которое в любой момент знало бы все движущие силы природы и взаимное расположение образующих ее существ, могло бы – если бы его

⁸ Безусловно, выяснением занимается не сам пребывающий в детстве человек, а люди, которые пытаются его вылечить и внимательно наблюдают за его состоянием.

разум был достаточно обширен для того, чтобы проанализировать все эти данные, – выразить одним уравнением движение и самых больших тел во Вселенной, и мельчайших атомов. Ничто не осталось бы сокрытым от него – оно могло бы охватить единым взглядом как будущее, так и прошлое.

Фактически это означает, что нет ни будущего, ни прошлого, они становятся попросту тавтологиями настоящего. Математическая однозначность прошлого создает иллюзию его принципиальной достижимости. Вероятно, это побудило знаменитого математика Курта Геделя построить космологическую модель, в которой человек мог отправиться назад во времени. Гедель даже подсчитал количество топлива, необходимое для такого путешествия. Это тем более удивительно, что объективно Геделя можно назвать одним из самых больших скептиков в истории науки. Ведь это ему принадлежит знаменитая теорема о неполноте, согласно которой в рамках любой логической системы всегда найдется такое утверждение, что про него, если пользоваться языком той же системы, в принципе нельзя сказать, истинно оно или ложно. Теорема Геделя породила растерянность и даже отчаяние среди математиков и философов, поскольку поставила под сомнение саму возможность рационального познания мира. И вот великий «скептик» выступает как завзятый романтик и фантаст, по существу проектируя «машину времени». Свою работу, где обосновывалось путешествие в прошлое, Гедель поместил в сборник статей, посвященный Эйнштейну. Этот сборник был преподнесен самому создателю теории относительности, и, вероятно, Гедель ожидал одобрения своих идей, поскольку именно Эйнштейн назвал необратимость времени иллюзией. Однако у Эйнштейна не вызвало энтузиазма столь кардинальное подтверждение его собственных взглядов. Пусть в уравнениях физики можно безболезненно менять знак перед математическим символом времени (t), зато реальность несовместима с возможностью путешествий в прошлое.

Как ни удивительно, но легче допустить, что не отдельный человек, а Вселенная в целом может совершить обратный путь во времени, или пройти в обратной последовательности свои прежние состояния. Мы живем в расширяющейся Вселенной, для которой будущее – это еще большее удаление галактик друг от друга, а прошлое – их более близкое взаимное расположение. Иначе можно сказать, что так называемая «стрела вре-

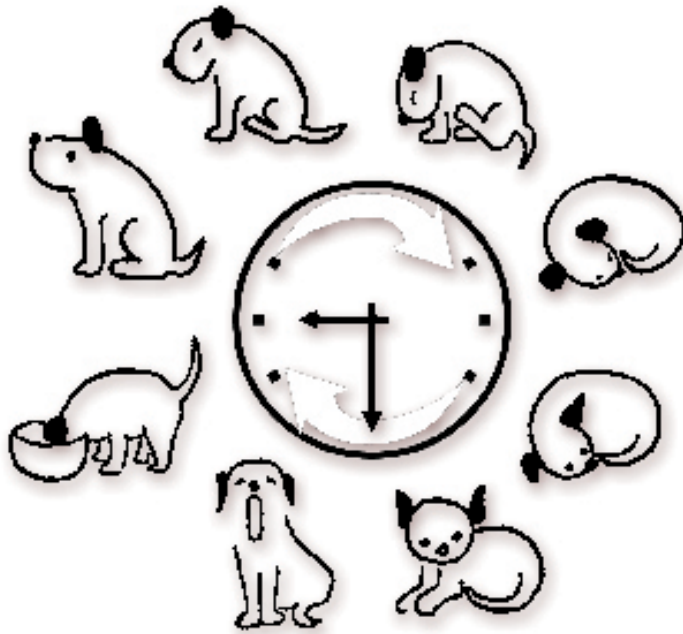

Глядя на рисунок Марка Шагала «Витебск. Железнодорожная станция», легко определить, какое положение примет в следующий момент времени каждый из персонажей. Кроме одного (выделенного овальной рамкой), для которого, кажется, «стрела времени» может с равным основанием смотреть в любом направлении

мени»⁹ указывает в направлении расширения Вселенной. А куда будет смотреть «стрела времени», если Вселенная начнет сжиматься, что еще совсем недавно предполагалось одним из вероятных космологических сценариев? Не побежит ли тогда время вспять? Подобные вопросы задает не кто-нибудь, а знаменитый физик-космолог Стивен Хокинг. В своем научно-популярном бестселлере «Короткая история времени. От большого взрыва до черных дыр» он признается, что поначалу так и считал: на стадии сжатия Вселенной время потечет в обратном направлении, и люди в такой Вселенной умирали бы прежде, чем рождались, осколки упавшей чашки складывались бы воедино, а чашка взлетала обратно с пола на стол, биржевые игроки помнили бы результаты завтрашних торгов. Но впоследствии Хокинг изменил свое мнение: сжимающаяся Вселенная не должна быть зеркальным повторением во времени Вселенной расширяющейся. Она будет проходить через новые состояния, в ней продолжатся процессы, которые развивались на стадии расширения, – словом, Вселенная никогда не вернется в свое прошлое.

Другой выдающийся ученый современности, Илья Пригожин, похоже, никогда не сомневался в том, что необратимость надо прини-

⁹ Выражение «стрела времени» было введено в 1928 г. английским физиком Артуром Эддингтоном.

«Циклическое время» собачки Дашеньки
на рисунке (чуть видоизмененном нами)
Карела Чапека

мать как непреложный факт. Если в уравнениях классической и даже квантовой физики прошлое и будущее – чистая условность, то это беда уравнений, но никак не повод для отрицания «стрелы времени». Возвращаясь к примеру с бильярдом, можно утверждать, что увеличение количества шаров не просто умножает технические сложности. Чтобы смоделировать мир, требуется чересчур много «шаров», а для математического возвращения в прошлое чересчур точен должен быть зеркальный повтор их столкновений. Между тем оказалось, что у самой природы есть свой предел точности. Природа неточна по природе своей, и, возможно, в этом причина существования прошлого и будущего, а значит, и самого времени.

Последние открытия астрофизики только усиливают вывод о том, что Вселенная никогда не будет такой, какой была прежде. Оказывается, галактики «разбегаются» со все возрастающей скоростью, и это означает, что сжатия не предвидится вовсе, а расширение Вселенной продлится вечно. Впрочем, когда-нибудь материя в ходе этого расширения достигнет такой степени разреженности, что фактически обратится в пустоту. А «бурление» пустоты, вакуума, может породить новую Вселенную.

ТАКОЙ СЦЕНАРИЙ (И ТЕМ БОЛЕЕ ОТВЕРГНУТЫЙ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ СЦЕНАРИЙ «ПУЛЬСИРУЮЩЕЙ ВСЕЛЕННОЙ») ДАЕТ ФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТОМУ, ЧТОБЫ ПОСТАВИТЬ ВОПРОС О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КРУГАХ, ИЛИ ЦИКЛАХ, ВРЕМЕНИ

Впрочем, не более чем поставить вопрос, не более чем высказать предположения, подтвердить или опровергнуть которые, по-видимому, никогда не удастся. Что будет, когда Вселенная завершит свой цикл? Начнется ли новый и будет ли он точным повторением предыдущих? Мы не можем этого знать. Рассуждения об этом выходят за границы науки; по словам еще одного современного космолога, Андрея Линде, они относятся уже к сфере метафизики. Или к сфере искусства, добавим мы. В сказке «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла есть глава «Безумное чаепитие». Вот фрагмент из этой главки, в котором лет сто тридцать назад заданные нами вопросы были, кажется, не только предвосхищены, но и сдобрены изысканной иронической приправой.

– Ну так вот, – продолжал Шляпник, – только начал я второй куплет, вдруг Королева как вскочит да гаркнет: «Он губит время! Отрубите ему голову!»

– Как ужасно жестоко! – воскликнула Алиса.

– И с этой поры, – уныло добавил Шляпник, – Время отказывается мне служить: теперь всегда пять часов.

– Потому-то и стоит на столе так много чайной посуды? – спросила Алиса.

– Да, именно потому, – вздохнул Шляпник.

– Время всегда – время чая, и мы не успеваем мыть чашки.

– Так, значит, вы двигаетесь вокруг стола от одного прибора к другому? – сказала Алиса.

– Да, – ответил Шляпник, – от одного к другому, по мере того, как уничтожаем то, что перед нами.

– А что же случается, когда вы возвращаетесь к началу? – полюбопытствовала Алиса.

– Давайте-ка переменим разговор, – перебил Мартовский Заяц, зевая.

(Фрагмент дан в переводе
Владимира Набокова)

Воспользуемся изящным приемом Мартовского Зайца и, за невозможностью сказать что-либо вразумительное, осторожно выйдем из темы «физическая Вселенная и круги време-

ни»¹⁰. Все-таки циклическое время – это термин, имеющий прежде всего культурное содержание, и относят его, как правило, к характеристике мифологического сознания. Больше того, миф и циклическое время – вещи едва ли не тождественные. Время постольку имеет смысл, поскольку в нем раз за разом воспроизводится конечный набор главных родовых смыслов и поскольку в жизни любой семьи повторяются биографические вехи прародителей. Наиболее убедительную художественную реконструкцию мифологического восприятия времени, пожалуй, можно найти в романе «Иосиф и его братья» Томаса Манна. Персонажи романа – Авраам, Исаак, Иаков – это вроде бы знаменитые библейские пророки, однако по версии повествователя они лишь с малой вероятностью могут быть теми самими людьми. Другое дело, что они как бы являются исполнителями все тех же родовых ролей и, не важно – в реальности или в воображении, проходят через те же перипетии, что их легендарные праотцы.

Нисколько не заблуждаясь относительно того, как трудно повествовать о людях, не знающих толком, кто они такие, мы не сомневаемся в необходимости учитывать такую зыбкость сознания, и если Исаак, заново переживший египетское приключение Авраама (Исаак, придя в Герар, как и Авраам, когда тот попал в Египет, представил свою жену «сестрой» и имел буквально те же последствия. – А.П.), считал себя тем Исааком, которого хотел принести в жертву странник из Ура (т. е. легендарный Авраам. – А.П.), то для нас это еще не есть убедительное доказательство, что он им и был, – разве только попытка жертвоприношения вошла в схему и повторно предпринималась.

*(Томас Манн.
«Иосиф и его братья»)*

Самый простой геометрический образ циклического времени – окружность, которая, будучи тождественна сама себе, не оставляет возможности отличить один круг времени от другого. Более сложный случай – множество окружностей, имеющих единственную общую точку. Это точка их взаимного касания, она же – общее начало и общий конец времени. Циклы Вселенной, если они

Легко вообразить, что процессия, изображенная на гравюре Филиппа Галле «Триумф времени», ходит по кругу

существуют, вероятно, ближе к первому образу – хотя бы потому, что принципиально некому заметить разницу между циклами. Цепь буддийских реинкарнаций, а по существу и тех реинкарнаций, о которых рассуждает Томас Манн, больше похожа на второй. Безусловно, персонажи романа не во всем тождественны друг другу, так же как не во всех деталях повторяются их жизни; но они повторяются в главном, т. е. в том, чему сами герои приписывают хоть какое-то значение. Этих героев объединяет еще и то, что Томас Манн называет «зыбкостью сознания», а мы можем считать размытостью, или почти отсутствием, личности. Прочитав вновь несколько строк из романа:

Возможно, однако, что муж Ревекки (т. е. Исаак. – А.П.) пережил эту историю не «сам», не в узких физических рамках своего «я», но тем не менее считал ее частью своей жизни и как такую передал ее потомкам, потому что отличал «я» от «не-я» менее четко, чем это (со сколь сомнительным правом, было уже намеком замечено) делаем мы...

Личность, со сколь бы «сомнительным правом» не признавали мы ее в современном человеке, несовместима с циклическим временем. Все более выкристаллизовываясь и все резче отделяя себя от «не-я», «я» обязательно начинает настаивать на собственной уникальности, а значит, стремится вырваться из навязанного круга времени. Куда? В нирвану, как в буддизме, где,

¹⁰ Некоторым философским теориям циклического времени посвящены эссе Борхеса «Учение о циклах» и «Циклическое время».

впрочем, наступает избавление не только от череды реинкарнаций, но и от самой личности (которая по-своему ведь тоже обременительна). Или, как в христианстве, в историю, в линейное время, имеющее ясную цель и направление. Однако вырваться не так просто, и об этом, вероятно, свидетельствует Экклезиаст: «Что было, то и будет, и что творилось, то творится, // И нет ничего нового под солнцем». Эти слова полны усталости и скепсиса; круг времен воспринимается уже как банальность, как плен, из которого пока, при всех попытках, не удается освободиться.

Впрочем, на циклы времени, если они не тождественны друг другу, можно посмотреть и как на новые степени свободы, как на альтернативные варианты «проигрывания» жизни или какого-то отрезка жизни. Довольно остроумные, хотя и явно облегченные фантазии на эту тему есть, например, в американском фильме «День сурка». Герой раз за разом просыпается утром одного и того же дня, но складывается этот день по-разному. Различия, в первую очередь, касаются обстоятельств встреч с женщиной, в которую он влюбился и расположения которой добивается. День заканчивается надеждой или разочарованием, и герой засыпает с этим чувством, но с утра сценарий дня разыгрывается с чистого листа. «Сказка» – могли бы мы повторить вслед за пушкинским Германном. «Виртуальные миры» – небрежно добавил бы кто-то еще. Но ведь и космология не отвергает возможности сосуществования виртуальных Вселенных, проникающих друг друга и при этом «невидимых» друг для друга. Правда, как уже было процитировано выше, сама космология, в силу принципиальной недоказуемости подобных предположений, становится метафизикой, т. е. почти что сказкой.

Время бежит, время уплотняется, время несется вскачь, время мучительно тянется, время словно остановилось, время пошло вспять, замкнулся круг времени... Если верить Ньютону, подобные превращения могут происходить лишь с кажущимся, относительным временем. В противоположность ему «абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью»¹¹. Другими словами, это независимая переменная « t », функцией которой

может выступать любая измеримая величина, но которая сама никогда не бывает чьей-то функцией. Именно таким временем до сих пор оперируют все науки, которые говорят на языке математики. Такое время нельзя изучать, можно изучать только то, как протекают различные процессы во времени. Удобная, рациональная позиция, которая вполне оправдалась успехами посленьютоновской науки. И все же, и все же... Илья Пригожин, которого иногда называют Ньютоном XX в., на церемонии вручения ему диплома Почетного доктора Московского государственного университета сделал любопытное признание. Он сказал¹², что жизнь его складывалась сложным и причудливым образом. Четырехлетним ребенком, в 1921 г., родители увезли его из Советской России. Далее семья переезжала из одной европейской страны в другую, пока не обосновалась в Бельгии. Менялись города, менялись школы, менялись люди вокруг. В этот же период в Германии зародился и набрал силу нацизм; затем началась Вторая мировая война, в ходе которой была оккупирована и Бельгия. Семье Пригожинных, не вполне «благополучной» по национальному признаку, с помощью различных ухищрений пришлось спасаться от расовых преследований. Профессиональное самоопределение Ильи Пригожина также шло непростым путем. Поначалу он готовился к получению юридического образования, но интерес к мотивам поведения преступника привел его к изучению психологии, та потребовала биологических знаний, а уже от биологии он пришел к химии, физике, математике. Так одно цеплялось за другое, каждый новый шаг влек за собой новые обстоятельства, открывал новые горизонты. Все эти жизненные перипетии и внезапные повороты судьбы заставили Пригожина задуматься о загадке времени, в непредсказуемую стихию которого он оказался ввергнутым. С тех пор, по его словам, именно время как таковое и стало главным объектом его научного интереса.

Итак, детские и юношеские впечатления, эмоции, метафизическое вопрошание по существу вызвали несогласие Пригожина с ньютоновской концепцией времени и побудили его к поиску ответов с применением методов точных наук. В его работах время перестает быть пустым

¹¹ Это определение времени дано в знаменитом труде Ньютона «Математические начала натуральной философии».

¹² Мне посчастливилось присутствовать на этой церемонии, однако слова Ильи Пригожина я воспроизвожу по памяти и прошу прощения за возможные неточности.

фоном для происходящего или просто числовой меткой на координатной оси абсцисс – оно сделалось главным фактором и причиной изменений, становления, эволюции. Но не на значении открытий Пригожина мне хотелось бы заострить внимание, а на том, что в его случае мы имеем возможность наблюдать, как глубоко личное переживание времени в конечном счете нашло научное, т. е., казалось бы, наиболее отчужденное от личности выражение. Чем стимулы, толкающие ученого к его поискам, отличаются здесь от стимулов художника или философа, исследующего время своими способами? И не напоминает ли рассказ Ильи Пригожина слов великого писателя и философа раннего христианства Св. Августина, написанных в его знаменитой «Исповеди»: «...я же низвергся во время, строй которого мне неведом; мысли мои, самая сердцевина души моей раздираются в клочья шумной его пестротой...» И там же: «Горит душа моя понять эту запутаннейшую загадку. Не скрывай от меня, Господи Боже мой, добрый Отец мой, умоляю Тебя ради Христа, не скрывай от меня разгадки; дай проникнуть в это явление, сокровенное и обычное, и осветить его при свете милосердия Твоего, Господи».

Не правда ли, это обращение к Богу звучит чересчур неистово, почти требовательно и уж никак не смиренно? Августин не просто желал бы знать тайну времени – трудно определить его устремление, не используя архаичной формы: он алчет этого знания. В такой роли куда легче представить Фауста, который соглашался получить сокровенное знание из любых рук и готов был заплатить за него известную цену. В каком-то смысле и Августин разменял время на душу, поскольку сказал: «Поэтому мне и кажется, что время есть не что иное, как растяжение, но чего? Не знаю; может быть, самой души». Впрочем, и ему этот «размен» не принес облегчения: «Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время...» Не знает не только Августин. Время и по сей день остается загадкой, хотя, возможно, Канту, Ницше, Бергсону, Эйнштейну или Пригожину порой казалось, что они близки к ее разрешению. Однако разгадка всегда ускользала, как по самой природе своей всегда ускользает время. Если кто и может знать о времени все, так это язык, знание которого заключено в совокупности бесчисленных идиом, названных в самом начале эссе «банальностями». По сути, художник или ученый, каждый на свой лад, лишь пытаются истолко-

вывать и комментировать эти прозрения языка, вероятно потому, что сами принадлежат его стихии и не способны придумать иных идей о времени, кроме тех, которые уже содержатся в общеизвестных метафорах – время уплотняется, время бежит вспять, время рвется, время просачивается сквозь пальцы, время бежит по кругу... Вопрос в том, почему они постоянно возвращаются к этим метафорам, споря с ними или пытаясь доказать их реальность.

Напоследок еще один эпизод из собственного опыта. Мой тринадцатилетний сын принес из школы коротенький анекдот: «В детстве меня часто били по голове патефоном – и ничего, и ничего, и ничего, и ничего...» Я из вежливости улыбнулся, но все-таки сказал, что этому анекдоту, наверное, лет пятьдесят, и я тоже впервые услышал его, когда учился в школе. Затем я на всякий случай спросил, понимает ли он суть этого анекдота. Оказалось, что нет, не понимает. В сознательном возрасте он уже не слушал виниловых пластинок на обычном проигрывателе и не знал, что их порой заедало. Зато мой старший, двадцатилетний сын знал – он еще застал это время. Пластинки заедало при жизни по меньшей мере еще трех поколений: моем, моих родителей и моих дедов. Что касается моего младшего, то он слушал музыку только на магнитофонных кассетах и CD-дисках, но магнитная пленка не прокручивается на одном месте, в крайнем случае она рвется, а лазерный луч – не металлическая игла, он не делает механических дефектов на диске, о которые потом мог бы спотыкаться. Тем не менее анекдот почему-то казался моему младшему очень смешным. Моя жена тоже улыбнулась, а потом обняла меня и сказала: «Помнишь, как мы танцевали под пластинку Тома Джонса и она зациклилась? Я хотела отойти, но ты меня не выпустил. Сколько мы так просто-яли с тобой в обнимку, пока она прокручивалась на одном месте, – целую вечность! Мы как будто в воронку с тобой попали. Тогда я окончательно поняла, что никуда мне от тебя не деться».

В этом эпизоде время напомнило о себе несколько раз. Мы успели ощутить, как оно ускользается от поколения к поколению, мы удивились тому, насколько странным и необъяснимо забавным кажется все, напоминающее круги времени, мы почти поверили, что возможен перенос в прошлое, раз хотя бы на миг могли испытать в точности те же чувства, что и много лет назад. Воображение, лирика, иллюзии? Пожалуй. Но, оказывается, немало людей пыталось понять, есть ли за этими иллюзиями еще что-то **лго**

Этимологический словарь

КОНЦЕПЦИЯ

*Adam vero cognovit Havam uxorem suam
Quae concepit et peperit Cain (Gen. 4, 1)*

*Адамъ же позна Еву, жену свою, и зачениши,
роди Каина (Быт. 4, 1)*

В этой цитате из книги «Бытия», на первый взгляд, нет ничего необычного, ничего, что относилось бы к сфере философского и научного знания, в рамках которого вроде бы должны обретаться концепции. Последние подразумевают, с одной стороны, некий замысел, план, набросок, с другой — общее понятие, представление о мире. Это отражено во многих европейских языках: *concept* и *conception* в английском и французском языках, *Konzept* и *Konzeption* в немецком. Можно догадаться, что они, как многие заимствованные слова или специальные термины, берут свое начало в латинском языке, а именно в глаголе *con-cipere*, форма которого является производной от *capere* (брать, схватывать, постигать, замышлять)¹. Но причем здесь тогда библейская цитата?

Дело в том, что слово «*concepit*» употреблено здесь в наиболее широком контексте рождения, оно именует зачатие, начинание новой жизни. Действительно, в слове «*concipio*» довольно отчетливо просматривается первоначальный смысл «содержания чего-то внутри себя», «охватывания чего-то собой». Об облечении каких-нибудь юридических положений в слова говорится: *foedus concipere*; если человек злоумышляет, как бы принимая в себя дурные намерения, то это формулируется так: *malum aut scelus concipere*; о земле, принимающей семена, латинский язык решил сказать: *terra concipit semina*, так же становится беременной и женщина. Важно заметить, что здесь оказывается неуместным применение привычной пары «форма — содержание». Ведь земля, скажем, не является формой семян, скорее, они неким образом определяют землю и приносимые ею плоды. Отсюда *conceptus* у разных авторов переводится как «накопление, собрание, зачатие» («мысль» появляется позже), а *concepit* — как «соединение, совокупность, зачатие, формулировка, словесное выражение».

Поразительная взаимосвязь мысли и первоначальных жизненных отношений открывает утраченную нами перспективу, в которой вещь, слово и мысль предстают в единстве, не распадаясь на традиционно отличающиеся друг от друга сферы чистого познания и обыденной, «приземленной» чувственности. Стоит присмотреться и увидеть, что у них не разные лица, а одно лицо.

Итак, способ появления мысли, концепции² указан самим языком достаточно четко: речь идет о зачинании мысли при участии двух начал: определяющего и определяемого, вкладывающего и приемлющего. Поэтому нельзя упускать из виду и первый глагол в приведенной библейской цитате, называющий первое из человеческих порождений на земле. Читая этот стих на еврейском языке, языке оригинала, мы встречаем глагол יָדַע (узнавать, знакомиться), который, очевидно, соответствует греческому εἶδον, ἴδον — видеть, воспринимать и знать, латинскому *video*, немецкому *wissen*, польскому *widze* и русскому *ведать/видеть*. Здесь перед нами возникают две больших темы, на которые можно указать лишь коротко: тема любви и познания (узнавания) и тема видения и знания. Первая скрыта также в греческом γινώσκω и латинском *cognosco*, соответственно, в итальянском *conoscere* и французском *connaître*. Вторая же таится в таких фразах, как «*I see*» — «я вижу, что говорю» и др. Видение тесно сопряжено со знанием, а знание — с любовью. Однако можем ли мы с уверенностью сказать, что поистине видим то, что видим, знаем то, что знаем, и любим то, что любим? Все эти вещи являются настоящим даром — но вспоминает ли об этом кто-нибудь из тех, кто самозабвенно творит концепции или с безусловной готовностью объединяется вокруг них? **ЛГО**

Александр Михайловский

¹ В силу похожей внутренней формы вместе с «концепцией» можно рассматривать немецкое слово *Begriff* (greifen — хватать), происходящее от средневерхненемецкого *begrif* — «охват, объем, содержание представления» и в современном языке обозначающее «понятие, общее представление».

² Которая, впрочем, может оказаться лишь весьма туманным наброском; платоновский Сократ, сравнивавший свое искусство беседы с майевтикой, повивальным искусством, указывает еще и на то, что мысль нужно выносить и проверить ее жизнеспособность — ведь может оказаться, что вместо настоящего ребенка у нас в руках окажется «призрак».

Есть слова, которые каждый толкует по-своему. И не потому, что лень заглянуть в словарь, просто в самих этих словах содержится много смыслов. Именно к такому типу относятся понятия «исследование», «исследовательское обучение». Стоило бы, наверное, исследовать те дискурсы, в которых существуют эти понятия, начиная с платоновских «диалогов», где их главный персонаж Сократ постоянно предпринимает не только философское, но и учебное (поскольку вовлекает собеседников) исследование того или иного вопроса, и заканчивая дидактическими трудами с изложением различных версий метода исследовательского обучения. Но объем журнальной статьи не позволяет этого сделать. Здесь я хотел бы ограничиться лишь некоторыми впечатлениями и размышлениями на эту тему, не облеченными в строгую теоретическую форму

УЧЕБНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ТО, ЧТО ИМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Вместо того, чтобы давать какое-то очередное определение понятию «исследование», попробуем поступить иначе – очень сжато описать, что происходит в *процессе исследования*. Для ясности удобно будет также сравнить это с тем, что происходит в процессе какой-то другой, очень типической и важной деятельности, обязательно имеющей свою учебную интерпретацию. В этом качестве я возьму *проектную деятельность* (и соответственно, проектное обучение) и еще один вид деятельности, определить который сразу не берусь. Проще сказать, какие учебные методы (или технологии) ей соответствуют. Если узко, то это учебная дискуссия, если шире – то так называемая технология критического мышления (полное, аутентичное название «развитие критического мышления для чтения и письма»). Некоторые пояснения по этой технологии будут

даны ниже¹, а теперь, пожалуй, можно очертить характер деятельности, о которой идет речь. Это *присвоение, критический анализ и использование информации разного рода*. Определение неточное, неполное, но другого дать не удастся. Впрочем, как говорят, любое определение «хромает».

Итак, сравним вначале исследовательскую деятельность с проектной. И даже противопоставим одну другой. Возможно, для кого-то это будет неожиданно, потому что в образовательном

¹ Для тех, кто хотел бы подробнее узнать о технологии критического мышления, можно порекомендовать материалы конференции «Технология развития критического мышления в вузе: перспективы для школьного образования XXI века» (Н. Новгород, изд-во «Арабеск», 2001), а также все вышедшие номера журнала «Перемена», целиком посвященного этому вопросу.

Полноценное учебное исследование практически невозможно вписать в рамки традиционного урока. Просто не хватает времени, чтобы неторопливо и вдумчиво пройти этот сложный процесс этап за этапом. Однако отдельные элементы исследовательского метода на уроке отрабатывать можно. При этом надо лишь помнить, что исследование (в том числе и учебное) может состояться, только если все элементы собраны вместе. Тогда они образуют систему, а сама учебная задача обретает исследовательский смысл. Но для этого уже нужны другие, не классно-урочные, формы.

Вот несколько примеров того, как исследовательский метод обучения был представлен на открытых уроках конкурса «Учитель года России», где автор этих строк возглавлял предметное жюри в номинации «Физика».

обиходе термины «исследовательское» и «проектное обучение» порой воспринимаются чуть ли не как синонимы. И тем не менее эти деятельности в определенном смысле противоположны друг другу. В форме, несколько напоминающей афористическую, их отличие можно было бы описать так:

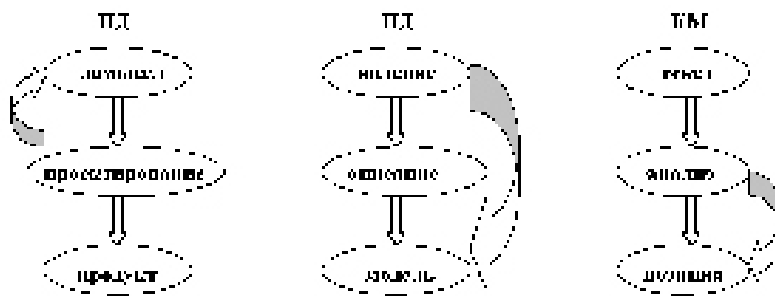
**В ИССЛЕДОВАНИИ ОБНАРУЖИВАЕТСЯ ТО,
ЧТО УЖЕ ЕСТЬ В ПРОЕКТЕ,
СОЗДАЕТСЯ ТО, ЧЕГО ЕЩЕ НЕТ**

Действительно, проектная деятельность направлена прежде всего на создание некоего нового *продукта*, будь то школьная газета, театральный спектакль, учебное пособие, работающая предпринимательская схема и много-много чего еще. Любители сильных выражений даже говорят, что в результате проектной деятельности создается ни больше ни меньше как новая реальность, но оставим столь экстремальные формулировки на их совести. Пожалуй, лишь проекты такого масштаба, как «манхэттенский» (создание атомной бомбы) или террористическая атака 11 сентября 2001 года могут претендовать на заметное обновление реальности. Однако продукт – это лишь один из компонентов проекта, пусть и необходимый. Итогу, результату предшествуют *замысел*, собственно *проектирование* (планирование, анализ и поиск ресурсов) и само «делание», *реализация*. Итак, если совсем коротко: задумал – спроектировал – осуществил (то есть получил продукт).

А что в исследовании? Для начала будем иметь в виду более простой случай – классическое исследование естественно-научного типа. В нем мы отталкиваемся от природного *явления* (процесса), которое вызывает у нас определенные вопросы. Затем это явление подвергается *описанию* на каком-то формальном языке – с помощью чисел, графиков, схем, получаемых, как правило, на основании измерений. И уже это описание позволяет строить объясняющую *модель* явления, которая проверяется в наблюдениях и экспериментах. Опять-таки предельно коротко: явление – описание – модель. Причем целью исследовательской деятельности является именно «хорошая» модель явления.

Наконец, попробуем получить такую же простую схему для деятельности, которой соответствует учебная ситуация в духе «критического мышления» (КМ). Здесь исходный пункт – это *текст* (или набор текстов), являющийся носителем информации. Разумеется, термин «текст» надо понимать расширенно: это может быть и фильм, и устная лекция, и более сложно устроенный медиаобъект. Затем текст подвергается *анализу*, на основании которого «читатель» (за этим термином опять-таки скрывается и зритель, и слушатель) выстраивает свою *позицию* по отношению к тексту: свое согласие или несогласие, степень понимания, оценку полезности предложенной информации и т. д.

Прежде чем перейти к рассмотрению учебных ситуаций и образовательных методов, связанных с этими тремя видами деятельности, попробую обобщить сказанное с помощью картинки:

На рисунке использованы следующие сокращения: ПД – проектная деятельность, ИД – исследовательская деятельность, КМ – «критическое мышление». А изогнутые стрелки соответственно означают: корректировку замысла по ходу проектирования (ПД), постоянную проверку и корректировку модели, в основном с помощью эксперимента (ИД), и корректировку позиции вследствие новых попыток анализа (КМ).

Теперь, глядя на эти намеренно упрощенные и структурно почти тождественные схемы, становится понятно, почему в образовательной практике так легко перепутать одно с другим. Действительно, любое исследование по форме можно рассматривать как проект. Ведь и у исследования обязательно должен быть какой-то замысел, должны быть фазы планирования, реализации и есть результат, оформленный, например, в виде статьи, то есть некоего итогового продукта. В свою очередь, и ситуация в духе «критического мышления» слишком напоминает исследовательскую. Понятия «описание» и «анализ» имеют трудноуловимые отличия, так же как читательская «позиция» всегда исходит из субъективной «модели» ситуации. Не говоря уж о том, что в гуманитарных науках (филологии, истории, семиотике) объектом исследования, как правило, является именно текст.

Так что же, начав с подчеркивания смысловых различий между этими видами деятельности и даже противопоставления их друг другу, мы обнаруживаем зыбкость границ между ними и чуть ли не их совпадение по каким-то признакам? Безусловно, в подобном «открытии» самом по себе нет ничего удивительного, а тем более страшного. Семантические (смысловые) поля многих понятий перекрываются. Под одной и той же формой может скрываться разное содержание. Все это общие места, но нам, с точки зрения использования тех или иных обучающих методов, важно ответить на вполне конкретные вопросы. Такие, например:

– *Каковы основные образовательные цели применения методов проектного, исследовательского обучения и КМ? И чем эти цели отличаются друг от друга (если вообще отличаются)?*

– *Какие умения (или компетентности) могут наиболее эффективно формироваться в результате применения этих методов? Отличаются ли эти наборы умений?*

Начнем с проектного обучения (ПО)². Зачем нужно учиться делать проекты? – так, видимо, можно переформулировать первый воп-

Светлана Яковлева из г. Благовещенска проводила в 8 классе, казалось бы, традиционную лабораторную работу по экспериментальной проверке уравнения теплового баланса: холодную воду смешивают в калориметре с кипятком и измеряют температуру получившейся смеси. Однако в работе была «изюминка»: особенное внимание учительница уделила этапу, который называется «планирование эксперимента», что находится в полном соответствии с теорией поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. На уроке этот этап учебного исследования был проведен мастерски; дети учились «проигрывать» в уме предстоящие экспериментальные действия, осмысливая каждое из них и прогнозируя промежуточные результаты. Но на этом же занятии выпукло проявилась и несовместимость временных рамок 40-минутного урока с выполнением реальной исследовательской задачи. Не были определены погрешности в измерении температуры смеси, а точного совпадения измеренной величины с теоретическим предсказанием, разумеется, быть не могло. С формальной точки зрения, уравнение теплового баланса не подтвердилось, и этот неоднозначный итог работы по сути остался без комментариев.

² Проектному обучению и учебным проектам почти целиком посвящен ЛГО, 2002, № 9.

На уроке Валерия Аксенова из Тверской области в 11 классе акцент был сделан на методологически грамотном построении выводов на основании увиденного в эксперименте. Класс разделен на группы, и каждая из них проводила свой опыт по электромагнитным явлениям. Все необходимое для его проведения было тщательно подготовлено учителем, поэтому сам опыт не занял много времени и не потребовал каких-то особых усилий от учеников. Зато на следующем этапе обсуждения самое пристальное внимание было уделено тому, какие выводы ребята сделали из эксперимента и что общего обнаружили они во всех опытах. Здесь учитель очень тщательно и даже строго следил за тем, чтобы ребята говорили о том, что они действительно наблюдали, а не сообщали о своих домыслах. В итоге описание опытов подвело к «предсказанию» электромагнитных волн, а потом сам учитель подтвердил это предсказание, проведя знаменитый опыт Герца.

рос. Для того, чтобы потом осуществлять их в жизни, – так может звучать самый короткий ответ. Для того, чтобы понимать: хорошая идея – еще далеко не все, необходимо представлять, каков механизм ее реализации, как будет выглядеть конечный продукт. Затем, чтобы, осуществляя проект, попутно научиться многим полезным вещам: добывать нужную информацию, сотрудничать с партнерами и, возможно, руководить другими людьми, наконец, в буквальном смысле делать что-то своими руками. Всему этому соответствуют так называемые информационные, коммуникативные, организационные и какие-то более конкретные производственные умения. При этом само содержание проекта почти не имеет значения. Его результат (продукт) в принципе может быть никому не нужен и даже вреден. Примеры подобных, причем весьма эффективных (но, конечно, совсем не учебных) проектов уже приводились выше.

Теперь, меняя установившуюся очередность, перейдем к спектру обучающих методов, которые я условно объединил под названием «технология КМ». А вот исследовательским обучением, которое является центральной темой статьи, мне будет удобнее завершить сравнительный ряд.

Образовательные цели КМ сформулировать не так просто. Его идеологи говорят о развитии качеств, характеризующих члена открытого гражданского общества. Отказ от монополии на истину, готовность к дискуссии, толерантность, умение сомневаться или сама способность к критическому мышлению (которую не стоит путать с одноименной технологией, то есть набором вполне конкретных методов и приемов). Все это звучит хоть и привлекательно, но довольно общо, поэтому попытаемся увидеть более конкретные цели в реальной практике применения методов КМ. И здесь обнаружится, что КМ предлагает ученику различные техники для усвоения, «свертывания», осмысления информации, как индивидуальные, так и групповые. Техники сотрудничества, критики, обсуждения проблем, построения и корректировки собственной позиции. Причем и анализ информации, и формирование позиции по отношению к ней носят в этих техниках явно выраженный личностный характер (в терминах «известно мне – не известно», «понимаю – не понимаю», «согласен – не согласен», «важно для меня – не важно» и т. д.). Собственно, овладение всеми этими техниками и можно назвать одной из главных целей КМ на уровне конкретной практики. Набор основных умений, которые здесь формируются (информационные, коммуникативные), присутствует, как мы помним, и в проектной обучении, но в КМ именно на них делается особый акцент; эта технология оказывается своеобразным тренингом по их освоению.

Наконец, исследовательское обучение (ИО). Здесь есть соблазн по аналогии с ПО сказать, что его основная цель – научить исследовать. Но будем осторожны. Исследовательская деятельность – это прежде всего профессиональная деятельность, в то время как проекты в том или ином виде придется осуществлять каждому. Например, ремонт в квартире – это самый настоящий проект³. Тогда

³ Именно этот пример проекта анализирует Игорь Занудин в своей некогда популярной рубрике «Взгляд исподлобья» в ЛГО, 2002, № 9.

как же сформулировать цель? Принято говорить, что любой ребенок поначалу является исследователем. Понятно, речь тут идет не о профессии, а о врожденной поведенческой модели, присущей не только человеку, но и многим животным. По-другому это называется любопытством. Отсюда одна из целей исследовательского обучения – поддерживать это любопытство, которое, как мы знаем, слишком часто куда-то улечивается за период обучения в школе, и снабжать его инструментарием, показывающим, что мы можем успешно познавать мир. Эту же цель можно определить как превращение поведенческой модели (или «паттерна», как любят говорить психологи и этологи) в культурную роль под названием «исследователь». Если коротко охарактеризовать эту роль, то ее отличает убежденность в существовании сферы объективного знания, которое можно получать и обосновывать способами, наработанными культурой. Это – наиболее общая цель, но есть и другие. В той мере, в какой содержание школьного образования связано с научными дисциплинами, в нем должна присутствовать исследовательская деятельность, поскольку исследовательский метод составляет самую суть науки. В применении к школе это особенно касается естественно-научных предметов и чуть в меньшей степени истории. Я бы сказал жестко: без исследовательского обучения (или его элементов) полноценное естественно-научное образование вообще невозможно.

Умения, которые формируются в процессе ИО, – это как раз и есть способы установления, описания и объяснения фактов. Наблюдение, измерение, проведение экспериментов, построение эмпирических зависимостей, индуктивных рассуждений и моделей, работа с источниками (история, обществоведение, филология) – эти умения хорошо известны, и большинство из них даже включено в обсуждаемые сегодня образовательные стандарты по ряду предметов. Безусловно, в этом же перечне стоят информационные и коммуникативные умения, которые мы встречали и в других методах.

И здесь настало время вернуться к вопросу о принципиальных различиях между сравниваемыми методами и самими действиями. Например, между *описанием* и *моделью* в ИО и, соответственно, *анализом* и *позицией* в КМ (см. рисунок). Впрочем, об этом почти все уже сказано. В исследовательской ситуации техники описания явления и построения модели в основном формальны (числа, графики, ссылки на источники) и максимально освобождены от субъектных признаков. То есть *описание* и *модель* должны быть такими, чтобы ими мог воспользоваться другой человек. *Анализ* в КМ – для личного пользования. И *позиция*, которая выстраивается на его основании, тоже прежде всего личная. Именно поэтому тут нет претензии на истинность, а дискуссия нужна как форма сосуществования и инструмент корректировки личных позиций. В исследовательской ситуации дискуссия, безусловно, тоже нужна. Спор о причинах и внутренних механизмах какого-то явления – нормальная практика любого научного семинара и без критического мышления (как способности, а не технологии) здесь никак не обойтись. Однако в этом споре есть арбитр, гласный или негласный – истина, поэтому ключевыми здесь становятся не столько способы коммуникации, сколько способы верификации, или проверки правильности, моде-

Важнейшим этапом исследования является моделирование изучаемого явления. На уроке Надежды Фрюлиной из Кировской области ученики 8 класса, основываясь на атомно-молекулярных представлениях, моделировали процесс испарения жидкости. Модель имела вид рисунка и получалась действительно рабочей, эвристической, поскольку она уточнялась и дополнялась в зависимости от новых наблюдений и доводов. Но на том же уроке оказалась легковесно представлена другая фаза исследования – эксперимент. Он вроде бы призван был подтвердить свойства полученной модели, но на самом деле реальная картина испарения капли жидкости с поверхности стекла выглядела очень расплывчато и вряд ли позволяла сделать какие-то определенные выводы. В результате учителю фактически пришлось подсказывать эти выводы детям, «подгоняя» их к предсказаниям модели.

Исследование – это «лабораторка», перевернутая с ног на голову (или с головы на ноги).

По-видимому, историческое исследование можно лишь моделировать на уроке. Вот как, в кратком пересказе, предлагает это делать московский учитель истории Татьяна Коваль в своем методическом пособии «Конспекты уроков по истории России XX в.: 9 кл.» – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001.

Тема урока: «Корниловский мятеж». На первом этапе проводится работа с источниками. Этих документов всего 10, и они представляют разные точки зрения на историческое событие. Среди них отрывки из воззваний самого Л.Г. Корнилова, воспоминаний и обращения к народу А.Ф. Керенского, выступления В.И. Ленина, воспоминаний А.И. Деникина и А.А. Керсновского. Далее ученикам предлагается ответить на вопросы и выполнить задания по источникам. Среди этих заданий есть такие:

— На основании документов охарактеризуйте сущность корниловского движения.

— Определите политическую позицию авторов источников. Какие трудности стоят на пути исследователя, пользующегося их свидетельствами?

Безусловно, это задания исследовательского типа. Однако почему же в целом здесь можно говорить лишь о моделировании исследования? Хотя бы потому, что значительную, если не основную, часть исторического исследования составляет именно поиск документов, а еще потому, что задачу и вопросы для себя исследователь формулирует сам.

Вывод исторического исследования подтверждается документом, физического — экспериментом, а педагогического — прецедентом **ЛГО**

ли⁴. Похожее различие можно провести и с проектной деятельностью. По отношению к результату проекта бессмысленно задавать вопрос, правильный он или неправильный, соответствует истине или нет.

При обсуждении современных методов школьного образования неизменно говорят об их обязательной рефлексивной составляющей. Это означает, что каждый участник образовательного процесса должен осознавать: *что, как и зачем я делаю?* В этой рефлексивной составляющей, пожалуй, и заключается главное отличие рассмотренных методов. Я уже использовал понятие «культурная роль». Так вот, речь идет об осознании того, *какую культурную роль я исполняю* в ходе того или иного процесса: исследователя, проектировщика или человека, определяющего в личной позиции. А вот зачем и так ли уж обязательно каждому осознавать эту роль — на такой вопрос я отвечать не берусь.

**ИССЛЕДОВАНИЕ СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ
ХОТЯ БЫ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ,
ЧТО ТЫ НЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ**

⁴ Стоит подчеркнуть, что речь все-таки идет об обычном, рядовом (включая и учебное) исследовании, то есть таком, которому, в принципе, можно научить. Исследования революционного масштаба, такие, как проводили, скажем, Ньютон или Эйнштейн, безусловно, являются следствием из позиции по отношению к миру, но такому Исследованию научить нельзя. Похожую оговорку надо сделать и относительно использования понятий «истина» и «правильность модели». Я имею в виду «рабочее» значение этих слов, которое и используется в типичном исследовании, обходя соответствующую философскую и методологическую проблематику. И еще: сложнее, конечно, обстоит дело с гуманитарным исследованием, где вместо явления выступает текст. В этом случае границы между деятельностью в духе КМ и ИД более расплывчатые. Употреблять слово «истина» надо еще более осторожно. И главные отличия ИД от КМ, возможно, состоят уже в степени изощренности и глубины анализа текста, следования при этом научным образцам, что позволяет заменить позицию на интерпретацию.

Александр Евгеньевич Седов – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН. Его темы – логика и история генетики, концепции информации в биологии, биосемиотика и др. Одна из проблем, интересующих А.Е. Седова в последнее время, – метафоры в науке, в научном языке. Александр Седов – поэт. Издано несколько сборников стихов

БИОЛОГИЯ ОДАРЕННОСТИ

Беседа с ученым-генетиком
Александром Седовым

Александр Евгеньевич, в свое время были очень популярны споры о том, что сильнее влияет на формировании личности – наследственность или среда? Мне это напоминает прежние философские споры о первичности бытия либо сознания. Но, кажется, для философов эти споры уже не актуальны. А как обстоит дело в современной биологии? По-прежнему ли имеет смысл жестко разделять влияние наследственности и среды, в частности говорить о том, что в большей степени определяет способности человека, его одаренность и даже гениальность?

Давайте посмотрим на эту ситуацию как бы в двух масштабах: сначала с высоты птичьего полета, просто различая два фундаментальных фактора – наследственность и среду, а потом взглянем чуть пристальней, стараясь увидеть внутреннюю структуру и наследственности, и среды.

Самые общие выводы позволил сделать так называемый близнецовый метод, который возник в начале XX века в работах Фрэнсиса Гальтона – одного из основателей генетики. Владимир Павлович Эфроимсон в своей книге «Гениальность и генетика» как раз резюмирует ситуацию примерно на конец 60-х годов. К этому времени были исследованы десятки тысяч близнецовых пар. Причем выбирались как ситуации, когда близнецы находились в одной семье, так и такие случаи, когда они были разлучены и росли в совершенно разных социальных условиях. Известно, что близнецы – это, по сути дела, генетически, а вследствие этого биохимически и физиологически идентичные особи, но не идентичные индивидуумы, потому что личность формируется уже в зависимости от среды. Исследовались самые разные параметры. У каждой пары проверялись память, синтаксические, математические, живописные, музыкаль-

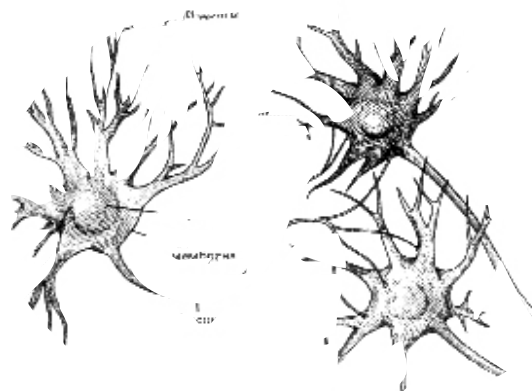

ные способности, умение решать нетривиальные задачи, креативность. Можно предложить десятка два (а то и больше) параметров для такого рода тестирования. И в результате этих исследований оказалось, что 70–80 % одаренности и предрасположенности к каким-либо формам деятельности обусловлено наследственностью. Остальные 20 % (а по некоторым оценкам – 30 %) приходится на среду. Но, говоря о наследственности и среде, можно сказать, что и то и другое как бы многослойно. Наследственность – это не только те гены, которые стабильно локализованы в геноме, но, например, и некие эпигенетические феномены, отвечающие за то, в какой мере проявляют себя в организме те или иные гены. И среда тоже имеет сложное устройство. Есть когнитивный слой – это те объекты, которые окружают ребенка с младенчества. Например, если в доме есть ручное животное, то у ребенка воспитывается этический комплекс – доброта, умение невербально понимать другое живое существо. Другой слой – пространственная организация. Совершенно по-разному вырастает ребенок, скажем, в тюремном бараке и в профессорской библиотеке. И дело даже не в том, умеет он или не умеет читать книги, но само пространство организовано так, что каким-то образом обучает. Кроме того, среда – это и семья, и круг знакомых, и школьный коллектив, обстановка в городе, в стране, доминирующие социальные ценности и т. д. Словом, среду можно анализировать очень во многих аспектах. Но в целом, это все-таки 20–30 % вклада в индивидуальность. И это не должно вызывать ощущение панического фатализма, потому что на эти проценты в абсолютном измерении приходится масса чего-то. Это наша культура, история, письменность – гигантский пласт.

Итак, все-таки можно разделить влияние на человека наследственности и среды. И даже оценить это влияние в процентах. Давайте теперь обсудим каждый фактор в отдельности – и начнем со среды. Можно ли, например, сказать что-то определенное о том, как именно влияет структура или сложность среды на мозг? Имеются ли на этот счет какие-то экспериментальные данные, полученные, например, в опытах на животных?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мне бы хотелось сделать одно важное замечание. Дело

в том, что в силу трагического положения с науками – и в частности с экспериментальными науками – в нашей стране деятельность мирового уровня совершенно неизвестна нашему массовому читателю. В этом смысле мы находимся в тяжелейшем вакууме и почти ничего не знаем о современных исследованиях мозга. Между тем в мире уже сформировалась целая область знания, которая в русской лексике даже не имеет точного названия – *neuroscience*. Это слово уже вошло в научный лексикон, хотя в наших школах о нем не слышали, как, впрочем, и во многих вузах тоже. Под этим понятием скрывается весь комплекс наук о мозге: генетика мозга (или нейрогенетика), нейроэмбриология, нейроэндокринология, эволюция мозга, нейроэлектрофизиология, а также те формы психологии, которые работают с самими структурами мозга, а не только с проявлениями их деятельности. Какой-то частью включена в эти науки о мозге и культурология. Об этом, в частности, говорится в книге «Красота и мозг» (см. библиографию в конце беседы. – А.П.).

А вот теперь я расскажу о некоторых экспериментах в области нейрофизиологии, показывающих, чего мы лишаемся, не развивая этих наук и не имея достаточной информации об их достижениях. Вначале об опытах на крысах – генетически очень близких нам существ. В первой серии опытов крыса растет одна, в изолированной клетке, без каких бы то ни было внешних впечатлений. Это как в камере-одиночке. Ей дают есть, пить, и все. Больше ничего в ее жизни не происходит. Некая модель искусственно созданного аутизма. Во второй серии – модель коллективизма, но типа детприемника или колонии для малолеток. Крысы живут вместе, но их только кормят и поят, а общих впечатлений у них никаких, и нет никакой деятельности. И третья, четвертая, пятая модели – это системы разной степени сложности, где есть бру-

ся, качели, какие-то колесики, лабиринты, тесты для решения задач. В общем, им выстраивают некую когнитивную среду, где они могут много чем заниматься даже без контакта с экспериментатором. Это, так сказать, модель большого мира, где можно себя испытывать и развиваться. Все эти варианты запускаются с младенчества, с того возраста, когда крысенок перестает пить молоко. Стартовые условия у них абсолютно одинаковые и, более того, все они одной генетической линии, то есть более или менее идентичны. Потом всех этих крыс забивают и смотрят структуру мозга, сложность нейронных связей. И оказывается, что в первом случае связей между нейронами мало, нейронная сеть очень редкая, неразвитая. Во втором случае связей побольше, сеть гуще. В третьем – сеть уже совсем густая, с очень сложной конфигурацией связей. В четвертом и пятом случаях дело обстояло еще лучше. Короче говоря, обучая крысенка, строя его когнитивный мир – мир знаний и впечатлений, – мы буквально лепим его мозг.

А на объем мозга эти разные условия влияют?

Практически нет. Все-таки размер мозга определяется объемом полости, которую могут заполнить нейроны. А вот интенсивность связей и сложность сети зависят непосредственно от насыщенности среды и сложности задач, которые приходится решать животным.

Теперь спускаемся ниже, к более простым организмам. У нейрогенетиков есть излюбленный объект для экспериментов – одна из разновидностей круглого червя – «нематоды». Это существо вроде аскариды, но поскольку аскарида живет в кишках человека, то она вошла даже в школьные программы. А нематод очень много, двести тысяч видов. Тот вид, который интересует нас, по общему плану строения похож на аскариду, но имеет более развитую нервную систему, потому что живет на свободе. Это маленькие червячки, длиной всего 3 мм, живущие в почве, в гниющих листьях. Вообще, паразитам, живущим внутри другого организма, нервная система особенно не нужна – там нечего смотреть, почти нечего нюхать. Интересующие нас червячки блестяще разводятся в лабораториях; технология их выращивания налажена не хуже, чем выращивание кишечной палочки и дрожжей. Геном этого червячка тоже полностью расшифрован, его прочитали в дека-

бре 1998 года. Чем хорош объект? Это животное, у которого тысяча клеток. Он оптически прозрачен. Все клетки видно насквозь на живом червяке. Из тысячи клеток триста две образуют нервную систему, а сам мозг – и того меньше. Вся нервная система, вся нейронная сеть – это 302 клетки, и все они под наблюдением.

Из тысячи клеток 300 приходится на нервную систему? Ведь это очень высокий процент?

Да, довольно высокий. Больше, чем у человека, потому что у нас всего 10^{15} клеток в организме и из них 10^{11} – нейроны. Но в абсолютном измерении этот червячок – система, конечно, очень простенькая. Каждую клетку видно. Можно ввести красители, в том числе и витальные (прижизненные, не мешающие функциям), и буквально видеть, как работают синапсы (контакты между нейронами). Более того, сейчас существуют методы, когда практически к любому гену можно пришить кусочек другого гена, который дает светящийся белок. Если ген работает, он высвечивается, как лампочка. У меня дома есть компакт-диск, на котором демонстрируется раковая, иммунодефицитная мышь. И вот можно наблюдать динамику рака, когда светится каждая раковая клетка и видно, как разрастается опухоль.

С червячком проводится простой опыт, даже без использования красителей. Берут одного червяка и выращивают из него путем бесполого размножения или клонирования много-много червячков (у них есть еще одно удобное свойство: их легко клонировать). Все они генетически идентичны. И они размножаются, в результате чего получается много эмбрионов, которые тоже генетически идентичны. Их рассыпают на отдельные клетки, и из каждой клетки можно вырастить нового червяка, и все они опять будут генетически идентичны. Выборка огромная, статистика колоссальная, что позволяет получать вполне статистически достоверные результаты. Затем образуют несколько групп таких клеток, из которых возникнут будущие эмбрионы. Одних помещают в условия полной депривации (изоляции). Например, закрывают в сейф, где есть только питание для развития зародыша и последующего развития червяка – таким образом эта группа лишается каких бы то ни было впечатлений. Глаз у этих животных нет, но у них есть очень тонкая вкусовая рецепция. Собственно, все их тело как бы является большим языком, и они получают вкусовые ощущения всем

телом. Итак, первые растут в каком-то темном, закрытом ящике, ничего не чувствуют и не слышат. Другие помещаются в среду посложнее, третьи – еще сложнее и т. д. В общем, у разных клонов – разный жизненный опыт. И в каждом клоне сотни особей. Потом их кладут под микроскоп и смотрят нервную систему. Оказывается, что вот эти 302 клетки нервной системы во всех случаях занимают одинаковые позиции. То есть положение узлов нейронной сети задается генетически, в том числе и тех клеток, которые будут относиться к головному мозгу. А вот что касается связей между клетками, то их узор определяется условиями жизненного опыта – впечатлениями, особенностями развития. Известно, что и нейроны мышцы, и наши нейроны растут навстречу определенным сигналам, по определенным топологическим поверхностям. Вообще, клетка, прежде чем стать полноценным нейроном, последовательно осуществляет внутри мозга восемь разных поведенческих стратегий. Это как бы некое самостоятельное существо, которое проходит 8 этапов своей биографии, судьбы. И в результате становится тем или иным нейроном. Так вот, один из последних этапов – это выращивание связей, аксонов, дендритов, замыкание синаптических связей, а потом убийство ненужных синапсов, поскольку они тоже проходят некий естественный отбор. Ненужное обрубается, все, что надо, шунтируется, связывается. И вот эта ткань, этот узор – это как бы «слепок» судьбы червяка. Червяки, которые прошли такую-то школу обучения, имеют такую-то сеть. Получившие другие впечатления имеют другую сеть. Это очень ценно в понимании нашего собственного мозга, потому что из наших 100 млрд нейронов мы не можем наблюдать ни одного. Вообще, влезать в растущий человеческий мозг, как известно, преступно. На это был бы способен лишь какой-нибудь доктор Менгеле.

То есть технически было бы возможно наблюдать на человеке за поведением отдельных нейронов?

Тоже нет. А к тому же это не имеет особого смысла, потому что при наличии 100 миллиардов нейронов буквально из-за деревьев не видно леса. А в случае червяка у нас не лес, а маленькая посадочка, которая видна насквозь, в динамике. Мы можем, ничего не меняя в червяке, просто смотреть, как он растет и развивается на разных этапах. Мы можем отслеживать шаг за шагом, как формируется его нейронная сеть, и при этом видеть каждый нейрон. Но в принципиальном смысле у нас, скорее всего, происходит то же самое. Именно это здесь важно и интересно.

Значит, можно сделать вывод, что сложность мозга, а следовательно, и его возможности во многом определяются сложностью среды, в которой функционирует организм?

Да, конечно. И этот вывод, без всяких обид на то, что я сравниваю человека с червяком или крысой, может быть легко распространен на идеологию педагогики. Чем больше мы даем ребенку грамотных, красиво построенных, эмоциональных и интеллектуальных нагрузок, тем красивее и полнее формируется его мозг. Кстати, в эволюции мозга существует и весьма драматический этап. Есть такой феномен – апоптоз, когда в раннем послеродовом развитии в мозге ребенка массами гибнут будущие нейроны. Идет жесточайшая рубка между ними за то, кому уцелеть и образовать эту сеть. Погибает примерно 20 тыс. клеток в минуту, и это длится месяцами. Это нормальный процесс, естественный отбор среди нейронов. Есть даже такие гены клеточного самоубийства – апоптозы. Они особенно активизируются при старении, имеют отношение к раку, но и к раннему развитию ребенка тоже. Нейробластов, потенциальных нервных клеток, слишком много. И среди них идет жесточайшая борьба, а те, кто победил, выращивают аксоны, соединяются с другими нейронами. Ненужные аксоны потом тоже обрубаются. В общем, идет активный творческий процесс в физических структурах мозга.

Но вернусь к сравнению человека с животными. Нас это

ни в коей мере не должно оскорблять. Ныне, с одной стороны, существует такая дисциплина, как социобиология, изучающая общественное поведение и общественные структуры животных, а с другой, этология человека как продолжение науки о поведении животных – этологии. В прежние годы все это было у нас абсолютно запрещено. Считалось, что разум – это прерогатива человека, то есть нас любимых. Животные рассматривались только в рамках павловских моделей, на уровне примитивных рефлексов. Между тем уже лет двадцать известно, что на условный рефлекс, схема которого с собачкой, лампочкой и замыканием условно-рефлекторной цепи нарисована в школьных учебниках, способен даже единичный нейрон. А нейронная сеть из трехсот клеток, как у маленьких нематод, – это, на самом деле, уже очень сложная структура. А уж собака – это потрясающе интеллектуальное существо. Об этом известно не только собаководам, но и любому человеку, который держит домашних животных.

Кафедрой физиологии и высшей нервной деятельности биофака МГУ долгие годы руководил Леонид Викторович Крушинский. Он занимался рассудочной деятельностью животных и получил много интересных результатов. Фактически он изучал разум животных. Но поскольку все мы были под давлением идеологии, это называлось «экстраполяционными рефлексами». Простой пример. Скажем, пища въезжает за ширму с определенной скоростью. Курица устремляется вслед за ней и долго-долго бежит там, за ширмой. А у вороны мозг развит лучше: она сразу вычисляет, откуда и когда выйдет эта кормушка из-за ширмы, и точно, прицельно, в нужный момент туда бежит, то есть как бы экстраполирует траекторию. И вот такие вещи, как способность к экстраполяции, прогнозированию каких-то событий в реальном мире называли тогда «экстраполяционными рефлексами», чтобы не злить идеологов-марксистов. Недавно на кафедре вышла книга «Рассудочная деятельность животных», которая сейчас вся раскуплена, но мы ждем нового тиража. Так что теперь это уже признанный термин – «рассудочная деятельность животных». И нас несколько не должно унижать то, что, постигая мозг нашего любимого ребенка, мы иногда проводим сравнение с червячками, с обезьянками.

Давайте перейдем теперь к наследственному фактору. Каким образом и одаренность, и отдельные способности могут передаваться с генами? Какие именно вещества за это

отвечают? Можно ли сегодня что-то об этом сказать?

Вначале я обрисую двумя штрихами, каково было общее направление в развитии моей родной науки – генетики. Если брать разные периоды XX века (а эта наука – ровесница века), то от целостных феноменов, от фенотипов она продвигалась глубже и глубже к генотипам, затем уже к конкретным нуклеотидам, к прочтению генов, к пониманию того, как устроена физическая организация генетических программ. И этот путь особенно бурно пройден в последние 25 лет, что, кстати говоря, совершенно не отражено в школьном курсе. Генная инженерия, чтение генов (секвенирование), их сравнение, умение определить их функции – все это достижения последней четверти века. И об этом надо писать, в том числе писать для детей, для чего необходимо стимулировать выход соответствующей научно-популярной литературы. Замечу, что и сам я написал книжку для школьников «Современные представления о наследственности», но надо думать, как ее выпустить в свет, потому что издательства мало заинтересованы в подобной литературе.

А теперь об опытах, в которых выявляется генетическая природа способностей. В то время, когда еще не работали с конкретными генами и конкретными молекулами, эксперименты шли на уровне фенотипа. Ну вот, например, опыты с мухами-дрозофилами. Оказывается, даже они очень различаются по талантам. Можно заставлять мух решать простые тесты с выбором правильного решения. Примерно то же самое, что мы пытаемся предлагать нашим школьникам. Только у них выбор обычно из четырех-пяти вариантов, а мухам надо выбирать из двух. Вначале толпу мух чему-то обучают, а потом выпускают их в некую трубу, которая ветвится, снова ветвится и так далее, а в результате на выходе из этого ветвящегося лабиринта имеется много-много кончиков, откуда могут вываливаться мухи. Обучение, допустим, состоит в том, что у мух вырабатывают условные рефлексы, к примеру, на какой-то запах идти вправо, а на другой запах или на яркую вспышку – наоборот, влево. А все эти ветвления – это как бы ситуации витязя на распутье, где надо сделать правильный выбор. Те мухи, которые правильно решают все эти задачи, выпадают только из одного среди множества кончиков. Это умные мухи. Все остальные – дуры. Причем можно отобрать самых больших дур, которые всегда ошибаются. А можно отобрать самых умных, и размножая тех или других, получить «умную» или «глупую» популяцию мух, что проверяется с помощью тех же

тестов. Мы видим, что умственные способности наследуются даже у мух. И это без иронии, потому что муха – существо не столько примитивное. У нее двести тысяч клеток в головном мозге.

То есть она гораздо сложнее, чем этот червячок, не так ли?

Да, примерно в тысячу раз. Но в полмиллиона раз проще, чем мы. И их нейроны мельче сами по себе. Но тем не менее у мух есть половое предпочтение и другие довольно сложные поведенческие реакции. А если уж мухи различаются по интеллекту, то, скажем, на грызунах это тем более хорошо видно. Бывают глупые и умные мыши, и есть линии умных и глупых мышей. У меня в детстве были хомячки. Один хомяк был совершенно гениальный. Он обследовал всю квартиру, залезал на письменный стол, смотрел, как я делаю уроки. А вот его сын, появившийся в результате имбридинга – скрещивания со своей же дочерью – когда его выпускали из клетки, попросту сновал туда-сюда под окном, то есть демонстрировал бессмысленное поведение.

Итак, различия по способностям, по интеллекту даже у мух и мышей – это экспериментальный факт. И то,

что эти способности наследуются, – тоже. А можно ли говорить о том, что те или иные способности зависят от содержания каких-то веществ в мозге?

Тут самое время сказать о работах Владимира Павловича Эфроимсона. Это очень значительная фигура в нашей науке. В молодые годы он много работал с дрозофилами, а потом стал заниматься генетикой человека. Судьба его сложилась драматически. Он отсидел три срока в лагерях, но ему еще повезло, потому что генетиков просто расстреливали. Во время войны служил в армейской разведке. Он всегда активно боролся против Лысенко, вплоть до того, что хотел выступить на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году. Но жена ему сказала: «Ты же сейчас безработный. И ты человек с судимостями. Твое появление как адвоката этой науки просто погубит ее, потому что ты сам под прицелом. Не надо этого делать». И он не вышел на сессии, но направил письмо в верхние инстанции страны, где дал исчерпывающий анализ всей этой вакханалии, которую затеяла безумная, антинаучная команда Лысенко. В общем, это человек героической судьбы и один из тех немногих людей науки, которые активно противостояли режиму. В первые же годы реабилитации генетики он написал книгу «Введение в медицинскую генетику», стал выступать с большим курсом лекций по медицинской генетике. В книге был дан перечень генетических болезней человека, известных в то время. И среди них около 50 неврологических и психических заболеваний, связанных с генетическими мутациями. Эфроимсон написал ряд блестящих работ на стыке генетики человека и гуманитарных проблем. У нас уже после его смерти вышли две книги. Одна – «Генетика этики и эстетики»; основной пафос этой книги в том, что вся наша культура корнями уходит в генетические особенности человека и креативные способности тоже связаны с генетикой. И вторая большая книга «Гениальность и генетика» – это собрание многих его работ, среди которых есть такие, как собственно «Гениальность и генетика», «Педагогическая генетика» (о системе тестирования, о необходимости возрождения педологии), «Родословная альтруизма».

Работа «Гениальность и генетика» – это попытка взглянуть на высшие психические функции, в том числе на одаренность, гениальность, с точки зрения биохимии некоторых мозговых процессов. Эта книга – уже, конечно, памятник истории науки, поскольку в то время (70-е годы) еще не умели

читать гены, но в ней и сегодня можно найти очень много интересного.

Эфроимсон писал о нескольких медиаторах, имеющих отношение к функционированию мозга. Вообще медиаторы – это вещества-посредники, молекулы, с помощью которых одна нервная клетка разговаривает с другой, и большинство из них синтезируются в синапсах, то есть там, где аксон одного нейрона встречается с аксоном другого. Сейчас из числа медиаторов известно примерно 40 низкомолекулярных веществ и свыше 600 белков, нейропептидов, каждый из которых имеет свое специальное назначение. Среди них, скажем, есть вещество боли. Если у животного вызывать боль, то это белковое вещество накапливается в задних корешках спинного мозга. Медиатором является дофамин, с содержанием которого связан уровень мочевой кислоты в организме. Проведя глубокий анализ биохимических данных, Эфроимсон доказывал, что повышенный уровень мочевой кислоты стимулирует активность мозга, как бы подстегивает его. Это было подтверждено и в опытах на животных. То есть выражение «моча в голову ударила» в этом контексте имеет позитивное значение. Далее, анализируя биографии множества великих людей, он обнаружил, что очень часто они страдали подагрой. А это заболевание вызывается отложением в суставах солей мочевой кислоты. Эфроимсон приводит огромный список гениальных подагриков, среди которых Цезарь, Эллиот и др.

Сейчас мы знаем, что когда дофамина много, это стимулирует повышенную креативность, исследовательский интерес, познавательную активность. Если уровень дофамина нестабилен, скачет, то это уже плохо. С этим связаны многие формы шизофрении. Вообще, нейронов, работающих на дофамине как на медиаторе, очень много в лобной коре, то есть как раз в той области мозга, которая отвечает за принятие решений, креативность, лидерские способности.

Говоря о медиаторах, можно сказать еще вот что. Представлять себе нейронную сеть просто как физическую сеть клеток, которые обмениваются электрическими сигналами, совершенно недостаточно. Скажем, мы имеем десять связанных нейронов улитки. Оказывается, что по сути это несколько сетей, наложенных одна на другую: дофаминовая сеть, норадреналиновая, еще какая-то. Три нейрона могут работать на одном медиаторе, четыре – на этом же и еще на каком-то и т. д. То есть одна физически соткан-

ная сеть информационно оказывается системой нескольких сетей, и они могут переключаться друг на друга, а за всем этим стоят гены. Даже такая, казалось бы, простая вещь, как связь между двумя нервными клетками, – вещь на самом деле необычайно сложная. Считалось, что сигнал, идущий с нейрона на нейрон, при переходе через синапс преобразуется. Известно, что есть предсинаптическая задержка сигнала, постсинаптическая. Когда раньше пытались создавать компьютерные аналоги работы мозга – логические устройства, автоматы, процессоры, – то синапс воспринимался как аналог диода с задержкой. Ну, плюс еще какая-то химия. Но сейчас мы знаем, что это не диод, а, образно говоря, некий многоканальный транслятор разных сложных языков.

Эти разные языки как раз и есть разные вещества-медиаторы? И каждый из них каким-то образом управляет работой мозга, влияет на поведение?

В известном смысле так. Я хочу сослаться на популярную статью моей коллеги Светланы Боринской, опубликованную в журнале «Химия и жизнь». Цитирую: «Дофамин, как и серотонин, участвует в передаче сигналов между нервными клетками. Он связан с центром эмоций и удовольствия. И когда освобождается много дофамина в нейронах, это приносит хорошее самочувствие». Крысам, которым стимулируют центры удовольствия через электрод, фактически стимулируют синтез дофамина. Избыток дофамина у мышей вызывает непрерывную исследовательскую гиперактивность, а его отсутствие приводит к прекращению какой-либо активности и смерти от голода. А вот дефицит другого медиатора, серотонина, связан с депрессиями. Он тоже производится в нейроне и тоже адресуется другим нейронам по некоторым сетям. Иногда бывает, кстати, что не только в одном и том же синапсе, но и в одной и той же капсуле внутри синапса оказывается несколько медиаторов сразу. Получается как бы коктейль из медиаторов. Таким образом и получается, что один и тот же нейрон работает на многих языках.

А эффект от «сообщения», сделанного на том или ином языке, просто зависит от количества вещества-медиатора?

Нет, не просто. Это очень интересный момент. Скажем, сам дофамин вырабатывается клеткой-нейроном, и то, много или мало дофамина, зависит от производящих способностей нейрона, за которые отвечают некоторые гены – гены синтеза. Но произведенный дофамин должен быть передан через щель синапса другому нейрону, и рецептором этого нейрона дофамин может приниматься лучше или хуже. Это такая своеобразная антенна, которая может быть хорошей или плохой. А есть еще транспортеры, то есть белки, которые в нужный момент «оттаскивают» свой медиатор назад, так как импульс должен быть коротким. Например, есть вещество моноаминоксидаза, разрушающее некоторые медиаторы, в частности серотонин. В статье Боринской приводится интересный факт об одной семье с особо агрессивным поведением; многие из членов этой семьи становились преступни-

ками. И у них у всех была обнаружена мутация в гене, ответственном за синтез моноаминоксидазы. Таким образом, серотонин создается, но вовремя не разрушается и его оказывается выше нормы, что приводит к повышенной агрессивности.

Выходит, что существует какой-то конкретный ген, ответственный за агрессивное поведение?

Как некоторая психическая особенность агрессивность может иметь, конечно, разное про-

исхождение. Вообще, я бы не хотел, чтобы из моего рассказа создалось впечатление, будто каждое наше психическое свойство, каждый мотив связан с какой-то молекулой или даже с двумя, или десятью. А с другой стороны, в геноме существуют такие ключевые гены, которые могут кардинальным образом влиять на целые поведенческие каскады. Например, есть гены тяги к новизне, гены счастья и тревоги. Причем их

действие может быть связа-

но как с синтезом самих

медиаторов, так и

веществ, их при-

нимающих. Могут

быть гены, влия-

ющие на сексуальное пове-

дение. В статье

Боринской при-

водится еще такой

пример. Есть два

вида мышей-полевок:

одни – странные донжу-

аны, которые скрещиваются со

всеми самками, а другой, очень

похожий вид – строгие моно-

гамы: самец находит самку и всю

жизнь с ней живет. Оказывается,

это связано с геном, кото-

рый контролирует ответ на

вазопрессин. Вазопрессин –

это вообще белковый гормон,

выделяющийся в гипофизе.

В принципе, он регулирует

много чего, в том числе сокра-

щение мышц при родах, но

выступает также в роли нейроме-

диатора. Дальше я дословно цитирую

статью: «Стоит блокировать у сам-

цов рецепторы вазопрессина, как они

превращаются в мышинных донжуанов.

Когда рецептор блокирован, сколько вазопрес-

сина ни давай, эффект его нулевой». А так это

вещество вызывает стремление к стабильности,

верности и, наоборот, гасит тягу к новизне. Даже

у знакомого нам червячка-нематоды есть ген,

мутация в котором делает его из коллективиста

схимником. Обычно червячки любят как бы кучко-

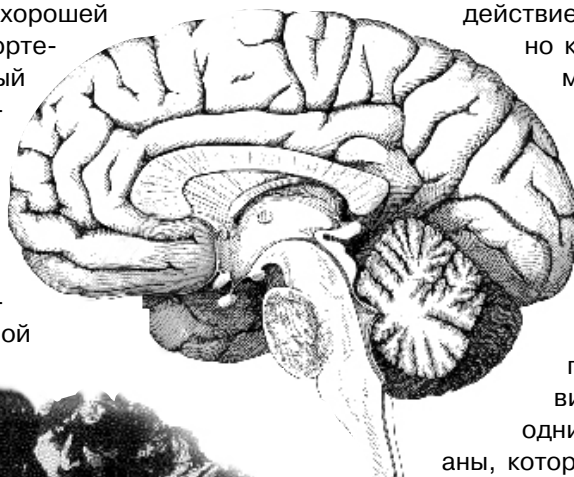
ваться (при этом они трутся друг об друга), а тут

одна мутация в конкретном гене – и он уползает

ото всех и ведет себя подобно отшельнику, кото-

рому никто не нужен. И, возможно, в нашем соци-

альном поведении тоже играют роль подобные

гены. Но это мы можем только предполагать. А вот известный случай, касающийся уже самой высокой психической функции. Это из той же статьи в «Химии и жизни». Есть такая патология – дизлексия, неумение распознавать речь. Она выявляется в детском возрасте и остается на всю жизнь; при одном виде дизлексии дети не могут связать буквы в слова в тексте (прочитать слово), а при другом не способны воспринимать речь на слух. И оказалось, что есть три группы генов на второй, шестой и пятнадцатой хромосомах человека, мутации в которых вызывают эту болезнь. Причем распознавание фонем (звуковых элементов речи) связано с участком шестой хромосомы, а вот чтение отдельных слов – с одним из участков пятнадцатой хромосомы. Получается, что даже такая сложнейшая функция, как речь может быть непосредственно завязана на некоторые ключевые узелковые точки. И хотя само формирование и понимание речи, конечно, нельзя свести к каким-то отдельным молекулам, могут существовать критические места типа «мал золотник, да дорог», системы с высокой ценностью, высоким семантическим весом. Скажем, ген, который управляет целым каскадом событий. Белок, от которого зависит работа десятков других. Это похоже на крупного администратора в большой организации. Нельзя сказать, что общество зависит от своих начальников, но бывают такие ключевые начальники, которые влияют на целую цепь событий.

Александр Евгеньевич, допустим, что мы знаем, какие гены ответственны за повышенную активность мозга, исследовательский интерес, тягу к новизне, агрессивность, а рано или поздно узнаем гены, обуславливающие те или иные способности. Означает ли это, что довольно скоро наступит время, когда можно будет как бы конструировать одаренных или даже гениальных людей методами генной инженерии?

Добавлю еще, что в принципе можно обнаружить и гены, отвечающие за способность к обучению. Все у тех же любимых генетиками червяков-нематод можно воспитывать условные рефлексы на определенную пищу, чтобы, скажем, эта нравилась, а другая не нравилась. И найден ген, мутация в котором гасит способность именно к такому обучению. Современные экспериментальные методы позволяют взять такой ген, пометить его радиоактивным изотопом или флуоресцентным красителем и «шарить» им

по геному человека в поисках аналогичных генов. И все-таки до «конструирования» гениев нам еще чрезвычайно далеко. Пока мы только имеем полностью прочитанную гигантскую энциклопедию – геном. Но нам не известны ни ее орфография, ни синтаксис. Иногда мы знаем, для чего служат отдельные генные сети. Например, один из мощнейших фрагментов генома – это гены, специфически работающие в мозге. Но мы далеко не все понимаем. Есть такая вещь в генной терапии, как этический запрет. Казалось бы, существуют великолепные примеры генной терапии, когда, скажем, берут кусочек больной ткани у человека с наследственным заболеванием, вводят туда здоровый ген, сажают этот кусочек обратно и дают какой-то фактор селекции, чтобы нужные клетки размножились. И в больном человеке развивается здоровая ткань, снимаются патологические симптомы. Например, больной гемофилией просто пьет свиное молоко с антитромбиновым фактором 8. Свинья – живой ферментер, который выделяет в молоко противосвертывающий белок. Всем гемофиликам планеты хватит стада от 300 до 600 таких свинок, которые уже выращиваются в массовом масштабе. Царевич Алексей при наличии такой свиньи мог бы обойтись без Распутина, а русская история без революции 1917 года. Правда, это не генная терапия, а фармакоиндустрия через гены. Но есть и великолепные примеры генной терапии: введение здорового гена в больные клетки и подсадка обратно к донору. Он же и реципиент, который получает свои клетки, но вылеченные, и эти клетки размножаются избирательно. Однако человек, вылеченный геннотерапевтическим образом, генетически больным и остается, потому что в семенниках или в яичниках у него по-прежнему больные гены. И какой был бы великий соблазн сделать трансгеноз, то есть ввести здоровые гены в половой путь, чтобы и потомки были здоровыми. Но тут большой этический подвох. Мы же не знаем, как гены взаимодействуют друг с другом! Скажем, мы вылечим его от какой-то формы анемии. А как это скоррелировано с мозговой деятельностью? Как это связано со всей сетью генома? Ведь пока мы понимаем только, как устроены отдельные фрагменты. Все, наверное, помнят замечательный рассказ Рея Брэдбери «И грянул гром» про раздавленную бабочку. «Эффект бабочки» – это термин современной философско-научной мысли. Бабочку уничтожил – и пошло-поехало. Мы не имеем права делать трансгеноз на людях, пока не поймем геном в целом. Это же не просто энциклопедия. Энциклопедия состоит из отдельных статей

плюс немного перекрестных ссылок. А геном – это одновременно и алгоритм сложнейшей программы, и исторические архивы (там масса заброшенных генов, которые не работают), и скетчи на будущее, и текст, и некая архитектоника, которую мы пока еще не видим в пространстве. То есть, имея уже полный прочитанный геном, мы только-только начинаем подходить к этим проблемам, к пониманию целостного текста, а он огромен.

Приведу исторический пример, показывающий, насколько фатален может быть генетический произвол. В 20-е годы прошлого века возникла так называемая концепция генетического груза. Стало ясно, что есть люди с плохой генеалогией – допустим, дедушка идиот, тетя эпилептик. И эти недуги передаются по наследству, хотя, конечно, проявляются не всегда. Но так или иначе потомство отягощается. Значит, надо спасать нацию. И в ряде стран были приняты радикальные меры. Наиболее решительно подошли к этой проблеме немцы во времена Гитлера. Они выбраковывали не только другие расы, которые им не нравились, но убивали и своих дефектных детей, а также взрослых с такими болезнями, как разные формы слабоумия, в частности синдром Дауна, эпилепсия, тяжелые формы шизофрении, МДП (маниакально-депрессивный психоз) и многими другими. За очень короткий срок были умерщвлены десятки тысяч детей, а немецких идиотов просто уничтожали в немецких же концлагерях. Вот таким образом «чистили» расу.

В гораздо более мягкой форме это делалось в странах с традиционной демократией – в Дании и США. Они тоже считали, что есть задача оздоровления нации, и действительно рекомендовали мужчинам и женщинам с наследственными психическими дефектами за большое вознаграждение (квартира, деньги и проч.) пройти стерилизацию. И это практиковалось в одной из названных стран 30, а в другой – 50 лет. А после войны сами же американцы с блеском опровергли этот подход. Они взяли справочники «Кто есть кто» в науке, в искусстве, в спорте, в бизнесе и, насколько оказалось возможным, восстановили генеалогии своих великих. Подсчитали, сколько там МДП, эпилептиков, шизофреников, людей с тяжелыми психическими дефектами, и оказалось, что у великих всех этих ужасов в 3,7 раза больше, чем в среднем у остальных людей. Мораль: мы не имеем критериев, по которым можем кому-либо запрещать размножаться. Если я, скажем, медико-генетический консультант, сижу в клинике, в центре репродукции и ко мне приходит эпилептичка и говорит: «Я безумно полюбила одно-

го шизофреника с бредом и галлюцинациями. И мы хотим рожать детей, причем как можно больше». Еще лет 50 назад, до этих американских данных, ей бы действительно не рекомендовали этого делать. Но сейчас ясно, что если запретить такой женщине производить детей, мы можем потерять будущего Бетховена, Эйнштейна или Леонардо. Сети генов, связанные с высшими психическими функциями, – это очень сложный пасьянс. Какое-то нестандартное сочетание нестандартных генов дает всплеск гениальности, а если одного, скажем, нет в этой колоде или он изменен – и все съезжает в сторону острой патологии. Более того, творческая гениальность (как описывает Эфроимсон) часто сопровождается клиничко-патологической жизнью. Великий Достоевский, создавший высочайшие этические максимы и гениальные психолого-философские модели человеческих ситуаций, был тяжелым эпилептиком, обладал на редкость трудным характером. И таких примеров множество.

Получается, что генетика подтверждает известное выражение: «От гениальности до безумия один шаг».

Да, эти вещи часто соседствуют. В «Гениальности и генетике» Эфроимсон описал 150 патографий великих людей. Среди них есть представители известнейших европейских династий, художники, писатели, в частности Гоголь, Пушкин. Патография – это взгляд на биографию глазами медицинского генетика. Эфроимсон рассматривал жизненные циклы этих людей, выделяя периоды креативности и длительные периоды депрессии. Он, например, подсчитал, что на самом деле весь творческий период Гоголя, если сложить все временные отрезки, охватывает неполных четыре года. Остальное время – тяжелейшие провалы, депрессии. И это связано с тем, что у Гоголя был определенный психосоматический комплекс: известно, скажем, о его сексуальных проблемах, демонизме и мистицизме. У Пушкина, вероятно, была классическая циклотимия, вызванная серотонинным дисбалансом. Это смягченный вариант, близкий к МДП. Часто сопутствуют гениальности такие вещи, как тестикулярная феминизация и синдром Морфана. Строго говоря, талантливость сама по себе – отклонение от нормы. Ведь среднестатистический, нормальный человек – это безумно скучная личность. Но с другой стороны, и за эти «выбросы» гениальности ее обладателям тоже приходится платить.

Александр Евгеньевич, у меня сложилось впечатление, что по ходу нашего разговора мы все время балансируем на некой грани. Если упростить, то по одну сторону – биология, процессы физико-химической природы, а по другую – психология, культура. По одну сторону – генетическая, нейрофизиологическая подоплека той же одаренности, а по другую – неповторимая биография гения, конкретные культурно-исторические условия. А средоточие всего этого – мозг человека?

Действительно, мозг – это феномен, находящийся в фокусе очень многих наук и, я бы даже сказал, рассматривающийся в ракурсе разных философий. И если говорить об исследованиях мозга и, в частности, проблем одаренности, гениальности, то здесь можно выделить два главных подхода. Первый я бы назвал в духе философской лексики – холистическим. Он идет как бы сверху – от мозга как такового, от психических феноменов, от антропологии, педагогики. А второй – редукционистским, идущим снизу, – от генов, от молекул и от простых объектов типа червей, от наших более примитивных, но тем не менее «братьев старших», если иметь в виду их эволюционный возраст.

Сверху идет очень интересный поток данных. Это и то, что дает близнецовый метод, и то, о чем написал наш соотечественник В.П. Эфроимсон. В этом смысле очень интересна книга «Красота и мозг». Весь ее пафос состоит в том, как исследовать физическую структуру мозга через феномены культуры, через стереотипы поведения. Скажем, как связана энцефалографическая пульсация мозга и стихотворные ритмы? Оказывается, есть три периода пульсации речи в поэтическом языке, и они соответствуют ритмам электрофизиологической активности мозга. Первый уровень ритма примерно соответствует временным расстояниям между ударными слогами. Второй – длине средней поэтической строки. А третий примерно соответствует временной протяженности строфы. То есть мы понимаем, что поэзия и самого поэта в минуты вдохновения, и его аудиторию как бы заводит в трех временных регистрах. Возникает своеобразный резонанс с мозговыми пульсациями, на чем, вероятно, построены шаманство, ритуальные действия. Или вот сложные поведенческие каскады. Например, у народов, которые раньше оскорбительно называли первобытными, распространена такая реакция кормящей матери на потенциального врага и насильника. Она обо-

рачивается в сторону этого негодяя и брызгает из своей кормящей груди струю молока ему навстречу. Причем это, можно сказать, почти рефлекторное поведение наблюдается в разных культурах, на разных материках: в Южной Америке, Центральной Африке, Юго-Восточной Азии. Вряд ли они друг у друга могли этому научиться. Может быть, это сидит в генах каких-то общих предков или как-то эпигеномно вытекает, скажем, из структуры мозга. Но в этом есть своя логика: «Отстань, насильник. Видишь, я кормлю». На самом деле повторение в культуре разных народов одних и тех же явлений или форм заставляет предположить, что существуют своеобразные гены культуры, которые ведут себя подобно обычным генам: они так же рефлецируются, тиражируются для потомков, так же образуют сложнейшие конфигурации, так же подвержены мутациям.

То есть и в культуре многое задается наследственностью, а значит, многое предопределено?

В самом начале я говорил о цифрах – 80 и 20. Это ведь не случайные цифры. Есть вообще некая более или менее устойчивая пропорция между детерминизмом и случайностью в самых разных системах. Я в этом сомневался, но потом нашел массу примеров из психологии, кибернетики, из той же геномики, когда речь идет об уровне дозволённых мутаций в организме. 70–80 % задается правилами предсуществующими. В генетике это генотип, в культуре – это традиции и нормы среды, те рамки, которые нам заданы. Но остальные 20 % – это случайность, обстоятельства, творчество, перипетии судьбы. В значительной мере это как раз то, что зависит от нас, от нашей воли.

Беседовал Александр Пентин

*Интервью иллюстрировано графикой
О. Бердслея и рисунками М. Лермонотова*

Этимологический словарь

ЛЮБОВЬ

Любовь, Liebe, love, amour, eros, amor — таковы обозначения этого чувства в древних и новых европейских языках. *Любовь* мы прежде всего понимаем как *влечение, склонность*, наконец, *аффект, страсть* — различные стороны феномена, которые открываются переживающей душе человека. Очень быстро этимология каждого слова приводит к этим основным значениям, вроде бы лишая нас всякой интриги, делающей слово интересным. Но дело как раз в том, чтобы заглянуть мыслью за отдельные исторические формы и словарные значения, увидеть смысл, целое, главное. Рассмотрим *exempli gratia* несколько обозначений любви в разных языках, остановившись особо на древнегерманском слове «*minne*».

Обратившись прежде всего к славянским языкам, мы находим семантическое соответствие — слово «*милость*» (чеш., польск.). Но еще больше одаривает нас русский язык, связывающий *любовь* с *жалостью*. Обычное значение слова *жалость* — *сочувствие при чужой беде, сокрушение о чем-либо, печаль*. Любимый стал бы возражать, что любовь и жалость разные вещи, что жалость подменяет собой настоящую любовь. На самом деле такое толкование — *жалкий как достойный жалости, сожаления* — свидетельствует о разрыве «я» и «другого», которые тождественны в переживании любви. И этому учит слово. У Даля читаем: жалёный, жалкой, жалоба (*ты мой, ты моя*) — по ком сердце болит, кого жалею, люблю; милый. Эта интуиция русского языка — единение в любви, узнавание себя в другом — родственна, конечно же, санскритской мудрости *tat tvam asi*. «Я — это ты» составляет таинственный смысл любви и в христианской мистике. Любовь человека к Богу соответствует любви Бога к человеку: *amor Dei* как единство субъективного и объективного значения родительного падежа. У Дионисия Ареопагита сказано: «Истинно любящий и исступивший из себя... живет не своей жизнью, а жизнью возлюбленного». Именно это прозрение вмещает в себя общее для германских языков слово «*minne*», ставшее ключом к пониманию любви в европейском Средневековье.

Древневерхненем. *minna* родственно швед. *minne*, *воспоминание, память (gedenken)*. Первоначальное значение (любвиного) воспоминания о чем-то сохранилось и в средневерхненем. *minne*. Лучшее философское толкование *minne* дал Мейстер Экхарт: «*Diu minne ist der natur, daz si den menschen wandelt in die dinc, die er minnet*» («Природа любви такова, что она превращает человека в ту вещь, которую он любит»). Еще раньше поэтическое свидетельство о такой любви оставили нам миннезингеры XII–XIII вв. Ранний миннезингер Дитмар фон Эйст описывает, как женщина тоскует по любимому, не может его забыть «в своей душе»:

*Selten sîn vergezzen wirt
In mînem muote.*

Здесь *minne* есть нечто большее, чем чувство тоски, а именно *память о любимом, хранящая живую связь «двух сердец»*. В *minne* становится очевидной связь *любви, памяти, мысли и благодарности*, которую опять-таки подтверждает этимология: нем. *Gedanke* (мысль) и *Dank* (благодарность) восходят к германскому глаголу *denken* (думать). Прочтем знаменитые стихи Вальтера фон дер Фогельвейде:

*Ich freudehelfeldser man
Wâr umbe mach ich manegen frô,
Der mir es niht gedanken kan?
Owê wie tuont die friunde sô?
Jâ friunt! waz ich von friunden sage!
Het ich decheinen, dîr vernaeme ouch mone klage.
Nu enhân ich friunt, nu enhân ich râ:
Nûn tuo mir swie dû wellest, minneclochiu Minne,
Sot nieman mon genâde hât¹.*

Поэт одаривает, но сам не получает благодарности (*gedanken*). Очевидно, что друзья не способны оделить поэта тем единственным даром, которого он ждет: друзья о нем не думают, т. е. не любят его, *не жалеют (dêr vernaeme ouch mîne klage)*. Завершающие же строки не только заставляют вспомнить русское *совет да любовь*, но и явственно свидетельствуют о *жажде сострадания. Mitleid, сочувствие* — не просто обозначения психологических переживаний. Речь идет о переводе слова «*genâde*», имеющего христианский оттенок божественной милости. Будучи дарами свыше, милость, равно как и сострадание, возможны лишь там, где есть любовь, устраняющая различия между «моим» и «чужим».

*Minne entouc niht eine,
Si sol son gemeine,
Sô gemeine daz si ge
Dûrch zwei herze und durch dekeinez mê.*

Нельзя любить одному,
Любовь должна быть общей,
Настолько общей, чтобы жила
В двух сердцах и больше нигде.

Александр Михайловский

¹ Ах, я, безрадостный поэт!
Хоть сею радость я вокруг,
Но мне «благодарю» — о нет,
Никто не скажет, даже друг.
Друзья — но разве то друзья?
Друг услышал бы, как печалюсь я!
Ни помощи, ни друга, ни совета!
Как хочешь, истерзай меня любовью,
Сочувствия ни в ком не вызывает это.

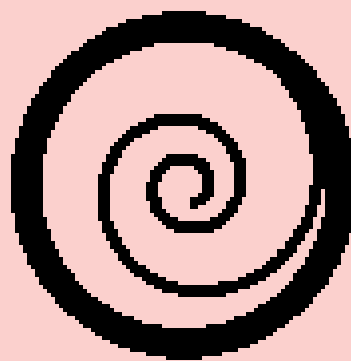
(Перевод В. Левика)

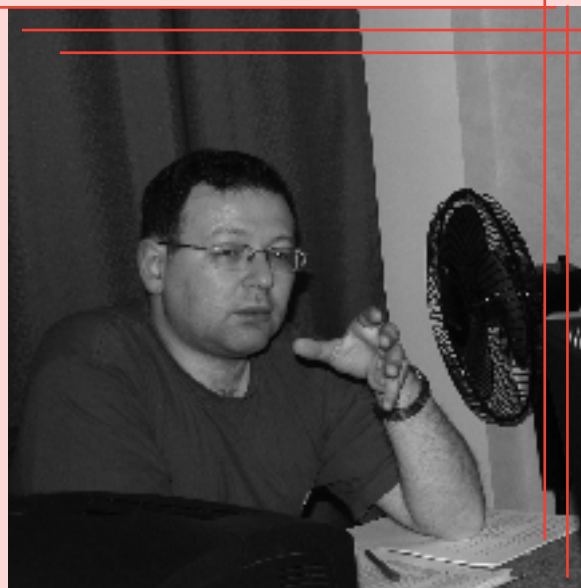

Оставить в покое
недостижимое

Так живет весь
цивилизованный
мир

Наши люди.
Алексей
Любжин

ЛЮБЖИН АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ

Человек-ретро, как бы шагнувший из века минувшего в век нынешний, филолог, литературовед, переводчик, одним словом – ходячая энциклопедия. Очень приятен тот факт, что Алексей Игоревич на протяжении многих лет является постоянным автором нашего журнала. Именно он первым настолько глубоко затронул тему истории педагогики, которую потом подхватили многие образовательные СМИ.

Любжин – именно филолог, а не просто «пишущий» человек, поэтому уровень его материалов безукоризненно высок. Помимо научной деятельности, Алексей Игоревич находит время и для преподавательской работы: ведет латынь и дистанционный спецкурс. Одно время он был классным руководителем, и надо отметить, очень уважаемым детьми и их родителями. Характеристики, которые Любжин писал на своих подопечных, – классика жанра (они были опубликованы на страницах ЛГО). Его краткие и афористичные выступления на родительских собраниях всегда вызывали у родителей истинное чувство катарсиса. Не только впечатлительные мамы, но и взыскательные папы говорили потом, что их детям выпало большое счастье и уникальная возможность общаться с таким учителем и человеком.

Алексей Игоревич с удовольствием принимает участие в разнообразных новых проектах. Сейчас он занят одним из них – проектом с загадочным названием «Детская ядерная академия».

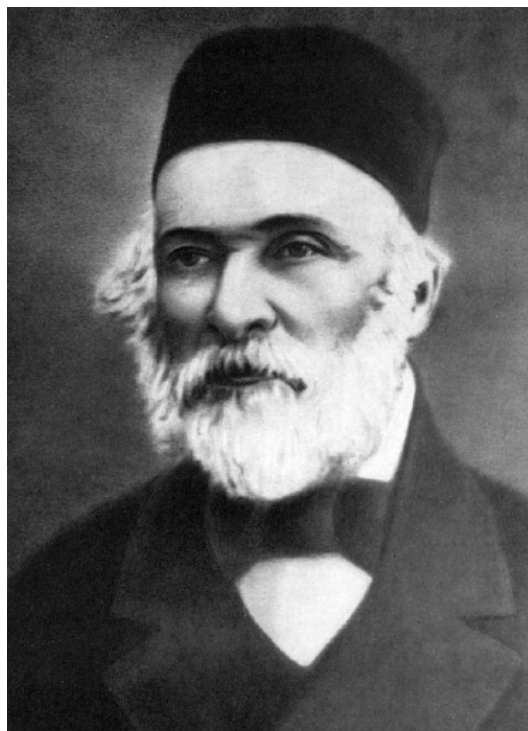
Николай Иванович Пирогов, бесспорно, – один из крупнейших русских педагогических мыслителей; этим мы очертим сферу наших заметок, поскольку другие ипостаси его жизни, не менее плодотворные, – деятельность выдающегося врача, основателя военно-полевой хирургии, пост крупного администратора ведомства Министерства просвещения – не могут быть хоть сколько-нибудь подробно рассмотрены в отдельной статье. Среди тех, кто так весомо обогатил отечественную философию образования, трудно найти сопоставимого масштаба фигуры, пришедшие практически «со стороны» и приобретшие заслуженную славу на ином поприще. Но выдающаяся личность воспитательна сама по себе; Пирогову, стремившемуся быть врачом не только тел, но и душ (недаром в его трудах по вопросам воспитания так много медицинских сравнений), было в высшей степени свойственно это качество, и именно оно заставило его, «путь жизненный пройдя до половины», сменить род деятельности и написать ряд замечательных работ, где кристаллизован его несравненный педагогический и человеческий опыт

ОСТАВИТЬ В ПОКОЕ НЕДОСТИЖИМОЕ

Педагогическое наследие Н.И. Пирогова

**МОСКВА – ДЕРПТ – ПЕТЕРБУРГ –
СЕВАСТОПОЛЬ**

Н.И. Пирогов родился 13 ноября 1810 года в Москве, в небогатой семье чиновника. Первоначальным его образованием было домашнее и пансионское; в 14 лет по совету профессора Е.О. Мухина он блестяще выдержал экзамены и был принят на медицинский факультет; через четыре года заканчивает его со званием «лекаря первого отделения» (что соответствует степени кандидата на других факультетах) и поступает в знаменитый профессорский институт при Дерптском университете – привилегированный рассадник научных кадров для России, где работает в клинике известного проф. И.Ф. Мойера. Материальные стеснения и трудолюбие юного ученого неслыханны: по собственному признанию, ему неделями приходилось питаться чаем и хлебом, заменяя чай из-за дороговизны ромашкою и шалфеем; по свидетельству друзей, он (не только в Дерпте, но везде, где приходилось учиться и работать) не расставался с клиниками, госпиталями и анатомическими театрами. Пирогов получает золотую медаль за конкурсное сочинение 1829 года, в 1832 успешно защищает докторскую диссертацию и в 1833–1836 годах стажирруется в Германии; его ученическая карьер-

Н.И. Пирогов, 1869 г.

Петербург. Академия наук

ера развивается стремительно: уже в год возвращения он получает в Дерпте пост экстраординарного профессора, а на следующий – ординарного. Заметим, что эпоха двадцатилетних «генералов двенадцатого года» осталась далеко позади; еще совсем молодой профессор достиг практически вершины ученой карьеры. В этом отношении Пирогову повезло – его молодость приходится на самый блестящий период культурной и научной истории России.

В 1841–1856 годах он преподает в Петербургской Медико-хирургической академии. Это расцвет его научных и преподавательских талантов. Главный итог – знаменитая четырехтомная «Топографическая иллюстрированная анатомия» (1851–1859). В 1847 году Пирогов становится член-корреспондентом Императорской Академии наук по биологическому отделению и академиком Медико-хирургической академии. Кавказская командировка этого же года, оскорбление, нанесенное Пирогову военным министром князем А.И. Чернышевым, который сделал замечание за несоблюдение формы, и резкий выговор в Медико-хирурги-

ческой академии доводят его до истерического припадка; он решает уйти в отставку и уехать за границу. Пирогова для России спасает Великая княгиня Елена Павловна, пригласившая незнакома ей лично хирурга к себе. «Ее обращения со мною заставили меня, – вспоминал Пирогов, – устыдиться моей минутной слабости и посмотреть на бестактность моего начальства как на своевольную грубость лакеев». В октябре 1854 года он выезжает в добровольную командировку в Крым на войну (которую он называл «травматической эпидемией») во главе группы хирургов-единомышленников и первой в мире общины сестер милосердия (это было также результатом трудов и заступничества Елены Павловны); участие его в славной обороне Севастополя сделало хирурга одним из народных героев России и обеспечило ему популярность в широких общественных кругах, недостижимую для кабинетного ученого самого высокого ранга (Некрасов писал: «Пройдет война, и эти матросы, солдаты, женщины и дети разнесут имя Пирогова по всем концам России, оно залетит туда, куда не заглядывала еще ни одна русская популярность»). В 1856 году ученый, мотивируя свою просьбу расстроенным здоровьем, уходит в отставку; примерно в это же время в «Морском сборнике» появляется его первая статья по теоретической педагогике «Вопросы жизни».

«ВОПРОСЫ ЖИЗНИ»

Прежде всего нужно несколько слов сказать о месте публикации. Морское ведомство еще с петровской эпохи тесно связано с русским образованием; какое-то время по воле императора Адмиралтейств-коллегия, которой было поручено заведование цифирными школами, играла

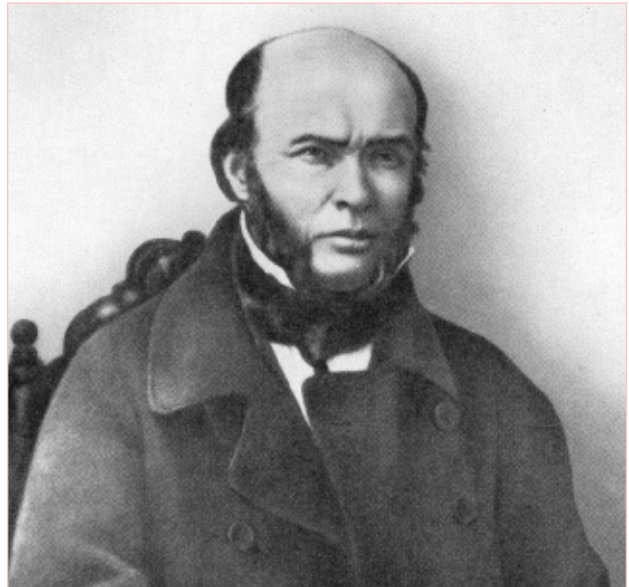
Медико-хирургическая академия, 1836 г.

в России роль Министерства просвещения. В данном же случае причина заключалась в том, что «Морской сборник» – журнал, призванный распространять общеобразовательные и специальные знания среди моряков – принадлежал к ведомству Великого князя Константина Николаевича, в императорской семье наиболее радикального сторонника преобразований. (Отметим, что один из долго державшихся на своем посту министров просвещения А.В. Головнин, при котором были приняты университетский и гимназический уставы, также был выходцем из кругов, близких к Константину Николаевичу; в тот период он руководил «Морским сборником», а впоследствии, будучи министром, призвал Пирогова возглавить научную подготовку русских студентов за границей.) Это обстоятельство, наряду с высоким общественным статусом автора, само по себе обрекало статью на популярность и перетолковывание.

Исходный ее пункт – противоречие между официально признанными христианскими идеалами общества тогдашней России и духом стяжательства и наживы, характерным для большинства его представителей, так что «во всех обнаруживаниях жизни практической и даже отчасти и умственной мы находим резко выраженное, материальное, почти торговое стремление, основанием которому служит идея о счастье и наслаждениях в жизни здешней». В педагогике это стремление проявляется в подготовке практических деятелей – офицеров, моряков, юристов, негочантов – в противовес подготовке человека, в преоблада-

Н.И. Пирогов в период обороны Севастополя

То, о чем пишет Пирогов, – не абстракция и не интеллектуальная игра. Он размышляет о вопросах жизни, а не теории. Первый способ – циничный – отвергается им по нравственным причинам; второй – поскольку «изменить направление общества есть дела Промысла и времени». Эти слова на голову возвышают Пирогова над большинством философствующих специалистов от педагогики, многочисленных в екатерининскую эпоху и нередких еще и сейчас, ставящих перед воспитанием недостижимую цель реформировать общественные нравы. Но ту внутреннюю борьбу, которая и будет признана единственно достойным решением, он пережил на собственном опыте. Именно опыт и станет корнем, откуда растут все взгляды Пирогова, так поражающие потомков своей непоследовательностью: его осторожная, чуткая к реальной жизненной сложности позиция до конца не будет близка никаким доктринарам, желающим лишь последовательного проведения любой ценой своих благородных принципов; не случайно в другой фундаментальной работе «Чего мы желаем?» Пирогов подчеркивает: «Истый практик не заботится о последовательности. Он непричастен аномалии, известной под названием логического ослепления».

В самом по себе феномене общественного резонанса статьи, направленной против господствующей тенденции в обществе, есть некий парадокс, тем более, что, по признанию самого автора в другом месте, дух правительства и дух нации более благоприятствовали прикладному, нежели

Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и укрепиться внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так сговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негочанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное, у вас будут люди и граждане.

Из «Вопросов жизни»

нии реального воспитания над гуманным. По мнению Пирогова, есть три способа преодолеть это противоречие: «Или согласить нравственно-религиозные основы воспитания с настоящим направлением общества. Или переменить направление общества. Или, наконец, приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе: доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой».

чисто научному образованию («Университетский вопрос»). И если Пирогов, по словам К.Д. Ушинского, «пробудил спавшую у нас до тех пор педагогическую мысль» (словом несправедливым, поскольку литературе конца сороковых – начала пятидесятих годов немало замечательных педагогических работ), то связано это как с априорным доверием к мнению великого врача и к страницам, где оно появилось, так и с тем, что общий характер педагогического идеала оставлял простор для самых широких толкований. Пирогов писал то, что думал, как и всегда; но вожди тогдашнего общественного мнения – по преимуществу бывшие семинари-

Ясно ли это для других – не знаю; но я, при моем складе ума, никогда не пойму, чтобы идеал, как ложный призрак недостижимого совершенства, не мог руководить нас ни в действиях, ни в суждениях. Идеальное мне представляется нитью электрического телеграфа, один конец которого тянется к нам через всю земную жизнь, а другой – исчезает в беспредельности. Как идея времени, пространства, числа и меры, так и идея совершенства, служащая незримой мерою наших действий, присущи человеку.

Из статьи «Чего мы желаем?»

сты – имели полную возможность перетолковать его мысли себе на потребу, как цензурную уловку для обозначения радикально-реформаторских идеалов; если Пирогов под образованным и гуманным человеком понимал образованного и гуманного человека, то кто мог помешать читателям-радикалам перетолковать это словосочетание на свой лад – как интеллигента, борющегося против царского правительства? Вот почему взгляды Пирогова были восприняты с восторгом в тех кругах, с которыми у него по существу не было и не могло быть ничего общего; частично популярность его наследия и его приемлемость в позднейший период объясняются этим фундаментальным недоразумением. В том же аспекте нужно рассматривать и неизменную приверженность Пирогова к классическому образованию, совершенно непонятную для мнимых сторонников великого хирурга (в том числе и для К.Д. Ушинского) и традиционно определяемую как его «противоречивость». Позднее это приведет к открытому конфликту в связи с вопросами о телесных наказаниях, когда Пирогова его прежние восторженные поклонники будут упрекать в реакционности и «непоследовательности» только потому, что он понимал: если почти в каждой русской семье мальчишку секут, то встреча со школой,

где телесные наказания запрещены, может вызвать пагубные последствия для учебной дисциплины.

Как бы то ни было, общественный резонанс заставил правительство отнестись со вниманием к автору столь популярной статьи, и Пирогов был назначен на высокий пост попечителя Одесского учебного округа.

ОДЕССА – КИЕВ – ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

За свою вековую историю учебное ведомство знало много казусов: неопытный юноша, назначенный на попечительский пост в Петербурге по рекомендации, как зять министра, обнаружил незаурядные таланты и стал впоследствии одним из лучших русских министров просвещения (С.С. Уваров); бывший министр просвещения занимает аналогичный пост в ведомстве внутренних дел (гр. Д.А. Толстой), а на должность министра просвещения назначается бывший министр обороны (П.С. Ванновский); часты были на значимых должностях представители высшей аристократии, военные и профессора; выдвиженцы общественного мнения преобладали в последний период, и эти были наиболее вредоносными из всех;

но такого, чтобы человеку, чьи выдающиеся способности не подвергались ни малейшему сомнению с чьей-либо стороны, но пока не успели сказаться в административной области, были доверены судьбы целого учебного округа, в русской бюрократической практике еще не было.

А положение, между тем, было хуже губернаторского. Громадный и сложный округ – Юго-Западный край с массой враждебного польского населения и – в отличие от Москвы, Петербурга, Киева, Харькова и Казани – отсутствие собственного университета, а следовательно, постоянная нехватка местных педагогических кадров; близость православных провинций Турции, которые могли бы ориентироваться на юго-западные губернии России и в экономическом, и в культурном отношении; тяжелая проблема ришельевского лицея в Одессе, необходимость его «преобразовать в полноценный университет», что было осуществлено лишь позднее, в 1865 году. Самый ход образования – от специального к общему – противоречил естественному порядку; в дополнение к послевоенному расстройству финансов, которых не хватало на самые неотложные нужды образовательного ведомства, всюду царили разброд и шатание в умах, что не способствовало поддержанию школьной дисциплины и ставило гуманного попечите-

ля под удар реакционных кругов; доносов было вполне достаточно, и в 1858 году Пирогов был переведен на ту же должность в Киев.

Тамошние проблемы носили несколько иной характер. Киевский университет (св. Владимира), самый молодой в Империи, еще не успел обрести прочные традиции; как отмечали наблюдатели, дух интриги и кляузы господствовал в нем; потихоньку начинала поднимать голову украинофильская партия, имевшая целью отторжение Украины от Империи. Одной из ошибок Пирогова было чрезмерное доверие к профессору истории П.В. Павлову, которому было поручено руководство новооткрытыми воскресными школами; впоследствии этот малоквалифицированный «историк» претерпел суровую административную кару за неприличные выходки против властей. Как человеку, Пирогову претили полицейские функции, неизбежные на его посту, и он отстаивал от контроля со стороны администрации и студентов университета, и преподавателей воскресных школ. В условиях общественного брожения такая позиция выглядела как служебная нелояльность, и потому в 1861 году Пирогов расстался и с этой должностью; прощаясь с киевскими студентами, он сказал им примерно то же самое, что умирающий Перикл своим любимым афинянам: «Расставаясь с вами, я буду счастлив тем, что если не довел ни одного из вас до истинного счастья, то по крайней мере не сделал никого по моей воле несчастным. Итак, прощайте! Служите верно науке и правде и живите так, чтобы, состарившись, вы могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость». Через год правительство командировало его за границу «для исполнения разных трудов по учебной и педагогической части», прежде всего для руководства молодыми людьми, готовившимися к профессорской деятельности. Великий хирург отнесся к этой задаче добросовестно: он посетил свыше 20 университетов, приобрел их программы; в качестве своей постоянной резиденции он избрал Гейдельберг. К этому периоду относятся его важные работы – «Университетский вопрос», «Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений», «Письма из Гейдельберга», знаменитые «Начала военно-полевой хирургии» (1864–1866).

Но приход к власти консервативного министра Д.А. Толстого положил конец его службе. Под благовидным предлогом потребности в филологах в связи с гимназической реформой тайного советни-

Занятия в воскресной школе.
С картины Н.П. Богданова-Бельского

ка Н.И. Пирогова освободили «от возложенного на него поручения». Великому медику осталось только удалиться в свое имение в селе Вишня Подольской губернии, где он занимался частной врачебной практикой. Во время франко-прусской и русско-турецкой войн Пирогов выезжал в действующую армию для оказания помощи раненым

Читая журнальную полемику и возражения, я, удивляясь, спрашивал себя: неужели же серьезно кто-нибудь убежден, что мне, или, лучше, комитету не были известны самые первые начала педагогики, неужели кто-нибудь мог, в самом деле, подумать, что мы не понимаем различия между юриспруденцией и воспитанием: между провинившимся ребенком и подсудимым преступником?

Неужели, думал я, у нас незнание фактической стороны дела может еще, так смело прикрываясь фразой, толковать об идеальных свойствах воспитателей и воспитанников, о любви как главном принципе воспитания, о возможности обойтись вообще без наказаний, тогда как мы боремся в нашем общественном воспитании с самыми грубыми его недостатками? Кого хотят удивить крайностью убеждений, идеальностью взглядов, тонкостью логического анализа?... Увлекаясь мыслью о коренных преобразованиях целой системы воспитания, хотя бы и превосходных, но далеких, можно ли забыть все вопиющие потребности настоящего?

Из «Отчета о следствиях введения по Киевскому учебному округу правил о проступках и наказаниях учеников гимназий»

и больным, лечил Гарибальди. В мае 1881 года московская общественность торжественно отметила 50-летний юбилей его научной и практической деятельности. 23 ноября того же года он скончался.

Н.И. Пирогов недолго занимал ведущие посты в Министерстве просвещения; за такое время, конечно, невозможно было бы реформировать и отдельное учебное заведение, не только целый округ (где руководитель, с одной стороны, не имеет возможности изменить правила игры, а с другой – не столь близок и к непосредственному делу). Потому мы затронем лишь один аспект его теоретических интересов – подготовку учителей.

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Взгляды Пирогова на сей предмет изложены во множестве статей, записок, предложений, циркуляров. Не будем касаться организационного аспекта: это вопросы, интересные более для узких профессионалов. Остановимся на том, что Пирогов считает нужным и возможным требовать от учителя.

Здесь его отличает та же трезвость суждения. Как отмечается в «Правилах о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа», «...в деле воспитания – будет ли оно домашнее, или общественное – всегда более или менее преобладает одно из трех начал: призвание, администрация и спекуляция.

По призванию воспитывают детей только некоторые, немногие родители и некоторые избранные педагоги. В учебных казенных заведениях господствует административное начало, а в большей части частных школ и пансионов – спекуляция. Это так есть, и не может быть иначе при современном состоянии нашего общества», при том что воспитание может осуществляться только по призванию.

Если в моей жизни и наберется кое-что, чем я могу гордиться, то я не столько самолюбив, если хотите, слишком самолюбив, чтобы напоминать о себе публичным изложением собственных заслуг.

Н.И. Пирогов

Чего же можно в таком случае требовать от учителей-чиновников, исполняющих свои обязанности без внутренней предрасположенности к ним?

Есть и другая сторона. Когда курьезным образом педагогический совет одного из училищ разделился на две части, из которых одна полагала, что наставники должны быть своим ученикам отцами, а другая – что братьями, попечитель считал нужным вмешаться и напомнить педагогам: наставники должны оставаться наставниками.

Дом Н.И. Пирогова в селе Вишня

Патриархальное начало обескровило, дискредитировало себя, и правильно примененный бюрократический принцип заключает в себе хоть какую-то гарантию от произвола. Пирогов высоко ценит достижения современной педагогики (в особенности – наглядную методику обучения; в современной ситуации главным своим врагом он считал бы так называемое «развивающее обучение» с его предпочтением к теоретическим выкладкам сравнительно с данными опыта).

Потому кандидаты на учительскую должность должны были в обязательном порядке посещать лекции по педагогике, а по предметам преподавания в университете – лишь факультативно, и не только присутствовать на уроках опытных коллег и сами давать пробные занятия (это азбука педагогической практики), но и непременно ознакомиться с передовыми методами обучения; «весьма полезно было бы вменить в обязанность каждому кандидату или составить собственный очерк лучшего, по его мнению, способа преподавания начал избранного им предмета или сделать разбор предложенного кем-нибудь из иностранных или отечественных педагогов» («О подготовке учителей для уездных и приходских училищ»). Польза этой меры заключается в том, что она позволяет ввести в дело все три источника педагогического мастерства – не только опыт и теорию, но и личные данные самого учителя. При этом даже от учителей-чиновников Пирогов требует, чтобы те, отдавая все силы пунктуальному соблюдению официальных программ, не пренебрегали самым главным – «приложением к делу тех практических способов и приемов, которыми современная педагогика так много содействует усвоению ребенком научных истин».

Если попытаться сформулировать главный его урок одной фразой, это можно сделать следующим образом: не упускать из виду идеальную цель и не действовать вопреки требованиям жизни **ЛГО**

Помнится, еще Василий Розанов, пытаясь образно определить принципиальную разницу менталитетов россиянина и «европейца», писал о том, что если западная психология определяется формулой «как бы кого посечь», то русская – это психология высеченного человека. Отсюда и наш вечный «комплекс неполноценности» перед Западом (обратной стороной которого является русский мессианизм), и стремление доказать, что «мы не хуже», и бесконечные попытки «догнать и перегнать».

Как бы то ни было, следует признать: мечтая о светлом будущем, его «прототипы» мы всегда искали на Западе и, сознавая свое срединное, «евроазиатское» положение, неизменно тяготели именно в эту сторону.

Обзору непростых взаимоотношений России и Европы в области образования на протяжении последних трех столетий посвящен очередной материал постоянного автора рубрики «Ретроспектива» Алексея Любжина

ТАК ЖИВЕТ ВСЕ ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ МИР...

Русская школа и Запад. Очерк взаимоотношений

Русская школа, если не считать преподавания элементарных сведений, – явление сравнительно позднее. Первоначально русский образовательный идеал определялся понятием «начетничества». По-настоящему образованным считался не тот, кто умел читать и писать, – здесь мы, по-видимому, не слишком отставали от Европы, – а тот, кто прочел много книг и хорошо знаком со Св. Писанием, Отцами Церкви (по большей части в переводах), имеет представление о географии, истории и т. п. Переводы заказывали приезжим грекам.

Кризис этого идеала совпал с церковным расколом – ведь старообрядцы и были образцовыми представителями начетничества. Перед церковными и светскими властями встал вопрос о создании высшей школы. При этом можно было:

1) обратиться к нашим старым учителям – православным грекам;

2) импортировать католически-иезуитскую образовательную систему; и

3) ориентироваться на светские формы, созданные секуляризованным просвещением.

Сразу оговоримся, что мы не считаем ни секулярные образовательные структуры, ни тем паче иезуитские (образцовые в своей эффективности) чем-то заведомо злокозненным и непригодным. Им в любом случае предстояло приноровиться к местным особенностям и народному характеру, до определенной степени наполниться и одухотвориться другим содержанием. Вне западного опыта в той или иной форме создать свою высшую школу было невозможно. Первые русские высшие школы – Киево-Могилянский коллегиум, не создан-

ный, а отвоеванный у поляков (впоследствии академия), и Славяно-греко-латинская академия в Москве, – отражают соответственно опосредованное католическое влияние (с ориентацией на латынь) и православную традицию (тоже с католической примесью: руководители академии братья Лихуды учились в итальянских университетах). Первая российская образовательная дискуссия – о приоритете греческого или же латинского языка.

При Петре руль круто поворачивается. Царю были нужны моряки, артиллеристы, инженеры, поэтому венецианско-испанский флот играет едва ли не большую роль в воспитании русской молодежи, чем любая из отечественных школ. А в 1715 г. создается сеть, как сейчас сказали бы, «практикоориентированных» цифирных школ – для образования дворянского сословия. Чтобы ничего из могущего погубить дело не было упущено, эти вполне светские школы вверяются духовенству, а руководить образованием сухопутной страны назначается Адмиралтейств-коллегия. Саботаж архиереев разрушил сии замыслы. Не удается и построенная по западным образцам гимназия пастора Глюка в Москве: общее образование появляется последним, общественная потребность в нем меньше, чем в сословно-корпоративном (духовном и военном).

Но когда тот же Петр стал при архиерейских домах заводить семинарии, уже привычные русскому высшему духовенству по киевскому и московскому образцам, все прекрасно получилось, и была создана одна из наиболее работоспособных (до сих пор) русских образовательных систем. Отметим, что именно семинаристы вытянули на себе все образовательные реформы столетия, работая за гроши в народных училищах и наполняя студенческие аудитории Петербурга и Москвы. Проектом на будущее стала Академия наук в Петербурге: ее университет и гимназия были из

рук вон плохи, но без высшего научного учреждения не может существовать народная школа...

В самом начале царствования Анны Иоанновны по образцу «рыцарских академий» Западной Европы создается Сухопутный шляхетский корпус. Это тоже реформа на века – он давал стране образованных офицеров, чиновников, поэтов... «Прототип», как видим, и здесь был западный.

При Елизавете Петровне был осуществлен импорт последней из плодотворных европейских идей – университетского и гимназического образования. Этого не могло бы произойти, если бы не возмужание общества и подготовленный прежними школами рост его интеллектуальных потребностей: общее образование гуманистического толка теперь находит своего адресата... Естественно, профессора по большей части приглашаются из Германии, а студенты – из духовных семинарий...

При Екатерине II Россия впервые сталкивается с идеологической борьбой, которая ведется на Западе вокруг образовательных проблем. Русская императрица (как и Фридрих II в Пруссии) усваивает критику традиционного западного образования, выдвинутую Локком и Базедовым; влиянием пользуется даже Руссо... Представители традиционной педагогики в лице выдающегося наставника, многолетнего ректора Академических гимназий при Императорском Московском университете Иоганна Маттиаса Шадена, возражают против космополитической ориентации новомодных затей; взгляды Руссо и Базедова он проницательно назвал «ересью». Проводник новых идей И.И. Бецкий реорганизуется на их основании кадетский корпус, проповедуя полную изоляцию детей от родителей (дабы не заражались распространенными в обществе пороками), и впервые вводит в обращение с детьми «галантерейность и гуманитарность» (еще инструкции Ломоносова предлагали розги для шалунов и кандалы для преступников, хотя особой жестокостью русская школа, кажется, не отличалась). Разгружается и образовательное ядро. Если бы это преобразование было осуществлено половиной столетия раньше, оно могло бы подкормить молодую образовательную систему; теперь, на фоне состоявшихся университета и семинарий, временное ослабление кадетского корпуса не было катастрофичным.

Еще одна екатерининская реформа – создание во второй половине восьмидесятых годов системы народных училищ. Императрица тянула с этим сколь возможно долго и приступила к преобразованиям лишь под влиянием успешного австрийского образца (для чего был приглашен оттуда

и стал руководителем программы директор иллирийских народных училищ Ф. Янкович де Мириево). Школа была элементарной, и для каких-то эпохальных педагогических идей простора там не было; но в Австрии эта школа была действительно всеобщей, а в России ее не нацелили на крестьянство. Популярностью она не пользовалась, причина та же, что и в других случаях: торжество сословно-корпоративных моделей над общеобразовательными. И теперь, когда один из чудаков от педагогики Ю.Н. Афанасьев плачется об отсутствии в России «общего образования» на школьном уровне (с чем он борется в подведомственном вузе, заставляя филологов-классиков зубрить историю Юго-Восточной Азии), он идет против фундаментальной черты русского характера, всегда предпочитающего сословно-корпоративную модель общей.

Вернемся в XVIII век (точнее, уже в XIX). Общеобразовательные идеи локкианского толка торжествуют в реформах Александра I: многопредметный принципиально поверхностный курс, всесословность и краткий (четырёхлетний) срок обучения – вот отличительные черты новосозданных гимназий. Одновременно демонстрируется полное пренебрежение к старым школам с традициями: заслуженную Академическую гимназию в Москве не восстановили после пожара 1812 года. Но учиться в новых гимназиях никто не хотел: мещанам это было без надобности, а дворяне предпочитали собственные школы – кадетские корпуса и благородные пансионы. Современные историки образования считают всесословность и последовательность цепочки прогрессивным явлением, но тогда потребители образовательных услуг придерживались другого мнения. Дворяне оставили эти гимназии без поддержки не потому, что обладали какой-то особой сословной спесью, а потому же, почему и теперь интеллигентные родители неохотно отдают своих детей в школы рабочих окраин: они боялись «подлости нравов». Четырехступенчатая структура из приходских, уездных училищ, гимназий и университетов, стройная на бумаге, также не приносила плодов: не находилось желающих. Дальнейшие шаги Александра I диктовались отчаянием: и знаменитый указ 1809 года об экзамене на чин коллежского асессора, и попытка

обогнать Царскосельским лицеем собственные скороспелые реформы, получив помощников в управлении государством раньше и лучше, чем могут обеспечить неповоротливые гимназии и университеты Империи...

Николай I заслуженно считается деспотом, мракобесом и ретроградом, и образовательные реформы его царствования полностью реакционны. Он велел всем оставаться на своих местах, обособил звенья образовательной системы и затруднил социальную мобильность (но не ликвидировал ее). В этот период «дворянизированные» гимназии

резко увеличивают срок учения (до семи лет) и одновременно сокращают число предметов; преобладают консервативные западные идеи классической гимназии (древние языки и математика) с поправкой на русскую почву; по большей части эти преобразования связаны с графом С.С. Уваровым – министром просвещения 1833–1849 годов. Постепенно в гимназию возвращается изгнанная Екатериной и Александром розга, этот символ серьезной учебы; наряду с широким применением заграничных стажировок талантливой молодежи это создает великолепный расцвет науки и искусства – эпоха Николая I останется для нас навек непревзойденной.

Однако конец царствования этого государя принес с собой резкое изменение образовательной политики. Революция 1848 года в Европе и участие некоторых филологов и историков античности в работе злополучного Франкфуртского парламента заставили Николая I отнестись к классическому образованию с подозрением, как к источнику республиканского вольномыслия. Греческий язык был практически ликвидирован в школе, латынь серьезно сокращена, зато добавлены практические предметы – правоведение и естественные науки. Это снизило образовательный уровень молодежи настолько, что новому правительству пришлось как-то на это реагировать.

Реформы Александра II для России были уникальны тем, что впервые проходили в русле общественной борьбы (к чему мы вернемся ниже). С другой стороны, традиционная школьная система стала испытывать серьезный кризис и на Западе. Во Франции он был усугублен политической нестабильностью, наступившей там после

революции. (В то время русские учили в основном французский и немецкий языки, именно эти государства воспринимали как образцовых представителей западного мира, и до подражания Англии и Америке дело еще не дошло.) Фундаментальная причина кризиса заключалась в том, что во встречном движении общеэлементарного образования (изначально совершенно примитивного) и среднего (очень высокого уровня) постепенно стали достигать естественного предела человеческих способностей, точнее, неспособностей. Прежняя система, с очень высокой планкой, вступила в противоречие с тенденциями к обязательному всеобщему образованию, и для большого количества детей ее программа оказалась просто невыполнимой. Потому общественное движение подвергло критике господствующий тип школы и потребовало приблизить ее «к жизни», возродив на уровне XIX в. традицию Локка и Базедова. Тенденция к унификации школы была тесно связана с демокра-

тическим движением на Западе, исходя из принципа равных образовательных возможностей для всех и игнорируя как естественное различие в человеческих способностях (что зачастую делает для ребенка получение «равного права» каторжной тюрьмой), так и естественную концентрацию успешных детей в среднем классе.

Русские историки образования, объявившие Николая I мракобесом за то, что он пошел навстречу естественному желанию дворян оградить своих отпрысков от общения с носителями грубых нравов и создал действительно добротную гимназию, считают гимназические уставы 1864 и 1871 гг. реформой и контрреформой. Эта классификация исходит опять-таки из признаков прогрессивности и реакционности, общесословности и привилегированности. Что касается учебной части, то это была реформа сначала половинчатая, затем

радикальная. В 1871 г. Александр II, доверившись министру просвещения Д.А. Толстому, который в свою очередь имел штаб в составе двух московских профессоров М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева и их окружения, решительно развернул систему русского образования в сторону прусско-германской – одной из наилучше организованных и наиболее традиционных в Европе. Средние учебные заведения были разделены на классические гимназии и реальные училища; первые давали беспрепятственный доступ в университеты Империи, вторые предназначались для подготовки будущих слушателей народно-хозяйственных институтов. Восьмилетний курс гимназий включал: закон Божий, два древних языка, математику, историю, географию, русскую словесность, один западный язык (французский или немецкий) обязательно и другой – факультативно, элементы естествознания, чистописание, гимнастику – вот, пожалуй, и все. Это было заведение привилегированное (его выпускники могли поступать в университеты без экзаменов, в любые прочие вузы – наряду с другими, по экзаменам, в то время как реалисту, чтобы проникнуть в университет, необходимо было отчитаться за весь гимназический курс).

Устав 1871 года – самый радикальный западно-традиционалистский документ во всей истории русского просвещения – был утвержден Императором вопреки мнению большинства Государственного Совета (случай исключительный!). Что же касается последующей реализации его идей, то не стоит верить юмористам вроде Дорошевича и даже Чехова (юмористы вообще – плохой исторический источник). Большое количество выходцев из славянских провинций Австро-Венгрии в числе учителей и сильный грамматический акцент в преподавании подтачивали систему, но говорить о ее провале – по крайней мере преувеличение. Кстати, лучшие частные школы – гимназии Л. Поливанова и С. Фишер в Москве, К. Мая в Петербурге – были радикально-классическими школами, где принципы реформы 1871 года проводились в жизнь более последовательно, чем в гимназиях казенных.

Реформы царя-освободителя – первый случай, когда «прогрессивное общество» выдвинуло альтернативный школьный проект. Его главная особенность – даже не «реализм», а единая система школьного образования. Пока Д.И. Писарев издевался над отличием «гусарского» воспитания от «уланского», сам не зная того, что атакует один из основных столпов русского просвещения, казанский профессор А.П. Щапов в труде «Социаль-

но педагогические условия умственного развития русского народа» говорит о недоразвитости головного мозга у предков современных русских, об отсутствии у современного русского населения интереса к гуманитарной проблематике и рекомендует: «по экспериментальному указанию истории народной экономики в области природы русской земли и по труднодоступности физической экономики европейской России и Сибири насущно необходимо, чтобы не только нынешние привилегированные поколения, но и все простонародные, рабочие молодые поколения усиленно, серьезно и основательно изучали естественные науки и, таким образом, с полной подготовкой выходили на общее многотрудное дело экономического и культурного покорения суровой северной природы и на создание естественно-научных, рациональных основ народной экономики», выражая желание усадить за естествознание всех деревенских баб. Обратим внимание не только на характер школы, но и на единственность ее типа: это, пожалуй, даже важнее (традиционное образование, напротив, исходит из множественности). Даже либеральный В.И. Модестов, историк-античник, отказывавший русской молодежи в филологических способностях, прямо указывал, что источник этих концепций – не глубокое изучение потребностей русской жизни, а заимствование с Запада, где разворачивались аналогичные дискуссии.

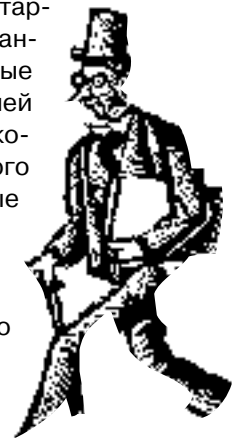
Устав 1871 года оказался последним документом такого масштаба в образовательной истории Императорской России. Конец XIX и начало XX в. – время постепенного разрушения системы, вызванного тем, что карьерные амбиции широких слоев молодежи не соответствовали ее умственным ресурсам и добросовестности. Это, по сути дела, та же «демократическая» проблема, решаемая лишь в меритократических государствах с сильной властью, способной, по словам одного из крупнейших филологов России, «противостоять зависти толпы». Железная хватка Александра III жестко держала ситуацию; но этого нельзя сказать о Николае II, при котором сменилось едва ли не больше министров просвещения, чем за весь XIX век. Пора между двумя мировыми войнами в Европе – состязание старой, классической системы, и новой, «реальной», выдержанной в традиции Локка – Базедова. Такие фигуры, как Гейзенберг и Паули, далекие от филологических наук, отдавали предпочтение студентам, подготовленным по старинке. Сравнение было не в пользу «реальных» концепций. Но тенденция демократической нивелировки оказалась сильнее – круг школ с тради-

ционным образованием все сужался, молодежь стремилась к развлечениям, и уровень подготовки в школьной системе как таковой стремительно падал (сказываясь и на немногих оставшихся школах старого закала). Особенно подтолкнула этот процесс антитрадиционалистская революция 60-х годов. И теперь мы имеем то, что имеем.

В России разворачивались совершенно иные процессы. После ленинско-крупского развала на основе самых передовых и прогрессивных идей наступила сталинская реакция, совместившая щаповский проект с авторитарностью старой гимназической формы. Полной реставрации не удалось – латынь в школу не смог вернуть (хотя намеревался и отдал соответствующий приказ) даже Сталин. Попутно было сделано великое педагогическое открытие: для воспитания интеллектуально полноценной молодежи специализированная физико-математическая школа не хуже, чем старая классическая гимназия (хотя культурно она и слабее). Фактически трехчленная система (довольно высокого уровня авторитарная народная школа и специализированные физико-математические и языковые школы) работала весьма неплохо; в ней было лишь одно «слабое звено» – языковая спецшкола, не имеющая специального инструмента личностного роста (новые языки являются таковым практически не могут); отсюда – гуманитарная отсталость страны. Что касается основного звена, то оно держалось прежде всего на авторитаризме, на необходимости либо соответствовать высокой планке требований, либо воспитывать изворотливость ума в борьбе с системой. Это связано и с незнакомым Америке институтом списывания: во-первых, русский, в силу особенностей национального характера, всегда «даст списать», а во-вторых – борьба с системой (индивидуальная и коллективная) также закаляет и воспитывает личность. Убрав из русской школы авторитарность, ее обрекали на гибель. Что же касается «академичности» нашего образования, она весьма относительна: глубоких и всесторонних знаний советская школа в массовом порядке не давала (чтобы убедиться в этом, читателю достаточно представить себе, как он будет сдавать недели через две выпускной экзамен по всем предметам средней школы).

Как мы можем видеть из этого беглого обзора:

1) сословно-корпоративные образовательные системы в России приживаются лучше, пользуют-

ся большей популярностью и оказываются устойчивее, нежели общеобразовательные; и

2) западные идеи приводили к образовательному расцвету лишь тогда, когда они черпались из консервативного наследия.

Дело тут не в чьей-то злокозненной ретроградности, индивидуальной или массовой. Просто традиционалистские идеи

1) предполагают разные типы школ и не насилуют всех одной и той же программой, которая, чтобы стать общедоступной, должна не выходить за рамки крайнего убожества; и

2) сложившаяся на Западе система классического образования служит не столько усвоению тех или иных фактов или навыков, сколько личностному росту, накоплению «мышечной массы» в интеллектуальной сфере.

После блистательного успеха советских физматшкол было бы глупо говорить о монополии классического образования в этой сфере. Более того, мы полагаем, что любая фундаментальная наука (физика, химия, биология, даже история и новейшая филология, хотя последнее проблематично) может быть выстроена как эффективный школьный проект. Однако ни один из этих проек-

тов не отличается универсальностью, и жертвы при выборе в пользу какого-либо одного направления достаточно велики. Между тем не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: современный «джентльменский набор» из экономики, права, ОБЖ и тому подобной мишуры не способен обеспечить личностный рост – именно в силу своей нефундаментальности, невозможности выстроить систему достаточно сложных и красивых задач. В то же время заимствование западных «передовых идей» реально-гуманистического толка не создало в России ни одной эффективной образовательной системы: лучшее, что можно сказать о таких заимствованиях, – что они не оказались фатальными и были преодолены (как с кадетским корпусом). В остальных случаях расплата была тяжелой.

Мы же сегодня заимствуем у западной школы механизмы саморазрушения, уже подточившие ее мощную систему, и абсолютно упускаем из виду связь наших образовательных достижений и авторитарного строя нашей педагогики. Мы накачиваем программу всякой ерундой, игнорируя то, что разгрузка образовательного ядра окажется губительной для любой системы, а не только нашей, поскольку никто и никогда не придумал способа заставлять людей в массовом порядке делать то, что делать необязательно; мы подменяем создание реально многообразной системы ублюдочной бифуркацией¹, приговор которой уже вынесен историей педагогики; мы даже и бифуркацию планируем проводить наиболее неэффективным способом из всех возможных, сохраняя никому не нужные и не могущие быть усвоенными минимумы по всем предметам. Образовательное ядро должно быть насыщенным и полноценным, но в стране не может быть единственное образовательное ядро – даже авторитарная советская система выстроила рядом со школой массовой один тип элитной и один – псевдоэлитной. Чтобы демократия не уничтожила нашу школу окончательно, ей должна быть противопоставлена концепция, основанная на положительном педагогическом опыте; перенимая у других «модные болезни», ни одну образовательную задачу не решишь **ЛГО**

¹ Бифуркация – в педагогике: разделение, «раздвоение» школьного обучения (как правило, на гуманитарный и естественно-научный циклы).

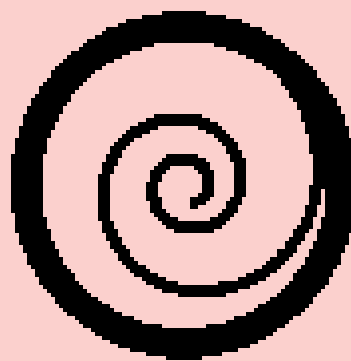

35 лет в заточении

Три разных судьбы,
три похожие смерти...

Правдивые выдумки

Наши люди.
Гаянэ
Амбарцумян

АМБАРЦУМЯН ГАЯНЭ РОМЭНОВНА

Руководитель информационного центра «Мосфильм-инфо». Историк-медиевист. Восхитительный учитель истории нашего Лицея. И просто изумительно красивая женщина, от одной улыбки которой пасмурный день видится не таким уж несносным, скучный учебник – вполне терпимым, а жизненные проблемы – легкоразрешимыми.

Гаянэ – удивительный рассказчик. Ее уроки истории превращаются в настоящую видеозвукопанораму; она создает зрительные картины даже посредством своего образа. Дети как замороженные следят за плавными движениями ее рук, унизанных тяжелыми кольцами, и послушно переносятся вслед за учителем в мрачные замки феодалов, на шумную городскую площадь, взволнованно наблюдают за поединком отважных рыцарей. Ее спецкурс «О рыцарях и прекрасных дамах» – хотя и проводится по субботам (!) – собирает полный зал! Гаянэ прекрасно разбирается в любом нюансе, в каждой детали. Если она рассказывает о мрачных застенках Бастилии, то каждый из окружающих слышит мерзкий писк крыс, чувствует промозглую сырость каземата и содрогается, ощущая себя беспомощным пленником в ожидании неизбежной смерти.

Неизменно талантливы и ее публикации, они занимают достойное место на страницах журнала ЛГО. Материалы колоритны, упоительно увлекательны, читаются на одном дыхании. Впрочем, они похожи на свою, если можно так сказать, родительницу: столь же эмоциональные, романтические и яркие.

Предлагаемое известное дело Жана Анри де Латюда, человека, который провел в заключении почти 35 лет и умудрился совершить несколько побегов из самых страшных тюрем, в том числе из Бастилии (!), может стать запоминающейся иллюстрацией к политической и социально-экономической обстановке во Франции в период углубляющегося кризиса абсолютизма

35 ЛЕТ В ЗАТОЧЕНИИ

Почему пала Бастилия

В зловонной камере раздавались мерзкий писк и шуршание. Обессиленный узник отрешенно смотрел на узкое оконце под потолком, которое не пропускало ни света, ни свежего воздуха – стена напротив башни, отделенная от нее глубоким рвом с затхлой жижой, преграждала путь солнечным лучам.

У человека не было сил пошевелиться, да и к чему? Скорее бы наступил желанный покой! Измученное промозглой сыростью тело не находило удобного положения на истлевшей соломе, а редкие от однообразного течения дней мысли скользили, не оставляя следов...

Вдруг узник почувствовал, как что-то коснулось его ноги. Невольно поежившись, он пошевелил рукой и с отвращением наткнулся на крысу, которая совсем не испугалась и не собиралась удирать. «Мерзкие твари», – в ужасе подумал пленник. Он представил себя – лежащего на каменном полу, окровавленного, окруженного полчищами крыс, объедающих его безжизненное тело... Эта картина так поразила заключенного, что он, с трудом заставив себя встать, принялся ходить по

камере, громко топая и выкрикивая ругательства. Крысы разбежались и присмирели, но в дверь тут же начал стучать охранник, призывая к порядку.

Человек остановился. Он тяжело дышал, как будто ему пришлось преодолеть крутой подъем. «Скоро я действительно сойду здесь с ума, – с тоской подумал он, – и никто никогда обо мне не вспомнит, только крысы...» От этой мысли ему стало совсем дурно.

«Нет, я должен, должен что-то сделать!» – узник снова и снова повторял эти нехитрые слова. Но что мог предпринять слабый человек, заточенный в каменном мешке крепости?

Но, как оказалось, сделать было можно многое...

Так может начинаться обычный урок на тему «Абсолютизм во Франции XVIII века» с использованием дидактических игр по истории.

Выбор сюжетов для подобных игр огромен, любая конкретная ситуация может стать увлекательной основой для серьезного занятия, но

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ

Д'Аржансон о состоянии сельского хозяйства и нищете крестьян в 1749–1752 гг. (из дневника известного писателя и государственного деятеля маркиза д'Аржансона)

«Сейчас я в деревне. Здесь вижу нищету, ни о чем другом я не слышу... Несчастных жителей охватывает уже не печаль, а отчаяние, они хотят лишь смерти и избегают производить потомство, кто же поможет положить предел всем этим несчастиям? Наши министры мало способны заставить короля подумать об этом.

...Каждый день приходят сведения о новых и страшных несправедливостях, чинимых в провинциях... Государственная барщина по починке больших дорог является самой жестокой повинностью, которую когда-либо несли, используют труд и существование поденщиков выше их сил, они все стараются уйти и найти себе убежище в маленьких городах. Есть много деревень, откуда ушел весь народ.

...Известие из Арля, в Провансе, говорят, что там было страшное восстание крестьян, которые вооруженные пришли требовать хлеба к городской ратуше. Их число достигло 2000 человек, и так как городские власти лишь пообещали им помощь, которой совсем не дали, то через несколько дней эти крестьяне, лучше вооруженные и в большем количестве, явились снова и угрожали разрушить мост на Роне, который отделяет Прованс от Лангедока. И действительно, они начали его разбивать, когда против них направили отряд, который их отгеснил. Мы, к несчастью, дошли вследствие голода до того, что бедные силою требуют хлеба у богатых, а власти принуждены пускать в ход войска для того,

принципиальным должно оставаться использование исторических документов и событий.

Предлагаемое известное дело Жана Анри де Латюда, человека, который провел в заключении почти 35 лет и умудрился совершить несколько побегов из самых страшных тюрем, в том числе из Бастилии (!), может стать запоминающейся иллюстрацией к политической и социально-экономической обстановке во Франции в период углубляющегося кризиса абсолютизма.

В 20–30 годы XVIII века Франция с трудом оправлялась от потрясений, сопровождавших правление Короля-Солнца – Людовика XIV. Расстроенная казна, огромное количество налогов и повинностей, сохранение феодальной зависимости и цеховой системы и главное – усиление монархического правления – никак не способствовали благополучию страны.

Если Людовик XIV утверждал: «Государство – это я!» – и действительно самовластно правил Францией, то его сын Людовик XV, пришедший к власти в 1715 году, с удовольствием пожинал плоды отцовских трудов и практически перестал уделять внимание государственным делам, избрав своим девизом: «После нас – хоть потоп!»

Правда, и у него бывали минуты, когда он понимал, в какую бездну скатывается страна. Так, однажды Людовик XV с грустью заметил: «Если бы я был на месте моих подданных, я бы взбунтовался!» – однако тут же добавил: «Да, это так, но только я – КОРОЛЬ, и я – на своем месте!»

Смыслом его жизни стали развлечения, но бесконечные балы и охота, длинная череда фавориток – все это быстро надоедало пресыщенному королю, порождало скуку, утомляло... Людовик XV становился равнодушным и вялым, ему требовались все новые, более дразнящие воображение удовольствия. Тоскующий король превращался в капризного, злобного человека, который благоволил не к тем, кто был полезным государству, а к тем, кто умел стать приятным лично ему.

Отсюда и возникало всевластие королевских фавориток, особенно госпожи де Помпадур. Она, в отличие от своих предшественниц, обладала незаурядным умом и понимала, что монарху быстро надоедают те, кем еще вчера он был очарован. Поэтому она стремилась быть Людовику незаменимой помощницей, умела при необходимости уйти в тень или, наоборот, сама устраивала для него всевозможные забавы и развлечения. Король, которого всю жизнь терзал демон скуки, по достоинству оценил ее старания и даровал Жанне-Антуанетте д'Этиоль, урожденной Пуассон, дочери простого армейского интенданта, титул маркизы де Помпадур!

В детстве Жанне-Антуанетте нагадали, что она станет хозяйкой Версальского дворца – резиденции французских королей, и она в это свято поверила. Расчетливая женщина, умевшая продумывать тактику на несколько шагов вперед, она и замуж вышла так, чтобы имя и деньги мужа подняли ее из низов «третьего сословия» и дали возможность быть представленной ко двору...

Но при этом Жанна-Антуанетта была хороша собой, очень начитана и умела играть на нескольких музыкальных инструментах,

почти полностью олицетворяя идеал эпохи Просвещения.

Именно эта женщина сыграла роковую роль в судьбе многих жителей страны. На примере лишь одной такой истории можно рассмотреть общую обстановку, царившую во Франции в правление Людовика XV, и причины ненависти народа к монархии, которые и привели, в конце концов, его сына – Людовика XVI на эшафот!

Итак, история Жана Анри де Латюда, рассказанная им самим...

В XVIII веке молодому человеку без сильного покровителя было трудно добиться расположения судьбы. Кому как не Жану Анри де Латюду это не знать! Ведь юноше из обедневших дворян должно было очень повезти, чтобы он мог достойно устроиться в жизни.

Его отец, офицер драгунского полка, не оставил сыну ни имущества, ни состояния, и Жан Анри рано был предоставлен сам себе. Окончив Техническую школу в Париже, он решил посвятить себя военной карьере, для чего поступил на службу в саперный полк и даже участвовал в военных действиях. Но после окончания войны с Голландией в 1748 году ему, как и многим другим, уже не нашлось места в армии.

Так в 23 года де Латюд опять остался без средств, и, чтобы не умереть от голода, ему пришлось наняться к аптекарю – помогать смешивать лекарства. Но молодой человек был слишком деятельным и энергичным, чтобы довольствоваться столь скучным занятием. Для того чтобы найти приличное место, мало было образования и исполнительности – гораздо важнее было найти серьезного покровителя.

И вот однажды судьба, как показалось де Латюду, подкинула ему счастливую идею. Он подслушал, как двое незнакомцев откровенно ругали маркизу де Помпадур – женщину, которая имела над королем слишком большую власть. И тут де Латюда осенило – он придумал, как ему вознестись на вершину успеха.

Насыпав в изящную коробочку безвредный белый порошок, он отправил его по почте на имя маркизы. В письме было сказано, что это подарок от химика, который трудился много лет над приготовлением особого состава, исцеляющего от разных болезней. К тому же этот порошок можно использовать и как пудру, делающую кожу нежной и гладкой. Сам химик якобы истратил все свои сбережения на это изобретение и теперь вынужден обратиться за помощью к столь знатной особе. После того как маркиза испробует на себе этот порошок и убедится в его исключительных свойствах, он просит разрешения назвать это чудесное снадобье ее именем, что наверняка

чтобы атаковать и наказывать несчастных, восставших из-за нужды.

...В Ренне был мятеж из-за хлеба, другой мятеж был в одном из городов Лангедока. Двор, по-видимому, не принимает мер для устранения этих нужд. В Гиени очень плохо и есть угроза подобных же восстаний, тогда бедняки поднимутся и будут грабить богатых. ...Бедность в Париже так велика, что значительная часть мелкого люда не ест больше мяса и в суп кладет только овощи...»

Впечатления Д.И. Фонвизина о положении французских крестьян (Д.И. Фонвизин – русский писатель, посетил Францию в 1777–78 гг.)

«Я видел Лангедок, Прованс, Дофине, Лион, Бургонь, Шампань. Первые две провинции считаются во всем здешнем государстве хлебоброднейшими и изобильнейшими. Сравняя наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим.

...Подать в казну платится неограниченная и, следовательно, собственность имущества есть только в одном воображении. В сем плодороднейшем краю на каждой почте карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто вместо денег спрашивали, нет ли у нас куска хлеба. Сие доказывает неоспоримо, что и посреди изобилия можно умереть с голоду.

Король имеет в руках всю силу попирает законы. «Lettres des cashet» – суть именные указы, которыми король посылает в ссылки и сажает в тюрьму, которым никто не может спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманом, что доказывают тысячи примеров. Каждый министр есть деспот в своем департаменте. Фавориты его делят с ним самовластие...

Кажется, будто все люди на то сотворены, чтоб каждый был или тиран, или жертва. Неправосудие во Франции тем жестче, что происходит оно непосредственно от самого правительства и на всех простирается. Налоги, частые и тяжкие, служат к одному обогащению ненасытных начальников... Надобно тотчас выбрать одно из двух: или платить, или быть брошенным в тюрьму.

...Невозможно выехать на несколько шагов из Парижа, чтоб, воротясь, не быть остановленным таможеню. Почти за все ввозимое в город платится столько пошлины, сколько сама вещь стоит.

...Другой источник казенных доходов во Франции есть продажа чинов и должностей — зло безмерное, вымышленное в несчастные времена, когда не было откуда взять денег на нужнейшие государственные расходы. Множество подлых людей душой и происхождением покупали себе права и способы быть орудиями народных притеснений».

*«Путешествие по Франции»
Артура Юнга (А. Юнг,
известный английский эконо-
мист, путешествовал по
Франции в 1787–1789 гг.)*

«Если французы не могут похвастаться своим земледелием, то у них есть хорошие дороги. Ничто не может сравниться с дорогой, идущей через прекрасный лес Невилье. И действительно, начиная от Салера, она сделана очень хорошо: широкое шоссе и холмы, сравненные с долинами, наполнили бы меня восхищением, если бы я только не знал об ужасных дорожных повинностях, которые вызывают во мне жалость к несчастным крестьянам, потом и кровью которых создано это великолепие.

...Разве может процветать страна, главной заботой которой является стремление экономить на употреблении готовых товаров и изделий

сделает его открытие поистине знаменитым.

После этого начинающий авантюрист поспешил в Версаль, чтобы испросить аудиенцию у маркизы де Помпадур. Добившись встречи, он в изысканных выражениях выразил ей свое искреннее восхищение и предупредил о готовящемся покушении: якобы он

подслушал разговор двух неизвестных, которые решили убить маркизу и послали ей по почте какой-то яд. Маркиза была ему очень признательна и предложила в благодарность деньги. Молодой дворянин гордо отказался — ведь он рассчитывал на большее — что ему жалкий мешочек с золотом! Отвергнув награду, он сказал, что поступил как человек чести, готовый служить маркизе бескорыстно... Мадам де Помпадур была тронута такими словами и попросила спасителя оставить ей свой адрес, чтобы при случае можно было его найти.

Жан Анри возвращался домой в восторге — теперь, говорил он себе, надо будет немного потерпеть. Он не сомневался, что маркиза не забудет о нем и в знак признательности поможет добиться высокого положения. Он готов был ждать, и, как оказалось, его ожидание было недолгим...

Два дня спустя, когда молодой человек предавался мечтам о скорых переменах в своей тусклой жизни и представлял, какими именно милостями осыплет его благодарная маркиза, в комнату вдруг ворвались жандармы. Ничего не объясняя, они схватили де Латюда и грубо затолкали в полицейскую карету с зашторенными окнами. Карета пронеслась по пустынным улицам ночного Парижа, въехала на мощный двор, и за ней с грохотом закрылись тяжелые ворота. Когда юношу вывели, он огляделся и с ужасом узнал темные башни Бастилии...

Жан Анри кричал, что его должны немедленно отпустить, что это ошибка и что ему необходимо встретиться с начальником тюрьмы. Но неумолимые стражники только ухмылялись. Они уже привыкли выслушивать одни и те же слова от узников, впервые попавших сюда, — никто из них не считал себя виновным... Де Латюда обыскали, отобрали деньги, документы, одежду, заставив переодеться в какое-то тряпье. После этого издевательски попросили поставить свою подпись в книге регистрации и, грубо толкая в спину, бросили в камеру.

Лишь на следующий день, когда к нему, наконец, явился тюремный чиновник Бернье, узник узнал причину своего ареста.

Маркиза де Помпадур действительно получила по почте какую-то таинственную коробочку. Добрая женщина тут же дала попробовать содержащийся в ней порошок служанке и домашним животным. С ними ничего не случилось. Тогда она догадалась сличить почерки на письме незнакомца и на записке с адресом, оставленной де Латюдом. Он об этом просто не подумал...

Маркиза страшно разозлилась. Как, ее – самую влиятельную женщину Франции, хотели так глупо провести! Она тут же приказала «позаботиться» о наглеце.

Для этого мадам де Помпадур даже не пришлось обращаться за помощью к королю. Дело в том, что Людовик XV имел славный обычай раздавать фаворитам уже готовые документы с королевской подписью и печатью, в которые можно было вписать любую фамилию. Эти так называемые «Lettres des cachet» (приказы об аресте) имели безусловную силу. Особенностью этих бумаг было то, что люди, попавшие в тюрьму по тайному приказу короля, не имели шансов на обычное судебное разбирательство и были обречены на полное бесправие. Это было сделано, чтобы быстро и без лишних хлопот избавляться от опасных преступников, угрожавших королевскому величию. Несчастные узники оставались в тюрьмах до тех пор, пока это было угодно тому, кто их туда отправил. Понятно, что освобождать их никто не собирался, ведь по таким приказам можно было избавиться от нежелательного соперника, получить сомнительное наследство или наверняка уничтожить своего врага. Люди просто исчезали, исчезали навсегда, похороненные заживо в разных тюрьмах, и никто не мог им помочь.

Де Латюд во всем чистосердечно признался Бернье, уверяя, что это была всего лишь ошибка молодости, клял свою глупость и умолял отпустить. Его рассказ настолько тронул многоопытного тюремного служащего, что тот даже решил ему помочь. Жан Анри немного успокоился и стал ждать помилования.

Как оказалось, надеялся он зря. Маркиза и не собиралась его прощать.

Бернье смог добиться единственной поблажки – перевода из казематов Бастилии в относительно более приличные условия тюрьмы в Венсенне. Теперь у молодого человека появилась возможность любоваться из окна башни на окрестные леса и поля, и даже была разрешена ежедневная прогулка в тюремном дворе.

Там он обратил внимание, что один из заключенных – аббат Сенсовер – пользовался некоторой свободой, и его часто навещал отец, бывший комендант этой же тюрьмы. Тогда де Латюд решил...

Постепенно он приучил стражников доверять себе, и пока первый охранник запирали камеру, чтобы вывести узника на прогулку, Жан Анри сам спускался во двор, где его ждал второй часовой.

Заметив однажды, что стражник наверху замешкался, де Латюд быстро спустился и крикнул: «Где Сенсовер? К нему пришел отец и просит позвать сына! Я его нигде не могу найти». Второй часовой, ничего не подозревая, спокойно пропустил его во двор, где молодой человек подбежал к караульному и снова спросил про Сенсовера. Получив отрицательный ответ, он поспешно пересек двор, кинулся к выходу и оказался у ворот тюрьмы. Подъемный мост был опущен на время посещения, а охранник у ворот и не подумал остановить человека, якобы возвращающегося после свидания с кем-то из близких...

Невероятно, но это так – 25 июня 1750 года, после тринадцати месяцев заключения, де Латюд оказался на свободе.

мануфактур? Женщины, собирающие в лесах в передники траву для своих коров, – вот признак нищеты.

...Проезжая Пейрак, мы встретили здесь массу нищих... У всех крестьянок, женщин и девушек, нет ни чулок, ни башмаков, а у земледельцев во время работы нет на ногах ни деревянной, ни какой-то другой обуви. Эта нужда подрывает в корне народное благосостояние.

...Проложенные здесь большие дороги – бесполезны. На протяжении 12 лье я встретил лишь один кабриолет, полдюжины повозок и несколько старых женщин на ослах, – зачем же такая расточительность?

...В то же время суммы для покрытия расходов (на поддержание дорог) взыскиваются несправедливо. Деньги собираются с помощью особого налога, при его распределении для земель сеньоров делается исключение: недворянские земли облагаются гораздо выше. (Например, сеньор платит за участок дороги, проходящий по его земле, 300 ливров, в то время как за такой же участок с третьего сословия собирают 1400 ливров!!!!)

...Я был в Сен-Жерменском аббатстве... Это самое богатое аббатство во Франции, аббат получает 300 тысяч ливров дохода! Я теряю терпение, когда вижу подобное распределение таких крупных доходов, это гадит для X, но не для XVIII века. Сколько ферм можно было бы основать на четвертую часть этого дохода!!! Какую репу, капусту, картофель, клевер, каких баранов и какую шерсть можно было бы получить! Разве они не лучше, чем толстый бороз – священник?

...Я ищу хороших фермеров, а встречаю лишь монахов и государственные тюрьмы!»

Из наказа жителей прихода Шатильон-сюр-Сей (наказ при выборах депутатов в Генеральные Штаты 1789 г.)

«Чтобы все виды налогов распределялись поровну... без всякого различия сословий, без всяких привилегий.

...Чтобы всякие дорожные пошлины были уничтожены полностью и чтобы никогда нельзя было требовать их исполнения натурой: они должны быть заменены (денежным) обложением, равно падающим на все три сословия без различия.

...Отменить ренты и сеньориальные права.

...Чтобы было позволено каждому сельскому жителю отвозить зерно на ту мельницу, какую он захочет, и чтобы он не был обязан везти его на определенную мельницу, так как это феодальное право является тираническим.

...Чтобы было уничтожено исключительное право охоты и чтобы всякий гражданин мог пользоваться им, не нанося ущерба остальному населению».

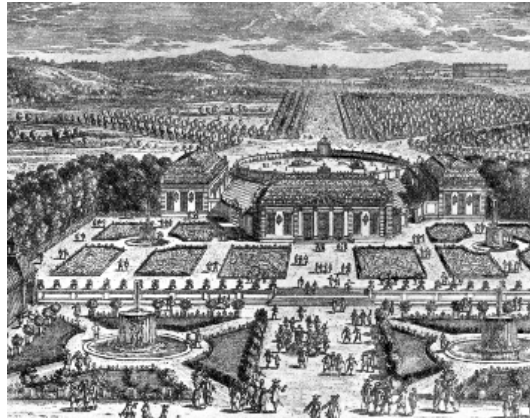
Выдержки из наказа купцов (наказ при выборах депутатов в Генеральные Штаты 1789 г.)

«Уничтожить в первую очередь все трудовые повинности, которые отрывают крестьянина с лошадью во время полевых работ: для ремонта замков, очистки прудов, ремонта мельниц и дорог, перевозки урожая и дров сеньора.

...Установить полную свободу торговли: чем меньше пошлин — тем ниже цены, чем ниже цены — тем больше продаж.

...Установить единство мер во всем королевстве.

...Чтобы был запрещен ввоз иностранных товаров, за исключением тех, которые являются сырьем и не производятся во Франции.

му королю Людовику XV, в котором просил о помиловании и подчеркивал, что уже понес достойное наказание — 13 месяцев тюрьмы — за свою глупую выходку. И чтобы доказать полную веру в торжество правосудия, де Латюд назвал адрес, по которому скрывался. Затем один из друзей Жана Анри передал это письмо в королевскую канцелярию.

А ровно через два дня де Латюд снова оказался в Бастилии...

Но теперь к нему не было никакого снисхождения — вместо обычной камеры его заточили в полутемное подземелье, где он провел целых полтора года. Единственная вольность, которую ему позволил тот же самый тюремный чиновник Бернье, жалевший молодого человека, — это книги, бумага и чернила.

На полях одной из книг озлобленный узник написал:

«Ну и дела во Франции прекрасной!

Здесь можно душой быть из дур

И все же править государством:

Пример — маркиза Помпадур!»

К сожалению, де Латюд не знал, что все книги тщательно проверялись и просматривались надзирателями — так, на всякий случай... Текст этой эпиграммы был передан коменданту Бастилии, а тот, в свою очередь, желая выслужиться, проследил, чтобы об этом узнала и сама маркиза.

Бернье получил выговор за то, что защищал такого негодяя, а Жану Анри запретили пользоваться книгами и письменными принадлежностями и продлили еще на год пребывание в подземелье.

Чтобы хоть как-то облегчить его страдания, все тот же Бернье перевел к нему в камеру другого заключенного. Им оказался ровесник де Латюда — Далегр, попавший в тюрьму почти за такое же «преступление» (он отправил маркизе де Помпадур письмо с советом не обострять ненависть народа к себе). Два друга с новыми силами начали составлять различные прошения о помиловании, а Бернье помогал их рассылать.

Когда стало ясно, что никакие слова о справедливости или просьбы о помиловании на маркизу не действуют и придется провести лучшие годы в тюрьме, де Латюд понял, что единственное спасение — побег. Далегр просто поднял его на смех — убежать из Бастилии — из башни, окруженной водой, высокой стеной и вторым

внешним рвом! Не говоря уже о круглосуточной охране, каменных стенах, металлических решетках, полностью перекрывавших даже дымоходы! Только сумасшедший мог думать, что можно одолеть все эти преграды! Но де Латюд не зря все-таки учился на инженера – и очень скоро Далегр поверил в возможность осуществления невероятного плана.

Прежде всего Жан Анри приготовил необходимые инструменты – ведь у узников по понятным причинам не могло быть никаких острых предметов. Он отвинтил металлические петли от складного стола, аккуратно заточил их о камни, и у него появились маленькие ножи. Из подсвечника он точно так же смастерил нечто, напоминающее пилу, из разорванных рубашек и белья начал плести веревку, а под каменными плитками пола нашлось небольшое углубление, куда все это можно было прятать от бдительного взгляда охраны.

Но что делать со всеми этими замечательными приспособлениями, если стены Бастилии слишком толсты? Но нет, не зря учился де Латюд! Дело в том, что крепость была сложена из известняка – камня довольно прочного, но крошащегося под влиянием воды. И вот Жан Анри додумался использовать это свойство камня, чтобы выбраться из камеры на крышу через узкий дымоход. Свежему воздуху решетки не мешали, а вот излишне активным узникам они прочно преграждали путь. Поэтому они, набрав в рот воды (!), по очереди влезали в узкий дымоход, карабкались по нему к металлической решетке, раздирая в кровь руки. Там, скрючившись в неудобной позе, они размачивали отверстия, в которые были вставлены железные прутья. Работать приходилось по ночам, причем, даже вытащив один из прутьев, его нужно было поставить на место, чтобы стража ничего не обнаружила.

На подготовку побега ушло почти два года, и вот – решетка вынута, длинная веревочная лестница сплетена, и даже изготовлена еще одна узкая деревянная лесенка из скрепленных поленьев, обвязанных для бесшумности тряпками, – для того, чтобы подняться из первого рва на внешнюю стену.

Наконец, ночью 25 февраля 1755 года друзья с замиранием сердца залезли в дымоход. Путь назад был отрезан! Первым на крышу поднялся де Латюд, затем по спущенной им веревке выбрался Далегр. Чуть передохнув после мучительного подъема, они перебрались веревочную лестницу и начали спускаться в ров. Шел дождь, мокрые шершавые камни раздирали руки беглецов, но зато монотонный шум капель скрадывал все звуки.

Благополучно добравшись до рва и боясь пошевелиться, чтобы не привлечь внимание охранников на башне, они стояли в ледяной воде, а уж о том, чтобы приставить на внешнюю стену лестницу, сделанную с таким трудом, не могло быть и речи.

Положение становилось отчаянным. Тогда де Латюд кивнул Далегру на известняк, из которого была сложена вся крепость. За несколько веков вода во рву раскрошила твердые плиты и превратила их в податливый материал. Поэтому Жан Анри с помощью своих самодельных ножей начал потихоньку расшатывать и вынимать один за другим камни, чтобы попасть сразу во второй ров, минуя подъем и спуск по внешней стене.

...Чтобы все таможи были отодвинуты к границам, чтобы были отменены все сборы за провоз товаров и другие платежи без всякого исключения. Эти препятствия и притеснения, испытываемые торговлей на каждом шагу, точно во вражеской стране, лишают торговлю драгоценной свободы, создающей ее богатство и силу.

...Чтобы военные чины и духовные звания одинаково присуждались как дворянам, так и непривилегированным согласно их заслугам».

Выдержки из крестьянских наказов (наказ при выборах депутатов в Генеральные Штаты 1789 г.)

«Налоги на вино, пиво и водку совершенно непомерны. Духовенство и дворянство не платит ничего, а между тем они больше всего их потребляют.

...Цены на такие предметы необходимости, как хлеб и мясо... очень возросли вследствие налогов, которыми они обременены. Это доводит мелких собственников, земледельца и ремесленника, до абсолютной крайности.

...Соль слишком дорога... Это не позволяет давать соль скотине, так как большинство людей с трудом могут пользоваться ею для себя лично.

...Жители замечают, что они платят налоги, предназначенные на исправление дорог, и, однако, ни одна из них не исправлена».

Выдержки из «Ведомости лиц, содержащихся в разных тюрьмах Парижа» (1775 г.)

«Заключенные: 24 человека, арестованные гвардией, — обвинены в грабеже хлеба у пекарей.

Мария Арбо, вдова — за крики “Хлеба!”

Франсуа Гатине — за шум у дверей булочной.

Жан Батист Паон, сапожник, нищий — пойман с полочным в виде нескольких кусков хлеба, предъявленных в канцелярию полиции.

Именуемый Жильбером, землекоп — за мятежные речи на рынке.

Франсуа Луве — требовал хлеба у булочника по дешевой цене.

Семнадцать лиц — задержаны на рынке, одни вооруженные палками, другие бездомные, наглецы и смутьяны».

Из народной песенки про маркизу де Помпадур (конец 1740-х годов)

Новые дворцы возводятся,
На то и казна

раскрадывается,
Великое государство

разоряется,
А король только смотрит!

Подруга его живет все
роскошнее,

Правит по своему капризу,
Под каблучком король

вздыхает,
Пока та дама лихая,

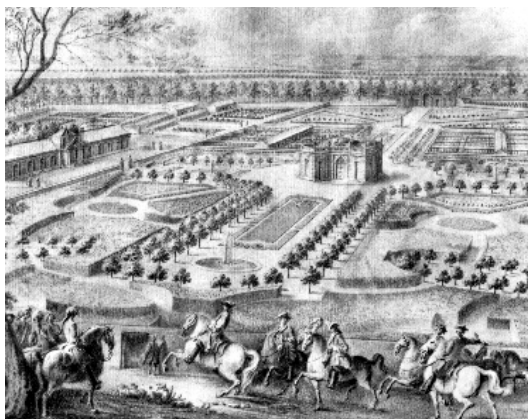
падкая на золото,
Продает казенные

должности.
Общество перед нею

гнется,
И двор на глазах подлеет...

А характер ее — такой
гибкий,

А мысли ее — пустыня
пустой души.

Несмотря на то что стена была толщиной больше метра, это было единственно верным выходом. Всю ночь продолжалась ужасная работа — ведь каждый раз, когда раздавались шаги часовых, им приходилось нырять в воду, чтобы не выдать себя.

К утру путь на свободу был открыт, они проползли через обра-

зовавшийся проход, и... снова неожиданная неудача — второй ров оказался заполнен жидкой грязью, в которой оба чуть не увязли. На этот раз, наконец, пригодилась деревянная лестнка: опираясь на нее, Жан Анри сумел выкарабкаться сам и вытянуть товарища. Так де Латюд совершил свой второй побег.

В первые дни беглецы нашли приют у верных друзей, постоянно меняя адреса, но в Париже оставаться было слишком рискованно. Опасаясь мести маркизы, они решили незаметно покинуть страну и перебраться в Германию.

Далегр уехал первым. Благополучно добравшись до Брюсселя, он послал из гостиницы де Латюду письмо и ждал там друга, чтобы дальше отправиться вместе. Но каково же было удивление Жана Анри, когда, прибыв к месту встречи (в костюме слуги и по чужим документам), он узнал, что Далегр арестован и передан в руки французской полиции!

Де Латюд сразу же уехал в Амстердам, надеясь затеряться в шумном портовом городе, но вскоре деньги, взятые в долг у друзей в Париже, закончились, и Жан Анри был вынужден написать отцу о помощи.

Вскоре оказалось, что за де Латюдом уже давно велось наблюдение, и его письма были перехвачены. Голландское правительство не собиралось портить отношения с королем Франции из-за какого-то преступника и без промедления выдало его.

Так де Латюд в третий раз оказался в Бастилии, где у него не только отобрали личные вещи, но, заковав в кандалы, поместили в камеру, где вместо постели на пол была брошена охапка соломы. Дни и ночи без солнечного света сливались в бесконечность, и, чтобы не сойти с ума, Жан Анри даже пытался дрессировать крыс, которые страшно его донимали (и не только писком и шорохом).

Неудивительно, что, потеряв счет времени в таких условиях, несчастный узник решил свести счеты с жизнью. Он перестал есть и ослаб настолько, что действительно был близок к смерти. Но, к счастью, в Бастилии поменялся комендант, и к де Латюду срочно был отправлен тюремный врач. Потрясенный видом заключенного, он потребовал немедленно прекратить издевательство над больным человеком и перевести его в более приличные условия. В докладе коменданту он написал: «Тщательно осмотрев его глаза, я убедился, что узник почти не видит. В этом нет ничего удивительного, если учесть условия его жизни... В его каземате две щели, днем и ночью

ветер сквозит прямо в лицо заключенному. От постоянного насморка его верхняя губа растрескалась до самого носа и обнажила зубы, которые совсем испортились. Кроме того он почти облысел. Решив лишиться себя жизни, он оставался без еды и питья в продолжение ста часов, после чего ему насильственно открыли рот и заставили проглотить пищу... В течение многих дней он не приходил в сознание... Бесплезно тратить королевские деньги на лекарства и мои посещения. Только изменение условий содержания, чистый воздух и возможность двигаться могут спасти его от полной слепоты и хотя бы в какой-то степени вернуть утраченное здоровье».

Благодаря такому заключению врача де Латюд был переведен из темного подземелья в камеру в башне, с него сняли кандалы и разрешили прогулки и чтение.

Постепенно Жан Анри вернулся к жизни и вновь стал думать, как исправить свою горькую судьбу. Не надеясь больше на закон и справедливость, он решил теперь обратиться к общественному мнению. Для этого нужно было иметь возможность хоть как-то описать свои несчастья. Несмотря на то что условия жизни де Латюда стали теперь немного терпимее, ему все же не разрешили пользоваться письменными принадлежностями. Но что значит для этого предприимчивого человека отсутствие пера и чернил! Из мелкой монетки он выточил перо, из сажи получились прекрасные чернила, а бумагой служили чистые страницы из книг. Теперь оставалось только как-то переправить рукопись на волю. Но как?

Прогулки де Латюда проходили на крыше башни. Оттуда он уже несколько раз замечал двух миловидных девушек в окне дома на противоположной стороне улицы. Жан Анри приветствовал незнакомок, вежливо им поклонившись. Заинтересовавшись, они ответили на его поклон. Через несколько дней он воспользовался возможностью показать им пакет и знаками дал понять, что в нем содержится что-то очень важное. Терять де Латюду было нечего, выждав момент, когда стражник не смотрел на него, он удачно бросил рукопись прямо в распахнутое окно...

«Дружба» продолжалась, и через несколько месяцев девушки выставили в своем окне лист бумаги, на котором крупно написали: «Вчера скончалась маркиза де Помпадур». Это было 18 апреля 1764 года, к этому времени де Латюд провел в заключении уже почти 15 лет...

Жан Анри впервые за долгое время был счастлив, он рассчитывал, что его вот-вот освободят, и даже собрал свои нехитрые пожитки, с нетерпением ожидая этой восхитительной минуты! Но проходили дни, и ничего не менялось. Все так же его выводили на прогулки, все так же однообразно протекали томительные вечера, и даже комендант Бастилии уже перестал подбадривать узника...

Оказалось, что хотя маркиза и умерла, никто не собирался заниматься разбирательством оставшихся после нее дел. Тем более, что по Парижу, как сказал ему многозначительно комендант, был распространен скандальный памфлет, переданный из Бастилии, и начальник полиции получил специальное распоряжение насчет автора этого послания.

Де Латюд был в ярости: неужели даже смерть мучительницы не прекратит его страданий! Он написал начальнику полиции гневное письмо, ответом на которое стал его перевод в Венсенн.

Маркиза де Помпадур

«Она достигла того, что оказалась в состоянии низвергать министерства и составлять новые.

...Сидя за своим туалетным столиком, принимала она вельмож, генералов, принцев крови, и никому не позволялось сесть в ее присутствии... Оскорбление, нанесенное ей, было преступлением. Граф Морепа заплатил за смелую эпиграмму продолжительной ссылкой. Госпожа Сове, которую заподозрили в том, будто она подбросила записку с угрозами в люльку маленького принца Бургундского, была заточена в Бастилию, ворота которой закрылись за ней навсегда. Кавалера Ресегье, у которого нашли черновой список нескольких сатирических стихов, посадили в Сен-Мишельской тюрьме в клетку, в которой нельзя было ни встать, ни лечь, и продержали в ней семь лет.

...Она была обречена на то, чтобы показать миру пример всех тех гнусностей и ужасов, которые влекла за собой королевская власть».

Отрывок из повести Ф. Гра «Марсельцы» (Ф. Гра — французский писатель XIX века)

«Жили мы в Гарди в жалкой хижине на опушке леса. И хижина, и лес принадлежали маркизу д'Амберлену. Отец собирал желуди с дубов. Господскую долю сбора он сдавал на скотный двор — там его скармливали свиньям. Из своей доли мы делали муку, примешивая к желудям немного ржи и бобов, которые росли на крохотном участке земли, прилегавшем к нашей хижине.

Раз в год после сбора урожая отец и мать отправлялись в Мальмор на мельницу. Возвратившись домой, они месили тесто из всей муки: хлеб у нас пекли только раз в год. Свежего хлеба мы не ели: его слишком много уходило.

Через месяц черные бруски хлеба приобретали крепость камня. Возле нашей двери стоял чурбан, на нем по утрам отец нарубал топором дневную порцию для всей семьи. К концу года лезвие топора сплошь покрывалось зазубринами: так черств был хлеб».

Из высказываний XVIII века

О продаже должностей

«Одно из самых драгоценных прав французской короны состоит в том, что всякий раз, когда король создает какую-нибудь новую должность, тотчас Господь Бог создает нового дурака, чтобы купить ее».

О налогах

«Будь крестьянин из стали, а феодал из соломы, все равно в их тяжбе победит феодал». «Если у какого-либо крестьянина улучшались дела, то он должен считать себя погибшим с того момента, когда начальство усомнится в том, что он умирает с голода».

О дворянстве и духовенстве

«Дворянство — посредник между королем и народом, как охотничья собака — посредник между охотником и зайцем!» «Три главных врага французского сельского хозяйства — голуби, кролики и монахи. Первые пожирают наши хлеба в зерне, вторые — в траве, третьи — в снопах».

О голоде

«Крестьяне ели траву точно овцы и мерли точно мухи».

Из докладной записки инспектора мануфактур (1787 г.)

«С давних пор в Орлеанском округе производится большое количество трикотажных изделий... 400 станков дают ежегодно работу 2287 рабочим. ...В период от 1720 до 1750 года среднее число работающих станков, сведенное теперь до 400, доходило по меньшей

Как ни странно, это была та самая тюрьма, откуда он уже совершал свой первый побег. И теперь, едва там очутившись, де Латюд решил его повторить.

Во время одной из прогулок сгустился туман, и Жан Анри обратился к охраннику со словами: «Как вам нравится такая погода?» Понятно, что тюремщикам сильный туман нравиться никак не мог, а де Латюду был весьма кстати, и он не стал медлить. Когда часовой закричал: «Стоять! Держи его!», — беглец не растерялся и тоже закричал: «Держи вора!» Другие стражники не сообразили, о ком идет речь, и разбежались в поисках воображаемого преступника. Де Латюд беспрепятственно подбежал к воротам. Часовому, направившему на него ружье, он дружелюбно сказал: «Ты же обязан арестовать меня, а не убить!», — после чего неожиданно сбил его с ног и выбежал на улицу, оказавшись на свободе уже в третий раз.

Прячась в лесу, Жан Анри дождался темноты, затем отправился в Париж к единственным друзьям — к тем двум девушкам, которые помогли ему распространить по Парижу историю его злоключений. Эта простая семья (отец девушек был парикмахером) не побоялась дать приют беглецу, но де Латюд как честный человек не мог долго пользоваться их гостеприимством.

Он пытался обращаться за помощью к разным влиятельным людям. Но принц Конти, которого Жан Анри немного знал, хотя и пришел в ужас от его жуткой истории, очень скоро напрочь забыл о своем обещании помочь, а первый министр короля герцог Шуазель, назначив встречу у себя в приемной, на которую де Латюд явился, соблюдая все меры предосторожности, жестоко его обманул. Два жандарма вежливо попросили де Латюда следовать с ними к министру, который ожидает его в другом месте. Этим местом оказалось мрачное подземелье тюрьмы Венсенн, куда его бросили, даже не выслушав. Так после третьего побега он снова вернулся за решетку.

С ним больше никто не говорил, в камере не было ни окон, ни даже соломы, и спать приходилось на голом каменном полу. О де Латюде просто решили «забыть» и не обращать внимания ни на какие его просьбы. Холод, голод, болезни, одиночество и полная темнота должны были очень скоро решить все проблемы этого надоедливой беглеца.

Но Жан Анри вновь нашел в себе силы сопротивляться злой судьбе. Прodelав небольшое отверстие в толще стены, он умудрялся общаться с соседями. Они не один десяток лет провели в тюрьме — кто за крамольную книгу, которую в глаза не видел, кто за реформу французского языка, показавшуюся кому-то из вельмож подозрительной, кто за доклад, который не понравился властям...

Так продолжалось до 1775 года, когда дверь камеры де Латюда распахнулась и ему зачитали приказ об освобождении. Но при этом министр приказал проследить, чтобы бывший пленник «привыкал к свету постепенно». Выбирать де Латюду не приходилось, его посадили в карету (почему-то связанным!) и привезли в монастырь в Шарантоне, который в действительности оказался известным местом, где содержались душевнобольные, а также те, кого власти хотели считать таковыми...

Но здесь ему хотя бы разрешали гулять и общаться с другими заключенными. К своему ужасу Жан Анри узнал, что среди «буйных» содержится и его старый друг – Далегр! Но когда было получено разрешение на свидание, де Латюд едва смог перенести эту встречу. После побега из Бастилии, опасностей путешествия за границу и нового ареста рассудок Далегра не выдержал, и его приходилось теперь держать на цепи...

Жан Анри все же не оставлял надежды покинуть Шарантон. Один из его новых друзей, отбывавший там наказание за незначительное преступление, выйдя на свободу, обратился к своим влиятельным родственникам, и как ни странно, Генеральный контролер королевского двора вскоре подписал указ об освобождении де Латюда.

И вот в 1777 году, после 28 лет заточения, у него был официальный документ, дающий право на нормальную жизнь! Де Латюд боялся в это поверить, ведь судьба слишком часто бывала безжалостна к нему именно тогда, когда казалось, что все позади...

Судьба осталась верна себе и на этот раз. Выяснилось, что указ предписывал жительство под надзором полиции только в своем родном городке, с лишением всех прав. Но все же это были свобода и надежда!

Однако его возвращение было недолгим. Буквально через день пути от Парижа де Латюда нагнал офицер и потребовал его документы, после чего арестовал. Забрав приказ об освобождении, подписанный самим начальником полиции, офицер приказал следовать за ним, иначе он будет вынужден применить силу... Что было с бедным де Латюдом, даже трудно себе представить. Только глоток свободы – и опять в камеру?!

Доставленный в Париж Жан Анри на этот раз оказался в тюрьме для уголовников в Бисетре. Он так и не смог выяснить причин, по которым приказ о его освобождении был аннулирован. Узник был вынужден ждать, пока кто-либо из его тюремщиков не смиростивится над ним и не соизволит объяснить, в чем же он провинился.

Только через несколько месяцев де Латюд узнал правду. Оказывается, его обвинили в воровстве – якобы он ограбил по дороге какую-то даму!

Понятно, что дело было сфабриковано, потому что многие крупные вельможи опасались любых разоблачений или скандалов, связанных с королевским двором. Несмотря на то что маркиза де Помпадур давно умерла, сановники решили, что де Латюду все же лучше оставаться за решеткой...

Снова, как когда-то в Бастилии, Жан Анри впал в глубокую депрессию. Он не мог ни есть, ни двигаться, его внешний вид настолько испугал тюремщиков, что к нему прислали врача, и тот насильно препроводил узника в лазарет.

Но то, что увидел де Латюд в больнице, оказалось страшнее самой мерзкой камеры: грязь, заразные больные, лежащие вплотную друг к другу! Иногда живые были вынуждены сутками лежать вместе с уже умершими, ожидая, пока стражники соизволят убрать трупы.

Де Латюд умудрился провести в подобном месте пять месяцев, более того, его организм, против воли стремящийся к жизни, немного окреп от мазей и настоев, которыми его там пичкали. Едва оправившись, он попросил перевести его обратно в камеру, казавшуюся теперь местом отдыха...

мере до 1200. Эта отрасль промышленности сократилась на две трети вследствие ряда причин: ...45 скупщиков заказывают ежегодно в нескольких десятках приходов Бос на 2100 тыс. ливров вязаных изделий того же сорта, что выделяются в Орлеане на станках... На этих купцов работают по меньшей мере 12 тысяч человек, но не круглый год, так как пряжи и вязальщицы работают, не бросая своего хозяйства: летом они подбирают колосья на полях, а осенью многие из них нанимаются в Орлеане на уборку винограда. Чесальщики, вяляльщики и другие рабочие тоже не работают круглый год. Редко кто из них не имеет своего сада и не уходит летом на уборку хлеба. Выработкой трикотажки занимаются в этих приходах главным образом зимой.

...Среди вязальщиц имеется значительное количество 7–8-летних девочек».

«Обязанность ставить на кожу свое клеймо и уплачивать за это пошлину мешала развитию кожевенного, дубильного и замшевого промысла, не столько в силу величины этого сбора, сколько в силу многочисленных формальностей, связанных с его взиманием».

«Хлопок прядут на обыкновенной прялке в нескольких рабочих домах в Шартре и др. Причина, побудившая создать эти мастерские, весьма похвальна, ибо она имеет целью дать работу большому количеству нуждающихся девочек... Однако новые прядильные машины, которые только что введены во Франции, имеют столько преимуществ по сравнению с обыкновенной прялкой, что эти дети скоро не будут находить себе работы.

...Вот уже два года, как в Орлеане пустили в ход довольно значительное количество этих новых машин, сделанных во Франции по образцу машин, давно уже и с большим успехом употреблявшихся в Манчестере.

...Женщинам-прихам и детям платят меньше, чем мужчинам».

Выдержки из «Красных книг» (секретные книги, в которых регистрировались денежные суммы, выданные по приказу короля крупнейшим дворянам без каких-либо на это прав)

«Членами семьи Ноайаль получено 2 миллиона ливров пенсии, герцогиней Полиньяк получен 1 миллион пенсии, кардиналом де Бриен — лесная дача в 900 тысяч ливров, канцлером Ламуаньон — 400 тысяч на уплату долгов. Его сын получил 400 тысяч на уплату долгов, граф де Морена — 160 тысяч в подарок, граф д'Артуа — брат короля — в разное время получил 20 миллионов на уплату долгов».

Из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

«Бастилия (la Bastille) — крепость и место заключения государственных преступников в Париже... Бастилия представляла собой длинное массивное четырехугольное здание, обращенное одной стороной к городу, а другой к предместью, с 8 башнями, обширным внутренним двором, и окруженное широким и глубоким рвом, через который был перекинут висячий мост. Все это вместе было окружено стеной, имевшей одни только ворота... Каждая башня имела тройного рода помещения: в самом низу — темное и мрачное подземелье, где содержались арестанты, пойманные при попытке к бегству, следующий этаж состоял из одной комнаты с тройной дверью и окошками с тремя решетками. Кроме кровати в ней находился стол и два стула. В самом верху башни было еще одно помещение, служившее также местом наказания узников».

Так продолжалось до 1781 года, когда тюрьму в Бисетре посетил очередной судья, который, как и многие другие, был поражен рассказом де Латюда и посулил помощь. Жану Анри было не привыкать к таким обещаниям, но и отказываться от сочувствия он тоже не стал. Поэтому он подробно описал историю своих злоключений, а рукопись отдал присланному слуге. А этот малый, прежде чем отправиться к господину, зашел в кабак и благополучно потерял пакет.

Это и спасло де Латюда. Пакет случайно подобрала молодая женщина, жена мелкого чиновника Легро. Ее потрясла прочитанная исповедь, и в ужасе она рассказала обо всем мужу. Месье Легро немедленно отправился к судье, наивно полагая, что тот с нетерпением ждет адресованную ему рукопись. Но судья не захотел даже взять пакет, объяснив, что все равно ничем не сможет помочь арестанту. Оказывается, он уже пытался разобраться в этом деле, но получил совет забыть обо всем ради собственного же блага.

Тогда мадам Легро решила действовать сама. Почти полгода она осторожно собирала справки и выясняла все обстоятельства жизни де Латюда, обращалась в разные инстанции. Откуда-то ее просто выгоняли, где-то помогали. В конце концов нашлись два юриста, которые согласились взяться за это непростое дело. Прежде всего они распространили исповедь арестанта в Париже, чтобы как можно больше людей узнало его печальную историю, а когда поползли слухи, развернули кампанию за его освобождение.

В это время все громче звучали голоса, недовольные порядками в стране. На улицах раздавались крики: «Свободу де Латюду!», и правительство не могло больше делать вид, что такого узника не существует. Французская монархия уже едва держалась на троне, страну сотрясали финансовый и политический кризисы, народ был недоволен и при всяком удобном случае весьма недвусмысленно давал это понять.

В этой ситуации мадам Легро сумела добиться невозможного. Следуя ее советам и отказываясь от разных условий освобождения (таких, как ограничение проживания только одним городом, полицейский надзор и т. д.), де Латюд не соглашался покинуть тюрьму Бисетр до тех пор, пока не будет подписан приказ о его полной реабилитации.

И вот 22 марта 1784 года — через 35 лет заключения — Жан Анри получил вождеденный документ. Этот день, как он писал в своих мемуарах, был днем его возрождения к новой жизни.

Его история настолько потрясла современников, что Бастилия, и без того уже ставшая символом произвола французской монархии, была обречена...

После этого де Латюд прожил еще двадцать лет, увидев, как разрушили Бастилию во время Великой французской буржуазной революции. Правительство назначило ему пенсию, на которую он мог жить и писать свои захватывающие мемуары. Умер он в 1805 году в возрасте 80 лет **ЛГО**

Этимологический словарь

ПРОЕКТ

Слово очень популярное в наши дни. Мы охотно употребляем его, когда речь идет о человеке, у которого всегда наготове какая-нибудь идея, быстро становящаяся *проектом*. Воплощению проекта в жизнь могут помешать возникающие на пути разнообразные *проблемы*. Слово «проблема» употребляется нами тоже нередко, и особенно там, где мы как раз не хотели бы видеть проблем: «без проблем», «no problem», «kein Problem»... Если посмотреть внимательнее, то окажется, что связь между этими словами расположена глубже, чем можно предположить.

Обратимся к истории.

В европейских языках слово «проект» заимствовано из латинского: оно происходит от причастия *projectus* (от гл. *proicere*, или *projicere*), которое буквально означает: «выброшенный вперед», «выступающий», «вытянутый», «бросающийся в глаза». Сюда относятся франц. *projet*, англ. *project*, нем. *Projekt*, итал. *progetto*, исп. *proyecto* и др. Посмотрим, какие особенности имеет наше слово в разных языковых пространствах. Определяющую линию задают уже французские толковые словари.

Projet — это намерение, которое будет осуществлено в будущем; так, мысль завершается проектом, последний же оказывается замыслом, который приобретает ощутимые черты в плане, схеме или программе. Представление о замысле, плане, идее также хорошо прослеживается в английском языке (*mental conception, notion; speculation*). Такой узус возникает, видимо, не раньше XVI—XVII вв. Например, известно, что в немецком языке слово «*Projekt*» появилось именно в XVII в. и функционировало наряду с *Entwurf* (набросок, эскиз)¹. Отсюда в петровскую эпоху заимствуется и русское проект, или проэкт, которое в своем семантическом спектре уже имело обычные «план, предложение»; в «Архиве» Куракина читаем: «учиня проект, подал к тайному совету».

Итак, Новое время предлагает понимать это слово как «идею», которой субъект может и вправе распоряжаться как своей мыслью. Здесь, кстати, коренится и различие двух параллельных направлений, по которым шло языковое развитие: с одной стороны, *проект* как утопия, несбыточная мечта о чем-то (ср. *прожектор, прожект*), с другой — как реальное предприятие (в современной педагогической литературе *project* — специальное задание по тематической разработке, которую должны представить учащиеся). Но такое ли положение вещей находим мы в древности?

Свое точное соответствие латинское слово-прародитель имеет в греческом существительном *πρόβλημα* (от *προ-βάλλω*, «бросаю вперед»). Так, среди главных значений в Словаре Liddell&Scott называются такие, как «помеха, препятствие» и «задача, вопрос»². Взаимопринадлежность их очевидна: помеха на пути идущего человека имеет вызывающий характер, заставляет остановиться, задуматься и принять какие-то меры. Как в жизни, так и в мысли препятствие на пути как бы «провоцирует», пробуждает скрытые силы. Привычная для нас картина начинает меняться. Античное понимание внятно говорит о том, что проект вовсе не обязательно должен быть индивидуальным (только моим) произведением, проблема же — только помехой на пути. Ведь *проект* как проблема (проект-проблема) может обозначать подлинную ситуацию творчества, где человек перестает быть просто собственником «идеи» и отказывается от «своего» личного, частного, чтобы получить шанс натолкнуться на что-то другое, удивиться, наполниться им, проявить его в своем творчестве **лго**

Александр Михайловский

¹ Глагол *entwerfen*, являясь профессиональным термином ткачей, в средневерхненемецком первоначально означал создание образа на ткани и только позднее стал употребляться для обозначения литературного и духовного творчества. Современный смысл складывался под влиянием фр. *projeter*.

² Есть сочинение Аристотеля, носящее название «*Πρόβληματα*».

Этимологический словарь

ТРУД (РАБОТА), ARBEIT, TRAVAIL

Слово «труд» мы привыкли понимать в расхожем социально-экономическом и культурном смысле как «производительную деятельность человека», «целестремленную созидательную деятельность человека, требующую затраты физических или умственных сил». На это наводят слова «трудоу», «трудоу», «трудоу». Однако иная тенденция просматривается во всех славянских языках: это обнаруживает русское прилагательное *трудоу* и польское *trudny* («трудоу, тяжелый»), польское же существительное *trud* («беспокойство, усталость») и сербско-хорватское *trud* («усилие»). Любопытно устаревшее выражение «родильница в труде», не обязательно означающее тяжелые роды. В каком смысле трудится, работает роженица? Она в тяготах производит на свет новую жизнь. Здесь мы имеем дело с более древней характеристикой труда, которая встречается в библейских фразах: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратиши в землю» (Быт. 3 : 19).

Лютер, один из духовных отцов Нового времени, толкует слова «труд, работа» как призвание человека в этом мире, придавая им заметный моральный оттенок. Здесь уже и в помине нет «великого труда», совершавшегося героями раннего Средневековья, о которых говорят первые строки германского эпоса «Песнь о Нибелунгах»:

*Uns ist in alten mæren wunders vil geseit
Von helden lobebæren von grôzer arebeit...*

В далеком от точности русском переводе:

*Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про славные деянья бывших богатырей...*

Лютер погружается в этику рыцарства и поздней средневековой мистики, где «работа» утрачивает значение «трудоу, мучительной работы» и именуется целесообразными практическими действиями призванного на служение человека (*Beruf* — «профессия и призвание»).

Попробуем подойти к этому слову с философской стороны. Американский философ немецкого происхождения Ханна Арентс глубоко проанализировала понятие «труд». В своей главной работе «*Vita activa*» она делает различие между «трудоу» («работой») и «созданием» («изготовлением»). Это различие обосновано и этимологически. Греческий различает между *ποιεῖν* и *ἐργάζεσθαι*, латинский между *laborare* и *facere* или *fabricari*... французский язык между *travailler* и *ouvrer*, немецкий, наконец, между *arbeiten* и *werken*... В немецком первоначально только о крепостных, работавших в сельском хозяйстве, говорили, что они *arbeiten*; о ремесленниках говорили *werken* («мастерить»). Французское *travailler* заменило более старое *labourer*, но в свою очередь произошло от латинского *tripalium* («особого рода пытки...»). Античность, в частности, различала «труд» (*πόνος*) и «досуг» (*σχολή*), поскольку граждане полиса презирали любую деятельность, не связанную прямо с активной политической жизнью.

Почему же начиная с работ Адама Смита и Маркса так возрастает статус труда? Вместо вышеупомянутого различия между *animal laborans* и *homo faber* во главе угла теперь стоит разница между производительным и непроизводительным трудом, квалифицированным и неквалифицированным, между умственной и физической деятельностью. В конце концов Маркс заменяет традиционную античную и средневековую дефиницию человека как *animal rationale* на *animal laborans*. Наиболее радикально это формулировалось так: труд (а не Бог) сотворил человека и труд (а не разум) придал ему отличие от всех прочих животных.

Это смещение смыслов, наблюдаемое в словоупотреблении, выдает глубинные изменения времени и человека. Как Ницше попытался открыть глаза современному человечеству на то, что оно убило Бога и Бог мертв, так Маркс ясно высветил отношение человека и социума: оно определяется работой в экономическом смысле. Необходимо увидеть, что в XX в. «работа» перерастает это узкое измерение и начинает фигурировать как своеобразный стиль, или образ жизни, где определяющую роль играет техника (в античности она была искусством ремесленника). Нет ничего, чего нельзя было бы охватить с помощью этого понятия: любовь, творчество, культ, общение, спорт и даже движение атома несут на себе явный отпечаток работы. Работа в техническом становится тотальной характеристикой мира. От человека зависит, удастся ли ему познать глубинный смысл слова родного языка, осмыслить свое положение и заявить о нем

ЛГО

Александр Михайловский

Три необычных судьбы того времени, три непохожие женщины, чьи имена тесно связаны с революцией, объединил один трагический конец. Выбор именно этих персонажей, таких разных по социальной принадлежности – простолюдинки Анны Жозефины Тервань, дочери ювелира Манон Ролан и аристократки Шарлотты Кордэ – позволяет лучше ощутить накаленную обстановку во Франции перед якобинской диктатурой и началом революционного террора, оценить события Великой французской революции с разных сторон

ТРИ разных СУДЬБЫ, ТРИ похожие СМЕРТИ...

«Трава уже выросла, ешьте ее!» – так аристократы отвечали на жалобы французских крестьян во время голодных бунтов конца XVIII века. А королева Мария-Антуанетта искренне удивлялась народному недовольству: «Раз у них нет хлеба, пусть едят пирожные...» В то время как в ряде областей Франции на 500 крестьян приходилось до 400 нищих, придворные получали огромное жалованье и награды (знаменитый пример: маркиз д'Отишан одновременно имел четыре пенсии – «первую за заслуги покойного отца, вторую – за то же самое, третью – на тех же основаниях, четвертую – по тем же причинам»).

Для пополнения казны королю Людовику XVI приходилось все время увеличивать старые налоги или придумывать новые. От этого страдали не только крестьяне – третье сословие составляло 95–97 % населения Франции и было крайне неоднородным – бедные и богатые, сельские жители и горожане, ремесленники, торговцы, банкиры – все страдали от крайних проявлений абсолютизма. Так, например, ученый Бертолет изобрел в 1785 году прекрасный способ отбеливания тканей, который бы значительно упростил и поднял на более высокую ступень текстильное производство. Но для этого требовалась соль, которая облагалась таким большим налогом – габелью, что это делало ее промышленное использование просто невозможным. Никакие

специальные доклады королю и ходатайства о разумных компромиссах влияния на Людовика XVI не оказывали. Это лишь небольшой пример политики абсолютизма, подорвавшей в конечном итоге его существование. (Сюда же можно добавить такие феодальные пережитки, как право сеньориальной охоты, приводившее к потраве крестьянских наделов, огромное количество таможенных застав, препятствующих нормальному развитию торговли... Этот список бесконечен.)

Неудивительно, что к 1789 году ситуация накалилась: рушится не только привычный уклад жизни, монархия и сословный строй, – революционный молох ломает судьбы, поднимает людей на небывалую высоту и тут же сбрасывает с пьедестала. Вчерашний торговец с гордостью занимает скамью в Национальном собрании, чтобы через год оказаться на гильотине...

Водоворот событий, смены правительств, заговоры и перевороты, гражданская война и революционный террор – все это и есть Великая французская буржуазная революция. В этом калейдоскопе «мелькают» многие знаменитости – Людовик XVI, Мирабо, Робеспьер, Марат, Дантон и многие другие. Каждый из них достоин особого внимания. Их личности и судьбы – бесценный материал для изучающих историю. Однако иногда полезно посмотреть на те же события другими глазами, понять то же время через иные характеры.

СЦЕНАРИЙ УРОКА

Данная статья освещает лишь один из возможных вариантов использования на уроках истории биографий людей, чья яркая жизнь блестяще иллюстрирует сложные и противоречивые события конца XVIII века.

Для того чтобы наиболее эффективно провести урок и внести в него элемент занимательности, ученикам предлагается следующая игровая ситуация:

Франция первой половины XIX века... Молодая женщина, выросшая без родительской ласки, смутно помнит свою мать и пытается узнать что-то о ней... Люди, в чьем доме она выросла, ничего не рассказывали девочке о ее родителях, кроме того, что они рано умерли.

Евдора (так зовут эту молодую женщину) вскоре выясняет, что ее родители Ролан де ла Платиер и Манон Ролан были очень известны. Трудно представить ее ужас и потрясение, когда она узнает, что ее мать умерла под ножом гильотины, а отец после этого покончил с собой...

Евдора не может и не хочет поверить в то, что ее мать — преступница. Пытаясь узнать правду, она разыскивает документы, обращается к разным людям и постепенно, по крупицам, восстанавливает события тех лет.

Теруань де Мерикур

Освоившись в новой среде, Анна вскоре переезжает в Париж, где начинает вести праздную и беззаботную жизнь. Но даже поменяв полученное при рождении имя на более благозвучное (Теруань де Мерикур), Анна не забывает своего крестьянского происхождения, не стыдится его и при случае помогает родным. Помня о своем грустном детстве, обаятельная и остроумная девушка с помощью богатых покровителей делает все, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь: скоро у нее появляются драгоценности, дом, слуги, постоянная рента... Она даже решается на поездку в Италию, чтобы брать уроки пения. Там же она узнает о провозглашении Национального Соборания. Бросив все, она возвращается в Париж.

И вновь происходит перевоплощение — из взбалмошной содержанки Теруань превращается в одну из самых ярких личностей революции. Это она ведет за собой толпу, проклинает аристократов, находит единственно верные слова, чтобы убедить простых горожан и особенно горожанок ничего не бояться. Сегодня ее назвали бы феминисткой: в первую очередь она старалась «расшевелить» именно женщин, заставить их поверить в себя и потребовать признания своих прав наряду с мужчинами. Популярность Теруань настолько возрастает, что ее имя становится нарицательным, а в роскошном особняке собираются представители разных партий — Робеспьер, Дантон, Мирабо. Журналисты и поэты, политики, иностранцы, сочувствующие Франции, — все они спорили и находили общий язык именно в этих стенах.

Анна Жозефина не ограничивается только политической борьбой, не таким был ее характер! 14 июля 1789 года Теруань со шпагой в руках

ТЕРУАНЬ ДЕ МЕРИКУР (1762–1817)

Анна Жозефина Теруань родилась в маленькой деревушке в доме малоземельного крестьянина. В семье было несколько детей и, чтобы хоть как-то свести концы с концами, девочку рано отдали в прислугу в соседнюю деревню. Однако она недолго оставалась в работницах — прехорошенькая девушка пригласилась богатому англичанину, и он увез ее в Англию, где произошло удивительное превращение: Золушка стала светской дамой.

Мария-Антуанетта

штурмует крепость Бастилию, и ей аплодирует восторженная толпа; 6 октября в день похода на Версаль – в мужском костюме, вооруженная пистолетом, – она вдохновляет голодных бедняков и ведет их к королю. Она становится народной героиней, ее имя известно всем, ее бесстрашие воодушевляет сомневающихся, а убедительные речи и вера в победу поднимает Париж на баррикады. И конечно же, у нее появляются враги – аристократы видят в Теруань серьезную опасность и не гнушаются ничем, чтобы унизить девушку, смешать ее имя с грязью. Карикатуры, пасквилы, клевета не прекращаются вплоть до падения монархии 10 августа 1792 года, когда сторонники короля вынуждены были отступить.

За три года революции Теруань почти разорилась, никогда никому не отказывая в помощи. Свои последние драгоценности она бросает на трибуну одного из клубов, призывая женщин последовать ее примеру и собрать средства на строительство Дворца Национального Собрания вместо разрушенной Бастилии.

Годом же ранее, в 1791, с ней происходит просто невероятная история. Приехав в свои родные места, она вдруг исчезает. Тщетно ищет ее брат, обращаясь к друзьям: никто ее не видел, кое-кто даже начинает подозревать романтическую интригу... Но Теруань, оказывается, была... в плену! Австрийцы, сосредоточившие войска на границе Франции, схватили знаменитую Мерикур, не простив ей неуважительного отношения к своей принцессе (королеве Франции). Ведь, ворвавшись в Версаль в октябре 1789 года, Теруань устроила во дворце настоящий переполох среди фрейлин и просто преследовала королеву Марию-Антуанетту, которую практически спас один из министров...

Мерикур содержали в суровых тюремных условиях, требовали сознаться в «государственной измене» и грозили пожизненным заточением. Там она так серьезно заболела

Теруань де Мерикур призывает женщин отдать свои драгоценности

Людовик XIV

Особенно заинтересовали Евдору трагические судьбы женщин, чей печальный конец пришелся на одно время со смертью ее родителей, – Шарлотты Кордэ и Теруань де Мерикур. И чем больше подробностей из их жизни она узнает, тем яснее предстает перед ней вся сложность и неоднозначность революционного времени.

Подобная историческая игра по понятным причинам не может и не должна охватить все события Великой французской буржуазной революции. Предлагаемый здесь сценарий полезен на обобщающем занятии по теме ее первых лет.

Для успешного проведения игры ее участникам необходимо заранее ознакомиться с документальными материалами. Кто-либо из учеников выступит в роли Евдоры Ролан, остальные – «свидетели прошлого». Класс делится на несколько «социальных» групп (аристократия, буржуазия, простой народ и др.), которые дают разные оценки одним и тем же событиям, что позволяет наиболее полно восстановить общую картину первых лет революции.

ПОРЯДОК ОБСУЖДЕНИЯ:

Евдора выясняет причины революции

- Где можно было узнать о документах времен революции? Кто и зачем мог все это сохранять?
- Что представляла собой Франция конца XVIII века?
- Что значит Эпоха Просвещения? Что она дала Франции и в чем ее историческое значение?
- Какими конкретными идеями Просветителей руководствовались вожди революции?
- Что значит «абсолютная монархия»? Какие еще виды монархии бывают?
- Как относились к монархии во Франции разные слои населения? Что думала о монархии мадам Ролан? Какие варианты власти она отстаивала? (Приведите выдержки из документов.)
- Как различались условия жизни представителей разных сословий? Что общего и в чем принципиальная разница между обедневшими дворянами и, например, средней буржуазией? Чем отличалась жизнь Манон Ролан, Теруань де Мерикур и Шарлотты Кордэ?

ла, что австрийцы были вынуждены перевести важную преступницу из сырой камеры под домашний арест в Вену. Находчивость и изобретательность и тут не покинули Теруань: благодаря редкому обаянию она даже смогла добиться аудиенции у самого императора Австрии Леопольда. Тот настолько заинтересовался необычной пленницей, что не только решился на встречу, не только галантно выслушал ее откровенно революционные речи, но и сделал истинно рыцарский жест – отпустил красивую женщину.

Теруань возвращается в Париж. Она выступает в клубе якобинцев, рассказывает о своем аресте и требует начать войну против аристократов-эмигрантов, готовящих нападение на Францию. Ее популярность возрастает. На митингах и собраниях, в клубах и редакциях она призывает к равноправию женщин не на словах, а в повседневной жизни. Для этого она даже организует настоящий женский клуб, где три раза в неделю диспуты, чтение и другие «мужские» занятия заменяют женам и матерям их привычные заботы (что, конечно же, вскоре стало очень раздражать оставленных дома мужей...).

Положение принимает настолько скандальный характер, что в клубе якобинцев специально рассматривается вопрос о закрытии этого женского клуба (все же до эмансипации еще далеко, и «Декларация прав гражданина и человека» уже самим названием утвердила действующих лиц истории).

Несмотря на ни на что, Теруань остается в ряду борцов. 10 августа 1792 года, когда бегство короля привело к падению монархии, именно она ведет разгневанную толпу во дворец Тюильри и требует мщения.

Но постепенно Анна начинает понимать, что беспощадность и жестокость ни к чему хорошему привести не могут (дальнейшие события доказали правильность этих подозрений!). Особенно ей стали близки взгляды партии жирондистов на необходимость ведения войны с врагами Франции (взамен гражданской войны, угрожающей хаосом). Конечно, жирондисты горячо поддерживают ее выступления, ну, а якобинцы не менее решительно осуждают. Нет-нет, да всплывают страницы небезупречной молодости Теруань, и те, кто раньше во всем ей доверял, теперь не прощают призывов к национальному примирению.

«Граждане! Куда мы идем? Нас увлекают страсти, которые можно искусно разжечь, мы почти на краю гибели. Граждане! Остановитесь, пора одуматься!» – понятно, что такие слова увеличивают число врагов Теруань. Бывшие друзья упрекают ее в поддержке изменников революции, женщины, за чьи права она так горячо боролась, встречают ее недоверием.

И вот однажды настал роковой день: разгневанная голодом толпа женщин враждебно встречает одного из вождей Жиронды – Бриссо, Теруань бросается наперерез, чтобы не дать разгореться страстям. Но женщин не остановить. Анну Жозефину обвиняют в измене. Те, кто еще вчера бесстрашно шел за ней, бросаются на свою бывшую героиню и, изорвав на ней одежды, безжалостно секут ее плетьюми.

Сознание Теруань де Мерикур не выдержало такого испытания – она сошла с ума. (Возможно, именно это спасло ее от гильотины.) Более 20 кошмарных лет она провела в железной клетке для буйных в доме для умалишенных. Ничто не напоминало в этой несчастной «Красную амазонку», когда-то восхищавшую Париж.

Манон Ролан

МАНОН РОЛАН (1754–1793)

Манон-Жанна Флиппон провела детство в лавке отца – гравера и ювелира. Одаренная девочка рано научилась читать, отыскивая старые книги в огромных сундуках. С детства увлеченная миром книг, она не имела друзей, не шалила и радовала родителей, потерявших шестерых детей, послушанием. Но уже тогда Манон научилась презирать лавочников, их жен и шумных ребятшек, которых считала необразованными и пустыми. Ее влекло к аристократам, хотя

они со своей стороны испытывали к ней такое же презрение. Как бы хорошо она ни училась, как бы ни хвалили ее взрослые и ни гордились ее успехами родители (в 9 лет она уже прочла Плутарха и знала наизусть Вольтера), ей не удавалось приблизиться к чужому, влекущему ее миру. Девочка мечтала о чуде, о том, как она, наконец, скинет плащ замарашки и гордо войдет в волшебный мир роскошных нарядов, балов и утонченных разговоров. «Эта малютка, которая прекрасно могла объяснить законы движения небесных светил, которая рисовала карандашом и тушью и в восемь лет танцевала лучше всех на вечере, где были взрослые девицы, эта малютка часто бывала принуждена идти на кухню, чтобы изжарить яичницу или сварить суп», – впоследствии сокрушалась она, вспоминая о своем детстве. Когда ей исполнилось 11 лет, Манон решила уйти в монастырь, но и там сердце ее не нашло приюта. Манон стеснялась своих родителей, с трудом сходилась с подругами и... читала, читала, читала.

Повзрослев и покинув монастырские стены, девушка вернулась домой и вплотную занялась отцовской лавкой. К ней многие сватались, но она отвергала «заманчивые», с точки зрения ее отца, предложения руки и сердца, поскольку не представляла себе, как можно выйти замуж за простолюдина-мясника, пусть даже дела у него идут прекрасно. (Каково же было слушать такие слова ее отцу!)

С каждым днем все яснее определялась пропасть, которая разделяла действительность и мечты. Те, кто благодаря высокому аристократическому положению, по мнению Манон, должен был служить образцом для подражания, на самом

Ролан
де ла Платиер

- Сколько сословий было во Франции? Какова была их судьба после революции? Как представители разных сословий относились друг к другу? (Приведите примеры из текстов.)

Евдора восстанавливает события 1789 года

- Как должны были относиться представители разных социальных групп к событиям 1789 года?
- Что конкретно ожидали от революции крестьяне, мелкая, средняя и крупная буржуазия, обедневшее дворянство? (Найдите подтверждение вашего мнения в письмах Манон Ролан и других документах.)
- Почему считается, что революция началась со штурма Бастилии? Чем не угодила французам именно эта крепость? Вспомните, как это происходило. Попробуйте описать, как повела себя в те дни Теруань де Мерикур.

Марат

**Революция победила.
Что дальше?**

- Какой орган власти появился после революции? Кто в нем участвовал? Как и почему изменялось его название?
- Почему в начале революции власть оказалась у крупной буржуазии, какие значительные мероприятия были проведены и почему народ все равно оставался недоволен?
- Какие основные документы были приняты в это время? Дайте им характеристику.

деле думали только о своем благополучии, нисколько не заботясь о тех, чьими трудами создавалась их роскошь.

Однажды в ювелирную лавку отца, где Манон была и продавщицей, и прислужой, зашел пожилой (по меркам XVIII века) человек с письмом к Манон от ее знакомой. Ролан де ла Платиер – это был образованный человек, уже давно перешагнувший сорокалетний рубеж, – занимал высокий пост. Через пять лет они поженились, и дальнейшая жизнь молодой женщины была посвящена мужу, который писал статьи, увлекался политикой и был известен своими передовыми взглядами.

Она переписывает его экономические труды, правит черновики и гранки сочинений. Но Манон слишком хорошо образована, чтобы просто исправлять ошибки наборщиков – статьи о торговле в «Новой энциклопедии», подписанные именем ее мужа, были практически полностью написаны ею.

Ролан занимает пост генерального инспектора мануфактур и фабрик Лиона, в семье подрастает дочь Евдора, квартира хорошо меблирована и ничто, казалось, не может нарушить ровное течение благополучной жизни. Но 1789 год переворачивает судьбу и этой семьи...

Госпожа Ролан вновь обращается к древним авторам, отстаивающим идеи республики, и велит прислуге называть себя «гражданкой».

Манон разделяет взгляды мужа, чьи речи вызывают одобрение разбогатевших буржуа Лиона. Его выдвигают депутатом городского Учредительного Собрания. Но так как революция упразднила многие должности, в том числе и инспекторов мануфактур, Ролан остается без работы, и его жена настоятельно требует переезда в Париж. Несмотря на преклонный возраст, Ролан соглашается. Довольно скоро, благодаря активности, эрудиции и умению объединять вокруг себя людей, Манон Ролан открывает в своем парижском доме салон, который превращается в настоящий революционный клуб. К ним с удовольствием заходят многие известные люди.

Манон переписывается с Робеспьером, устраивает встречи жирондистов, ведет дела мужа, который оказывается вовлечен в политическую жизнь настолько, что однажды друзья предлагают ему пост министра внутренних дел! Это назначение стало компромиссом королевской власти с революцией – рассудительный, знающий и уравновешенный Ролан де ла Платиер устраивал всех. Мадам Ролан, оставаясь по-прежнему незаменимым помощником мужа (хотя ее отношение к нему основано, увы, не на любви, а только на уважении), бесконечно гордится им. И даже когда Ролан оставляет пост министра, его жена продолжает быть душой партии Жиронды.

Голод в Париже, начавшаяся война с Австрией и предательство короля вновь создают взрывоопасную ситуацию. Дворец Тюильри, где скрывается королевская семья, окружен. В конце концов, Людовик XVI отрекается от престола.

Ролану вновь предлагают войти в правительство, но это было уже началом конца. Робеспьер больше не посещает салон мадам Ролан, а самого министра якобинцы начинают травить за все нерешенные проблемы и главное – за поддержку военных действий. Но мадам Ролан все так же горячо отстаивает идею республики и защищает мужа и его друзей от нападок. Квартира Манон превращается в настоящий штаб партии Жиронды. И все же в 1793 году Ролан уходит в отставку:

борьба в Конвенте между жирондистами и якобинцами разгорелась со всей остротой – основные пункты обвинения включали нерешительность и колебания в вопросе о судьбе короля, предательство военных генералов (особенно сдача Вердена) и тяжелое положение в Париже – все это ставилось в вину именно правительству жирондистов.

Ролана называют одним из тех, кто виновен перед народом в его бедах (в том числе из-за нежелания правительства вводить «максимума» цен на хлеб, чтобы хоть как-то ограничить спекуляцию и голод). Бедняки, которые еще ничего не получили от революции, кроме голода, войны и дороговизны, обвиняют правительство в измене. Последней каплей терпения парижан становится отказ жирондистов от принудительного займа для борьбы с контрреволюцией в Вандее, который в действительности должен был быть распределен между буржуазией. Жирондисты выступали в Конвенте с речами о «несправедливости» такого решения и о том, что заем должны оплачивать и бедняки. В Париже начинаются волнения: город наполняется криками, колокольным набатом и призывами к мести. Народ требует жирондистов к ответу за все. Когда в дом Роланов приходят вооруженные санкюлоты, бывший министр успевает скрыться и покидает город. Манон, все еще надеясь на свое влияние, собирается в Конвент, чтобы доказать невиновность мужа. Но не застав господина Ролана дома, арестовывают его жену.

В тюрьме госпожа Ролан ждет «применения к ней закона», отправляет письма прокурору и требует справедливости. Там же она пишет мемуары (они будут опубликованы много позже) и продолжает надеяться на скорое освобождение.

Вместо этого ее переводят в зловонную и темную камеру, где умирают последние надежды. Постоянные бессмысленные допросы утомляют Манон. Она ждет вызова в революционный трибунал, чтобы во всеуслышанье объявить о своей невиновности. Она готовит пламенную речь, суть которой в том, что жирондисты могли заблуждаться, но не были преступниками.

«Я видела этих людей, которых обвиняют в заговоре против отечества. Это решительные, но гуманные республиканцы, которые были убеждены, что нужны хорошие законы... История всех времен доказала, что требуется большой талант для того, чтобы хорошими законами направить людей на путь добродетели...» – пишет она. Манон пытается оправдать не себя, а прежде всего мужа. Она не хочет или не может понять, что власть Жиронды, просто заняв место монархии, ничего не принесла народу, ничем не облегчила его участь.

8 ноября 1793 года арестанты столпились у решеток в ожидании своей участи. В этот день было произнесено имя «гражданки Ролан». Все знали, что это значит. Ей не позволили произнести речь в Революционном трибунале, которую она так тщательно готовила, и она молча выслушала приговор. Позже, уже у гильотины, Манон с редким мужеством и самообладанием обратилась к другому осужденному: «Взойдите первым, у Вас не хватит сил перенести зрелище моей казни...»

Впоследствии легенда приписала ей последние горькие слова, ставшие знаменитыми: «О, Свобода, сколько преступлений совершается во имя твое!»

Ролан, который, спасаясь, прятался с другими жирондистами, не перенес казни жены и закололся шпагой.

Дантон

Ожидания и реальность. Как и чем жила Франция в первые годы революции

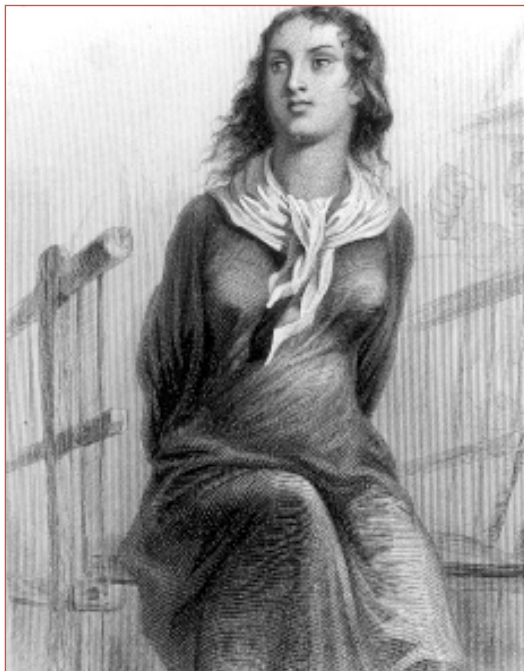
- Кому и зачем была нужна война? Когда Франция напала на Австрию? Какую позицию занимали представители разных слоев по отношению к войне?
- Какая обстановка сложилась в Париже и в провинции? Почему Шарлотта Кордэ думала, что Париж погибает?
- Что думала об этих же событиях Манон Ролан?
- Чем жил простой народ в эти дни? Кого и к чему призывала Теруань де Мерикур?
- Назовите причины восстания 10 августа 1792 года.

Аллегория
разума

Борьба за республику
подолгается.
Евдора разбирается
в политике

- Что такое политический клуб? Какие клубы были наиболее популярны? В чем заключалась их деятельность?
- Кто такие жирондисты? Кто их основные противники? (Дайте характеристику наиболее известным деятелям среди тех и других. Используйте документы.)
- Какую политику проводило правительство Жиронды? Чего оно добивалось? Почему народ опять оставался недовольным?
- Что значит борьба «горы» и Жиронды?

Шарлотта Кордэ

ШАРЛОТТА КОРДЭ (1768–1793)

Мария-Анна-Шарлотта Кордэ, дочь обедневшего дворянина Франсуа де Кордэ д'Армон, имела только один повод для гордости – она приходилась двоюродной внучкой знаменитому драматургу Пьеру Корнелью. Во всем остальном ее жизнь была лишена блеска. Шарлотта считала себя несправедливо обиженной судьбой и очень страдала от уготованной ей бедности. Гордая и честолюбивая, она с раннего детства верила, что ее жизнь будет необыч-

ной. В семье было несколько детей, и Шарлотте пришлось провести несколько лет в монастыре (правда, благодаря происхождению – в аристократическом), где она пристрастилась к чтению. Позже она попросила приюта в доме своей овдовевшей тетки в Канне и помогала ей по хозяйству. Веря в собственное особое предназначение, Шарлотта с презрением относится не только к простому народу, но и к буржуа, которых она считала выскочками и недоучками...

Когда началась революция, Шарлотта все еще живет в чужом доме. Она много читает, отдает предпочтение Руссо и Плутарху (ими же зачитывалась Манон Ролан и многие другие), увлекается взглядами мыслителей эпохи Просвещения. Разделяя идеи ограниченной монархии, естественно, в интересах мелкопоместного дворянства, Шарлотта считает дальнейшее развитие демократии самым настоящим преступлением. Но ожидания не оправдались. Вместо «торжества справедливости» ненавистная Шарлотте «чернь» требует прав, посягая на привилегии ее сословия. Рушится привычный мир, и более всего в этом виновны, с точки зрения Шарлотты, якобинцы. Первые годы революции вплоть до 1793 года кажутся ей непрерывным падением в пропасть. Она жадно слушает о творящихся в Париже ужасах и все чаще задумывается над тем, кто же главный виновник происходящего? Кто толкает «чернь» на все новые восстания? Молодая девушка, живущая далеко от Парижа, уверена, что враг тот, чье имя у всех на устах. Таким человеком в то время был не Робеспьер и не Дантон, а Марат, издававший популярную газету «Друг народа» и яростно отстаивавший интересы бедняков. Его речи никого не оставили равнодушными. По его призыву санкюлоты шли в бой. Это и определило ее окончательное решение: если ненавистный Марат будет убит – революция захлебнется....

Теперь осталось только действовать – и Шарлотта Кордэ просит у одного из представителей городских властей рекомендательное

письмо в Париж якобы для того, чтобы защитить обедневшую подругу. Получив бумаги, она садится в дилижанс и отправляется в довольно опасное для одинокой молодой девушки путешествие. В Париже Шарлотта, к своему удивлению, видит совсем не ту картину, которую ей описывали в Канне, – на улицах не слышно стонов и криков, не видно голодных бродяг.

В это время буржуазия еще удерживает власть. Но накаленная обстановка, контрреволюционный мятеж, охвативший к середине июня 1793 года 60 департаментов из 83, говорят о том, что примирения не будет. (Все закончится свержением правительства и переходом власти к якобинцам, уже скоро министр Ролан спешно покинет столицу, а его жена Манон будет казнена вместо него.) А пока – пока во Франции гроза только собирается.

Шарлотта решает добиться пропуска в Конвент, чтобы именно там, у всех на глазах, убить Марата. К ее большому разочарованию, оказывается, что он болен и не может посещать заседаний.

Этот человек был настолько неприхотлив и настолько не заботился о себе, что запустил серьезное заболевание, из-за которого он практически не мог обходиться без специальных расслабляющих ванн: все его тело было покрыто незаживающими язвами. Чтобы не терять времени даром, Марат работал, сидя в серной ванне, положив на края доску, на которой он писал и правил статьи для газеты.

Шарлотта решает отправиться к нему домой. В лавке она покупает кухонный нож с черной рукояткой и прячет его на груди под кружевном блузке. Не зная, где именно живет ее жертва, она просто-напросто просит извозчика отвезти ее к Марату. Все парижане прекрасно знают дом Друга Народа. Дверь открывает жена Марата, Симона Эврар. Оберегая покой мужа, она не пускает посетительницу. Тогда Шарлотта передает ей записку о готовящемся заговоре жирондистов в Канне. Вернувшись в гостиницу, она пишет несколько прощальных писем и вновь отправляется на улицу Кордильеров к дому № 20. Однако Марат настолько слаб, что его жена вновь отказывает посетительнице. Но Шарлотта продолжает громко настаивать на необходимости личной встречи. Марат, услышав ее слова, просит жену впустить девушку. Шарлотту проводят в рабочую комнату Марата со специальной ванной в форме высокого башмака. Вид больного усталого человека лишает ее решимости, и она начинает искать предлог, чтобы вдохновить себя на убийство. В разговоре с Маратом она сочиняет подробности заговора, называет имена и без того известных своей непримиримостью жирондистов. И Марат, в надежде утешить взволнованную девушку, произносит роковую фразу: «Все они будут гильотинированы». В ту же минуту Шарлотта ножом наносит удар в грудь Марата. Он успевает только крикнуть: «Ко мне, мой друг!» Пока обезумевшие от горя жена и служанки пытаются ему помочь, Шарлотта бросается вон из комнаты, но в прихожей ее задерживает один из соратников Марата по газете.

Весть о гибели народного кумира мгновенно разносится по городу, и к дому на улице Кордильеров начинает стекаться толпа – ведь в Париже действительно нет более популярного человека. Марат был совестью и душой народа:

Робеспьер

Жестокость или необходимость?

- За что казнили короля? Как к этому отнеслись разные социальные слои? Почему? (Приведите примеры из документов.)
- Почему оказался возможным мятеж в Вандее и кто его направлял?
- Почему и как был убит Марат? Какие последствия имела его смерть?
- В чем причины изгнания жирондистов из Конвента? Какие непосредственные события этому предшествовали?
- Каким образом была установлена власть якобинцев? В чьих интересах они действовали?

Могла ли революция
на этом завершиться?
Евдора делает выводы...

- Почему власть якобинцев называется «диктатурой»?
- Какие мероприятия они проводили? Как к ним относились разные социальные слои?
- Было ли единство среди якобинцев?
- Что можно сказать о Робеспьере? Были у него противники? С чем они были не согласны? О чем пишет Манон Ролан Робеспьеру?
- Что такое революционный трибунал? Чем он занимался?
- Что такое гильотина? Кто и когда ее изобрел?
- Оправдает ли Евдора свою мать или будет считать ее преступницей? Как вы считаете, насколько было необходимо расправляться с Теруань де Мерикур, казнить Манон Ролан? Что вы думаете о приговоре Шарлотте Кордэ?
- Что значит «революционный террор» и как относились разные слои общества к массовым казням? Кого и за что казнили? Какую оценку сегодня можно дать такой политике?
- Что должно было быть дальше?

отдавая все силы революции, жил как спартанец, во всем отказывая себе и помогая нуждающимся. (А его жена отдала все свои сбережения на издание газеты мужа.)

Шарлотту арестовали, по дороге в тюрьму ее пришлось охранять от обезумевших людей, которые выкрикивали ругательства в адрес ненавистой аристократки и готовы были ее растерзать.

«Несчастные, – обратилась к ним Шарлотта, – вы хотите моей смерти за то, что я спасла вас». Она не переставала верить в свою святую миссию и искренне считала, что ее не просто оправдают, но и одобряют ее справедливое мщение.

Когда в суде разбиралось дело Шарлотты Кордэ, она вела себя высокомерно, всем видом подчеркивая свое аристократическое происхождение. Но после выступления жены Марата Симоны Эввар участь Шарлотты была окончательно решена. Тем более, что всех возмутил ответ подсудимой на вопрос, кто толкнул ее на убийство: «Преступления, в которых он виновен со времени революции», – резко ответила она. Приговор был единогласным – смерть на гильотине. 13 июля 1793 года Шарлотта взойшла на помост...

После казни Шарлотты Кордэ жирондисты прозвали ее «великой мстительницей» и сравнивали с выдающимися женщинами античности.

Но смерть Марата только подогрела борьбу за власть, которую вел Робеспьер. Наивная Шарлотта не разглядела эту фигуру за ярким образом Друга Народа **ЛГО**

Материалы и документы приводятся по изданиям:

История Франции.
Том 2. – М., 1973.

Лотте С.А. Великая Французская революция. – Л., 1935.

Письма о Французской революции /
Под ред. Г. Ландауэра. – М., 1925.

Серебрякова Г. Женщина эпохи французской революции. – М., 1964.

Для подготовки к уроку рекомендуется использовать учебник:

Юдовская А.Я. История. Мир в новое время (1640–1870). – СПб., 1998, 2000.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

ТЕРУАНЬ ДЕ МЕРИКУР

«Гражданки! Не забудем, что мы должны целиком отдать себя отечеству. Вооружимся... Покажем мужчинам, что мы не ниже их в доблести и храбрости, покажем Европе, что француженки сознают свои права и что они стоят на уровне идей XVIII века, презируя предрассудки, которые бессмысленны и безнравственны, поскольку именно добродетель объявляется преступлением. Француженки! Сравните то, чем мы должны быть в обществе, с тем, чем мы являемся. Чтобы познать наши права и наши обязанности, нужно обратиться к суду разума, и, руководствуясь им, мы сможем отличить справедливое от несправедливого... Француженки! Повторяю вам еще раз – наше назначение высокое: сокрушим наши оковы, пора женщинам выйти из того постоянного ничтожества, в котором они находятся, столь давно поработанные невежеством, гордостью и несправедливостью мужчин. Вспомним времена, когда наши матери, галльские и гордые германские женщины, участвовали в общественных собраниях и сражались рядом со своими мужьями, отражая врагов свободы... Великодушные гражданки, все вы, слушающие меня! Вооружимся, приступим к военным упражнениям, откроем запись в списки французских amazонок, и пусть в них вступают все, кто действительно любит свою родину...»

«Граждане! В нескольких секциях уже имели место уличные столкновения, предвестники гражданской войны; нужно внимательно и спокойно рассмотреть, кто такие вызывающие их провокаторы, чтобы узнать, кто наши враги... Наступил момент, когда общий интерес требует, чтобы мы объединились и пожертвовали своей ненавистью и страстями ради общественного блага!»

Газета «Окружной курьер»

«Одна из героинь революции потерпела вчера маленькое фиаско на Фельянской террасе – Теруань набирала сторонниц в партию Жиронды. К несчастью, она попала на приверженков Робеспьера и Марата, которые, не желая увеличивать партию Бриссо, схватили вербовщицу и отстегали ее с подобающим усердием».

МАНОН РОЛАН

Из мемуаров

«Мы не стали казаться смешными и несправедливыми все привилегии и сословные различия... Когда я присутствовала при выезде королевы и принцев, я с болью чувствовала всю противоположность между этой азиатской роскошью, этим бесстыдным великолепием и бедностью и униженностью народа..., который бессмысленно рукоплещет тому блеску, который сам и оплачивает отказом от самого необходимого»

Из писем: 26 июля 1789

«Нет, вы не свободны; никто еще не свободен. Общественное доверие обмануто, письма перехватываются. Если вы не будете осматривательны, то вы ничего иного не достигнете, как только возмущения... Вы занимаетесь каким-то городским управлением, и вы даёте удирать людям, которые вызовут новые зверства.

Вы просто дети; ваше одушевление не более как вспышка; и если Национальное Собрание не прикончит по всем правилам с двумя сиятельными головами, или если благородные мужи, по примеру Деция, не соьют им головы, то вас всех сметет к черту. Если это письмо не дойдет до вас, пусть дураки, которые прочтут его, покраснеют, узнав, что оно написано женщиной, и затрепещут при мысли, что оно породит сотню энтузиастов, а те в свою очередь поднимут миллионы других»

6 октября 1789

«Деспотизм снял маску; нация пришла в движение, а теперь поборники добра должны объединиться, и их тесный союз да будет ужасом для злонамеренных! Мужество и оружие: они уже налицо; но этого недостаточно. Требуется упорядоченное управление, верные средства, мудрое продвижение вперед и разумная бдительность»

18 июля 1790

«С волнением вспоминаю я те моменты моей юности, когда в тишине и удалении питала я свое сердце изучением древней истории и плакала от скорби, что не родилась спартанкой или римлянкой. Мне нечему больше завидовать в древних республиках: нас озаряет свет более чистый, философия расширила знание прав и обязанностей человека»

29 января 1791

«Во всей Франции брожение... общественная власть не организована, и Париж еще недостаточно оказывал давления на Национальное Собрание, чтобы заставить его проделать все, на него возложенное. От ваших секций я жду энергичных решений; если они обманут мои ожидания, то вы принудите меня плакать, как на развалинах Карфагена. Я, правда, не перестану проповедовать свободу, отчаявшись когда-либо увидеть ее водворенной в моем несчастном отечестве. Оставьте меня в покое со своей естественной историей и со всеми прочими науками, кроме одной – стать человеком и пропагандировать общественный дух... Мудрец закрывает глаза перед несправедливостью и слабостью обыкновенного человека; но гражданин не должен оказывать пощады никому, даже своему отцу, когда дело идет об общественном благе»

28 апреля 1791

«Брось в огонь твое перо, благоразумный Брут, и возделывай твой салат! Это все, что остается для людей чести, если всеобщий подъем не спасет нас от смерти в рабстве... Перестаньте же проповедовать нам только о мире и о мужестве в терпении. Двор обманывает нас, собрание – пока только орудие подкупа и тирании; гражданская война не несчастье, она принесет нам возрождение или разрушение. И так как свобода без нее потеряна, нам нечего больше бояться...»

5 мая 1791

«Мне надоело ходить на заседания Национального Собрания, и я заранее убеждена, что оно годно только на плохие декреты. Нам требуется новое возмущение народа, или мы потеряны для счастья и свободы»

23 июня 1791

«Кто в состоянии описать то возбуждение, которое нас потрясает!»

Я пошла в клуб якобинцев, сегодня они собрались в большом числе... Там в неописуемом воодушевлении, на коленях с шашками наголо была повторена присяга жить свободно или умереть... Неожиданно прибывает курьер за курьером и приносит известия, что король и его жена схвачены маленькой общиной Варен на границе Шампани и Лотарингии. Рвение и опасность собрали с разных мест от 30 до 40 тысяч национальных гвардейцев, расположившихся вокруг Шалон-сюр-Мар, куда были доставлены наши коронованные разбойники. Что предпримут с ними? Задача не из легких! Мне думается, что королевскую куклу надо было бы подвергнуть домашнему аресту, а его жену прикончить. Но наше собрание на это не пойдет...

Все государство должно требовать нового законодательного собрания. Если нынешнее Собрание продлит свои занятия, оно нас продаст, продаст нас двору или сделается аристократическим сенатом...

27 сентября 1791 (Робеспьеру)

«Как по пути, так и в Париже я видела народ – обманутый своим собственным неведением или хитростью его врагов, едва знающий положение вещей или ложно судящий о нем....

Маленький город... имеет только патриотов, которые любят революцию за уничтожение того, что стояло над ними, но которые, однако, не имеют ни малейшего понятия о теории свободного правительства.... Поэтому-то все эти люди восстают против слова «республика» и король кажется им весьма существенным для их жизни.

Итак, я призываю Вас к работе ради справедливости, так как опубликование правды... всегда успех в добром деле»

9 сентября 1792

«Марат днем и ночью подписывает отвратительнейшие доносы на собрание и совет и публично распространяет их. Вы увидите, что тех и других зарежут как жертв. Мой друг Дантон ведет все дела, Робеспьер – кукла в его руках, Марат держит факел и кинжал, этот дикий табун царит, и мы не что иное, как угнетенные, пока мы не падём его жертвами. Если бы Вам были известны кошмарные подробности мести! Женщин зверски насиловали, прежде чем их растерзали эти тигры, кишки вырывались и их носили как ленты орденов... Вам известен мой энтузиазм к революции, да, теперь мне стыдно за него. Она запятнана злодеями... Унизительно оставаться здесь, и не разрешают покинуть Париж. Нас запирают, чтобы в благоприятную минуту нам перерезать горло»

4 ноября 1792 (в ответ на письмо к Ролану с просьбой отменить закон об изгнании эмигрантов)

«Закон, о котором идет речь, рассматривался в Собрании весьма обдуманно. Он весьма суров, но чтобы понять его необходимость и справедливость, надо узнать все планы эмигрантов, в особенности тех, которые взяли оружие в руки и как враги вторглись в нашу страну»

1 июня 1793

«Сегодня на троне, а завтра в цепях. Так, мой милый друг, поступает с людьми чести революция»

4 июля 1793

«Мой арест обуславливается отсутствием моего мужа, как будто существуют законы, разрешающие схватить одно лицо вместо другого... Словно ответственность министра распространяется на его жену... Арест опирается во всех пунктах на ложные обвинения...

Ролан потребовал денежный отчет от тех лиц, от которых он должен был его потребовать. Ролан противодействовал всем насильственным актам, шедшим в разрез с законами... Он считал, что после падения тирании следовало сделать свободу популярной через установление справедливого порядка и добродетели, на которые должна опираться республика. С той поры Ролан стал казаться опасным тем разбойникам, которые пользуются революциями для своих целей, для самообогащения, себялюбцам, тянущимися изо всех сил, чтобы усилить свою власть. Вот вам преступления Ролана. Мои преступления – это то, что я имела честь разделить его принципы и что мое мужество равносильно его мужеству»

14 октября 1793

«Робеспьер! Я знала его хорошо и очень уважала, я считала его откровенным и пламенным другом свободы. Как? Неужели он больше не таков? Я боюсь, кроме того он любит власть... Я боюсь, что он довольно-таки любит мстить и в особенности направлять свою мстительность на тех, которые, как он думает, не восхищаются им. Робеспьер, если я заблуждаюсь, я даю Вам возможность доказать мне это... Я пишу Вам не с тем, чтобы просить Вас, в этом Вы можете быть уверены. Я никогда никого не просила, и, право, не в тюрьме начну поступать так по отношению к тому, кто держит меня в своей власти. Просьба существует для виновных или для рабов, невиновность сама говорит

за себя... Распространили слух, будто Ролан подготавливает в Лионе гражданскую войну, этот предлог осмелились объявить причиной моего ареста. Предположение не более правильное, чем вывод! Клевета росла, и чем спокойнее и увереннее становилась я, тем она более нагнала – меня бросили в тюрьму... меня вырвали из объятий моей дочурки, я вдали от всего мне дорогого, лишённая всяческих известий, обречена на всяческую травлю введенного в заблуждение народа, считающего, что моя голова может послужить ему на пользу...

Но какое влияние могли иметь мои размышления на человека, который приносит в жертву коллег, чистота которых ему безусловно известна? Так как письмо мое не сможет принести пользы, оно неуместно; я бесцельно связалась бы с тираном, который, правда, может заковать меня, но никогда не сумеет меня унижить. Я не отправлю его»

октябрь 1793 (последнее письмо дочери)

«Я не знаю, милая детка, будет ли суждено увидеть еще раз тебя или тебе написать. Помни свою мать. Эти три слова содержат все лучшее, что я могу сказать тебе. Быть может, я надеюсь, тебе назначены не такие испытания, как выпавшие на долю твоей матери... Будь достойна своих родителей, мы оставляем тебе великие примеры, и если ты сумеешь их использовать, то ты не будешь вести бесполезное существование. Прощай, любимое дитя. Придет время, когда ты сумеешь оценить, как велико в данную минуту мое усилие себя сдерживать при виде твоего дорогого портрета. Я прижимаю тебя к моей груди. Прощай, Евдора...»

ноябрь 1793 (женщине, берущей на попечение ее дочь)

«Гражданка, несчастью обязаны Вы доверенным Вам дорогим для меня сокровищем... Мужество дает возможность легко переносить бедствия, касающиеся нас лично, но трудно успокоить сердце матери, пекущейся о своем ребенке, от которого ее отрывают... Сохрани мою милую Евдору»

ШАРЛОТТА КОРДЭ

Французам (завещание)

«Как долго еще, о несчастные французы, будут длиться ваш хаос и ваши раздоры! Разгневанные департаменты наступают уже на Париж; огонь раздора и гражданской войны охватывает пламенем почти половину этого обширного государства. Есть еще средство затушить его, но надо спешить с его применением. Уже теперь самый нечестивый из всех злодеев, Марат, одно имя которого вызывает в памяти все его преступления, Марат, который пал жертвой от ножа мести, приводит в колебание гору и заставляет бледнеть Дантона и Робеспьера, других разбойников, восседающих на этом кровавом троне... Французы! Вы знаете ваших врагов, восстаньте! Марш вперед!..

13 июля 1793

«Я приехала из Кана. Вы, руководствуясь любовью к народу, найдете желательным ознакомиться с подготовляющимися там заговорами...»

«Я написала Вам, Марат, сегодня утром... Смею ли я надеяться на минуту внимания... Я очень несчастна, чтобы иметь право на Вашу защиту»

15 июля 1793

«Признаюсь, я прибегла к гнусному приему, чтобы раздражить его (Марата) и принять меня; все средства в таких случаях хороши»

июль 1793

«Простите меня, мой милый папа, что я распорядилась своей жизнью. Я отомстила за многих невиновных жертв, предотвратила много несчастных событий, и как только у народа раскроются глаза, он будет рад освобождению от тирана. Позорно преступление, но не эшафот»

«Комитет считает, что опасно дать... распространение письмам этой исключительной женщины»

Имя этого человека давно стало нарицательным. Его истории невероятно популярны, о нем написаны книги, сняты фильмы и мультфильмы, поставлены спектакли, его именем даже названо психическое заболевание (когда человек не может достоверно передать конкретную информацию)

ПРАВДИВЫЕ ВЫДУМКИ,

или Подлинная история барона Мюнхгаузена

Худощавый мужчина не спеша раскуривал трубку, задумчиво глядя на едва тлеющий огонек. Прямая спина, горделивый профиль, умные глаза скрывали его истинный возраст. А ведь ему уже 77. С годами он приобрел опыт, но лишился достатка и семейного уюта. В пустом доме одиноко, если не считать воспоминаний, которые всегда с ним. Первая жена умерла, вторая обманула. Долгая судебная тяжба и развод полностью его разорили, близких родственников рядом нет, верных друзей тоже. Другой на его месте отчаялся бы или впал в уныние, но только не он. Не раз ему удавалось выходить победителем из самых невероятных передраг, о которых сегодня знает каждый школьник. Что ж, значит, и на этот раз он должен перехитрить судьбу...

Вдали раздавался мерный скрип колес и недовольные окрики возничего. Сгустившиеся сумерки скрыли плотную пелену снега за окном. Старик усмехнулся и покачал головой, словно разговари-

вая с невидимым собеседником. Он вспомнил, как почти шестьдесят лет назад ему пришлось в такой же снегопад ехать по незнакомой дороге в чужую страну.

«Я выехал в Россию верхом на коне. Дело было зимою. Шел снег...»

Он много раз рассказывал эту историю, но слушатели всегда раздражались громким хохотом или называли его обманщиком. Но это его никогда не смущало – что взять с невежд!

Прошло двести лет. Имя этого человека давно стало нарицательным. Его истории невероятно популярны, о нем написаны книги, сняты фильмы и мультфильмы, поставлены спектакли, его именем даже названо психическое заболевание (когда человек не может достоверно передать конкретную информацию). Жизнь и удивительные приключения барона Иеронимуса Карла Фридриха фон Мюнхгаузена, «всегда говорившего только правду», до сих пор будоражат умы

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Германские земли
в XVIII веке

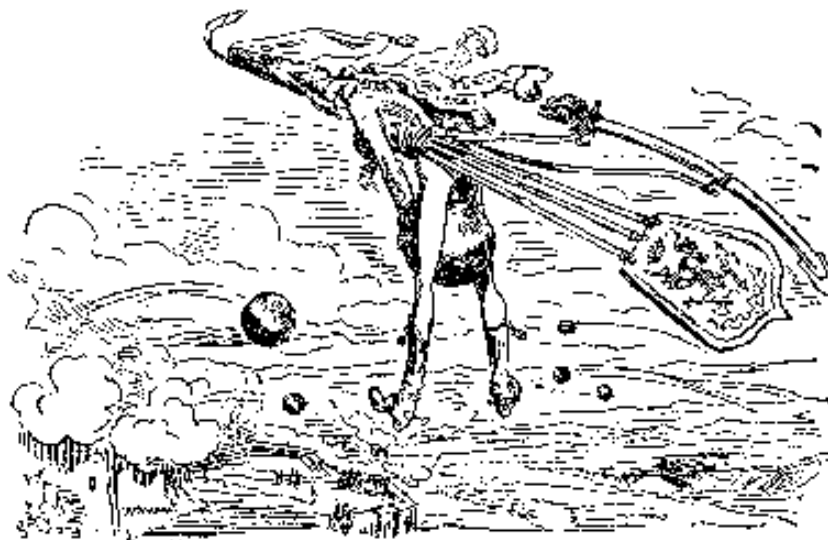
Йегер О. Всеобщая история. Т. 3. — СПб. б.г.
В это время все пространство территории Германской империи может быть приблизительно определено в 12 тысяч кв. км, а ее население исчислялось в 26–30 млн человек, которые распределялись на 2300 городов, 3000 торговых местечек, около 100 тысяч сел и 30–40 тысяч рыцарских владений. Из почти 300 владетельных территорий, на которые она распадалась, было около 80 и таких, протяжение которых не достигало и 12 кв. км.

Суд в Германских землях

Йегер О. Всеобщая история. Т. 3. — СПб. б.г.
Но если и решался вопрос единодушно и довольно быстро, являлись непременно комментарии и возражения, которые затягивали, на десятки лет, заключительное решение... В судах дело могло начаться еще при жизни главного истца и все еще тянуться тогда, когда от всей его семьи никого не оставалось более в живых. Например, в 1772 году было насчитано 61 230 нерешенных дел. Нашлись люди, которые высчитали, что со всеми пересмотрами, затяжками и деловой перепиской любое дело может, приблизительно, тянуться 188 лет!

Международная обстановка
в середине XVIII века

Йегер О. Всеобщая история. Т. 3. — СПб. б.г.
Вслед за великими войнами (например теми, которые вел Петр Первый), на которых было сосредоточено все внимание Европы, наступили два десятилетия сравнительно мирного времени, но затем с 1740 года начинается снова бурный период. За минувшие два десятилетия территория Европы получила тот самый вид и находилась в том самом составе, в каком ее застигла Французская революция (1789 год), а именно: Великобритания, Франция, Габсбургская монархия (Австрия) с Венгрией, Богемией и австрийскими (бывшими испан-

любопытных читателей и серьезных исследователей. Популярность барона оправдана его редким талантом – никогда не терять присутствия духа и находить выход из самых ужасных ситуаций.

Наш интерес к барону иной. Одна из его историй (о том, как во время сильнейшего снегопада он привязал лошадь к столбику, который потом оказался крестом колокольни) начинается словами: «Я выехал в Россию...» В других рассказах довольно часто упоминается Петербург, причем описание природы не оставляет сомнений, что дело происходит действительно в нашей стране...

Обращение к биографии барона – подлинной и мнимой – как к сюжетной канве исторической дидактической игры (задача которой выяснить, говорит ли неутомимый барон «всегда только правду»), позволит восстановить некоторые важные аспекты жизни России и Европы на обобщающем занятии из курса истории «Россия и Европа в XVIII веке».

Личность остроумного рассказчика давно интересовала исследователей. Сегодня известно, что он не только существовал на самом деле и действительно бывал в России, участвовал в сражениях и придворных балах, но и прожил долгую жизнь, достойную его литературной славы...

Более того, в мире существуют как минимум два музея (в Латвии и Германии), где можно подробно ознакомиться с его настоящей судьбой.

* * *

Итак, «Я выехал в Россию...»

В декабре 1737 года в Россию отправились два молодых человека, приглашенных на службу в свиту герцога Антона Ульриха Брауншвейгского. Того самого герцога, который сначала станет мужем российской правительницы Анны Леопольдовны, а затем вместе со всей семьей и малолетним сыном Иваном Антоновичем, будущим императором России, окажется в пожизненном заточении. Но пока – все впереди, и молодой герцог, которого выбрала импе-

ратрица Анна Иоанновна в мужья своей племяннице Елизавете[□] Екатерине[□] Христине (после принятия православия известной как Анна Леопольдовна), живет в России и ожидает дня свадьбы. В одном из писем к старшему брату он просит прислать двух новых пажей; одним из них и окажется Иеронимус Карл Фридрих фон Мюнхгаузен – 17-летний юноша из немецкого городка Боденвердер в Нижней Саксонии.

Зачем же понадобились Антону Ульриху новые пажи?

Выбор, сделанный Анной Иоанновной, был не случаен. Не имея детей, она долго раздумывала, кому достанется российский престол после ее смерти. Как известно, во время ее правления власть в стране практически перешла к «немцам». Императрица советовалась только с иностранцами – своими приближенными – Бироном, Остерманом, Минихом, назначала на все высокие посты и офицерами в привилегированные полки в основном «иноземцев», поэтому понятно, что и мужа принцессе она искала за пределами России. Учитывались и внешнеполитические задачи России, поскольку династический брак должен был способствовать росту авторитета страны. Решение императрицы в пользу герцога Брауншвейгского

скими) Нидерландами, с ее владениями в Италии, Сардинией, Миланом, Неаполем и главенствующим Имперским титулом и значением для всей Германии. И наконец, великая Российская империя, которая уже и тогда была предметом опасений со стороны Западной Европы.

И без того уже грандиозная по своим размерам, Россия еще шире раздвинула свои пределы со стороны Турции и Швеции...

Кроме этих главных государств, в Европе было еще немало второстепенных, приближавшихся к несомненному падению или к дальнейшему развитию. Таковы были, например, Нидерланды, Швеция, Дания и новое государство Пруссия; еще не распавшаяся, но уже сильно расшатанная Польша; быстро разрушающаяся Османская империя; государства Пиренейского полуострова – Португалия и некогда грозная, уже лишенная прежней своей силы Испания; множество владений в Италии и др.

**Петербург
при Анне Иоанновне –
придворная жизнь**

*Невский про-
спект. 1703–1903.*

*Культурно-исторический
очерк жизни С.-Петербурга
за два века. – СПб., 1903*

Анна Иоанновна любила роскошь. Балы, которые она устраивала для увеселения, поражали размахом. «Двор забавлялся катаньем с горы, устроенной из первого этажа дворца во двор. Придворные дамы и кавалеры садились в сани и спускались вниз. Все бывающие при дворе должны были испытать такое», – вспоминала жена английского посла леди Рондо. Угощение на придворных праздниках было обильное, но (по мнению знатоков) однообразное – «к обеду или к ужину подавались во всех возможных видах говядина, телятина, ветчина, дичь, аршинные стерляди, щуки и другие рыбы, грибные блюда, паштеты, кабаны головы в рейнвейне (т. е. в вине), спаржа, гороховые стручья и устрицы... Все кушанья щедро приправлялись пряностями: корицею, гвоздиком, перцем, мускат-

ным орехом и даже тертым оленьим рогом»... На расходы к придворному столу царским указом было велено выделять по 67 тысяч рублей ежегодно. (Это при том, что воз сена стоил 6 рублей, а большой тетерев — 8 копеек.)

При парадных обедах скатерти искусно перевязывались алыми и зелеными лентами, а столы украшались разными фигурами и «атрибутами» — была даже устроена особая «гора банкетная, деревянная, сверху корона с крестом, и скипетр и мечи золоченые». Кроме того ставились в пирамидах искусственные цветы, большой их запас имелся у кухоншнейдера — в 1739 году у него имелось 9525 цветов, сделанных из перьев, «на итальянский вкус» и 8570 штук «малых китайских бумажных на проволоке». Залы освещались восковыми свечами «с золотом и без золота».

В дворцовой театральной зале представлялись итальянские оперы, комедии и интермедии с балетами.

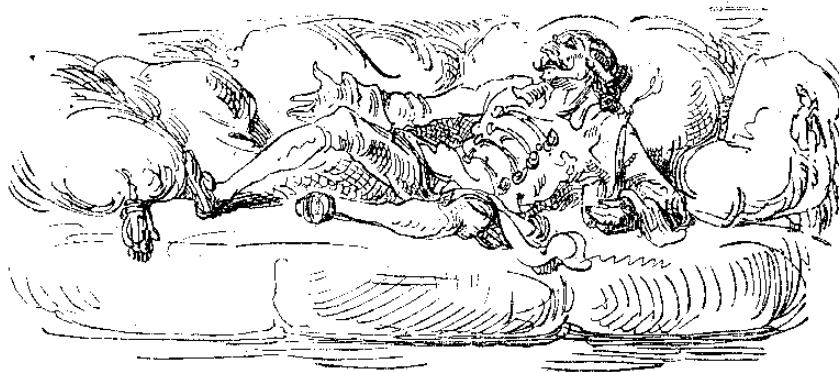
«Подлые обыватели», т. е. низший класс народа, в особые высокаторжественные дни угощались на площадях, так в 1740 году перед Зимним дворцом были выставлены два целиком изжаренные быка, и Анна Иоанновна, смотря на «быкодрание» народа, имела «немалое веселье».

Во время одного из празднеств зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья... образовывали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи доставляли гостям возможность часто отдыхать, потому что укрывали сядившихся от взоров Государыни. Красота, благоухание и тепло в этой, своего рода, роще, тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным.

Контрасты Петербурга

Невский проспект. — СПб., 1903

В указе 1739 года есть жалоба императрицы на полицию, «которая нimalo не смотрит, что по пустырям и глухим местам мертвечина валяется, и множество непотребных

означало укрепление связей России прежде всего с Австрией, поскольку его тетей была австрийская императрица. В хрупком равновесии международных отношений, сложившихся после Северной войны, такая ориентация на Австрию была продиктована несколькими причинами и имела большое значение.

С одной стороны, все возрастающее укрепление России в Прибалтике (знаменитое «окно в Европу») вызывало естественные опасения Англии и Франции, прикладывавших значительные усилия, чтобы оказать давление на восточного соседа (англичане даже направили в Балтику эскадру — на всякий случай!) С другой стороны, интересы Австрии и России совпадали, например, в польском и турецком вопросах.

В Польше после смерти короля Августа II очень остро встал вопрос о престолонаследии. За корону боролись Станислав Лещинский (чья дочь была замужем за французским королем Людовиком XV) и Август Саксонский (сын умершего короля). Австрия и Россия поддерживали Августа: Австрия, чтобы с его помощью укрепить Саксонию (в противовес растущему влиянию Пруссии) и таким образом занять главенствующее положение среди германских земель, Россия же просто хотела подчинить Польшу своему влиянию. В результате — благодаря совместным усилиям австрийской дипломатии и русских войск — престол достался Августу Саксонскому.

В отношении же Турции общность интересов была продиктована стремлением обеих стран ослабить Османскую империю. Кроме того, Австрия имела к ней давнишние территориальные претензии, а Россия устала от постоянных набегов крымских татар, которых всегда поощряли турки (в свою очередь, подталкиваемые французами). В итоге в 1735 году началась Русско-турецкая война, русская армия заняла Азов, Крымское ханство было разгромлено, но австрийцы нарушили союзный договор, вынудив Россию, несмотря на ее военные успехи, заключить унижительный Белградский мир в 1739 году. Война не принесла существенного успеха ни одной из сторон (за исключением Франции, делавшей ставку на ослабление и тех и других). В 1746 году Россия и Австрия возобновили «оборонительный» союз (после конфронтации России с Францией и Англией в Прибалтике, где в 1741 году под нажимом той же Франции Россия была вовлечена в войну со Швецией), к которому в 1750 присоединилась и Англия. Союз с Австрией,

таким образом, действительно имел для России стратегическое значение.

Но международные отношения регулировались не только войнами. За кулисами открытой политической борьбы плелись сложные интриги, каждая из сторон стремилась заполучить поддержку усиливавшейся России, и некоторые правительства выделяли постоянные статьи расходов на «прикармливание» влиятельных вельмож (например, одному из французских послов в Петербурге было разрешено истратить 60 тысяч червонцев на подкуп лиц, «полезных» Парижу, а англичане в свою очередь были готовы платить каждому сановнику, защищавшему их интересы, по 7–12 тысяч в год!).

Неудивительно, что, пока свадьба Анны Леопольдовны не состоялась, послы европейских стран старались в соответствии со своими интересами поколебать или укрепить императрицу в принятом решении. Например, английский посол Рондо в разговорах с русскими министрами доверительно давал понять, что принц выглядит слишком щупленьким и, видимо, страдает эпилепсией, поэтому лучше было бы выбрать в мужья для принцессы Анны кого-нибудь из русских «богатырей». Однако Анна Иоанновна, несмотря на то что невесте жених совсем не понравился, говорила, что «высокие особы не всегда соединяются по наклонности. Будь что будет, только он никогда не должен иметь участия в управлении, довольно и того, если дети его будут наследниками».

Выбрав будущего мужа Антона Ульриха Брауншвейгского для племянницы, императрица Анна Иоанновна еще в 1733 году пригласила юного принца в Петербург. В России Антон Ульрих через некоторое время был принят на военную службу. Он весьма серьезно отнесся к своим обязанностям, поэтому во время Русско-турецкой войны в марте 1737 года отправился в военный поход под командованием фельдмаршала Миниха брать турецкую крепость Очаков.

Кстати сказать, опасения английского посла оказались беспочвенны: принц за четыре года сильно изменился и не прос-

собак в городе бегает и бесится. 16-го сентября одна из собак вбежала даже в Летний дворец и жестоко изъела двух дворцовых служителей и младенца».

Петербург в царствование Елизаветы Петровны

Пыляев М. Старый
Петербург. — СПб., 1887

Петербург в царствование Елизаветы, по свидетельству иностранцев, представлял одни противоположности — из великолепного квартала вы вдруг переходили в дикий и сырой лес; рядом с огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянные избышки или пустыри; но всего поразительнее было, что через несколько месяцев эти места было не узнать: вдруг исчезали целые ряды деревянных домов и вместо них появлялись каменные дома, хотя еще не оконченные, но уже населенные. В конце сентября 1741 года прибыло в Петербург от персидского шаха Надира многочисленное посольство с богатыми дарами для двора; в числе подарков приведено 14 слонов... Вскоре после прибытия слоны начали буйствовать... трое из них «осердились». Утром три слона сорвались и ушли, двоих вскоре поймали, а третий «пошел через сад и изломал деревянную изгородь, и прошел на Васильевский остров, и там изломал... деревню, и только здесь был пойман».

Барон Мюнхгаузен —
Российский кирасир
Документы 1739–1741 гг. /
Российский архив.
Т. 6. — М., 1995

1. Протокол военной коллегии:

Пожалованного из пажей Гиранинимуса Карла Фридриха фон Минихаузина в кирасирский Брауншвейгский полк в корнеты определить... и жалованье дать (в то время — 180 рублей в год).

2. Выдержки из рапортов в полковую канцелярию от Мюнхгаузена:

...В покорности мною было представлено, чтобы прислать денег на пользование (т. е. лечение. — Г.А.) государственных кирасирских лошадей... а то посланный коновал

объявляет, что у него лекарства не имеется, и по усмотрению нашему он к тому же неискусен.

Также его высокопревосходительство изволил мне объявить, что от его высочества Антона Ульриха герцога Брауншвейгского по присланному ордеру... пожалован я в поручики. И ежели в полку такой ордер имеется, то покорно прошу по силе оного меня предложить...

...За прошедшую сего года майскую треть... денежное жалованье по окладам от корнета и комиссара Грекова своим получили.

...Из лагеря августа 11 дня выступили и в прежние квартиры в Риге вступили.

...Находящиеся при лейб-гвардии ветхие амуничные вещи для отдачи в цейхгауз квартирмейстеру Будакову отданы, и что и каких вещей — ...при сем влагается ведомость.

...О поимке лейб-кирасирского полку беглого капрала Казинича в лейб-кампании всем чинам опубликовано.

Кирасиры

Бегунова А. Путь через века. — М., 1998

Слово «КИРАСИР» появилось в русском языке в начале XVIII века как заимствованное из немецкого (Kurassier) и франц. (cuirassier) — латник, и обозначало воинов тяжелой конницы, имеющих защитное вооружение из металлических нагрудных лат-кирас.

Отряды кирасир впервые сформировали в Германии при императоре Максимилиане (конец XV века). В это время кирасиры имели полный рыцарский панцирь, коня в латах и вооруженных слуг — стрелка, двух пикинеров и трех оруженосцев. Кирасир и его шесть слуг составляли «глев» или «копье». Усовершенствование и широкое применение огнестрельного оружия привели к большому изменению в вооружении и снаряжении кирасир. Наследники рыцарской конницы, они впервые появились на полях сражений как регулярные воинские части в начале XVII века и имели металлические шлемы, палаши, пистолеты, ездили на высоких и массивных

то возмужал и избавился от юношеской щуплости, но и (по словам того же Миниха) проявил себя в сражениях и тяжелых походах настоящим солдатом. Когда одна из русских атак чуть было не захлебнулась, фельдмаршал выхватил знамя и бросился ко рву перед крепостью. За ним последовали лишь несколько человек, в том числе и... Антон Ульрих! В бою принц действовал с присущей молодости смелостью, хотя лошадь

под ним была убита, кафтан прострелен, один из пажей убит сразу, второй смертельно ранен.

Именно отсюда и берет начало наша история...

После взятия Очакова Антон Ульрих вернулся в Петербург и написал письмо брату с просьбой найти и прислать ему новых пажей взамен погибших. Задача оказалась не из легких, охотников отправиться в далекую страну не находилось. Наконец, в декабре 1737 года в Петербург прибыли два молодых человека — фон Хойм и фон Мюнхгаузен.

Иеронимус Карл Фридрих барон фон Мюнхгаузен происходил из обедневшего дворянского рода. Он родился в 1720 году и был пятым сыном из восьми детей Отто фон Мюнхгаузена, умершего, когда мальчику было всего четыре года. Имя Мюнхгаузен известно в городе Боденвердер с XII века, на гербе этого славного рода изображен монах с посохом и книгой. По семейному преданию, в XIII веке род Мюнхгаузенев едва не угас, поэтому его последнему представителю, в юности ушедшему в монастырь, было предписано вернуться в мир.

Жизнь в маленьком немецком городке имела как свои преимущества, так и недостатки. Тихая размеренность и неспешность могут, конечно, стать мечтой для человека, уставшего от превратностей судьбы, но юноше, к тому же не старшему сыну в семье, найти здесь достойное занятие было довольно сложно. Однако вдова Отто фон Мюнхгаузена смогла выхлопотать для сына должность в свите герцога Брауншвейгского, где когда-то служил и его отец. Будущее Иеронимуса Карла Фридриха было определено — его ждала военная служба.

Любовь к приключениям и авантюрам влекла Мюнхгаузена с юных лет, поэтому когда герцог предложил ему отправиться в далекую и таинственную Россию, он согласился и на долгие годы покинул родной город. Новая страна произвела на юношу сильное впечатление: приехал он в декабре, что уже можно расценивать как испытание — русские морозы и снежные бураны для европейцев были сущим наказанием (вспомним рассказ о лошади на колокольне!). К тому же Мюнхгаузен оказался в Петербурге — городе, хотя и построенном по канонам европейской архитектуры, но поражавшем даже взыскательный взгляд новизной и грандиозностью.

Паж молодого герцога часто бывал при дворе, восхищался фейерверками и гвардейскими парадами, видел императрицу и принимал участие в придворных обедах и праздниках. Кстати, впоследствии в одной из своих историй барон описал гигантский паштет, поданный на таком обеде: «Когда с него сняли крышку, наружу вышел одетый в бархат человечек и с поклоном преподнес императрице на подушечке текст стихотворения». Можно было бы

усомниться в этой «выдумке», если бы не точно такое же описание пирогов, поданных на обеде Петру I.

Однако жизнь придворных состоит не только из развлечений. Уже в конце февраля 1738 года русские войска под командованием фельдмаршала Миниха вновь пошли на турок, и Антон Ульрих вместе со свитой отправился честно исполнять воинский долг. Это была единственная военная кампания, в которой Мюнхгаузен действительно принимал участие и о которой потом много рассказывал. Поход оказался чрезвычайно изматывающим, турки преследовали русских, не ввязываясь в генеральное сражение, на которое так рассчитывал Миних. Вместо этого они вынуждали противника преодолевать степи, переправляться через притоки Днестра и терять силы, людей и обозы. В конце концов русская армия отступила, и принц вместе с пажами вернулся в Петербург. А уже летом 1739 года Анна Иоанновна почувствовала, что силы ее покидают. Она назначила, наконец, день свадьбы: торжественная церемония состоялась в июле. В следующем году у Анны Леопольдовны родился сын Иван, которого императрица и назначила своим наследником.

В это же время для Мюнхгаузена, который уже перерос роль пажа, открылась перспектива карьеры в русской армии. Свою военную службу он начал в 1740 году корнетом кирасирского Брауншвейгского полка. Этот полк был создан в 1733 году специально для Антона Ульриха, который и считался его командующим, поэтому офицерами туда назначались в основном иностранцы. Кирасирские полки (т. е. кавалеристы «латники», которые должны были с успехом противостоять как легкой турецкой, так и тяжелой европейской коннице) считались привилегированными и находились на особом положении. Офицеры здесь получали большее жалованье, на них не распространялись обычные наказания (в частности, их нельзя было бить палками), а сами полки были расквартированы в удобных местах. Мюнхгаузен оказался в Лифляндии (которая вместе с Эстляндией была присоединена к России после Северной войны). Жизнь в Риге, куда направили новоиспеченного корнета, была ему близка и вполне понятна, ведь эти земли с XIII века были завоеваны немецкими крестоносцами и принадлежали остзейским баронам.

Для Мюнхгаузена началась обычная служба – сохранились документы его отчетов в полковую канцелярию, где он докладывает

лошадях. Первый кирасирский полк в России был создан в 1731 году.

Среди иностранцев, правивших русскими делами при царице Anne Иоанновне, Бурхард-Кристофор Миних выделялся своей энергией и деловитостью. Став фельдмаршалом и президентом в 1730 году, Миних занялся реформами русских вооруженных сил. Обратил Миних внимание и на русских драгун, которые в этот момент переживали трудные времена: заметно ухудшился конский состав полков, их боевая подготовка. Миних не стал разбираться в том, почему это произошло и какие меры нужны, чтобы изменить положение. Он просто предложил создать в России в дополнение к драгунской коннице новую – тяжелую кирасирскую. Миних задумал сформировать десять кирасирских полков как образцовые, привилегированные части. Поэтому военная администрация, желая привлечь к службе в кирасирах действительно лучших людей, взяла на себя следующие обязательства: «...что они (кирасиры), кроме военного времени, никогда в дальние места посланы не будут, всегда спокойно, в лучших квартирах и более на Украине стоять будут... что они более жалованья, нежели драгуны и солдаты, иметь будут... Что рядовые кирасиры... будут иметь первенство... что никакой кирасир батожьями (палками. — Г.А.) никогда наказан не будет».

Кирасиру в отличие от драгуна полагалось иметь два мундира. Один назывался вседневным и состоял из обычного синего драгунского кафтана, красного камзола и лосиных штанов. Второй мундир именовался строевым. Его составляли лосиные колеты, подколетник и штаны. Колет был узкий короткий кафтан с отложным воротничком, обшлагами и завернутыми полами, обшитыми по краям лентой из красного сукна шириной в 2,5 см. Застегивался колет и подколетник на крючки. Этот наряд дополняли черная пуховая шляпа, белый галстук, перчатки, высокие сапоги с манжетами и красная епанча.

112 | ЛГО. № 1–2. 2007.

Но правление Анны Леопольдовны длилось, как известно, тоже недолго – дочь Петра I Елизавета Петровна считала, что у нее прав на престол значительно больше, и с помощью верных ей солдат Преображенского полка в 1741 году арестовала всю царствующую семью.

Понятно, что если бы Мюнхгаузен оставался пажом Антона Ульриха – не миновать ему участи господина, которую разделили почти все его приближенные... Но судьба оказалась милостива к нему – вместо ареста и ссылки он продолжал военную службу.

Правда, Елизавета Петровна уничтожила все следы пребывания Ивана на троне (из обращения были изъяты монеты с его изображением, аннулированы приказы, отданные от его имени и др.) и даже собиралась отменить все награды и назначения на должности, однако одумалась, не желая возбуждать против себя недовольство подданных, – так что поручик Мюнхгаузен сохранил свою должность.

Так прошло десять лет. За это время Мюнхгаузен проявил себя честным офицером, аккуратно исполнявшим обязанности. Ему больше не пришлось принимать непосредственного участия в военных действиях: несмотря на то что Россия в 1741 году вступила в военный конфликт со Швецией и Брауншвейгский полк готовился к выступлению на границу с Финляндией, в документах отмечено, что во время этого похода Мюнхгаузен оставался в Риге с отставшей от полка командой.

Зато гораздо больше Мюнхгаузену повезло с торжественными церемониями. Во многих он участвовал еще пажом, а в 1744 году ему даже довелось лично встречать прибывшую в Россию особу, ставшую впоследствии одной из важнейших фигур в русской истории – будущую императрицу Екатерину II.

Елизавета Петровна спешила женить своего племянника Петра, которого она объявила наследником престола в 1742 году. (После ее смерти он будет коронован как Петр III.) В жены ему Елизавета выбрала немецкую принцессу Софию-Фредерику-Августу Ангальт-Цербстскую (впоследствии крещенную в православие как Екатерина Алексеевна). Вместе с матерью принцесса остановилась отдохнуть в Риге, где ее с подобающей торжественностью встретил кирасирский полк. Во главе почетного караула стоял Иеронимус Карл Фридрих фон Мюнхгаузен. Он же сопровождал немецкую принцессу, когда она отъезжала из Риги в Петербург.

В том же году произошло еще одно важное для Мюнхгаузена романтическое событие – 2 февраля 1744 года он обвенчался с Якобиной фон Дуттен, и для молодого военного жизнь приобрела новый смысл. Дослужившись в 1750 году до чина ротмистра, Мюнхгаузен вместе с женой уехал на родину, чтобы уладить наследственные дела после смерти матери и старших братьев. Он написал прошение о годичном отпуске и продлевал его дважды вплоть до 1753 года. Получив в наследство небольшое поместье, барон фон Мюнхгаузен решил выйти в отставку, и в 1754 году ротмистра исключили из полка. На этом его служба в России закончилась.

Для барона началась новая страница жизни. Он стал помещиком и вел жизнь среднеобеспеченного землевладельца. Проводя долгие вечера в кругу приятелей или в ресторанчике после охоты,

бургской и Антона Ульриха Брауншвейг-Люксембургского. Возведен на престол после смерти своей двоюродной бабушки императрицы Анны Иоанновны.

Манифестом Анны Иоанновны от 5 октября 1740 года он объявлен наследником престола. Незадолго до своей смерти Анна Иоанновна подписала манифест, которым до совершеннолетия Иоанна (то есть до исполнения ему 17 лет) регентом при нем назначался ее фаворит герцог Бирон.

После смерти Анны Иоанновны ее племянница Анна Леопольдовна в ночь с 8 на 9 ноября произвела дворцовый переворот и провозгласила себя правительницей государства. Бирон, арестованный генерал-фельдмаршалом Х.Б. Минихом, был отправлен в ссылку.

Положение Брауншвейгской фамилии на русском престоле было ненадежным. Еще при избрании Анны Иоанновны многие придворные высказывались за права на престол дочери Петра I Елизаветы. При императрице Анне Иоанновне Елизавета жила под полицейским надзором. После смерти императрицы значительная часть высокопоставленных сановников была недовольна правлением Бирона, а после его смещения – и Анной Леопольдовной. Недовольных поддерживала Франция, надеясь на помощь будущей императрицы Елизаветы против Габсбургского дома.

Через год, также в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года, цесаревна Елизавета Петровна (дочь Петра I) вместе с частью преданных ей офицеров Преображенского полка арестовала во дворце правительницу с мужем и детьми, в том числе и императора Иоанна VI.

12 декабря низложенный император вместе со всей семьей под присмотром генерал-лейтенанта В.О. Салтыкова был отправлен в Ригу в обмен на обязательство родителей отречься за него от всяких прав на российский престол. Елизавета Петровна обещала отпустить их на этом условии за границу. Но через 7 месяцев была предпринята попытка организовать заговор

против Елизаветы Петровны и снова возвести на престол Иоанна VI. Тогда Елизавета Петровна изменила свое намерение и в целях безопасности решила не выпускать Иоанна и его родителей, как опасных претендентов, из пределов России...

После смерти Елизаветы Петровны с водворением Петра III (1761) положение Иоанна не улучшилось, скорее изменилось к худшему, хотя и были разговоры о намерении Петра III освободить узника... Петр III был объявлен своей теткой Елизаветой Петровной 15 ноября 1742 года наследником русского престола, на который вступил в 1761 году после ее смерти.

Петр начал свою деятельность с амнистии и возвращения из ссылки Миниха, Бирона и других деятелей и с опубликования указов, которые при других условиях могли доставить ему расположение правящего класса. Таков Указ от 18 февраля 1762 года о воленности дворянской, упразднивший обязательную службу дворян, введенную Петром I... Но он с пренебрежением относился к православному духовенству... стал переделывать русскую армию на прусский лад и возбудил против себя духовенство и армию... Кроме того Петр III отказался от участия в Семилетней войне, а также от всех русских завоеваний в Пруссии и тем спас короля...

Все это способствовало созданию оппозиции в гвардии, которую возглавляла Екатерина. Она произвела дворцовый переворот в Петербурге, воспользовавшись тем, что Петр III находился в Ораниенбауме...

После ареста и отречения от престола... лица, окружавшие Екатерину, окончательно убедились, что она не возражает против его насильственной смерти, они решились на убийство без высочайшей санкции. (Петру за обедом подали водку с ядом. Но он, заподозрив неладное, отказался ее выпить. Тогда Алексей Орлов попытался влить ему водку в рот насильно, Петр стал вырываться. В результате Орлов и подбегавшие к нему на помощь Потемкин и Барятинский задушили Петра III.)

Мюнхгаузен часто вспоминал свои невероятные приключения. Слушатели были вольны верить ему или нет – ведь никто из них не был ни в России, ни на Луне, ни в брюхе кита...

Один из современников вспоминал, что «обычно он начинал рассказывать после ужина, закупив свою огромную пенковую трубку с коротким мундштуком и поставив перед собой дымящийся стакан пунша.

...Он жестикулировал все выразительнее, крутил руками на голове свой маленький щегольской паричок, лицо его все больше оживлялось и краснело. И он, обычно очень правдивый человек, в эти минуты замечательно разыгрывал свои фантазии». Кстати сказать, Мюнхгаузен был весьма остроумен и чаще всего начинал повествование в ответ на слишком уж невероятные рассказы охотников или рыболовов об их выдающихся «подвигах». Его истории без конца пересказывались и вскоре приобрели широкую известность. Однажды в Берлинском юмористическом альманахе

«Путеводитель для веселых людей» появилось несколько рассказов «весьма остроумного господина Мюнхгаузена, который живет недалеко от Ганновера», а в 1785 году Р.Э. Распэ¹ опубликовал их в Лондоне как «Повествование барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию». Небольшая книжка сразу стала популярной, ее перевели на разные языки. Так в 1786 году она вернулась на родину Мюнхгаузена уже в переводе немецкого поэта Г. Бюргера, отредактировавшего рассказы и даже добавившего к ним несколько историй...

Сказать, что барона рассердила такого рода «слава», значит не сказать ничего. Он был просто взбешен! Как, его, правдивого человека, публично опозорили! Барон превратился в объект насмешек, ему стали писать издевательские письма и разглядывать как какую-то диковину! Надоедливых визитеров встречали слуги, которым было приказано отгонять их от дома любыми средствами. Мюнхгаузен даже подал в суд на клевету, но первое издание, вышедшее в Лондоне, было анонимным, и суд отклонил иск (о том, что «Повествование барона Мюнхгаузена...» опубликовал Р.Э. Распэ, стало известно лишь много позже).

Так и жил бы барон в окружении правды и вымыслов, но судьба вновь сыграла с ним злую шутку – 73-летний Мюнхгаузен влюбился! Его супруга Якобина к тому времени умерла, детей у них не было – и барон решил жениться снова. Семнадцатилетняя Бернардина фон Брун, дочь отставного майора, согласилась выйти за него замуж, и в 1790 году состоялась их свадьба. Но вскоре разразился скандал – у Бернардины родился ребенок, которого барон, имея на то веские основания, отказался признавать своим сыном.

Мюнхгаузен затеял судебную тяжбу и дело о разводе. Однако суд – занятие для богатых – требовал больших издержек и колоссального терпения. Разбирательство тянулось годами, так что окончания дела обычно дожидался лишь кто-то из наследников подавшего жалобу. Судьи запутывали все, как только могли, ведь в их интересах было вытянуть из истца как можно больше денег...

История блистательного барона имела печальный финал: оплачивая бесконечные заседания, он полностью разорился и остался в одиночестве. Ребенок умер (в то время детская смертность была очень высокой), а Бернардина исчезла, избежав скандала.

Мюнхгаузен умер в нищете в 1797 году, но до самой смерти он оставался верен себе: когда ухаживавшая за ним женщина спросила, почему у него не хватает двух пальцев на ноге (их он отморозил в России), барон гордо сообщил, что их откусил белый медведь... **ЛГО**

Ранняя и неожиданная смерть Петра III породила множество легенд о его чудесном спасении... Именем императора Петра называли себя многие самозванцы во времена правления Екатерины II (1762–1796), в том числе и Емельян Пугачев.

Русско-турецкие войны

Советская военная энциклопедия. Т. 7. – М., 1979

Русско-турецкие войны:

1676–1681, 1686–1700, 1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829, 1853–1855 (Крымская война), 1877–1878.

В XVII – первой половине XVIII века войны между Россией и Турцией за господство на Черном море и в прилегающих районах велись с целью положить конец агрессии Османской империи и Крымского ханства против России, присоединить Северное Причерноморье, захваченное монголо-татарами в XIII веке, и получить выход к Черному морю. Этого требовали экономические интересы страны. Со 2-й половины XVIII века Русско-турецкие войны были обусловлены обострением международных противоречий вокруг Восточного вопроса... Русско-турецкая война 1735–39 гг. произошла в результате обострений противоречий после русско-польской войны 1733–35 гг. В 1736 году Днестровская армия фельдмаршала Миниха штурмом овладела Перекопом, а затем заняла столицу Крымского ханства Бахчисарай, но из-за начавшейся эпидемии, недостатка продовольствия, фуража и воды отошла на Украину. Донская армия под командованием генерала Ласси... овладела Азовом... Днестровская армия в 1737 году штурмом взяла Очаков... Угроза нападения со стороны Швеции и выход из войны союзницы России – Австрии – вынудили Россию заключить Белградский мирный договор в 1739 году с Турцией.

¹ Р.Э. Распэ – немецкий ученый и литератор, родом из Ганновера, хранитель библиотечных и музейных коллекций, вынужденный бежать в Англию после обвинений в продаже редких изданий.

СЦЕНАРИЙ УРОКА

Урок можно построить в виде своеобразной «прогулки» по биографии знаменитого барона. В этом случае учащиеся выступают в роли его биографов или комментаторов к его «Приключениям». Вполне допустима, на наш взгляд, и форма импровизированной пресс-конференции или «вечера памяти», на которых группы учащихся попеременно выступают в роли задающих вопросы и отвечающих на них «друзей Мюнхгаузена».

Барон Мюнхгаузен прожил долгую жизнь — о каких наиболее значимых событиях в истории России и Европы он мог бы рассказать?

Дополнительные вопросы:

- Охарактеризуйте международную обстановку в первой половине XVIII века.
- Какие страны определяли главные направления в политике этого периода?
- Каково было международное положение России в первой половине XVIII века?
- Назовите основные направления во внешней политике России?
- Вспомните, какие войны вела Россия в это время? Каков был их результат?

Как Мюнхгаузен оказался в России? Откуда он приехал и зачем?

Дополнительные вопросы:

- Что представляли собой германские княжества? Вспомните, в чем причина их раздробленности?
- Как относились жители, например, Саксонии (где жил Мюнхгаузен) к возвышению Пруссии?
- Почему именно Пруссия стала выделяться среди прочих земель?
- Какой из монархов больше всего способствовал ее усилению?
- Армия в России и Пруссии — в чем их сходство и в чем различие?

Чем Россия могла поразить Мюнхгаузена, кроме морозов?

Дополнительные вопросы:

- Чем отличалась жизнь российских и европейских городов в это время?

- Как выглядел Петербург?
- Чем он существенно отличался, например, от Москвы?
- Расскажите о контрастах русской действительности — жизни при дворе и в домах простых горожан.

Каких правителей России лично знал Мюнхгаузен?

Дополнительные вопросы:

- Кто такой Антон Ульрих Брауншвейгский?
- Как и почему он оказался на страницах русской истории?
- Вспомните всех правителей России в XVIII веке.
- Почему правители России обычно заключали браки с иностранцами?

Мюнхгаузен рассказывал о своих встречах с турецким султаном. Где он вообще мог видеть турок?

Дополнительные вопросы:

- В чем корни постоянной вражды между Турцией и Европой?
- Что из себя представляла Османская империя в XVIII веке?
- Кто такой султан? Как можно охарактеризовать его власть?
- Как бы вы описали турецких воинов?

В каких войнах мог участвовать Мюнхгаузен?

Дополнительные вопросы:

- В каких сражениях и с кем он действительно воевал?
- О каких крупных войнах, проходивших в то время, он мог знать?
- Дайте им краткую характеристику.
- На чьей стороне (назовите страну) мог бы воевать Мюнхгаузен?
- Расскажите от лица барона о каком-нибудь из его подвигов: в каком сражении он мог бы участвовать после окончания службы в России?

Как сложилась бы судьба Мюнхгаузена, если бы он остался служить лично Антону Ульриху Брауншвейгскому?

Дополнительные вопросы:

- Какие дворцовые перевороты произошли во время службы Мюнхгаузена в России?

- Что значит «эпоха дворцовых переворотов»?
- В чем суть таких переворотов?
- Какие другие перевороты знала Россия в XVIII веке? Кем, когда и почему они были совершены? Какая судьба ожидала участников переворотов? Почему?

В своих рассказах

Мюнхгаузен осуждает жадность и жестокость господ (например, в рассказе о буре он говорит, что короля Огуречного острова раздавило вырванным с корнем деревом за то, что он был жесток к своим подданным).

Дополнительные вопросы:

- Что представляла собой система эксплуатации в России?
- Как жили в России крестьяне?
- Почему в Англии и Франции не было крепостного права в это время?
- В каких странах, кроме России, оно еще сохранялось?

Мюнхгаузен рассказывает о полете на ядре, о том, как он умудрился проткнуть шомполом куропатку... Что из себя вообще представляло вооружение армий в это время?

Дополнительные вопросы:

- В одном из рассказов Мюнхгаузен использовал «искры из глаз» вместо кремня, а зачем этот кремль был ему нужен?
- Как использовался шомпол? Какие ружья применялись в это время?
- Как и чем стреляли пушки?
- Что представлял собой в это время военный флот?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИГРЫ

Определите, что правдиво в этом придуманном рассказе, а в чем барон «ошибается»? Попробуйте сами «сочинить» подобные истории и обсудите их.

ИЗ «НЕОПУБЛИКОВАННЫХ» РАССКАЗОВ БАРОНА

Однажды, во время войны с турками, когда им так усердно помогали шведы, наш

отряд должен был напасть на неприятеля, но никто толком не знал, с каким количеством врагов нам предстоит сразиться. Тогда я вызвался пойти на разведку. Вечером я прокрался к турецким палаткам и стал думать, как бы мне увидеть всех их сразу. Тут я вспомнил, что скоро наступит час, который почитают все турки — час вечерней молитвы. И действительно, скоро они все вышли из палаток, встали на колени и принялись усердно креститься. Окончив молитву, турки начали приготовления к завтрашней битве. Часть людей перетаскивала длинные снаряды к пушкам, другие распределяли патроны. Турки, привыкшие к теплоте климату, страшно мерзли и поэтому надели всю свою традиционную одежду — узкие брюки, длинные куртки и тканые черные шапки. Вскоре я решил, что можно возвращаться, но неосторожно наступил на сухой валежник, раздался предательский треск, и меня заметили. Я прекрасно знал османский язык, на котором говорят в Турции, — это язык небольшого княжества Османии, расположенного в самом центре этой высокогорной страны, не имеющей ни одного выхода к морю и крайне от этого страдающей. Знание языка меня и спасло, так как меня приняли за одного из своих разведчиков, переодетых в военную одежду неприятеля. Двое турецких солдат даже любезно проводили меня немного в сторону нашего лагеря, не подозревая, кто я на самом деле такой! Я решил не упустить прекрасной возможности и неподалеку от наших шатров схватил обоих турков за их длинные косицы и, обращая неожиданность себе на пользу, связал их своим ремнем. Итак, я вернулся в лагерь не только с необходимыми сведениями, но и с двумя пленными, которые все подтвердили. Как видите, главное — никогда не терять присутствия духа!

Новеллы
об учителях

Роза ветров

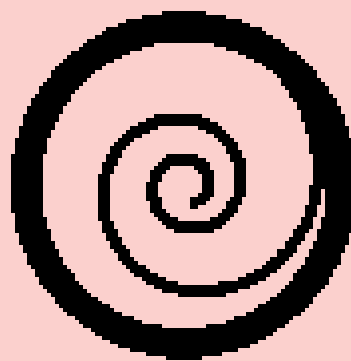
Зачем учиться?

Учитель
оценивает ученика

Анкета для мэтра

Он был
с квадратной
головой...

Наши люди.
Татьяна
Михайлова

МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

Татьяна Борисовна Михайлова – «Человек-оркестр», Мастер на все руки. Как ей удается везде успевать – остается загадкой для всех. Татьяна Борисовна – директор Московского культурологического лицея № 1310, главный организатор и вдохновитель Всероссийского конкурса школьных изданий, «мозговой центр» Портала школьной прессы, наконец, бессменный главный редактор журнала ЛГО!

Сама мысль организовать издательство на базе обычного (пусть даже и не совсем) учебного заведения могла бы показаться чересчур смелой и рискованной. Но, как оказалось, эта идея была достаточно безумной, чтобы быть успешно реализованной: первый номер журнала вышел в свет в 1997 году, и с тех пор ЛГО регулярно сообщает читателям о новостях образовательного процесса, публикуя самые разнообразные материалы – от методических разработок до лекций именитых ученых.

ЛГО, сохраняя основу, непрерывно и неустанно меняется: к основному изданию добавляются постеры и брошюры.

Удивительное дело: несмотря на непосильное бремя, которое лежит на плечах этой энергичной женщины, она еще и умудряется находить время для творчества! Мы предлагаем читателю небольшую подборку произведений Татьяны Борисовны. В них – она вся: внезапная, порывистая женщина, с необыкновенной теплотой, а подчас и с иронией пишущая о своих коллегах, друзьях, учителях.

Очерки, предлагаемые вашему вниманию, открывают серию публикаций под общим названием «Новеллы об учителях».

Один молодой учитель, придя в школу и стремясь следовать исключительно «разумному, доброму, вечному», очень старался найти вокруг себя идеальные образцы для подражания, однако вскоре понял, что «что такое хорошо и что такое плохо» легко различаются в детских стихах, но не в детских душах.

Так что не стоит искать в этих новеллах, выросших из наблюдений над учителями и учениками, откровенно положительных или отрицательных персонажей и оценок – их нет, как не бывает их и в жизни.

В каждой новелле есть свой тайный сюжет, подтексты и «фигуры умолчания», поэтому их следует читать не торопясь, пытаясь представить живых людей, реальные ситуации, интриги, из которой они родились, и роль всего этого в жизни участников увлекательного спектакля под названием «школа».

В этих историях, рассказанных от имени одиннадцатиклассника, практически выпускника, слышен ученический голос – голос человека непростого, приметливого, по-детски эмоционального. И как во всяком детском творчестве, здесь достаточно выдумки и озорства. И еще. Пусть читатель отнесется к нашему повествованию как к художественному произведению, но не документальному свидетельству

НОВЕЛЛЫ ОБ УЧИТЕЛЯХ

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ШНУРКА

Пент, Пентхауз, Пентюх – ни одно прозвище к нему не прицепилось, и мы так и оставили его между собой – просто Пентиним. В отличие от других, он не был преисполнен сознания важности и исключительности своего предмета. Главный принцип Александра Юрьевича: вместо скучного учебника – несколько несложных, но воодушевляющих душу гуманитария демонстраций. В своем кожаном портфеле он всегда носил кучу всяких разностей, которые, надо сказать, весьма возбуждали наше ученическое любопытство. Чего только не было в его потертом саквояже: бумаги, книги вперемешку с простыми и замысловатыми вещичками. Тут и пластилин, и гвозди, и куча целлофановых пакетов, ножницы, пуговицы, тыщи колечек, гаек, резинок, игрушечный танк, пропеллер и прочие остро необходимые для опытов причиндалы. (Он почему-то предпочитал свои штуковины из портфеля любым суперсовременным приборам!) При помощи этих нехитрых приспособлений он с легкостью мог объяснить нам любой закон.

Наш физик вообще обладал поразительным даром представлять сложные вещи мира через простые вещи быта, по крайней мере, ему для этого требовался исключительный минимум средств. Так, держа в руке обычный карандаш, он запросто, как фокусник, мог показать нам законы аэродинамики в действии или диффузию и энтропию одновременно.

...Однажды на таком «домохозяйском» уроке произошел смешной случай. Урок был посвящен центробежной силе. Вдруг из легендарного пентинского портфеля появилась... банка пива. Класс возбужденно загудел.

«Разочарую вас, ребята, – сказал Пентин, спокойно привязывая к ушку банки шнурок. – Вы ошиблись. Не про то подумали. Теперь сосредоточимся. Дно банки – это опора (она не даст жидкости вытечь), а веревка с ушком – это вроде как якорь (она не позволит нашей испытуемой далеко улететь)». В это время дверь открывается, и голова Валентины Федотовны (наш куратор) просит нас не шуметь, так как в соседнем классе идут вступи-

тельные испытания. Пентин кивает ей, кивает нам – мол, что вы, в самом деле, давайте потише – и начинает медленно, а потом все быстрее и быстрее вращать чудо-конструкцию. «Итак, веревка не дает банке улететь...» Все возбуждены, ясное дело, но держим себя в руках и, как дрессированные моржи, следим головами за необычным полетом. Между тем учитель успевает рассказать, что на «центробежных» законах построены многие удобные для человека вещи: центрифуги, миксеры, колеса, карусели и т. д.

«А если шнурок треснет?» – раздался подземный голос Трибунского. И действительно, на этих словах чертов шнурок перетирается, и злосчастная банка со всей своей уже не центробежной, но очень стремительной силой летит и смачно влипает в потолок. Первые три ряда и сам демонстратор (он же испытатель) оказываются мокрыми с ног до головы. Визг, писк, крики! Галерка буквально валяется на полу и рыдает от смеха. Тут дверь неожиданно распахивается, и в аудиторию заходит Татьяна Петровна (завуч), а из-за ее спины выглядывают головы пугливых абитуриентов. «Извините. Мы на минуту. Здесь, ребята, проходят занятия по физике. А это – Александр Юрьевич, учитель... Кандидат наук. Сегоднешний опыт, видимо, особенно удался...»

О, мы были просто в упоении! И наши экскурсанты, как потом выяснилось, тоже. А Александр Юрьевич в свойственной ему манере объяснил нам исход эксперимента вполне философски...

Кстати, о философии. Почти каждое занятие по физике переходило у нас в разговор о бренности человеческого существования, о неизбежном конце света, о других «проклятых» вопросах.

А ведь когда мы пришли на первый урок, все хором заявили, что физика нам не нужна. Не интересна, и все.

Пентин, конечно же, отнесся к этому спокойно. Как уже говорилось, он не страдал манией пупизма своего предмета, возможно, потому, что он вообще ненапористый человек, с принципами, но без экстремизма в характере.

Он не имел привычки подталкивать нас к «нужному выводу», ясному тезису, но зато мог расшевелить мозги, память и воображение ученика вопросами, иронией или удивлением. Надо сказать, это здорово стимулировало.

И еще. Мы чувствовали, и для нас это было особенно важно, что ему самому на уроке *интересно*. Ему – с нами – интересно. Все это можно перенести и на его отношение к людям вообще. Искренний интерес к иному, терпимость и лад с окружающим очень привлекали к нему. Он нам тоже был интересен.

Вот еще что. Пентин – это человек идеального речевого поведения. Этим я объясняю и другой его

дар: он здорово владеет пером. Стиль у него легкий, без вычурности (как и он сам и как его простые предметы для демонстрации опытов).

В одном из лицейских журналов опубликован его рассказ. О детстве, о его бабуле, о том, как ребенок, не заметив, взял и перешагнул во взрослую жизнь. Только что бегал с драными коленками – и вот уже трогает рукой жесткую щетину. А потом каким-то чудом снова вернулся в детские годы. И не ясно ему, где же он на самом деле? Там, в детстве, или тут, во взрослости. Так, по крайней мере, я поняла этот рассказ. Может, и неверно.

Еще одно завидное качество выделяло Пентина среди многих и многих. Отсутствие беспокойства (только не путайте с безалаберностью!). Кстати, в большинстве случаев это оказывалось мудростью, так как потом выяснялось, что беспокоиться не стоило – все обошлось.

Как истинный Водолей, Пентин занимается всем, что ему интересно: наукой, журналистикой, кафедрой, творческим сотрудничеством с учениками, игрой в футбол (Антон ему однажды сломал палец на ноге с «удачной» подачи).

Вот нам, гуманитариям, подавай философию жизни, а не формулы с теорией. Наш учитель физики – ходячий пример философских отношений индивидуума с действительностью...

Кстати, сам о себе он говорит, что он гедонист, любящий поспать, хорошо покушать и с добрым, иногда застенчивым характером.

КЛАССИК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА

В лицее принято спорить с учителями, но я не припомню, чтобы кто-нибудь когда-нибудь посмел перечить *Валентине Михайловне*.

...Когда она представлялась нам на первом занятии, Андрей Анишин, сразу не расслышав ее фамилию, пошутил: «Простите, Валентина Михайловна... Франкенштейн?» Класс, конечно,

развеселился. Но зря. Как выяснилось на практике, мы имели дело с очень серьезным и строгим учителем.

Учителя лица любят баловать нас новыми методиками, всякими экспериментальными заданиями, но не Валентина Михайловна. Ее уроки – это классика преподавательского мастерства. Кому-то не хватает времени, кто-то отпускает с урока раньше, но уроки грамматики всегда у нас проходили «минута в минуту». До сих пор непонятно, как Валентине Михайловне удавалось так идеально рассчитать время. Последнее слово про домашнее задание – и звонок.

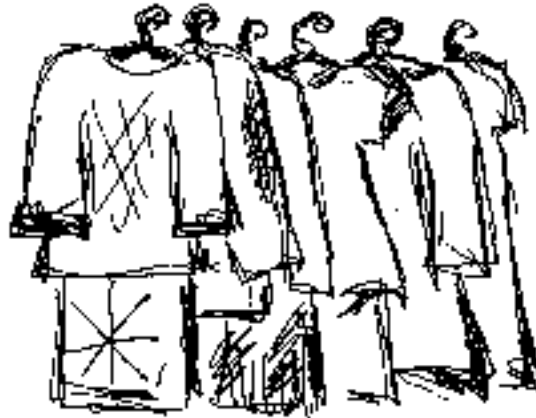
Она всегда вела урок по традиционной схеме: проверка домашнего задания, новая тема, закрепление. И хотя мы всегда знали, что будет в ближайшие десять минут, нам, в общем-то, не было скучно. Упражнение следовало за упражнением, урок шел как по маслу.

Во всем, что она делала, чувствовалась сдержанность и суровая тщательность. На столе у нее всегда было много книг с закладками, откуда она диктовала нам примеры – тоже серьезные и строгие, без снисхождения к возрасту. Вызывая к доске, она открывала одну книгу, приводя пример к правилу – другую. Очень-очень редко закладки терялись, и в этих случаях она всегда извинялась. И мы в тишине и сосредоточенности ожидали нужной цитаты. Тишина на ее уроках была звенящей.

Она с самого начала называла нас на «вы», была немногословна, умела слушать. Нас привлекала ее строгость. И мы становились сдержанными, сосредоточенными, не торопились, не торопили.

Только один раз Валентина Михайловна позволила себе уйти в новаторы: сделала для нас методичку «История русского литературного языка», где были подобраны примеры того, как классики работали над языком своих произведений. Для контраста там же приводились выдержки из, мягко выражаясь, «не классиков». Как нам нравились занятия по этой методичке! Мы получали много пятерок, которые на других уроках Валентина Михайловна ставила только в исключительных случаях.

Очень сложно вспомнить что-нибудь забавное о Валентине Михайловне. И все же такой случай был!

Рассказывая на одном из уроков о лингвистических играх, она привела в пример текст телеграммы, посланной одним ее приятелем. Каждое слово телеграммы начиналось с последующей буквы ее фамилии:

Фекалии
Очень
Нужны
Шлите
Тоннами
Есть
Йогам
Нечего.

ОНА НЕ ВЕРИТ В МИМОЛЕТНОСТЬ ВРЕМЕНИ...

Первое, что я услышала, придя в лицей на собеседование, была громкая фраза на английском языке, произнесенная хорошо поставленным энергичным голосом. «What are you doing here I wonder?! Go into the classroom», – отчитывала эффектная женщина провинившегося ученика. Хотя она здорово и «вкусно» говорила на английском, мне сразу стало страшно. «Какая строгая учительница, – подумала я, – не дай Бог попасть в ее класс». Но как это всегда бывает в таких случаях, я оказалась именно в ее группе по иностранному языку.

Поначалу я побаивалась Людмилу Павловну Брукше, а потом просто влюбилась в нее. Яркая, фееричная, спонтанная, в сногшибательных нарядах всех мыслимых и немыслимых цветов и размеров, она вносила с собой в класс волну возбуждения и мгновенный прилив сил. Ее любовь к эпатажу проявлялась даже на уроках.

Когда мы обсуждали какую-нибудь интересную и волнующую тему, Людмила Павловна веселилась и воодушевлялась больше всех, она громко говорила, громко смеялась, давала вещам характеристики, и мы громко говорили, громко возражали, смеялись, огорчались, возмущались. Энергия была через край. Но когда нам приходилось читать занудные фонетические упражнения, некоторые ребята засыпали, а у самой Людмилы Павловны на лице появлялась невыразимая тоска.

При всем этом она заботливый и переживательный человек, отзывчива на чувства и горячо участвует в людях. Когда бы ты ее ни встретил, она всегда узнает: «How are you? How is your

family and studying? What problems? What plans?» Ее и саму волнует в жизни все: и кулинарные новости, и политические прения, и перемены погоды, и – главное – всему на свете она может дать исчерпывающее объяснение. Причем с ходу. Ее инсталляции неизменно начинаются со слов «да все потому, что...», за которыми обычно следуют простые и своеобразные истолкования причин происходящего. У людей испортились характеры – не высыпаются. Человек доволен зарплатой – пора на пенсию. Вы возражаете против этих выводов? Да они сами возражают против вас!

Добродушие и смешливость Брукше известны всем. Только одна тема наводит ее на серьезные размышления: *она не верит в мимолетность времени*, настоящее имеет для нее значение будущего. Впрочем, может быть, она и права. Она любит спешить, потому что так быстро живет, что даже само время за ней не успевает. Бегом туда, обратно еще быстрее – и так всегда. Для нее есть только сейчас, она живет каждой секундой, заражая все вокруг своей активностью и жизнелюбием.

ЛЖЕДИМА ПО ПРОЗВИЩУ ЗВЕРЬ

Когда мы учились в десятом классе, наш учитель математики Егор Борисович собирался в длительную командировку и решил прислать себе на замену одного из своих аспирантов, Смирнова Анатолия Сергеевича. Все они заинтересованно ждали прихода нового преподавателя и с нетерпением расспрашивали о нем. Кто-то спросил: «А он строгий?» – «Да. Просто зверь!» – ответил Егор Борисович. С тех пор Анатолия Сергеевича мы так и зовем Зверем.

Из-за того, что он очень молод и выглядит совсем как наш одноклассник, с ним происходили разные забавные истории. Как-то во время урока у нас в классе было очень шумно, и проходивший по коридору Василий Васильевич очень удивился и спросил:

– Что у вас здесь происходит?

– Урок математики, – ответил Анатолий Сергеевич, обескураженный визитом незнакомца.

– А где учитель? – поинтересовался Василий Васильевич, который, как ни странно, не был знаком с нашим новым математиком.

– Я учитель, – тихо произнес Смирнов.

Василий Васильевич выразил недоумение и строго сказал:

– Не шутите, молодой человек. Вы вообще-то зачем сюда пришли? Вы ведь, кажется, у нас в лицее не учитесь?

– Нет. Не учусь.

– А что вы здесь делаете?

– Я? Учю их! – с гордостью ответил Анатолий Сергеевич.

Пораженный такой настойчивостью непонятно откуда взявшегося человека, Василий Васильевич задумчиво произнес:

– Ну ладно, пойду разберусь.

Когда Василий Васильевич ушел и веселье в классе поутихло, Зверь спросил: «А кто это был?» – и, узнав, что завуч, с грустью произнес: «Наверное, дети, это был наш последний урок...»

Другая история произошла уже в конце года, во время аттестации лица, когда нас тестировали по математике. Преподаватели, зная про «выдающиеся успехи» нашего класса в этой области, решили оставить только тех, на кого была хоть какая-то надежда. После строгого отбора осталось гораздо меньше учеников, чем было необходимо для проведения тестирования. Что же делать? И вдруг кому-то пришло совершенно неожиданное решение: вместо пропавшего одноклассника посадить тестироваться... Анатолия Сергеевича. Это, конечно, вызвало всеобщий восторг. Только Анатолий Сергеевич очень нервничал, так как боялся подвести класс.

Когда все успокоились и до прихода комиссии оставалось несколько минут, с первой парты вдруг раздался возглас Антона Волкова: «Анатолий Сергеевич! А обручальное кольцо?» Зверь, нервно стягивая кольцо с пальца, отозвался: «Не зовите меня Анатолием Сергеевичем. Сегодня я просто Дима Крохин». Но на этом наши переживания не закончились. Когда пришло время сдавать работы, оказалось, что в одной не указан вариант. Это была работа «Димы Крохина». И вот Лжедиму подозвали к столу комиссии. Он так переживал, что сначала побледнел, потом покраснел, уронил стул и неожиданно для всех стал вдруг заикаться. Но свой вариант, к счастью, он не смог вспомнить, и класс облегченно вздохнул. Когда дверь за Зверем закрылась, одна дама из комиссии сказала другой: «Надо же, такой длинный вымахал, а соображения – ну никакого!»

«ПЕШКА В ЭТОЙ ИГРЕ»

Егор Борисович Прохорчук ходит по классу из угла в угол и изредка поглядывает на доску. «Понимаете, дети, я здесь не для того, чтобы сделать из вас математиков, я здесь для того, чтобы сделать из вас людей», – отвечает он на вопросы тех учеников, которые никак не могут совладать с интегрированием тригонометрических функций.

Еще он часто делится своими мыслями по поводу «самой ужасной страны мира» – Америки, считая, что если мы не будем его слушать, то станем похожи на американцев и не сможем поступить даже в окопательный техникум.

За чувство юмора ему можно ставить «5 с плюсом»: точные, колкие и всегда очень смешные шутки создают на уроке очень хорошую атмосферу. У Егора Борисовича есть несколько фраз, которые он использует чаще всего. Теперь его «бред!» или «я пешка в этой игре» класс проносит хором.

Одно из его любимых занятий – «лекция» о том, сколь ужасно наше поколение. Не знаю, как другим, но мне, например, немного странно слышать это из уст молодого и не так уж далеко отстоящего от нас по возрасту человека.

У него есть несколько поведенческих традиций или особенностей, не знаю уж как назвать. Во-первых, он всегда в начале урока неизменно снимает свитер. При этом тот летит комом в дальний край стола, а сам Егор Борисович остается в футболке. Во-вторых, у него никогда не бывает с собой ручки, и каждый наш урок начинается с фразы: «*** (имя того, кто сидит поближе), у тебя нет ручки?» Конечно же, Егор Борисович всегда получает искомое. Как можно отказать, когда так незатейливо и трогательно просят?

Третья, самая раздражающая и в то же время смешная из его черт, – он постоянно движется по классу, причем в траектории его ходьбы невозможно выявить какой-либо закономерности. Он может просто подойти к окну и внимательно-внимательно смотреть вниз – настолько внимательно, что все тут же прилипают к подоконникам в надежде увидеть что-то интересное (увы, ничего особенного, как правило, не обнаруживается). Или – может внезапно направиться к двери, резко открыть ее и, выглянув, замереть в проеме, а потом с ехидной улыбкой повернуться к ожидающему классу.

Как-то раз, уехав в командировку, он прислал в замену себе аспирантку, а потом целый год зачем-то скрывал от нас, что она-то и есть его жена. При этом периодически проговаривался: то жена его беременна, то аспирантка в том же положении, то жена едет в Лондон, то аспирантка отправляется туда же. Мы, конечно, все поняли, тем более что и та, и другая одновременно родили дочерей. Очень смутился Егор Борисович, когда кто-то из нас проболтался, что мы все знаем (он вообще очень часто смущался).

Не могу сказать, что Егор Борисович женоненавистник, но то, что он по-разному относится

к мальчикам и девочкам (хотя не должен этого делать, так как мы все его ученики), – это факт. Иногда он даже объединяется с мальчиками в борьбе против женской половины – это бывает очень забавно. Часто он говорит: «Вот она, моя любимая ученица, самая трудолюбивая и ответственная». Но не стоит ему верить. Через минуту он бросит строгий взгляд – и keep the distance, и этот внезапный порыв никак не скажется на дальнейших отношениях, потому как перед вами – самый непостоянный и вспыльчивый из наших учителей.

«ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ»

В своей активности и неугомонности наши учителя математики могут соревноваться только с Олегом Андреевичем Лекмановым, который сам себя называет «великим и могучим, гениальным учителем». Олег Андреевич вел у нас в 11 классе современную литературу.

«Скажи мне, кого ты не любишь, и я скажу – кто ты». Олег Андреевич не любит Есенина, Михалкова (Никиту), нашего Крячкова и их Зюганова, и его просто трясет, когда мы не приносим на уроки тексты.

Лекманов – один из немногих известных мне взрослых, которые читают книги. Причем бескорыстно. Он знает, кто о чем сейчас пишет, причем его оценки пристрастны, неожиданны, отчасти злы. Он superstar любой команды. Он категоричен во всем. Для него есть только «отлично» и «отвратительно», «два» и «пять». Если Лексанов поставит тебе что-то другое, значит, ему просто все равно. Как и многие талантливые люди, он не терпит одобрять, когда все одобряют, и любит заступаться, когда все ругают.

Он не боится нарушать неписанные законы: врывается на важные собрания, когда ему вздумается, кричит через весь коридор, бежит, сломя голову, в столовую, расталкивает всех в очереди, но ему ВСЕ сходит с рук. Почему?

Скорее всего, потому, что он «озорничает» очень органично. Разве можно представить себе Лекманова, сидящего молча на собрании или спокойно пережидającego очередь в столовой? Это просто противоречит его природе. Его природа хаотична снаружи и строго организована внутри. Он никогда не теряется: в любой ситуации найдет и верное слово, и подходящую шутку.

Его уроки слишком разные, чтобы охарактеризовать их в общем. Как и все, что относится к Лекманову, их можно строго распределить на две категории: «усыпительно убивающие» и «питательно вдохновляющие». К первым относятся такие, на

которых только и мечтаешь о том, чтобы они закончились. Приходится занимать себя какой-нибудь не раздражающей его ерундой типа игры в точки с соседом или гаданием на имена. На уроках «питательно вдохновляющих» все по-другому. На них он откровенный, вежливый, веселый, прощающий мелкие пакости, сам совершающий их.

Никогда нельзя предположить, каким он окажется: «своим» или строгим учителем, одна мысль о котором вызывает раздражение.

За что его любят? За острый ум, за «качественное» чувство юмора, за энергичность и дружелюбие. За что на него злятся? За язвительность, за суетливость, за... все то, за что не любят людей.

Его же отношение к нам вполне однозначно: мы для него – необоснованно наглые, слишком амбициозные, иногда интересные, а вообще довольно-таки посредственные подростки. Спасибо, что хоть не скрывает этого, как не скрывает многого другого. А может быть, что-то все-таки следовало бы и скрыть?

В общем, в нем полно плюсов и минусов, и те, и другие очень заметны, поэтому каждый из нас имеет право выбора своего отношения к Лекманову и к его урокам.

СТЕНОГРАММА УРОКА

– Здравствуйте, дети. Садитесь. Оля, быстрее проходите в класс. И где Павлова? Как можно не ходить на мои уроки? Можно я сниму пиджак? Спасибо, дети. Сегодня я бы хотел, чтобы говорили вы, а не я. Я, конечно, гениальный учитель (ну, это я так, шучу), но не могу же на уроке говорить только я. Мне нужно понять, владеете ли вы концептом. Умеете ли «через нее» видеть стихи. Итак, кто прочитал... Как, опять тексты не принесли?! Так... (Пауза.) Ну, а сочинения, сочинения-то где? Тоже нет? Нет-е, ну так нельзя! Вы поймите: вузы вузами, но нужно же ценить и сегодняшний день. Пока я с вами (поглаживает бородку).

Итак... (Открывается дверь, и в класс входит Антон, юноша из параллельного класса: «Можно я послушаю?») – Вы же это уже слышали! Хотя понимаю: лишнее общение со мной вам не повредит. Проходите. Так, а где мел? Сережа, сходите за мелом. (Крячков уходит.) Фу, слава Богу, хоть пять минут от Крячкова отдохну! Так, какая у нас сегодня тема? Пушкин? – А мы же XX век изучаем! – Не важно, на Пушкине стоит вся русская литература. Что смотрите? Записывайте: «...вся русская литература». Сообразно концепции Виктора Максимыча Жирмунского, дополненной Юрием Михайловичем Лотманом и удачно

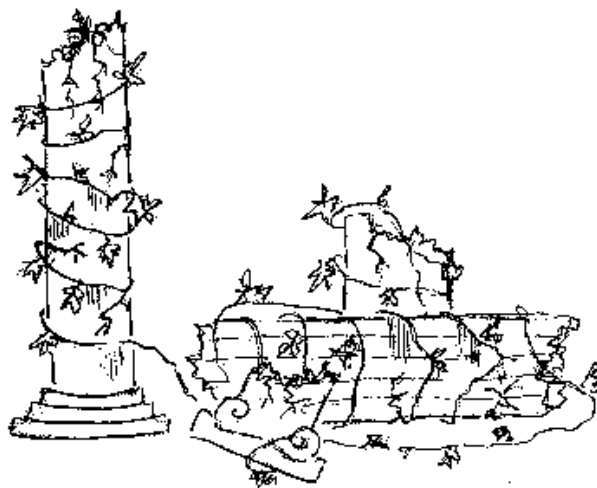
переосмысленной мною, Пушкин – великий универсал. Пушкин не только прекрасный поэт, но и прекрасный... (Входит Крячков с мелом.) Так, а где тряпка? Сережа, будьте любезны, сходите за тряпкой. (Крячков, вздохнув, уходит.) Все-таки как без Крячкова хорошо!

Так, мы про кого говорили, про Блока? Так вот, Пушкин стал для Блока своеобразным литературным символом. Откроем текст. Просто безобразие! – Медленно читает: «Имя пушкинского дома в Академии наук – звук понятный и знакомый, не пустой для сердца звук». (Входит Крячков с тряпкой.) Да она же сухая! Сережа, если не затруднит, сходите, ополосните. Буду вам благодарен (загадочно смотрит на Жерновскую), Сережа. (Крячков уходит.)

Так про кого мы говорили? (Берет в руки книгу с парты Насти Евсеевой.) Этот Есенин – большая сволочь, бездарность, попросту говоря. И Михалков тоже, к слову. (Входит Крячков с мокрой тряпкой.) Сережа, у вас кассеты с «Сибирским цирюльником» случайно не найдется? (Крячков: «У меня есть концепция...») Напишите работку, я потом посмотрю. Может быть... Значит, дети, дома, я попрошу, прочитайте: «Котлован» Платонова, вступительную статью к «Мелкому бесу» Сологуба, не забудьте посмотреть мою монографию об акмеизме, а также очерки Юрия Михайловича, как я сегодня сказал, о Пушкине... (Звонок.) Хитро смотрит на Крячкова: – Благодарю Вас, Сережа, за продуктивное участие в уроке...

КОРОЛЬ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ

Ждали, ждали мы уроков обществознания всю вторую половину 8 класса. Но наше нетерпение касалось не собственно предмета, о котором мы

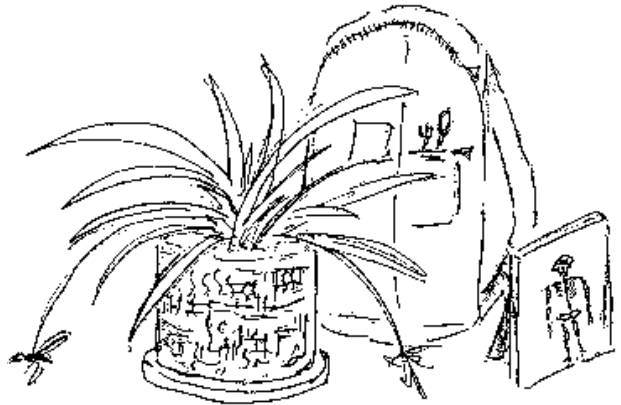

не имели ни малейшего понятия, а учителя – молодого, симпатичного, голубоглазого. Поэтому чувство оглушающей радости, испытанное нами на первом уроке Максима Александровича Пылаева, невозможно сравнить ни с каким другим.

Естественно, почти все особы женского пола считали себя просто так обязанными пофлиртовать с молодым учителем. Все знали, что он недавно женился, и этот факт принимали как оправдание того, что он никогда не отвечал на наши почти не завуалированные провокации. Думаю, он не однажды слышал, как мы обсуждали его на переменах, называя по имени. Максим Александрович часто смущался, когда кто-то из девочек отпускал колкие шуточки по поводу его возраста, красоты и трудно сочетающихся с ними серьезности и сдержанности. Не знаю, почему мы так заикливались на его внешности, ведь его уроки увлекали сами по себе. Все его занятия были сосредоточенными и насыщенными. Ему удавалось донести до нас сложный и «взрослый» материал.

...Пылаев – король осевого времени. Если хочешь стать его любимым учеником, то твоими настольными книгами должны быть труды Ясперса. Все учителя в лицее готовятся к урокам, составляя какие-нибудь планы или вопросы, но то, как готовился к нашим занятиям Максим Александрович, – это просто фантастика. Всякий раз он приносил на урок кипы бумаг, книг и конспектов, при этом ему не составляло труда найти в них нужную выписку или понадобившийся текст.

Еще у него была особая система оценок. За правильный ответ он ставил плюсики, за неправильный – минус, а за плохое поведение – точку. Нельзя было получить «5» за один правильный ответ: для этого требовалось накопить три плюсики. Это было ужасно! Но, с другой стороны, чтобы тебе влепили «2», также нужно было не ответить три раза подряд. Нас часто подводили эти проклятые точки за плохое поведение, потому что будь у тебя хоть двадцать плюсов, ты все равно получишь «4», имея хоть одну маленькую точку. Кто-нибудь из наших мальчиков мог иногда отколоть шутку: «Конечно, ты пару раз улыбнулась, и у тебя уже «5»». Но, к большому сожалению, это не соответствовало истине. За улыбку можно было получить только «4». И то, наверное, потому, что на «4» у Пылаева знали все. А может быть, и правда, что к нам, к девчонкам, он относился немного мягче, или нам только так казалось, потому что мы сильно-сильно этого желали?

В ГАРМОНИИ С ПРИРОДОЙ

Говорят, по тому, как ведут себя некоторые люди, легко можно определить, что они принадлежат именно к педагогической братии. Не знаю, думал ли об этом Денис Владиславович Орлов или нет, но уже по одному его виду можно догадаться, что он занимается биологией, – это точно. Походка и жесты больше напоминают повадки диких животных, обитающих где-нибудь в джунглях, чем человеческие движения. И говорит он как-то «не по-нашему», а как будто мяукает или рычит. И его занятия керамикой только усиливают этот образ. Выпачканные глиной руки или полоска грязи на лице придают ему еще большую «дикость» или, может, шарм. То ли биология так повлияла на его внешность и характер, то ли его сущность стала причиной любви к науке о природе, но союз «Орлов – биология» более чем гармоничен.

Знаете, Орлов просто гений преподавания. Ни один его урок никогда не будет похож на предыдущий: он всегда придумает что-нибудь новенькое, причем это касается не только самих заданий. Главный его конек – форма выполнения. Прогулки в лес для сбора насекомых, практические исследования причин изменения артериального давления, моделирование внешности кролика по предоставленной информации о ДНК, и еще, еще, еще...

До одиннадцатого класса мы все были большими энтузиастами, поэтому с удовольствием принимали участие и воплощали в жизнь задумки одного из наших необычных учителей. Наверняка Таня Ковалева никогда не забудет, как стояла вниз головой, а мы следили, изменится ли у нее давление в этом положении. Крячков, например, утверждает, что выпил ради того же эксперимента два литра кофе в один присест. И я отлично помню все наши опыты с падающей линейкой: мы измеряли скорость реакции, кто-то ловил линейку

на роликах, кто-то – в наушниках, кому-то «повезло» больше – заставили попрыгать и поотжиматься перед проведением эксперимента.

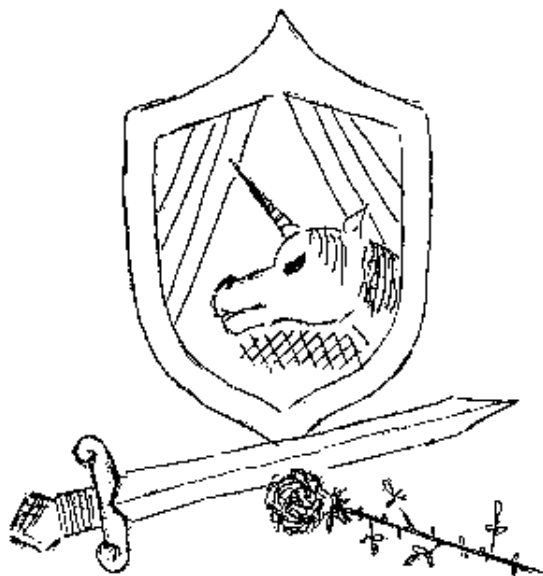
Зачет по анатомии проходил у нас следующим образом: Орлов снимал рубашку и демонстрировал всему классу свое атлетическое сложение. Он принимал классическую позу культуриста и просил аттестующихся показать группы мышц. Говорят, особенно интересно проходил зачет у тех девушек, которые не смогли (или не захотели?) пройти его с первого раза. Орлов приглашал их в кабинет, плотно закрывал дверь и принимал зачет в «индивидуальном режиме».

Сердцеед – вторая натура Орлова. Может, причиной того является его близость к природе, может, что другое, но любвеобильность Дениса Владиславовича, в отличие от давления и скорости реакции, которые мы измеряли на его уроках, невозможно измерить ничем. Просто не придумали еще такой меры. Как он стреляет глазами! Никто не устоит перед его устрашающим, зазывающим взглядом. Думаю, в лицее он покорило немало девичьих сердец. Кстати, именно из-за безграничной амурности ему всегда достаются донжуанские роли в лицейских спектаклях.

Денис Владиславович прославился и поездками, которые он организовывал для учеников. Сначала был Крым, потом Крит, затем снова Крымский полуостров. Создатель студии керамики и цветоводства, неизменный командир военно-спортивной игры «Лабиринт», устроитель «комнаты страха» на новогодних и первоапрельских праздниках, фотограф, аквариумо- и террариумовед, Орлов неутомим. Именно на слове «неутомим» лучше всего и закончить рассказ о нашем любимом учителе биологии, одном из самых деятельных и энергичных педагогов.

ДВА ВРЕМЕНИ В ОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Всемирную историю до 9 класса вела у нас Гаянэ Ромэновна Амбарцумян. Гаянэ Ромэновна никогда не приходила в класс заблаговременно, а, разгоряченная, появлялась со звонком и с ходу начинала рассказывать об ужасах Варфоломеевской ночи. Как будто только что пережив трагедию в Париже, она вернулась к нам со страшными новостями. Я помню, как мы ждали ее, прильнув к окну, и придумывали причины, по которым она могла задержаться.

Уроки эти были похожи на сплав удивительных историй, которые поражали в самое сердце. Мы верили каждому ее слову, нам было одинаково приятно и слушать ее, и отвечать ей. Когда я вспоминаю это время, будто что-то согревает меня изнутри.

У Гаянэ Ромэновны поразительный дар рассказчика и глубокий сочный голос, но еще больше меня гипнотизировала ее внешность: копна черных тяжелых кудрей, перехваченная узким цветастым платком, горящие колдовским огнем черные влажные цыганские глаза, оголенные до локтя руки в серебряных браслетах. И браслеты – серебряные кольца разной величины. Они звенели при каждом ее движении. Она олицетворяла собой ту романтическую эпоху загадочных средних веков, о которых так умела говорить, будто сама прожила в них всю жизнь.

Средневековье – пасынок истории, время обошлось с ним несправедливо. *Medium aevum*, средний век, – безвременье, разделяющее две славные эпохи. Античность, Возрождение, а между ними – перерыв в культуре, провал, «темные столетия». Таков был приговор гуманистов, просветителей, романтиков. Даже историки искусства многих эпох были неблагоприятно настроены к этому веку.

Но мрачное, сонное средневековье оживало перед нами на уроках в ярких красках, незамутненное, непотускненное. По ночам я мечтала о средних веках, представляла себя среди людей, которые верят в рассказы о говорящих животных, в видения и чудесные исцеления, объясняют события положением небесных светил и знаменами, отрицая новшества, и вместе с ними соблю-

дала, ни в чем не уступая, общепринятые регламенты...

В 14 лет я носила такие же длинные юбки, закрепляла волосы цветастым платком. Так хотелось быть похожей на нее и внешне, и внутренне. Но никто, никто этого не замечал, даже она сама. Она всегда была на определенной дистанции от нас, ни с кем не сближалась, никого не выделяла. Со всеми была одинаково доброжелательна, мягка, улыбчива. У нее не было с нами проблем. Мы любили ее всем сердцем, а она нам добросердечно симпатизировала.

Мы знали, что кроме лицея она работает на Мосфильме: консультирует режиссеров исторических фильмов. И это еще больше романтизировало для нас ее облик, еще больше придавало ей загадочности.

Сейчас я очень жалею, что так и не узнала ее, не разгадала ее тайны. В душе я сохранила образ Гаянэ Ромэновны: средневековая миниатюра, совмещающая два времени в одном пространстве, два подретушированных художником сакральных сюжета...

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ АНГЕЛ

В девятом классе наша группа по английскому языку разрослась до такой степени, что учителя решили срочно организовать еще одну и «сослать» в нее... лучших учеников. Именно «сослать», потому что никто из нас, влюбленных в свою учительницу, не пошел бы туда по собственной воле. Куратор собрал нас на большой перемене и представил новую учительницу Тамару Константиновну. По нашему сценарию, быстренько сотворенному на перемене, мы должны были всем своим видом показать, как нам это не нравится и, главное, как нам не нравится новая учительница. Но разве мы могли знать, что это будет не «новый, противный» учитель, а англоязычный ангел! Все разместились за круглым столом, и Тамара Константиновна быстро и воодушевленно начала говорить. Обида и подростковый дух противоречия заставляли нас искать в ней какие-нибудь недостатки. Ведь мы любили только свою Аллу Георгиевну. В отличие от нас, державшихся смело и дерзко, учительница была очень смущена, робко, но тепло улыбалась и, казалось, не знала, куда спрятать дрожащие руки. Ее лицо, улыбка и голос нарушили все планы нашей атаки.

– Hello, children, – поздоровалась Тамара Константиновна. Класс зашелся негодованием.

– Where can you see children?! («Где вы видите тут детей?»)

– Why not?... («Почему бы и нет?...»)

Долго еще мы спорили, кем нас считать – детьми или взрослыми. В конце концов наша претензия на независимость была принята, и мы тоже сдались. Сдались не от бессилия, а с удовольствием. Сегодня не осталось и следа от той разобщенности. Тамара Константиновна – идеальный учитель для лицея, она опытна и поэтому не боится общаться с нами на равных. Иногда она даже говорит, что завидует нам в чем-то.

Ее уроки не просто проходят, они проходят! Эти уроки обсуждались вечером по телефону и утром по дороге в лицей. А сама Тамара Константиновна стала для нас учителем, которого мы называли только по имени-отчеству, дома или в компании и выдавали ее слова и мысли за свои.

На уроках Тамара Константиновна делилась с нами размышлениями о жизни, рассказывала о своем детстве, о школьных годах, спрашивала о том, что для нас важно знать, а что – нет.

Темы были примерно такими: отношения с родителями, свобода, любовь, случайность – так что нам всегда было что сказать. Разумеется, все это мы обсуждали только на английском, даже на переменах.

Однажды, узнав, что у Тамары Константиновны день рождения, мы пришли на урок с двумя тортами и... бутылкой шампанского. Тамара Константиновна опешила:

– How did you learn about my birthday? I've forgotten about it myself! Thank you for reminding! («Как вы узнали? Я и сама-то забыла. Спасибо, что напомнили!»)

После продолжительной паузы Тамара Константиновна спросила: «Так кто откроет шампанское?» – и положила на стол ключ от класса.

С тех пор ее день рождения – 28 января – стал для нас доброй традицией. Наверное, кто-то ска-

жет: «Какое безобразие! Как можно! С детьми! На уроке! Шампанское!» Но Тамара Константиновна решила на подобное. И, надо сказать, никто из нас не злоупотребил ее доверием.

За то время, что она учила нас английскому языку, Тамара Константиновна успела объяснить нам многие жизненные проблемы. Она всегда была на нашей стороне. Мы рассказывали ей о сложностях дома, о размолвке с любимым, об учителе, который нас расстроил, – да что угодно! – она всегда знала, как поддержать, успокоить, и помогала, если это было в человеческих силах.

Единственный раз в жизни мне было стыдно за то, что я прогуляла урок. И это был урок английского. Я хорошо запомнила этот случай. У Нasti Курбатовой был день рождения, урок английского шел последним, а нам очень хотелось уйти пораньше. И мы ушли и как ни в чем не бывало отпраздновали этот злосчастный день. Беспокойство зародилось вечером, когда я, собирая книги, никак не могла придумать, чем оправдать прогул. У меня просто не укладывалось в голове, как я буду врать Тамаре Константиновне. Конечно, она простила нас. Но я никогда не забуду ее взгляд. В нем не было ни упрека, ни осуждения, но был вопрос и что-то такое, что может быть только в глазах моей любимой учительницы...

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ МОГИКАН

Самый главный человек для нашего класса все-таки Валентина Федотовна Семенюк. Она прошла с нами все круги.

...Говорят, что решение стать нашим куратором к Валентине Федотовне, человеку отнюдь не внезапных порывов, пришло спонтанно – до этого работала она себе библиотекарем, создавала чудные книжные интерьеры и вела несколько уроков истории искусств в неделю.

А в лицее в то время с кураторами была напряженка. Все наши учителя – яркие звезды педнебосклона – считали, что воспитание есть хорошо организованное обучение; желали заниматься наукой, собой, своим предметом, появляться в классе вместе со свежим воздухом, новым настроением, дарить детям радость и т. п. (кстати, в большинстве своем так и получалось). Но никто не хотел «вешать себе на шею класс». Никто. И кураторов искали буквально с собаками. А дети росли сами по себе, под легким интеллектуальным патронажем на уроках. В остальное время они, что называется, «самоорганизовывались».

Наш директор рассказывала, как зашла она однажды в соседнюю школу и видит: маленькая,

чуть ли не дореволюционная бабушка с немислимыми завитушками на голове и в кофте в катышках ведет детей в столовую. Ведет, «воспитывает», в пары их ставит, неучам разъясняет, с какой ноги идти. Так вот, директор тут же представила нашу лицейскую столовую на большой перемене и испытала такой порыв, что чуть не подняла эту бабушку на воздух и к груди чуть не прижала, чуть не сказала: «Милая, родная!.. Какая вы!.. А я-то думала, вас уже не осталось...» Такая вот была тоска у нашего директора по «воспитательному» началу. Однако, несмотря на все изложенное, когда В.Ф. предложила себя в качестве куратора, директор отнюдь не воодушевилась: теперь в ее планы входило найти суперкуратора, такого последнего из могижан, но способного, что называется, начать род. И вот состоялся разговор, в ходе которого сомнения директора были развеяны всего двумя, как она потом созналась, решающими аргументами: глаза Валентины Федотовны, когда та говорила про нас, излучали такое счастье и говорила она с таким вдохновением, что сердце директора дрогнуло и даже пошло в другую сторону.

А в том году в лицей, где до сих пор учились только старшеклассники, впервые набирали младший, седьмой класс. То есть нас. И Валентина Федотовна как раз этим и занималась в качестве общественной нагрузки.

Но – обо всем по порядку. Итак, представьте: день вступительных испытаний. Близится назначенный час, и Валентина Федотовна, проверяя, все ли в порядке и ни о чем не подозревая, выходит из класса в коридор... В тот самый коридор,

по которому многие годы чинно ходили старшие лицеисты и тысячи раз проходила сама Валентина Федотовна. Коридор как коридор, только с солнечными бликами на стенах. И вдруг – за несколько минут все в нем переменялось! Как будто кто-то стал выпускать чудеса из мешка – этот самый коридор в одно мгновение пришел в движение, забурлил, возбужденно заговорил звонкими голосами, и блики на стенах от ежеминутно открывающихся дверей запрыгали и завертелись, как сумасшедшие.

И Валентина Федотовна увидела... Не юношей и девушек, к которым сердце ее уже привыкло, увидела она, не мальчиков и девочек, а: ...бантики-косички, глаза, веснушки, носы, колени. И все это двигалось, сыпало вопросами, мельтешило, прыскало, шепталось!

Потом у нас проходил испытательный урок, как сейчас помню – по «Золотому петушку». А Валентина Федотовна сидела в сторонке и приглядывалась.

А после все окружили Валентину Федотовну и галдели, и радовались, и... Да еще весна! Ну, спрашивается, могла ли она тогда пройти по тому коридору и ничего не почувствовать? А потом безучастно сидеть в приемной комиссии? Могла?

...Хотя, может, все было и не так, как я сейчас описываю, и мизансцены складывались иначе, и не было никаких веснушек-коленок-носов. И, возможно, все произошло не в один миг, не в один день и не с чудесами из мешка. Но не это сейчас важно. Ведь я стараюсь передать не само действие – кто куда пришел и что делал, – а настроение, атмосферу, внутренние токи и еще что-то... не знаю, как сказать. Поэтому моему повествованию требуется некоторая приподнятость, тем более что в том далеком, настоящем, живом событии явно присутствовали романтические мотивы (вот, скажем, эти блики на стенах – имеют они значение или нет? Я, например, их хорошо помню. Они, можно сказать, весьма повлияли на мое первое лицейское настроение).

...Взаимоотношения наши складывались неровно. Сначала мы любили друг друга, бежали друг к другу, не могли жить друг без друга. На фотографиях того времени Валентина Федотовна улыбается, а мы, наивные, непосредственные, любимые – около нее. Тогдашнее настроение каждого из нас коротко можно выразить глаголами: желаю, мечтаю, сплю и вижу, жду-не дождусь, жажду, тороплю, спешу.

Постепенно наше возбужденное ухо стало привыкать к другим интонациям: полезно, нелишне, не мешало бы, неплохо бы, желательно...

И вот уже: это необходимо, вы обязаны, подумайте хорошенько, послушайте же, что вам говорят...

Поначалу мы как угорелые неслись на классные часы, возбужденно что-то обсуждали, собирали, придумывали, устраивали.

Потом как-то все сникло, остыло, замерло. И вот наш класс, когда-то такой дружный и напористый, вступил в эпоху раздробленности. Образовались «группировки по интересам», со своими погранзаставами, запретными территориями, и одной хрупкой Валентины Федотовны было недостаточно для создания местного СНГ. Она не справлялась, она сменила прическу, она перестала нам улыбаться. «У меня с ними проблемы», – было написано на ее лице.

Так в наших отношениях наступил этап отчуждения, вернее, всеобщего ухода в свои дела и проблемы.

Еженедельные, любимые всеми классные часы сократились до пяти минут на большой перемене для «передачи нужной информации», поездки и посиделки закончились, а наше общение из неформального превратилось в формально-необходимое.

Возможно, Валентина Федотовна считала, что мы не слышали ее слов, и ей не хотелось стучаться в холодный закрытый дом. Какое же это было заблуждение! Она так нужна была нам именно в тот момент, так важно было видеть ее понимание, одобрение, поддержку! Но нет – на ее лице, когда-то излучавшем радость, было уже написано: «Они меня не замечают. Они заняты своими делами. Им никто не нужен».

И началась эра ее «индивидуальной работы» с каждым из нас.

Она не мешала нам жить, не вмешивалась. Если что-то случалось, то Валентина Федотовна вызывала провинившегося к себе, в библиотеку, на «приватный разговор».

Никто не знает, сколько таких разговоров она провела. Она никогда не афишировала свою деятельность, не подчеркивала свою значимость, не имела привычки демонстрировать свои достижения. Ей было достаточно, если просто все улаживалось. Она разрешала конфликты, приводила нас в чувства, выводила из них и очень-очень старалась «повернуть к истинным, а не сиюминутным смыслом бытия».

Она ждала и требовала от нас (тихо, иногда без слов, но очень твердо и последовательно), чтобы мы выбирали верные решения, достойно себя вели, не врали, не завидовали, не предавали, не возносили бы себя, не загромождали свои головы ненужными идеями. Она хотела, чтобы не нас исправляли, а мы сами умели бы себя исправить, имели власть над собой и своими желаниями, учились вообще и учились на своих ошибках.

А мы – мы дурели на глазах, мы теряли головы, горизонтальное делали вертикальным, меняли жанры и стили, одежду и внешность, обещали и исчезали, размахивали, требовали, упирались.

Но она тоже умела отказывать, очаровывать и захватывать, не заглатывала простые наживки, вовремя их различала; она тоже воспламенялась, настаивала, упиралась. И все это – по своей воле, которая у нее была тверже алмаза!

Мы мучили ее, а она – нас... Некоторые не прощали ей стойкости в воззрениях, ее долготерпения. Были дни, когда мы не подписали бы доверенности друг другу. Наши ребячество, выкрутасы, капризы принимались ею за серьезные действия. Она вообще всегда видела в нас взрослых, чуть ли не завершенных людей, хотела, чтобы мы отвечали за свои слова, поступки, даже намерения – мы же к такому еще не были готовы, и связано это было с возрастом, а не с натурой.

Тяжело было видеть осуждение в ее глазах. В конфликтах она не шла к нам первой и мы не шли к ней – и словно барьер непонимания вырос между нами. Она не хотела делать исключений (хотя вынуждена была их делать), она хотела быть последовательной и принципиальной. Ее не пускали принципы. Она как будто деревенела от них, и этот непреклонный гуманизм казался нам ненастоящим, а сама она, маленькая, хрупкая, – равнодушной, даже злой, железной кнопкой, умеющей стоически переносить любые лишения. Ее хрупкий и в то же время крепкий характер был закален безграничной верой в Бога. Она умела страдать, в отличие от нас.

Какая же она была настоящая? Та, прошлая, с задорной улыбкой или эта, новая? Будто музыкальный диск проиграл и остановился. И стало обычно.

...Вот Валентина Федотовна стоит перед нами, в руках держит неизменную папку с записями. И видит Валентина Федотовна: сидят за партами тридцать шумных и безразличных, веселых и мрачных, обласканных и обиженных шалопаев. Не мальчиков и девочек, когда-то восторженных «семикляков», а юношей и девушек, один-

надцатиклассников, к которым так привыкло ее сердце.

...Вот сидит ее класс, и перед ними – все тот же куратор, только тогда она улыбалась и радовалась, а теперь в ее взгляде – усталость и отчаяние. Она опирается рукой о парту: «Сосредоточьтесь хотя бы на минуту. Потом можете идти на все четыре стороны...»

По-моему, Валентина Федотовна всегда одновременно ждала от нас и плохого и хорошего, и верила и не верила нам. Как это у Лопе де Вега, «ее из пламенного горна бросают в леденящий холод». Да, такой уж был у нас класс. Учителя говорили, что за всю историю лицея не было такого амбициозного, яркого, такого «разного» класса.

Хотя при всем разноречии и неустойчивости, ершистости и беспокойности, в нас были и цельность, и общность, и чувство нераздельности друг от друга. И учителя любили с нами работать. Многих привлекали наши задиристость, честолюбие, умение сопротивляться. Действительно, мы были слишком разные, чтобы слиться в одну радующую глаз палитру, и педагоги наши были слишком непохожие, чтобы обеспечить нам ровную интеллектуальную стрижку.

Есть несколько отличительных черт Валентины Федотовны, лишенных, на мой взгляд, противоречий – это чрезвычайная внутренняя организованность и умение преобразовывать пространства. Т. е. талант из ничего делать нечто. Любое помещение с ее появлением тут же менялось – в нем становилось чисто и уютно. Все вещи занимали свои места, и особая грация проявлялась в маленьких, неприметных на первый взгляд предметах, заботливо расставленных ее руками по полкам. То, что в других домах загромождало и перекашивало помещения, в местах ее обитания становилось простым и легким, и даже солнечные блики, казалось, были приведены в порядок, протерты мягкой тряпочкой и распределены по местам.

Меня всегда интересовало: насколько легко ей дается это превращение пространств, это создание космоса из хаоса? Рука ли такая легкая или за этим стоит особый труд? Свое «гигиеническое» отношение к миру она пыталась распространить и на нас, но тут материал оказался менее послушным...

В самый разгар выпускного вечера случился такой эпизод.

Представьте, сидят за столом счастливые голодные лицеисты и, возбужденно переговариваясь, уминают праздничные пироги. Возгласы, смех, звоны посуды. Шум нарастает...

В центре застолья, как и положено, Игорь Юрьевич. (Его энергичная артикуляция сопровождается ритмичным движением руки – то параллельно, то перпендикулярно столу: вверх-вниз, вправо-влево. Отсюда впечатление периодически возникающего в воздухе светового креста.) Шум нарастает... Игорь Юрьевич говорит. Шум нарастает... Так продолжается какое-то время.

И вот по некоторым признакам становится ясно – сначала немногим, затем многим, потом – почти всем и вот уже абсолютно всем – он говорит тост за Валентину Федотовну.

Сама она, ростом Игорю Юрьевичу по пояс, смущенно стоит рядом, и мы, что называется, спиной чувствуем, как нечто, исходящее от нас, сгущается, оформляется в тишину и начинает двигаться в сторону Валентины Федотовны. А она стоит рядом с Игорем Юрьевичем и смущенно разглядывает свой бокал. А Игорь Юрьевич все говорит и говорит какие-то слова.

Вдруг учитель ушу Вадим Владиславович угрюмо встает, дугообразным бесшумным движением кладет на стол вилку, поднимает над головой стул, на котором сидел, освобождая таким образом себе путь. А путь его был – к Валентине Федотовне. Вадим Владиславович подходит к ней и подхватывает маленькую, охнувшую, на руки! И несет вдоль всего стола! И все встают и чокаются с Валентиной Федотовной, и взлетают пробки шампанского! И всех-всех охватило это настроение, даже милиционеров, которых нам прислали на всякий случай из отделения – Славу Горбачева и Васю Кочана. Они потом под утро пели на два голоса украинские песни.

...Сцена, достойная звуков William Tell, увертюры Россини (я как раз пишу эти строки и ее слушаю), – грандиозная нарядная музыка, вызывающая у меня ощущение мгновенного вызревания гигантского цветка и лёта призрака по грандиозному дворцу для распахивания тысяч дверей.

Я не хочу сказать, что всех нас в этот момент посетил инсайт или что это была секунда до какого-то важного пробуждения. Нет. Но что-то, чему трудно найти объяснение, переменилось в воздухе или в нас – не знаю.

И Валентина Федотовна, наша маленькая большая Валентина Федотовна, была счастлива, глаза ее блестели, а волосы светились пушистым ореолом. Как в тот день! Она любила и обнимала всех

и приглашала на ритуальную весь мир. Тот мир, в котором «семикляк» Пашка Астафьев читает на экзамене по литературе наизусть двадцать стихотворений «про любовь» и «укладывает» этой обоймой всю комиссию; в котором Андрей Анишин сообщает, что Гертруда – это собака Гамлета; а Крячков, жертва мировых концепций, с психу бросает из окна физического кабинета цветочные горшки, слепленные в керамической мастерской Дениса Владиславовича; ну, а Леха Трибунский, цветочек, выросший на ядовитой почве, крадется вечером в компьютерный класс с затаенным ключом в кармане; и Наташа Павлова, похожая на сдутый ветром Одуван Петрович, является с новой стрижкой («под череп»). Учитель «падает», мы – нет. И так далее, и так до бесконечности...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Олег Андреевич на выпускном вечере сказал: «Не рвитесь неотступно в будущее, ребята. Любите настоящее. Поменьше спрашивайте “а чего мне за это будет?” – и вам зачтется».

Егор Борисович на выпускном вечере сказал: «Вы стремитесь стать первыми – почему бы и нет. Всего вам хочется по большому счету, вы не терпите половины, вас не устраивает полшага. Так дай вам Бог! И если даст – прошу вас, будьте добры и великодушны к другим, иным, не тем, не таким, как вы, а к тем, кто “из другой оперы”. И не дай вам Бог считать их пешками в своих играх только оттого, что у них нет ваших талантов...»

Ну а Елена Игоревна добавила: «Талант – это не главное. Имейте в виду: люди, не наделенные

особыми дарованиями, могут значительно превосходить вас в духовном смысле».

А после выпускного вечера мы, валясь с ног, засыпая на ходу от усталости, пересекли тот Рубикон, который уже никогда, никогда, никогда не встанет перед нами...

Как я представляю себе будущее? Но оно будет не таким, каким я его себе представляю.

Еще целый век, до бесконечности, мы будем созревать, доходить, добираться, будем зарисовывать ручкой пустые домики в своих тетрадках. И нам будут мешать, нас будут опережать, будут касаться грубой рукой самой звонкой струны нашего сердца. Наши мысли и намерения, наши гордые замыслы, наши цели и дороги приобретут иные значения, а юношеские тайны будут разгаданы или забыты, потому что более важные и серьезные придут им на смену. И мы будем снисходительно улыбаться при мыслях о том, как кипела наша кровь и как рвалась когда-то душа навстречу малому... Мы научимся ладить с ближними, жертвовать своими фантазиями, доводить дела до конца, загадывать реальные желания.

Мы будем устанавливать правила, читать нотации, сетовать, надоедать, отяжелять.

Мы заматереем, будем сидеть на диетах и ругать свой неправильный образ жизни.

Мы будем заезжать к старым друзьям, возвращаться к прежним любимым, забредать в случайные места, к случайным людям, которые потом станут нашей судьбой. Будем въезжать на белом гарцующем коне в красивые города и уходить дождливыми вечерами с пустыми сердцами, чтобы начать все с начала...

Мы будем страдать – от людей, от боли, от себя самих, ужасаться своим мыслям, своему равнодушию и просыпаться утром от щемящей нежности и удивляться: откуда же в нас столько тепла, сострадания и печали.

Мы будем скрываться за горизонтом, накрываться медным тазом, дуть на молоко, мечтать о кисельных берегах.

Мы будем ехать за моря, в чужие страны, в поисках счастья и того кольца, дернув за которое можно перевернуть Землю...

И все скоро наступит. Очень скоро.

Могут ли сейчас сказать Валентина Федотовна, Олег Андреевич, Игорь Юрьевич и все наши любимые учителя, кто же из нас не будет ходить по ложным дорогам, забивать себе голову тем, что не имеет отношения к настоящему, кто не завернет влево, вкось, вкривь, не запутается в трех соснах, чей клубочек докатится до тридевятого царства?

Для кого из нас судьба сделает исключение и подарит счастье величиной с Московскую область?

Вот она загадка для лицейского сфинкса, вот тайна будущих миров. Это вам не какой-то ребус-кроссворд для идиотов.

Что там, в этом будущем?

Лицей – это тот водораздел, который разделяет нас от нас – тех, какими мы были в тот день, в солнечно-бликовый день вступительных испытаний, и тех, какими мы стали теперь, со всеми нашими достоинствами и недостатками.

Наш класс – единственный в своем роде. Такого уже не будет. Будут другие, скажете? А я и не отрицаю **лго**

Педагогические перлы

Выписано нашим редактором из разных методичек

Оздоровительный эффект средствами физической культуры достигается при соблюдении закономерностей из многих областей знаний с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, что на практике не осуществляется.

В Москве более 1/3 наших практически здоровых детей, если не принять должных мер воздействия, в будущем будут серьезно больные люди.

Именно учитель начальной школы более других учителей привык всегда и во всем знать больше своих учеников.

«Из моего беглого наброска может сложиться впечатление, что начало было ослепительным... На самом деле в ту пору во мне было много боли, раздражения, томления, печали... Тогда я не видела "главного", да и нельзя было его увидеть»

РОЗА ВЕТРОВ

Записки директора школы

(Печатается с сокращениями)

*ab initio*¹

Когда же все началось? По Экклезиасту: время и случай есть для человека. Для всего — свое время и свой случай.

Я перебираю в памяти прошедшее в поисках: что же слепило мое время, мой случай? Я иду по этому лабиринту, задерживаясь на поворотах...

* * *

Школа была грязная, сумбурная, но не бессмысленная. Ее директор, Слава Редюхин, буквально втащил меня в эти стены, бесцеремонно и весело.

Он звонил мне несколько месяцев подряд. Каждый раз разговор начинался с вопроса: «Татьян, ну ты как?» Я отвечала, — Редюхин заливался веселым смехом, кончающимся кашлем.

Потом он резко менял тон — и в этой резкости угадывалась мука — и говорил ровным, снятым голосом: «Я готов хоть черта лысого взять на работу, только бы он закрывал дверь и вел урок».

В конце концов я согласилась. Был апрель, кажется, 1987 года...

...Пришла в класс — затоптанный, с разбитой мебелью. Дети, взбесившиеся от весны, перестройки

и ничегонеделания. Крики, кривляние, никто учиться не хочет. Демократия только что вылупилась из яйца — все качали права, даже эти крохи.

В первый же день я посадила голос: никакого порядка, никакого толка. Мне сорвали урок — я вылетела из класса и разревелась от злости и бессилия. Маленький и замызганный шестиклассник Вольский был выслан меня успокаивать. Обладавший сценическими способностями, он даже пустил было слезу, изображая симптомы раскаяния.

Эта школа казалась мне чужой страной, все в ней было не мое: запахи, звуки, надрывный оптимизм завуча Тамары Васильевны, бесконечные слова о «педагогике сотрудничества», которые клеились без разбору, как фирменные лейблы на азиатский товар. Сплошная суета без томления духа, грязь, неразбериха, толкотня. Ужасно! И дети мне не нравились: бестолковые, суетливые, разговорчивые.

Ничего не читают, говорят, что Пушкин — борец за народ.

Ближе к летним каникулам я, растрепанная новейшими настроениями, поняла, что Редюхин прав — чертом лысым запросто стать можно.

31 августа, перед началом учебного года, Слава обнародовал срочную экспериментальную идею:

¹ С начала, с самого начала (лат.).

раздал семиклассникам флажки и сказал: «Делитесь по интересам. Теперь у нас открываются профильные классы, с учетом ваших склонностей. В первые несколько месяцев я разрешаю миграцию».

На флажках — таблички:

7Г — гуманитарный;

7Е — естественный (далее в просторечии ботанический);

7М — математический;

7С — спортивно-трудовой (будущая головная боль школы).

Дети с дикими криками («Димон! Димон! Кати сюда!», «Дрюня, да не тормози ты!») разошлись по группам с учетом «интересов».

Далее, поступая как истинный демократ, Редюхин предложил детям выбрать классных руководителей. И меня «выбрали» в гуманитарный класс.

Кто-то из учеников — тогда модно было — предложил: «А пусть они, — кивнул на нас, — программы свои излагают, как с нами собираются работать. Баллотируются пусть».

Леша Тихомиров (биолог Алексей Владимирович) биоклассу обещал походы и вивисекцию. Историк Ракович — спортивно-трудовому — играть на уроках истории на баяне. Дима Дубов, математик, недавний выпускник вуза, похожий на Пиноккио, с выражением безразличия на лице говорил о чем-то геометрическом и красивом.

Я тоже держала речь — короткую и злую, бестолковую: никакой программы у меня нет и — совершенно точно — не будет. И, в принципе, таковая, между прочим, создается совместными усилиями. Угрюмо посоветовала ученикам выбирать меня классным руководителем только в том случае, если им не хватает головных болей. Слово мое было выслушано с оптимизмом.

Вот фотография этого моего воспоминания: на ней запечатлелись довольные, радостные физиономии детей на фоне Редюхина, замершего в величественной позе языческого божества.

«И это профильный класс? — выговаривала я потом Редюхину. — Горшком назвали, только в печку не поставили. Учебный план прежний? Программы — прежние? Владислав Иванович! Это же...» — «Зато задор новый! А! Как я вас проблематизировал!» Его юмор, быстрота речи, картавость подкупали меня и неведомым образом вдыхали быстрое и легкое настроение.

Как истинный философ, Редюхин не ставил себе с профильными классами никакой великой цели — у него было только *намерение*... ab initio.

*servabit odorem testa diu*²

Маленьким принцем моего первого урока в 7ГУ (как потом стали называть гуманитарный класс) стал Сережа Мельников, новенький мальчик, тихий, меланхолический, с искрой в глазах. И, как оказалось, единственный, кто выбрал мой класс не случайно, а по интересу (ради этого даже перешел в нашу школу из соседней).

...И вот я поинтересовалась, какие книги они любят. Последовало: фантастику, приключения, про убийства.

— А про любовь?

Девочки отреагировали.

Мельников выронил:

— А мой любимый писатель-сатирик — Эдгар По.

— Сатирик? — удивилась я. — Почему сатирик?

— Потому что он гениально показал, какая странная штука — жизнь... Мне только непонятно, почему все сатирики были такими мрачными.

— Какие герои вам нравятся? — продолжила я после паузы.

Выяснилось: мушкетеры, злодеи, всадники, дуэлянты.

— А какие жанры?

Некоторое время ушло на прояснение того, что такое жанр.

Стихи любили несколько девочек и Мельников. Трагедий не читал никто, кроме Мельникова, но любили все. Историко-приключенческий роман и детективы заняли в рейтинге первое место. Все остальные жанры пребывали в опале.

Когда Мельников произнес слово «мемуары», Артурик Бабаджанян приподнялся и демонстративно выпятил на него челюсть: «Да ты чо, Дантес!» — и этим возгласом он вдохнул воздух внутрь урока. По классу, как ветер, пролетел хохот.

— Ну, ты даешь, Данте-ес! — И Бабаджанян движением руки поставил волосы ежиком.

Вольский, кивнув на Мельникова, безынтонационно прокомментировал:

— Артурик намекает — убийца.

Все, кроме меня, Юли Наумовой и Мельникова, закатились в смехе. И внутри меня слабо стукнуло: кое-что про Пушкина они знают.

² Сосуд будет долго хранить запах (лат.).

Гораций. «Послания». I, 2, 67–71:

Nunc adibe puro

Pectore verba, puer; nunc te melioribus offer.

Quo semel est imbuta recens, servabit odorem

Testa diu.

Так теперь, пока молод,

Сердцем ты чистым слова впитай и вверяйся мудрейшим.

Запах, который впитал еще новый сосуд, сохранится

Долгое время.

(Пер. Н. Гинцбурга)

Мельников через 2 года

И тут Мельников спросил:

— Меня интересует, можно сказать, такой вопрос: какая литература будет... ну, в будущем, что ли? Можно ли, скажем, предположить, что власть жанров кончится, видовые границы размоются и наступит эпоха... этой... единой литературы? Или что-то вроде того, — Мельников говорил быстро, речь его наполовину состояла из вводных предложений и полуднамеков (*намекы — летающие рыбы урока*). — Вы тут спрашивали о герое. А может, вообще без героя обойдется? Может, героем станет... этот, сам читатель. То есть, может, и не станет, но такая возможность... что ли, для него появится. И когда...

— Уя! — выдохнул Бабаджанян. Его напрочь сразили «видовые границы», «власть жанров» и «эпоха единой литературы». Такие метафоры были выше Артурикиных возможностей.

И вдруг неожиданно вступил в игру Вольский:

— А я, например, — элементарно: я — уже герой. Читаю и спорю. Мне наплевать, изощрается автор — не изощрается, мне главное — выудить из книги *свое*.

— Не всякая литература, как бы это сказать, дает такую возможность, — спокойно возразил Мельников. — Есть очень «нагроможденные» книги. Они... м-м-м... всасывают читателя, и его, читателя, уже как бы нет. Он уже мыслит не по-своему, а в логике книги, ребусы текста разгадывает. Такие вот книги-вампиры... И когда...

— Да не, это такие читатели, — качаясь на стуле, парировал Вольский.

— Какие «такие»? — поинтересовался Мельников.

— Да элементарно: и свои мысли забывают, и в чужих захлебываются. Идеальный читатель — это я. Я не дам себя обдурить.

— Приведи пример, — попросил Мельников.

Оказалось, что Вольский на досуге читал «Пиковую даму».

— Моя цель была: получить удовольствие, не скучать. Элементарно. Чего я и достиг.

— Хорошо, но к герою это не относится.

— Не относится? Почему?

— Потому что я хоть и разгадывал ребусы-кроссворды, а на крючок не попался. Так что относится.

— И что — разгадал?

— Элементарно!

— Вот именно! — поддакнул Бабаджанян, но было видно, что он ничего не понимает в предмете разговора.

— Хорошо, и какой ответ?

— Ну, хотя бы такой: я не сомлел перед историей двух влюбленных сердец, сразу просек, что этот Германн ведет свою игру; во-вторых, я тут же попал в точку — догадался, что у Германна «не все дома» — ему мерещатся всякие графини, пиковые дамы, — а Пушкин пытается закрутить с понтом это все: ах, мистика, ах, Сен-Жермен, ах, роковые семейные тайны! И, в-третьих, я быстро все прочитал, не скучал и элементарно достиг своей цели. Я даже...

— И ты уверен, что только своей? — перебил Мельников. — Я тоже читал, можно сказать, с интересом. Однако мои выводы, ну-у-у... не столь агрессивны. И вообще интерес для меня... в значительной степени связан с числом обманных решений, ложных ходов и всяких других подвохов, которые подготовил автор, чтобы запутать читателя.

— Ну чо ты, Дантес, к Вольскому-то прикопался? — отозвался сладким голосом Бабаджанян, оттягивая вниз щеки пальцами. — Ва-а-ще...

* * *

Потом еще долго на наших уроках мерцала эта тема — о том, что в настоящих произведениях литературы истинная борьба ведется не между героями, а между автором и читателем, и о том, что читатель — вовсе не отстраненное лицо, а участник молчаливого диалога. (*Диалог: дуновение, движение; дебри, дзин, догадка, дважды досада.*)

А в этот момент произошло мгновенное утрусение-усемерение лабиринтных коридоров, а затем они — как щелкнул выключатель — послушно и аккуратно слились в один, — и время потекло иначе, чем раньше.

И, может быть, все началось именно в этот момент...

Это был первый импульс, как я теперь думаю. Позже этот класс, этот удивительный класс, подарит мне замечательных учеников.

Талантливый ученик — не обязательно одаренный ребенок. Направленность на познание, жажда узна-

вать — лишь одна сторона ученичества, и, возможно, не самая плодотворная. Я встречала детей, которые так жадно поглощали сведения, будто голод утоляли, — и очень быстро насыщались, уставали.

И опять-таки *вопросы*. Должны быть вопросы. Изнутри, от себя. Мне иногда кажется: люди только затемняют мне то, что я хотела бы познать, я впустую растрчиваю часы, отодвигаю то, на что мне необходимо найти ответы, и в результате у меня не остается времени для расспрашивания себя.

У этих детей (удивление первое) вопросы были.

Класс, который был не в радость, а в тягость, в один урок стал интересным и значительным. Застав врасплох, он заманил, занозил, заполнил меня. Он не заучивал, а захватывал, был начинщиком, землепроходцем, а не зеркалом (*зрение урока — не в отражениях, а в их поисках*).

И, может быть, то был *тот* миг, *тот* час, *тот* класс, а может, это я теперь так все представляю.

Возможно, в момент, когда Мельников и Вольский сражались за истину, прошел какой-то неуловимый импульс, какие-то силовые линии соединились, и я вновь оказалась у начала своего лабиринта. Во всяком случае, *servabit odorem testa diu*. Сосуд будет долго хранить запах.

* * *

...Слава Редюхин был оживленным, общительным и не озабоченным, не отягощенным бытом (большинство директоров постепенно озверевает, занимаясь унитазами, опрессовкой, кровлей и т. п.). Слава был гладким, полным (без рыхлости), любил жизнь и имел чрезвычайную гибкость в помыслах. Одинаковость его утомляла. Катастрофы, конфликты, «крайние» ситуации взбодряли ему кровь. Слава стоял *над* бурной жизнью школы и посмеивался. Мне иногда казалось, что он знает ответы на мучительные вопросы бытия. Время от времени Редюхин сажал кого-нибудь на свою пухлую ладошку и тихим вечером толковал о жизни и любви. Его беседы меньше всего напоминали профессиональные «директорские» диалоги-суть-монологи. Редюхин был как бы простым и ненапыженным. Единственное, что его портило в моих глазах, — это пристрастие к схемам. Прихожу к нему с каким-нибудь предложением или просто поговорить, посоветоваться. Он же — выслушает (слушать он умел — весьма редкое качество для директоров), но тут же начнет рисовать схему: «Вот — ты, вот — твой замысел, тут, в этом месте, — предпосылки, впереди — цель, а сверху — основания». — «Почему, — спрашиваю, — основания сверху? Они — в начале». — «А что такое начало?» — ровно смотрит на меня Редюхин и, выпу-

сая дым, как буржуй на рисунке Бидструпа, приступает к новой схеме.

Ах, если бы не эти схемы...

...А может, тогда все и началось, когда Слава предложил мне работать по моей программе.

*fortis imaginatio generat casum*³

Буду откровенна: программа получилась неправильной.

Кстати, усвоив уроки Редюхина, я сейчас чуть не изобразила схему: хотела отразить в ней основные ситуации своего курса, и зигзаги, и обходные пути, изгибающие первоначальный замысел в немыслимые параболы и спирали, — но только еще раз убедилась — программа была-таки ну совершенно неправильной.

Сначала я хотела назвать курс, по совету Библера, «Двадцать пять лет русской литературы». И показать, как включаются в этот интересный период (1812—1837) разные историко-литературные ситуации, споры, взаимосвязи, как «вошла» в это двадцатипятилетие предшествующая и последующая литература, в том числе мировая. Я следовала мысли, что история литературы не есть прямая линия, но круговорот, лабиринт, мешок миражей, недра неизвестного, а не неподвижного. Пути и встречи в котором и случайны, и предопределены. (*Пути: перекрестки, переломы, перемелы; переправы, переходы, перехваты; перст, перл, персона...*)

К слову. Меня всегда задевало, что вещи, которые делались в культуре долго, открытия, сопровождающиеся мучительными спорами и непониманиями, оформлявшиеся веками, все, над чем *они* страдали, что *они* так трепетно любили, — теперь, в современной школе, «проходятся» за один-два урока.

Где-то слышала: пройти можно только мимо.

Я стремилась на уроках к медленному чтению, к всматриванию — в строй языка, в там и здесь брошенное сомнение, в загадки и персидские узоры текста. Какой-нибудь пустяк, — скажем, выскочивший внезапно знак препинания и тут же, у всех на глазах, превратившийся как будто уже понятое всеми стихотворение в другое, знакомое, — мог поймать за хвост благополучно закончившийся было урок и устроить какую-нибудь невятицу. И мы нетерпеливо начинали искать новых смычек...

Всем известно, что литература в школе изучается «по шедеврам», по высшим ее точкам, а подводные течения и обдувавшие ветра не захватываются.

Литературная эпоха отходит, растворяется в далеком тумане, и во главу угла встает *имя*. Запечатленное

³ Сильное воображение порождает событие (лат.).

в скрижалях. Что серьезно и справедливо. Ибо нельзя запомнить всего, узнать обо всем. Остаются лишь вершины, айсберги, купола. Если же не учесть их, то образуются провалы, пустоты, — это верно.

Однако обнаружилось: если мы хотим понять литературную эпоху, стоит обращаться не только к шедеврам, но и к «обычным» произведениям. Именно так: не «вершины», а рядовые свидетели.

Шедевр всегда ломает каноны. И создает свои истины, и вырывается. (*Образец есть стоп-кадр эпохи, а не рапид времени.*) И неверно придавать эпохе только свойства ее вышины.

* * *

«...И налетел ветер на акации». У меня появились вопросы, заимствованные у учеников и поставившие в тупик весь мой учительский и читательский опыт. Я думала, что знаю Пушкина и умею его ценить, — я ошибалась. Я думала... <...>

Ученические вопросы давали вкус и цвет моей (нашей) программе, сосредотачивали внимание на мелочах, незаметных истинах, позволяли мне самой как бы заново проходить ученический путь.

Мы бились над затейливыми пустяками, над вопросами, которые *тогда* казались мне случайными (а теперь — важными); мы отвлекались, спотыкались, придавали значение непроверенным мыслям, понимали/не понимали друг друга, но все-таки не сглаживали трудности.

Одним словом, программа не писалась, а складывалась. Я стремилась включить в нее споры и непонимания, и досады изучаемого периода, и переходы из одной стихии в другую, и ту игру причин и следствий, которая рождает или отвергает новые открытия. Как мороз на стекле создает причудливую структуру рисунка, так возникала эта программа. Но это не все. Сама программа, как результат общих трудностей, раздумий, непониманий, постепенно формировала *особую ученическую аудиторию*.

Я думаю иногда, что это относится только к особой атмосфере этого удивительного класса, к особым формам нашего общения, и школьный предмет без этого на самом деле не был бы так изгибист.

Возможно, здесь уместен образ джаза, полифонической музыки, где один инструмент (пусть это будет фортепьяно) вроде бы сопровождает другой (предположим, саксофон), создавая вокруг него своеобразный звуковой шлейф. Голос фортепьяно не нарастает с каждым новым витком периода, а напротив, звучит как бы безучастным к главной теме фоном. Но вот фортепьяно уже доминирует, теперь оно ведет тему — по-своему, с особыми длиннотами и пульсированием опорного звука. А саксофон, постепенно отстраняясь, звучит

только в неожиданных паузах — хриплым коротким «па-да-бу-ди-ба...», не усиливая, не ослабляя ведущий инструмент, а напротив, создавая при помощи контрапункта особый эффект его звучанию. И все это — на фоне ударных, которые и делают джаз — без драматизма, без патетики, столь свойственных характеру и темпераменту этой группы инструментов, — легкое касание кисточкой по тарелке, и раздается знакомое хрипловатое «ты-ды-дж-тту»... Сама мелодия джаза все время изменяется, все время имеет новый облик — подобно тому, как одно и то же место в природе выглядит иначе при разном освещении — сейчас оно одно, через мгновение — уже другое. Иногда в джазе создается иллюзия «вольного поведения» инструментов и исполнителей, когда вокалист, не меняя структуры джазовой темы, вдруг переходит на речитатив, потом неожиданно сменяет его и начинает разговаривать с залом (как *Биби*, в ритме блюза), причем зрители охотно вовлекаются в эту игру, отвечают певцу, и это тоже укладывается в ритм, в течение, в движение блюза. Но импровизация требует точности руки, и отсюда то, что джаз — легкая, игривая, разухабистая музыка, а музыканты будто чуть-чуть хулиганят, так выгибая мелодию, — лишь иллюзия. На самом деле настоящий джаз по сути — виртуознейшая музыка и высочайшее искусство. (*Искусство — ис-лучи, изумруд, иноземец, или, имя, иначе, изведать...*)

...И еще. Меня неустанно донимала одна идея. Мне всегда хотелось попробовать «разыграть» такой курс, в результате которого в нашем сообществе родилось бы маленькое подобие изучаемой эпохи.

Такой «местный» маленький ренессанс или малый классицизм или т. п. Но как — хотя бы теоретически — возможно воссоздать образ стилиевой формации? Тем более на уроке, в классе? Например, можно «включить» в эту игру, в одну ситуацию с литературой, все сферы жизни — философию, моду, право, театр, естественные науки, историю. Причем это «включение» не сводится к изложению сведений из различных дисциплин и областей. Грубо говоря, необходимо не изучение этих сфер, а как бы их *создание*. Но в школе... <...>

nusemque thasiam adde et favum quantum liber⁴

Не изучение, а создание... Конечно, все это причуды, фантазии. Это я понимала. Но *вообразить* же можно! И я распаляла себя в этих задумках, томилась от мыслей. Маялась: как случается это переключение в культуре, отчего сменяются стили, движения, моды, ритмы? Какая такая пружина выворачивает наизнан-

⁴ Медицинский (или кулинарный) рецепт: добавь орех и меду сколько хочется (*лат.*).

ку явления, и как я могу учесть это в классе? И можно ли (и нужно ли?) устроить подобное в школьном курсе — чтобы *одно подготавливало другое*, чтобы после классицизма «хотелось» романтизма?

Литература «второго ряда», промеж прочего включаемая мною в программу, помогала добиваться этого эффекта, «преодоления стиля». Тому же способствовал так называемый прием «уподобления»: при изучении, например, классицизма — строго ограничивался круг предметов, дозволенных к упоминанию в произведениях высокого жанра (на них мы писали много стилизаций), не допускалось смешения форм. Сочинения писались исключительно в жанрах эпохи (при этом они избирательно включали материал античный и современный, географию и историю, естествознание, медицину, астрономию, личные наблюдения и события современной жизни). Таким образом, все чуждое вытеснялось интенсивной стилистической окраской. Все — под знаком ложноклассицистского канона. (При изучении Просвещения у меня была даже мысль проводить уроки в духе французских салонов, воспитывающих способность к самостоятельному суждению, но времени не хватило.)

...И в какой-то момент невольно, подспудно, мерцающе — начинал как бы *приглашаться* (причем, — даю слово — не мной, а детьми) смыкающийся с классицизмом сентиментализм, заменивший классическое изображение страстей описанием чувствительных переживаний. Именно так: не тема заканчивалась, а классицизм как бы вытеснялся последующим стилем. Сразу менялась манера взаимоотношений в классе. Никогда не забуду, как заболевшая во «время сентиментализма» Юлия Наумова переслала мне трогательную записку, выполненную в духе меланхолического вздоха и даже украшенную пастельными сердечками и виньетками...

Сергей Курганов рассказывал мне, как его знаменитый «античный» класс в один прекрасный день взбунтовался: нагие греческие тела стали вдруг раздражать детей. («Это же разврат», — возмущалась любимая Сережина ученица Леночка Байкалова.) Агнемноны и Клитемнестры, мифы и герои стали утомлять и вызывать антипатию. Детям остро хотелось иного.

Вместо эроса и бурных страстей — нежных и тихих страданий, вместо обнаженной натуры — четок и благочестивых эстампов. Вместо рока и фатума — спокойной медитации.

...Что значит включить в урок спор почти двухсотлетней давности? Скажем, спор славянофилов и западников, карамзинистов и шишковистов. Во-первых, необходимо создать ситуацию, которой он, этот спор, будет *сообразен*. Во-вторых, спровоцировать его *необходимость*, а главное — *потреб-*

ность остановки ученического внимания на затруднениях, противоречивых моментах, сопровождающих это немгновение в культуре. Такие остановки иногда случались, когда нас увлекал какой-нибудь текст. У дотошного читателя подчас возникают вопросы, спор о которых велся или мог бы вестись *тогда*.

(Однажды и со мной такое было. Я готовила доклад о числовой символике и знакомилась с античными текстами про пифагорейцев. Просматривала их, делала выписки, а на полях оставляла свои вопросы и заметки по ходу — они поначалу казались мне дурацкими и «профанными». Каково же было мое изумление, когда некоторые из своих вопросов и недоумений я встретила ни у кого иного, как у Аристотеля, в его рассуждениях о Пифагоре. Или у Псевдо-Аристотеля — не помню.)

Но вернуться к своей идее. Конечно же, она не имеет будущего. Ну разве возможно, чтобы внутри одного класса возникла закрытая, целостная, «маленькая» культура?

Или хотя бы ее стилизация...

Ясно же, нет. Но когда... <...>

...Итак, возможно, все началось, когда с легкой руки Редюхина возникла идея этой «неправильной» программы — и, как было уже замечено, замысел и исполнение во многом отличались.

Мы увязли на первом же занятии.

Тема второго была продолжением первого. Далее — линия закрутилась, запуталась в клубок, который покати́лся, как его родственник в русской народной сказке, — единственный, знающий правильный путь.

Когда рухнула моя «линейная схема», я не оставила затеи писать «свою программу», о которой Редюхин периодически меня расспрашивал, в основном в столовой. Между делом стоит поблагодарить Славу за эти расспросы — чтобы выдержать осанку, мне периодически приходилось разбивать и усомневать свои же позиции.

«Пиши, пиши. В конце года потребую», — добродушно угрожал мне Редюхин, умолявая очередную (не менее чем пятую) котлету.

В его времена в школе царили беспорядок и легкое возбуждение умов. Столовая была эпицентром свободных обсуждений. Педсоветы же проходили тяжело и скучно. Я, например, там отключалась. Редюхин и сам на них томился. Мое самое яркое воспоминание с «редюхинского педсовета» — «час откровения». Правила такие: никто никого не критикует, никто никому не возражает, все говорят искренне о наиболее, но только о своем.

Особенно мне запомнилось выступление бордового учителя математики с возбужденной, как и он сам, фамилией — Злобин: «Есть случаи, когда равнодушно проходят учителя мимо безобразия, не реагиру-

ют, когда восьмиклассница охорашивается у зеркала. Я хотел бы своим выступлением побудить инициативу...» Такая фантастическая книга о бесцельности целеустремленного цербера. (*Цербер — цирлих-манирлих и циклоп целей.*)

В своей знаменитой в нашем лицее лекции «Мультипликация в контексте культуры» Юрий Борисович Норштейн говорил о эмоциональной силе фильма, которая наиболее проявляется тогда, когда изображение, зависимое от воли художника, начинает вести себя само по себе. И в конце концов наступает момент, когда автор сам зависит от того, как поведет себя изображение. Это, замечал Юрий Борисович, относится и к кинематографу, и к живописи, и к литературе. Он цитировал Лорку: стихи становятся такими, какими хотят быть. По Норштейну, возможно, это и есть самый сильный момент творчества, когда тебя начинает вести все то, что ты сам придумываешь...

littera occidit, spiritus autem vivificat⁵

Программа записывалась *post factum*, по следам уроков. Поначалу это была увлекательная работа. Меня пленяли в этом занятии миражи и обманы, провоцируемые особо любимым мною «чувством конструкции». При этом я старалась по возможности удержаться от педагогических штампов и писала действительно искренне, не соблюдая «методических единств», утешая себя тем, что делаю это для себя, низачем. И нет нужды вставлять в текст «правильные», но всем известные вещи. Меня больше привлекали парадоксы и незаконченность (*незаконченное слово не защищает предмет*).

Но одно дело — загораться от удачных идей на уроках, другое — построить их на листе. Тут невозможно избежать искушения развить мысль — по-своему, иначе, чем на уроке, — ведь она колеблется, ведет, упирается, путается. Стремится к новым поворотам. К тому же приходилось постоянно бороться с языком, в котором я никак не могла достичь легкости и точности. Преодоление языка — это всегда преодоление себя. Языковая инсценировка мысли требует некоторого притворства — меня это мучило и увлекало. И опять-таки — пресловутое чувство композиции. Я не могла пожертвовать ради самого завораживающего содержания чувством формы, оно изгибало меня, раздражало, уводило.

Я записывала уроки — они превращались в грубый текст, и это уже были не уроки, а умственное напряжение составителя. И ломала голову — как писать об уроке: о том, что *было*, т. е. стараться отразить *непосредственное событие* или же стоит сосредоточиться на том, что хочется выловить из занятия «методически»?

Выпускная фотография

А вдруг дорога к смыслу урока (как и к смыслу текста) идет через анализ его внутреннего устройства? Все же остальное может говориться лишь по поводу, не по существу. А все, что *по поводу*, — это все равно что вольные фантазии по мотивам, метафоры, смутные отражения.

Из текста урока нельзя вычитать *сам урок*, т. е. то, что состоялось вживе. Каждый урок обладает своим характером, какие бывают у людей. Внешне — одно, внутри — другое. Характерам этим присуща и своя прозрачность, и своя непроглядность. Как, например, в записи отразить молчание, сопровождающееся определенными токами, как *словами* организовать молчание, чтобы было видно, что человек молчит? Или как обозначить затрудненное дыхание урока и беспокойство? Или вот: некоторые темы, даже не темы, а мотивы звучат потаенно, почти неразлично, как бы намеком, однако именно они и значимы для основного учебного события — и на самом занятии это «играет», а в тексте — теряется. Скажем, на месте утверждения мы слышим намечающееся сомнение, или наоборот. А последующие «примышления» к уроку, которые случаются после?

Зачем писать программы, которых и без того тысячи? *Моя* программа была бессмысленна, бесполезна без этих подводных течений. Внутренняя форма урока, направляющая мою мысль, казалась мне важным его содержанием.

Выготский приводил такой пример.

Вот сцена прощания Гектора с Андромахой. К ощущениям, вызванным содержанием, присоединяется ритмическое воздействие плавных гекзаметров, от которого вы испытываете лирическую эмоцию и можете прослезиться. <...>

Так называемое *чуть-чуть* может победить на уроке любое дидактическое начало — это известно каждому учителю.

⁵ Буква убивает, а дух животворит (лат.).

Так вот, для моей программы имели значение и это *чуть-чуть*, и оговорки, и челночное движение мысли, и назойливые параллелизмы, и критические дистанции, и контрапункты, и побежденные трудности, которые вычеркиваются при методическом изложении темы.

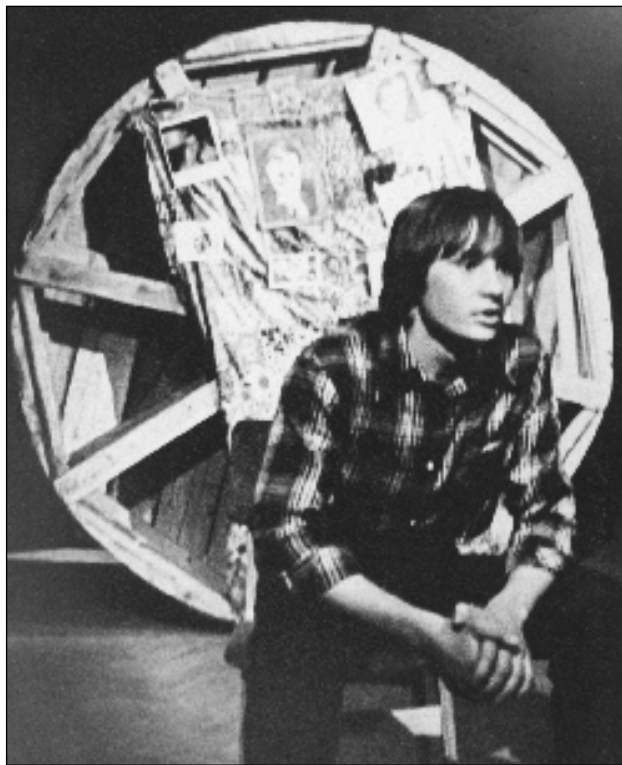
Но если следовать этим моим позывам — не получится ли в результате претензии какой-нибудь педагогический футуризм, в котором сбивчивые понятия принимаются за новые, необыкновенные? И я остужала себя...

ритурнель

В 17 лет я попала в театр-студию «На ладони», что располагалась на Малой Якиманке; руководили ей Сан Саныч Кобозев и Алексей Сергеевич Питерских, Пит...

Сан Саныч, как я теперь понимаю, был организатором жизни сообщества, «близким педагогом», влияющим на каждого из нас. Пит же, «как бы» стоящий в стороне, вполоборота от нас, был главным идеологом, носителем концепции, Демиургом студийной жизни. Влияние его было не стремительным, «тутже-минутным», но замедленным во времени и пространстве. Такой жизненный рапид.

Это я теперь так все понимаю. Тогда же, находясь внутри студийного сообщества, я совершенно не осознавала значения того, что происходило со мной, с нами.

Театр-студия «На ладони»

Это я *теперь* начинаю обрамлять мою нынешнюю жизнь *теми* событиями. Иногда я нарочно, прямо-таки до головной боли, заставляю себя вспомнить один, другой, третий эпизоды. Узнать какой-то новый штрих, момент. Штрихи и моменты вспоминаются, но целостную картину мне приходится досочинять, домысливать.

В студии была организована самая настоящая школа. Из «предметов», которые я помню, — нас обучали сценическому движению, сценической речи и актерскому мастерству. Мы назывались «первый курс». Учили нас посредством наших же собственных усилий.

Хорошо помню первое задание: было предложено, самостоятельно организовавшись в группы, подготовить сценические фрагменты и выступить: в роли, о которой каждый мечтает («звездная» ипостась), и в роли, которая каждому, по его разумению, более всего подходит («рабочая» ипостась). В некоторых случаях ипостаси могли совпадать.

Я была Бабой Ягой. Меня тянуло к характерным, аффектным, эксцентрическим выражениям, к глубокому дыханию. Эпизод, который мы разыграли с Сеовой Харитоновым (Иваном Царевичем), чуть не кончился моей контузией. Все произошло следующим образом. Баба Яга, устав от танцевального состязания с Иваном Царевичем, должна была рухнуть от усталости, что я и проделала, приземлившись пятой точкой на швабру (я ее использовала за неимением метлы). Швабра завибрировала и, подскочив (а я случайно села на саму щетку), задела мне палкой в лоб, покачалась и влепила еще. Каждое мое последующее движение эта деревянная дура сопровождала своим. Уразумев параллелизм усилий, я на некоторое время замерла, боясь пошевелиться (чтоб не получить в лоб снова), потом осторожно ретировалась... Сан Саныч, оценивая «показ», одарил меня непринужденным комплиментом, вроде того, что с этим нужно выступать в цирке. Мне вообще кажется, что я была самой нелепой студийкой.

Моя Баба Яга стала притчей во языцех. Один из старших товарищей, Петя Черняев, терпеливо воспитывал меня в длинных студийных коридорах, объяснял, что литературный материал, который выбрала, — дурной, бедный в художественном отношении, кич.

Через десять лет Петя станет ведущим популярной телепередачи «Воскресный кинозал», в которой будет сопровождать своим комментарием индийские и прочие кинофильмы, в основном невысокохудожественные, плохо сделанные — одним словом, кич. Правда, Петя сделает ход, вспоминая о котором, можно смягчить мою теперешнюю оценку. Собственно профессиональный, киноведческий комментарий он подменял разговором о зрительских впечатлениях, зачитыванием восторженных писем телезрительниц о «Зите и Гите» и подобных «шедеврах».

Отличие наше в том, что я свою Бабу Ягу выбрала искренно, по порыву, а Петя «Зиту и Гиту» вынужденно, по необходимости.

Теперь мы с Петей встречаемся один раз в год, 25 января, в мой день рождения. Петя поседел и выпускает теперь газету Союза кинематографистов, которая еле-еле финансируется и то выходит, то не выходит. Живется ему непросто. Но природа наградила его необыкновенным трудолюбием, честностью и положительной внешностью социального героя.

Но я опять отвлеклась.

Итак. Студия «На ладони».

Если я верно восстанавливаю ход событий, наши педагоги и Пит внимательно осмотрели всю нашу самодеятельность, отобрали несколько «перспективных фрагментов» и создали ситуацию дальнейшей работы над ними. Просто *создали ситуацию*.

Мой студийный товарищ Боря Тудаков делал изумительную ученическую режиссерскую работу — сцену на балконе из «Ромео и Джульетты». Боря — самый талантливый среди нас, наиболее тщательный, с особым зрением. Потом он открыл собственную студию, уйдя с «Ладошки» и, по-моему, этим сильно обидев Сан Саныча (*обиды — приволочки сердца*). В собственном театре Боря ставил неожиданные, пронзительные спектакли. Каждый актер у него был выдающимся. Он был режиссером, который *делает актера*. Это и погубило его театр. Разумеется, эти мальчики и девочки, пройдя Борину школу, уходили в большие театры, в профессиональное плавание. А маленькая Борина студия набирала новых мальчиков и девочек и за год-два делала из них Актеров. Потом студия закрылась с началом политических перемен.

Как-то Боря сказал мне, что хочет снять фильм примерно такого сюжета: приходят актеры (в роли актеров, разумеется, он хотел видеть выращенных им ребят, нонче рассыпанных по столичным театрам, но которые сойдутся специально для его картины) и начинается репетиция, а потом оказывается, что все это вовсе не репетиция — все это настоящая жизнь. Вот такой сюжет. Хотя, может быть, я переврала — все-таки время...

И все это было не случайно, и «во всем был промысел».

И, может, тогда и от того все и началось.

Опять движение в тумане моего лабиринта, воспоминания ускользают, превращаясь в зеленые качели на длинных цепочках, — в детстве мы закручивали такие на много оборотов и летели вперед, кружась и визжа, дух захватывало...

В сценическом образе

Мне подумалось: вся жизнь моя, по существу, строилась и строится на преодолении. Я хотела стать артисткой, а сделалась директором культурологического (читай теоретического) лица. Возможно, нет ничего более далекого друг от друга. Возможно, я должна была стать по крайней мере «художественным руководителем», а не руководителем учебного заведения, приучающего к строгости в мысли, поиску оснований и трудной кропотливой работе с текстом.

Как говорила одна педагогиня-моя мучительница: «В нашем деле нужна не только голова, но и, пардон, задница». Она имела в виду усидчивость. Еще она часто цитировала: «Прекрасное — трудно» (Солон). Может быть, это как-то сближает две области: театр и культурологию, но все-таки не более чем тот же театр может быть близок к науке, описывающей его историю или философию.

Библер⁶ как-то сказал мне (по-моему, это было после урока, который проводил в моем классе Норштейн⁷): «Таня, вы не должны огорчаться, если этот урок “не сыграет” сразу. Вы сегодня бросили кристаллик. Потом вы бросите второй, третий, десятый... И когда-нибудь они все — раз! — и скристаллизуются».

Вот так и студия: это был кристаллик, брошенный Питом, кристаллик, брошенный Сан Санычем...

⁶ Библер, Владимир Соломонович — известный философ, культуролог, автор Школы Диалога Культур (ШДК), в те годы — научный руководитель Московского культурологического лица.

⁷ Норштейн, Юрий Борисович — знаменитый мультипликатор («Ежик в тумане», «Сказка сказок» и др.) — вел в лицее курс «Мультипликация в контексте культуры».

*albo dies notanda lapillo*⁸

«Таня! Танечка! Здравствуй!» — Минуту назад он грузил ящики, по-моему, с пивом, в «Москвич»-каблучок, да так и оставил один посреди аллеи, ринувшись ко мне. Схватил меня в охапку и приподнял.

«Здравсуйте», — отстранилась я. Молодой человек был красивый, загорелый и очень теплый. (Я часто вспоминаю людей сенсорно — сухой, теплый, жаркий, шершавый.) «Ты меня не помнишь? Ну, ты да-е-шь! Ты у нас вожатой была, я — Дима, Дима».

Горе мне, я так и не смогла распутать в памяти Диму. Но у нас нашлось общее, разбитое временем, воспоминание — о спектакле «Почти что Золушка», который я ставила в их классе чуть ли не весь год.

Начали мы действительно с «Золушки», причем «пьеса» выигрывалась по ходу, — все реплики и сцены сочинялись во время репетиций. Однажды к нам в зал зашел один из завучей — учитель истории Петр Петрович Анохин. Мы тут же сыграли для него наши лучшие фрагменты. Петр Петрович отозвал меня в сторону и ласково сказал: «Таня, вот что. Это дети. Не стоит им играть любовь. Им — это рано». Я смутно помню наш разговор, помню только, что очень удивилась: как это умный, добрый Петр Петрович понял что-то не так? «Может быть, — теперь думаю я, — в нашем спектакле было что-то вульгарное, некрасивое?»

Но события все же развернулись так, что «любовь» не отменилась. Буквально через день после разговора с П.П. и посреди урока математики (именно там меня чаще всего осеняли своевременные мысли) я вдруг поняла: сегодня (то есть тогда) — 24 мая.

Я хорошо помню эту дату — 24 мая. Я оцепенела. Завтра — конец учебного года. Конец нашему спектаклю. Никто его не увидит. Мы зря старались. Зря сочиняли, зря играли про любовь принца к Золушке. Только Петр Петрович и видел наш спектакль. И то не понял. Что делать? Я отпросилась и, почти рыдая, пошла... к Петру Петровичу. Он выслушал меня — я помню его светлые глаза, руку с жилами и мягкого салатого

цвета рубашку — и принял волевое решение: «Завтра показываем». — «Но мы не закончили». — «Показываем незаконченным». В кабинете с Петром Петровичем «сидели» еще два завуча — одного ученики называли Бульдогом, другого — Пиявкой. Прозвища были даны исключительно благодаря внешним признакам — ничего общего с характерами наших педагогов эти имена не имели.

Бульдог с подачи П.П. тут же пошел со мной как референтное лицо по младшим классам с объявлением о спектакле. Помню, как огромная учительница младших классов, по прозвищу Дюймовочка, — она презирала наши репетиции и шла на меня в коридоре полной грудью — неожиданно сменила одно лицо на другое, когда увидела в дверях своего класса сначала меня, а затем Бульдога, шедшего следом...

И вот я собрала своих артистов. Что делать? У нас нет костюмов. Кому-то пришлось в голову обратиться во Дворец культуры завода измерительных приборов — там есть костюмерная. Я рванула туда. Там откликнулись, но попросили расписку из школы. Я метнулась обратно. Взлетела на четвертый этаж — к Бульдогу, к П.П....

Потом мы ходили по сцене в роскошных парчовых одеяниях, и головы наши кружились от счастливого волнения. Вот бы сейчас сохранить эту бессмысленную радость бытия и умение восхищаться малым!

Кульминационным пунктом спектакля, а также всех наших предыдущих мыканий стал эпизод, когда задник сцены вдруг рухнул и перед зрителями и изумленными артистами предстала моя подруга Эмка Татиосова, зачем-то примеряющая на себя огромное цыганское платье. «У нас гости, господа?» — чтобы спасти ситуацию «спохватился» Принц.

Наша старая школа, откуда и «отпочковался» лицей

⁸ Который следует отметить белым камешком (лат.).

У древних римлян был обычай отмечать счастливый день белым камешком.

Nunc, Macrine, diem numera meliore lapillo

Qui tibi labentis apponet candidus annos (Pers. II, 1–2)

Нынешний день ты отметь, Макрин мой,

камешком лучшим

День этот светлый еще один год прибавляет.

(Пер. Ф. Петровского)

К этим стихам древний комментатор дает следующее пояснение: критяне, утверждая, что жизнь состоит в радости, отмечали радостные дни белым камешком, а печальные — черным; а затем, подсчитав камешки, видели, сколько дней в году было радостных, и только эти дни считали действительно прожитыми. Гениальный способ психоанализа.

Света Прищепа, сидевшая за пианино, — толстая девочка в толстых очках, — внезапно как по команде заиграла «цыганочку». Эмка (Света это знала) очень смешно ее плясала, пародируя свою тетю-парикмахершу. Этот танец, можно сказать, был Эмкиным хитом в нашей компании. Эмка и Света обычно сопровождали меня на репетициях как верные подруги, а малыши визжали от смеха, когда Эмульсия в конце репетиции всходила на сцену и бескорыстно выдавала на «бис» свою, как мы ее нарекли, «трясо-гузку».

Теперь, оказавшись перед лицом ситуации, Эмка электрически вздернула руки и шагнула вперед. Платье захватило ее ногу в первом же движении, и бедная моя подруга упала на колено, но тут же сделала вид, что так и надо, и в такт музыке заработала плечами и плоской грудью. Все это было чистейшей импровизацией!

Далее, продолжая сражаться с платьем, она все-таки добралась до авансцены и объявила: «Золушке и Принцу (а наша постановка дошла только до первого бала) я предсказываю: все будет хорошо, конец спектакля». И скосила от страха глаза к носу.

Малыши были в восторге. Даже старая тигрица Дюймовочка смягчилась.

Ни Петру Петровичу, ни Бульдугу я тогда спасибо не сказала. Не понимала, мне в голову не пришло. Кажется, Бульдога звали Иваном Федоровичем. Суровый, строгий, добрый Иван Федорович.

Когда я думаю про него, про других своих учителей, внутри меня звучит трогательная музыка. Нежное струнное танго. А писать мне хочется о своих учителях размашисто, в высокопарных тонах — хотя я терпеть не могу пафос, романтизм, приподнятый штиль.

* * *

Математику у нас преподавала Клавдия Кузьминична Токарева. Клава. Суровая женщина. Она укоряла меня: «Твою бы голову да Татиосовой на шею». Намекая на то, что я могу, но не стараюсь, а Эмка и хочет, и старается, но математических ожиданий не оправдывает... Клава «прикрепила» ко мне двоечника Мкртчана (все его называли Фрунзиком, а я, как подшефного, — Валерой). Мкртчан был отравой школы. Девчонки обходили его за версту, как бешеного, и прятались за мою спину, когда он шел по коридору. «Валера, дай сюда», — говорила я, и он безропотно отдавал мне снятый с очередной косы бант... Почему-то этот Фрунзик, этот Мкртчан, эта бомба всех времен и народов — покорился. Стал оставаться после уроков, мы решали с ним задачи (Клава пообещала: если у него выйдет в четверти «3» — тебе поставлю «5»). Потом Клава «прикрепила» ко мне Женю Ихно,

и тот тоже уважал меня *особенно*. Это был возраст 11–13 лет. Со стороны этих мальчиков умом (но не сердцем — так как моего ответного чувства не было) я ощущала симпатию. Возможно, это был мой первый педагогический опыт.

...Петр Петрович Анохин. Наш учитель истории. Однажды Эмка пыталась обмануть его, показать вместо своей — мою тетрадку с выполненным домашним заданием. Эмульсию воспитывала тетя в жестких национальных традициях. За двойки она с криками «тварь!» лупила Эмку палкой от деревянного ящика. В доме был магазин, ящики имелись в изобилии. Однажды она и меня отделала за компанию, причем мне досталось много сильнее, чем Эмке, давно приобретшей ловкий опыт принятия ударов. (*Тетя Седа сердита: смажет — не соберешь суставов.*)

...Эмка стояла в очереди из опрашиваемых и тетрадь подавала последней. Петр Петрович взял тетрадку в руки, открыл, медленно просмотрел, потом захлопнул и стал медленно читать надпись на обложке. К этому моменту мне было совершенно ясно, что наш учитель все понял, и теперь и меня, и Эмку ждет позорное разоблачение. Обложку мы только что сотворили из тетрадного листа, и теперь я ждала только одного логичного движения.

Между тем помрачневший Петр Петрович так же медленно поднял глаза на мою подругу, которая тут же пошла багровыми пятнами, и неспешно спросил: «Твоя тетрадь?» Эмка коротко кивнула. Петр Петрович, опять медленно — казалось, пройдут годы, пока он выговорит слово, — протянул ей тетрадь и сказал: «Хорошая работа. Садись. Пять».

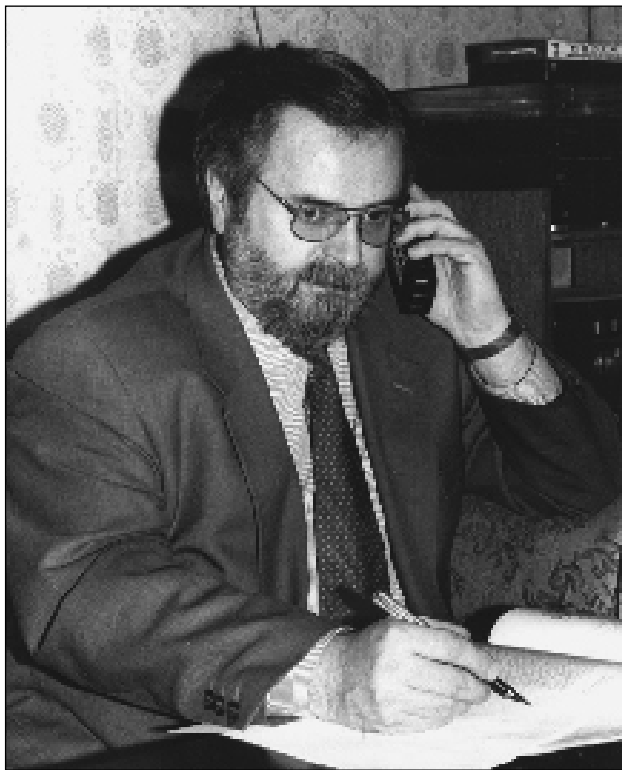
Пятнисто-багровая Эмка прошла к своему месту так, будто у нее в руках была и не тетрадка, а на голове — кувшин с соляной кислотой.

Урок прошел как обычно. Эмкина парализация к концу занятия прошла, и со звоном мы обе подошли к Петру Петровичу с покаянием. «Исправляю тебе “5” на “2”, — сказал он, приняв признание. — В журнал пока не ставлю. В течение недели отметку можешь исправить». Мне кажется, что если бы мы не подошли к Петру Петровичу, он бы... <...>

Этот день я должна отметить самым светлым камешком!

3/4 флейты

«И все-таки еще немножко». И еще была — Бэла Аслановна, Бэлочка. Маленькая, хрупкая — всегда с лучистой улыбкой, указкой и книгой. Слушала нас и улыбалась. Еще был Михаил Петрович Ясько — задиристый, насмешливый, весь — сплошной порыв, сплошной гаудеамус игитур.

Редюхин сегодня – ведущий консультант
Аналитического центра «Концепт»

И сумасшедшая химичка Ольга Харитоновна, заставляющая нас учить жуткие химические конспекты наизусть. Она выдвигала нашу с Эмкой парту к своему пьедесталу, чтобы я никого не отвлекала.

«В 1911 году датский ученый Нильс Бор открыл теорию строения атома. По теории Бора...» – вот дословно то небольшое, что я помню из курса школьной химии. Именно заканчивая на этих словах: «По теории Бора...» Мне иногда становится интересно, что же там было дальше, в том конспекте, что же произошло со злополучной теорией. Потом, в последующей жизни, я сталкивалась с именем Бора в различных контекстах, и всегда во мне звучало: строение атома; 1911 год; датский ученый. И воссоздавал облик нашей зверской химички Ольги Харитоновны, упрямой, упорной, угрюмой. До сих пор с содроганием вспоминаю, как душили меня эти бесполезные формулы, похожие на дьявольские ребусы. «Голове моей того – не хватает аш два о», «Люби науку химию, везде она важна, когда целуешь мальчика – реакция нужна» – навечно было выгравировано на партах химического кабинета. Не мной, а, вероятно, каким-то далеким предком, потому что наша органическая леди не допускала ни шороха. На ее уроках царил безмолвие, но не покой. Ни побоища, ни стана, ни надгробного кургана...

Зато потом мы отрывались.

Лариса Филимоновна вела у нас физкультуру. По-моему, не было ни одного занятия, когда бы она не оставила записи в моем дневнике. «Снимала с девочек трусы в раздевалке», «Будоражит детей на уроке», «Не воспринимает замечаний». Мне даже пришлось завести запасной дневник, специально для нее и на всякий случай для Золотухина, учителя рисования.

Золотухина мы так и называли: Золотухин. Он был рыжим, худым, как бы гуттаперчивым. И очень нервным. Разговаривал с нами то злобным шепотом, то высоким криком. Урок начинался со «сдачи дневников» и долгого стояния за партами, пока не воцарялась тишина. Сражаясь с учениками за свою независимость, Золотухин вечно проигрывал в неравном бою. Каждый проигрыш знаменовался уменьшающейся стопкой наших дневников на его столе. Дневники злоумышленников Золотухин раскладывал по подоконнику, и они, похожие на кассово-приходные книги, ждали своего часа. Однажды Золотухин прицепился к самому безобидному мальчику из нашего класса и так на него кричал! В крике он напоминал птенца, глупого и требовательного. А мальчик смотрел на него, смотрел... Мне Золотухин сделал одну-единственную запись (причем очень долго раздумывал, прежде чем ее написать): «Чихнула на уроке...»

Потом Михаил Петрович Ясько и Бэла Аслановна влюбились друг в друга, и им пришлось уйти из школы: в коллективе их осудили. Они поженились, родили детей и живут по сей день дружно и счастливо.

Еще у нас был замечательный физик, Виктор Егорович. Спокойный, медленный, без свойственного физикам надрыва. Умиротворенность и покой царили на его уроках. Он работал по методу Шаталова – мы учились по опорным конспектам. По физике у меня была пятерка, опорные конспекты я запомнила слету. Правда теперь из физики ничегошеньки не помню.

И наконец, Алла Тихоновна – русская классическая литература. Царственной походкой шла она по школе – спина английской королевы, черная роза – эмблема печали.

о, лебедиво! о, озари!

Вернусь к своей школе. К своему бедовому директору Редюхину.

В самый разгар работы от взял и заболел на полгода. Это время оставило в наших сердцах воспоминание яркое, как катастрофа.

Сначала в школе рухнули навесные потолки (во время летнего ремонта их «прибили» гвоздями, а не закрепили шурупами). По школьному мифу, учитель физики Марк Романович однажды на уроке вспылил и выгнал из кабинета весь класс. Только один уче-

ник замешкался. У Марка Романовича — в то время в общем-то проницкого и спокойного человека — вдруг произошло какое-то смещение фокуса, и он так рывкнул на ученика, что тот, как смазанный скипидаром, выскочил из класса. В эту секунду и рухнули злосчастные потолки. И всех свидетелей только пылью обдало. Через год, когда Редюхин уволился, Марк Романович стал директором школы.

Но до этого времени произошло много других местных бедствий. Например, из труб периодически начинали бить фонтаны кипятка. Первый гейзер обнаружил себя в том же самом маркоманьевском кабинете физики, а спустя несколько дней — этажом ниже. И понеслось! Изнутри наша школа напоминала поэзию футуристов, положенную на декафонную музыку. Это было нечто!

* * *

Учителей почему-то стало меньше, чем уроков. Некоторые уволились, другие расслабились. Наша бездиректорная школа жила как хотела. Расписание «плыло». Говорят, один педагог эмигрировал, и его только через месяц хватились, поскольку факт исчезновения преподавателя ученики тщательно маскировали: приходили в класс и тихо себе сидели. Нравнодушные звонили Редюхину, он отвечал: «Не могу. Рожая. У меня камень в почке». Просили подействовать на нерадивых песталоцци, в ответ следовало: «Бессмысленно. Все, что несет учитель, должно быть инспирировано у него *изнутри*. Самоопределение есть медленная работа. Крепитесь».

И разумеется, именно тогда все и началось. Мне пришлось стать буквально «директором класса», обеспечивать «образовательный минимум», который постепенно перешел в своеобразный максимум. Меня выручали мои друзья и знакомые, которые приходили и занимались с моим классом во время всего этого очаровательного безобразия. Сережа Марьясин, историк, проводил занятия по Пугачеву. Пугачев «Капитанской дочке» и Пугачев «Истории Пугачевского бунта». <...> Юрий Борисович Норштейн, автор гениального мультфильма «Сказка сказок» — прочитал лекцию о «Шинели» Гоголя, из которой произошел цикл «Мультипликация в контексте культуры». Медиевист Светлана Неретина вела историю средневековой культуры и латынь (в то время она считалась, безусловно, эксклюзивным предметом, а Неретина стала у нас эксклюзивным преподавателем).

При этом люди, о которых я выше написала, встретились мне по воле случая, или я примешалась к ним случайно, — и каждый раз, когда я об этом думаю, мне мысленно слышится гонг судьбы с бетховенским отзвуком: «Та-да-та-та!»

Случай — одухотворение Времени. В нем, и освободившись и замкнувшись, время сменяет свою меру. Случайное... <...>

*dis aliter visum*⁹

...Редюхина судили. На педсовете. Ему припомнили все: и непонятные командировки, и уход «старой гвардии», и обесчещенный спортивный зал, и отвратительную еду в столовой (где, как говорил один ученик, на первое, второе и третье подают одно и то же блюдо — «почти что компот»).

Редюхин стоял у стола, широко расставив толстые ноги, заинтересованно кивал в такт выступлений, и в этом чувствовалась какая-то безнадежная зависимость от наших замученных, задерганных, заезженных теток. Он охотно принимал все обвинения.

На этом педсовете я совершенно морально истратилась, хотя понимала, что Редюхин не страдает, а напротив — манит ситуацию на себя (он умел устраивать такие штуки, стилизовать фигуры для битвы). Но внутренний детектор подсказывал мне, что в физическом пространстве что-то нетак. И действительно — прямой участницей драмы стала завуч Тамара Васильевна, безоглядно преданная Редюхину. Она сидела и ломала под партой пальцы. От нее расходились волны болезненной тоски — ее директор, ее друг уходил из школы, уходил из ее жизни, безжалостно оставлял ее, оставлял... «Иосиф, проданный в Египет, не мог сильнее тосковать». Я хорошо понимаю такую боль. Это как смерть внутри жизни.

Пока Редюхин болел и «рожал», Тамара Васильевна тянула на себе всю школу — приходила первой, уходила последней, подменяла всех и вся, переделывала расписание, писала отчеты, исправляла недочеты, ходила с красными от слез глазами, в вечном невротическом облаке. Казалось, весь смысл ее жизни сомкнулся на школе, на Редюхине. И теперь слова наших заведенных теток окончательно ломали ее единственную опору. Мне ее было пронзительно жалко,

⁹ Боги судили иначе (лат.).

Вергилий. «Энеида». II, 426–30:

...cadit et Rhipeus, justissimus unus

Qui fuit in Teucris et servantissimus aequi:

Dis aliter visum: pereunt Hypanisque Dymasque

Confixi a sociis; nec te tua plurima, Panthu,

Labentem pietas nec Apollines infula texit.

Пал и Рифей, что всегда справедливейшим слыл

среди тектвров,

Следуя правде во всем (но иначе боги судили).

Пал Гипанид и Димант, убиты троянцами оба.

И тебя, Панфой, не спасли, когда был ты повержен,

Ни благочестье твое, ни повязки жреца Аполлона!

(Пер. С. Ошерова)

я не знала, что такое можно сделать, чтобы предотвратить этот крах, это ее страдание, которое разрасталось на моих глазах во вселенское женское горе. Если бы я только могла!

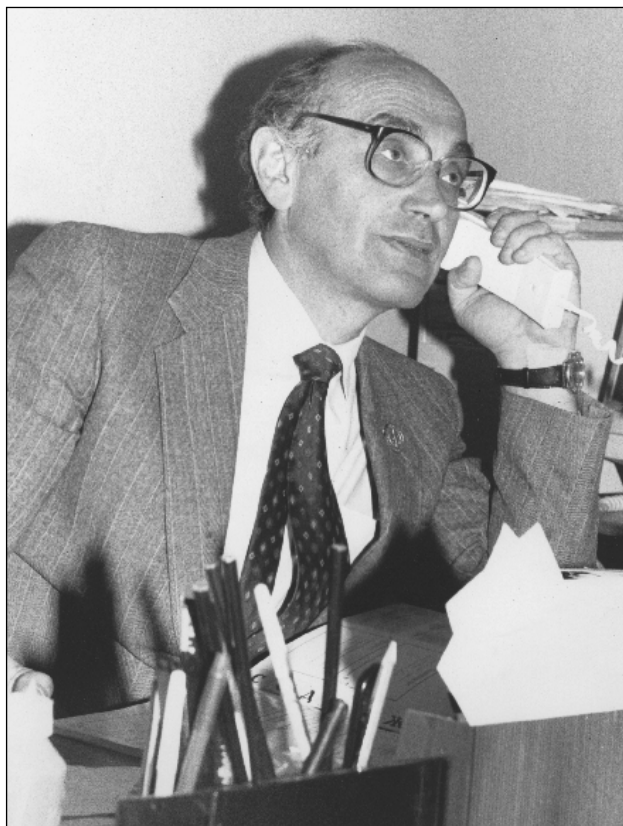
Редюхин школу покинул. «Я умышленно построил ситуацию проблемного стресса», — были его последние слова.

Через полгода нашим директором стал Марк Романович.

Не стыжусь нежности, с которой я о нем думаю. У Марка Романовича трагически погибла дочь, они с женой воспитывали внука, с ними жил и зять — для меня это обстоятельство всегда было решающим во всех наших спорах и конфликтах.

Марк Романович вынужден был лавировать между старым и новым поколением учителей — иногда казалось, что он решительно принимает сторону «стариков», но в последнюю минуту спохватывался и сглаживал наметившиеся трещины.

Теперь я с легкой ностальгией вспоминаю, как он «воспитывал» меня на переменах, как сердился и устраивал разносы и с каким светлым одухотворенным лицом (исполненный очей) сидел на моих уроках, как шутиливо пробегал мимо, как делал мне на лестнице мрачные комплименты.

Марк Романович сегодня — директор огромной-огромной школы-дворца, построенной на месте старого здания

А однажды у нас был мировой скандал с кровью. В порыве Марк Романович захлопнул дверь на мою руку, и из меня выкатилось ужасное слово. На следующий день я шла на работу, замирая от ужаса, — примирение казалось мне невозможным. Однако Марк Романович встретил меня широко: «Татьяна Борисовна, — сказал он, направив на меня свой взгляд с поволокой, — когда такая женщина, как вы, говорит в мой адрес подобные слова, я воспринимаю их исключительно как комплимент».

Через 10 лет я услышала по TV, что на улице Фортунатовская произошел взрыв и разнесло полдома. Имеются жертвы. Вдруг меня шибануло: ведь в этом доме живет Марк. В новостях передали, что жителей временно разместили в гостинице «Измайлово».

Мы не виделись с Марком Романовичем тыщу лет, но какой-то непонятный страх (за него? за мое прошлое?) заставил меня отменить все дела и покатить в гостиницу. Я долго искала корпус, шел дождь. Захожу в холл. И вижу: прямо на меня энергичным шагом идет, широко жестикулируя, мой бывший директор, рядом с ним — его жена, Светлана Зиновьевна, заплаканная, с зажатым в руке платком. Вокруг — суета, гул, какие-то люди тащат тележку с бельем.

Марк Романович увидел меня. И, видимо, не сразу соотнес с собой причину моего визита, — на его лице проступило удивление.

— Татьяна? Ты что тут делаешь?.. Ты что, ко мне пришла? Из-за меня?

— Ну да. — От растерянности я тут же задала ему идиотский вопрос: «Как Вы? У Вас все в порядке?»

И тут Марк Романович поступил в полном соответствии с законами жанра. Он осыпал меня обаятельнейшей улыбкой, слегка подтолкнул Светлану Зиновьевну («Распрямись!») и объявил:

— У нас — все отлично! Никто не погиб, все здорово. Нам повезло! Света ушла из дома за 10 минут до... Все нормально!

Я знаю, к директорам нормальные люди относятся далеко неоднозначно. Но поведение моего бывшего директора перед лицом тяжелой ситуации всегда останется для меня образцом мужества. Я бы так не смогла. А он — смог. Он умел. И я в который раз отметила для себя *разность* Марка Романовича и его талант быть героем.

* * *

К моим идеям Марк Романович относился не то чтобы скептически — я бы сказала, с долей скепсиса, однако ему нравилось, что мои дети учатся с удовольствием и любят школу.

Его подкупали интерес ребят друг к другу, к занятиям, та атмосфера обсуждений и споров, которая заражала каждого, кто в нее окунался.

Я уговаривала Марка Романовича открыть в школе лицейские классы. Учитывая сопротивление «теток», ему нелегко было на это решиться. Я долго не понимала, почему в такой, в принципе, демократической школе, как наша, внедрение новых правил всегда сопровождалось скандалами. Где-то я читала, что по-настоящему можно разрушить новое не бомбами, но каркасами. С этим я абсолютно согласна! Поэтому скандалы меня не пугали, только огорчали. Тем более они происходили на фоне начавшейся апатии, когда никто ничего не хотел, все были раздражены разрухой, и только наш класс будоражил всех своей непонятной жизнью. Марк Романович испытывал нехватку событий, пытался преодолеть всеобщее равнодушие, но, когда я пришла к нему со своим предложением (открыть лицейский класс), сначала обреченно махнул рукой: «Не терзай меня. Тебе на педсовете что сказали? Порядок навести, дежурства наладить».

Редюхин в таких случаях устраивал специальные спектакли — вызывал «политбюро» и отдавал ему на временное съедение «молодого» и его идею, после чего идея или принималась, или оставлялась. Происходило все в маленьком душном директорском кабинете: по периметру сидели судьи, а виновник собрания томился в голове прямоугольного стола, за полем которого Редюхин «фиксировал противоречия», как он выражался. Однажды так судили и меня — из-за пресловутой программы по литературе, которая произвела в учительской впечатление выстрела в концерте.

...Есть тип людей, для которых неблагополучие, хандра являются особым пафосом и мерилом вещей. Такова была наша завуч Тамара Васильевна. Как она меня мучила! Почему-то она выбрала именно меня. Она задавала мне душераздирающие вопросы (например, готова ли я принести себя в жертву, если рядом будет кто-то умирать, а я не знала, готова или не готова; один из тестов Т.В. отчего-то особенно врезался мне в память: «Вы — директор. Устраиваются к вам на работу двое. Один — вы знаете — хороший человек, но слабый специалист. Второй — прекрасный специалист, но непорядочный человек. Кого бы вы взяли?» — «Никого». — «Нет, вы должны — это изначальное условие — выбрать»). «Вы должны выбрать» — было девизом Т.В., причем каждое слово тут с большой буквы, багровой краской, и даже с подтеками. **ВЫ. ДОЛЖНЫ. ВЫБРАТЬ!**

...Итак, картина нашего собрания. Все те же и Т.В., стоящая спиной к аудитории, лицом к окну.

Руки крест-накрест, ладони на плечах. Пространство вокруг нее неумолимо сгущается и стягивается в воронку ожидаемого монолога.

Редюхин (голос где-то в стороне, в подобные минуты он всегда становился чужим, будто ему переменяли кровь): «Как я понял, проблема касается несколько неосторожного обращения Т.В. с программой по литературе?»

Пауза. Скрипят стулья. Одна рука Т.В. падает вдоль бедра. Высмаркивается парткомовская тетя: «Извините». И вот Т.В. медленно поворачивается, или мы оборачиваемся вокруг нее — не знаю. Однажды я слышала, как она читает стихи. «Все что угодно, только бы не тот ужасный речитатив», — мелькает в моей голове.

Т.В. (со скорбным придыханием и трагическими вибрациями в голосе; говорит мне, а смотрит на край редюхинского стола. На ее лице запечатывается одно из тех выражений, которые так любили художники конца XIX века, создавая персонажей-горемык): «Вы посчитали *это* возможным для себя. А спросили ли вы других? Нас, детей, родителей. Да какое же право имеете? На себя — и *такую* ответственность? (Я от волнения начинаю замечать некоторую ритмичность ее периодов: *нас — детей — родителей. на себя — и такую — ответственность. да какое же — право — имеете...*) Мы всю свою жизнь учим детей и всю жизнь не позволяем себе “свободы”. Вы, учитель, русской, классической, литературы (после каждого слова она ставит глубокую и беспощадную трагическую точку), а учите — *зарубежной*. Мы! Мы! отвечаем за вас, дорогая моя (на этих словах голос ее опускается, а бровь поднимается; руки складываются в дрожащий домик — указательный палец к указательному пальцу; складки на лбу, щеках, шее — увеличиваются, округляются, как у молодого и настойчивого мопса). Но мы готовы пойти вам навстречу. Ведь мы хотим вам добра, иначе мы тут не собрались бы (сидящие по периметру кивают). Но нам интересно, что заставило вас, какие соображения? Вы меняете программу, по ней учились еще мы, но что взамен? Я тут прочла: стихи о партии и ранние стихи Маяковского — вы объединяете в один урок. С какой целью? Измываться над поэтом?»

В этот момент параллелизм звука и лица достиг кульминации, и Т.В. сделалась похожа на скорбный кукиш. Далее последовал текет, построенный в духе Гюго: согласно романтическому смещению патетического с ужасным. В те, советские времена, никаких вольностей не позволялось. А я взяла — и изменила программу! Да еще и записала ее в журнал. Да еще сдала «темплан». Да еще...

Начинающий, трепетный директор. 1991 год

Если бы Т.В. стала в тот момент строчкой в словаре синонимов, то наверняка это был бы лексический ряд вроде: тоска, боль, горесть, кручина, уныние. Безобразно, сокрушенно, траурно, неутешительно, надрывно...

Лежал журнал моего класса — единственный свидетель и единственная улика. Все темы искренне и по порядку были записаны в нужной графе (мне и в голову не пришло писать «что положено», а не то, что было на самом деле).

— Действительно, почему Вы так подробно изучаете зарубежных авторов? — чтобы разрядить обстановку, миролюбиво задала вопрос простуженная парткомовская тетя и в подтверждение своих слов прочла: «Экклезиаст. «Легенда об Иосифе»». (По-моему, она искренне думала, что Экклезиаст — автор «Легенды об Иосифе».)

— Итак, я фиксирую два возможных выхода из ситуации... — Это Редюхин. «Так точно дьяк, в приказах поседельный, спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева»... Редюхин — он всегда «над».

Заклочительный кадр: я сижу одна, как сиротка Хася, и реву в пустом кабинете, и почти стону от обиды, боли, от одиночества, жалости и просто от переполняющего меня чувства тамар-васильевности.

Это был 86-й или 87-й год. Я все ждала большей гармонии с миром...

<...> На меня слишком сильно влияют люди. Я долго живу их словами, интонациями, жестами. В этом состоит большая часть моей жизни. Даже теперь...

После подобных взбучек Редюхин утешал молодого: «Да не переживай ты. Им ведь необходимо покусать тебя — я и дал им возможность. Зато теперь тебя никто не тронет — пар выпущен!»

Марк Романович был другим. На «съездах» он вел себя иначе. В отличие от Редюхина, который все всегда знал заранее, держал нейтралитет и ничему не мешал, Марк был резонером. Он всегда внимательно вслушивался в суть разговора, умел улавливать тончайшие его вибрации и в тот момент, когда, казалось бы, исход обсуждения предрешен и решение очевидно, М.Р. брал слово, медленно восходил к доске и вставал перед лицом собрания.

Далее он начинал рассуждать, как бы разговаривать сам с собой: высказывал наличное соображение, как правило, легко согласуемое с настроением большинства. («Спрашивается — зачем нашей школе, которой предстоит еще долго выбираться из предыдущих безнадежных затей, какой-то лицейский класс?» — «тетки» кивали.) Далее М.Р. осторожно начинал подкалывать свой тезис *a contrario*¹⁰ вопросами и сомнениями — сначала слегка, потом сильнее, сильнее (темп нарастал, аргументы сгущались), и, наконец, в финальном, решающем, абзаце речи тезис сменялся антитезисом. Он был как якорь и одновременно как резко брошенный бумеранг (судьбы?). Марк Романович был из тех, кто умел *влиять* на аудиторию.

Я всегда обманывалась на этих «судьбоносных» собраниях, не ожидая от Марка Романовича таких поступков. В начале его речи внутри у меня все падало, и я понимала: никакой надежды на положительное решение вопроса не существует. А дальше — когда сумерки обсуждения окончательно сгущались над мной, вдруг — щелк! — будто поднималась чья-то спокойная рука и переставляла выключатель в обратную сторону. Вспыхивал свет, и все менялось.

Так было и в тот день, когда «тетки» обсуждали «идею лицейских классов». В последний момент М.Р. применил свой коронный риторический прием, и судьба наша была решена. Сердце мое заликовало. «Лови момент, пока я жив», — ответил мне М.Р. на «спасибо». *Care diem*.

Кроме нашего — гуманитарного, — в школе были открыты био- и математический классы. Всем им впоследствии перепали крохи от нашего стола: спецкурсы, конференции, совместные занятия и многое другое.

По формальным признакам *все началось именно в тот момент, когда Марк Романович занялся своим антитезисом, контрапунктом моей судьбы.*

¹⁰ От противного (лат.).

До этого момента никакого особого умысла во всей моей работы не было — мы делали то, что «вытекало» из предыдущего; если видели, что получалось хорошо, оставляли, развивали и осмыслили это, как могли. «Мы замечаем, а как заметили, появилась цель такая у нас» (цитата).

*ab imo pectore*¹¹

Отряхну моя печали. Есть в нашем лице мифы, которые с особенной любовью и нежностью пересказываются из года в год. Передаваясь из рук в руки, из уст в уста, они обрастают новыми подробностями, озаряются новым светом.

Один из ранних сюжетов повествует о первом вечере посвящения в лицеисты, единственном, не запечатленном на видеопленку. Я пишу сейчас, и моя рука не успевает за мыслью, за дорогим моему сердцу воспоминанием.

Вечер получился умопомрачительным. Вся любовь, вся энергия, накопленные за несколько лет, соединились в нем, подобно тому, как в греческой точке *акме* смыкалась предшествующая и последующая жизнь античного человека.

Номером один в нашей программе была не-рок-не-опера «История девочки Манюни, или Как стать ботаником». Действо посвящалось биологическому классу. Я как сейчас вижу: на сцену выходит Петя Суворов в круглых очках без стекол с папкой под мышкой, чешет подбородок и начинает интродукцию: представляет действующих лиц и сопровождает комментарием выход костюмированных исполнителей.

Петя: «Манюня Гомозиготова, девочка».

Под гомерический хохот зала возникает Вольский-Манюня.

Петя: «Амеба».

В лапах, в купальной шапочке с дырочками, из которых жидкими пальмами торчат волосы, выплывает Марат Воронцов.

Рок-опера «Манюня» — это трогательная история, невольно породившая архетип всех будущих лицейских спектаклей ко дню посвящения (герой мечтает

поступить в лицей, преодолевает на пути к заветной, но по ряду причин труднодостижимой цели различные препоны и к финалу благополучно становится лицеистом).

Наш первосюжет повествовал о бедной, покинутой всеми Манюне, умной и наблюдательной девочке, одиноко бродящей по жестокому городу.

На репетициях мы долго не могли подобрать выходной арии главной героине. Придумывали, спорили, ругались, перебивали друг друга. И вот самый активный участник скандалов, Илья Вольский, в какой-то момент закрыл глаза и начал ритмически подергивать бровями, носом, пальцами и коленками. Все замерли. Илюша открыл глаза, прочистил горло и начал: «Люди! Теперь, когда все вы... Нет, так я не согласен. Все должны встать, — остановил он себя и поднялся со стула. Все встали. — Люди! Теперь, когда все вы, истощенные нервным и счастливым творчеством, маетесь дурью, я дарю вам (безвозмездно) только что рожденный фрагмент либретто... Маэстро! Жгучее танго в ритме раз-два-три-четыре-пять...»

И под аккомпанемент Ани Шиленковой Вольский козлиным голосом запел:

Вообрази: я тут одна,
Меня никто не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

Каково? А?

И Илюша, искренне уверенный в своем гениальном авторстве, застыл в позе тенора, ожидающего аплодисментов... И они — последовали.

«Вот и все. Известите, если что понадобится». И он снова устроился в своей привычной позе — подбородок-на-спинке-стула.

...Не-рок-не-опера довела зал до некондиции. Сюжет, наполненный драматическими событиями, привел Манюню на Птичий рынок (любимое место-пребывание «ботанического» класса), где ее ожидала такая же сиротливая и поэтическая Амеба, будущая подруга. Амеба, размышляя о бренности земного великоления, советует Манюне поступить в лицейский класс. На сцену выходит Хор — строгое и многофункциональное действующее лицо. На мотив «This Jesus must die» звучит:

Хор (мальчики):	Входите! Входите!
Манюня (Вольский):	А кто у вас главный?
Хор:	Чего вы хотите?
Манюня:	Экзамен сдавать.
Хор:	Экзамен?
Манюня:	Экзамен!
Хор:	Эк-за-мен???

¹¹ Из самой глубины души; от всего сердца (*лат.*).

Лукреций. «О природе вещей», III, 57–58:

Nam verae voces tum demum pectore, ab imo
Eliciuntur, et eripitur persona, manet res.

Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает невольно Истинный голос, личина скрывается, суть остается.

(Пер. Ф. Петровского)

Лукреций говорит о том, что люди, которые утверждают, будто учение Эпикура, освобождающее от страха смерти, для них излишне, обнаруживают свою неискренность, когда они действительно оказываются перед лицом смерти.

Манюня: Экзамен!
Хор: ЭКЗАМЕН???
Манюня: Экзамен!
Все вместе: Экзамен — сдавать!

Следовал экзамен, распетый на несколько оперных партий.

Звонкие голоса моих детей заполняли актовый зал, всю школу, все ее кабинеты и уголки, покрывали школьный двор, облетали вокруг школьного здания (на фасаде которого какой-то трудновоспитуемый выковырял про М.Р. «Бубман — козел», а М.Р. запретил стирать эту надпись), бились в окна рядом стоящих домов, приподнимали шляпы прохожих и в конце концов, облетев орбиту, возвращались на нашу маленькую уютную сцену. Вот бы увидеть это — сегодня, отсюда, — хотя бы отдаленно, хотя бы в зеркальном блике моего лабиринта!..

Финал: Манюню принимают в лицей, Амеба счастлива. Все вместе поют «Гаудеамус игитур», стилизованный под оперу.

...Математическому классу был посвящен алгебраический балет «Функция и конец Анализа». Это тоже тема отдельного мифа.

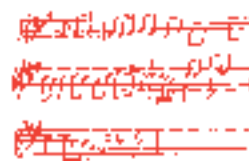
На репетициях мальчики, картинно сопротивлявшиеся жанру, спросили: «А в чем прикажете выступать?» Наш неизменный корифей, композитор и концертмейстер Аня Шиленкова пошутила: «В черных колготках и белых туниках». Но тогда мы еще не знали, что эта идея будет с триумфом воплощена.

Девочки нашли для каждого артиста — по размеру — черные колготки, из простыней были нашиты белые туники. Вечерами, по окончании репетиций, у нас в буквальном смысле слова болели животы — мышцы уставали от непрерывного смеха.

Балет начинался особенно выразительно. Дело в том, что занавеса не было, площадка упиралась в стену; переодеваться негде, а после не-рок-не-оперы необходимо было мгновенно сменить аксессуар. Надо сказать, из положения мы вышли красиво. Скачков и Лоскутов на руках поднимали алое полотно (подарок одного склонного к депрессиям костюмера-эмигранта), девочки отворачивались

к одной стене, мальчики — к другой, все молниеносно переодевались, самодельный занавес падал и — начинался балет.

Подобно юным богам, грациозно рассыпались по сцене исполнители (особенно напоминал бога Кобзев — вылитый розовый Дионис). Звучала увертюра — вариация на тему «маленьких лебедей». Хоровая группа под руководством Саши Каневского, мальчика ироничного и немногословного, с оркестровой силой начинала:

Число «16». Та-да-та.

Сумма квадратов. Та-да-та.

А, В плюс С. Та-да-та-да-та.

А, В плюс С. Та-да-та-да-та.

Как сейчас вижу: рядом с Каневским стоит Андрияша Лоскутов с поддельным выражением вдохновения на лице. В плавном движении созревают и тянутся в круг наши мальчики в белых туниках, и конечно же — в черных колготках (у Гисина колготки были со швом). Далее они синхронно разворачивались и уступали место девочкам.

...И когда все это произошло, вдруг по пронзительному прорыву тишины в зал (мы же ждали, разумеется, хохота и аплодисментов) я начала понимать, что зрители испытывают какое-то другое чувство, не то, к какому мы готовились. Они видят — настоящий балет! И даже ироническое название «Функция и конец Анализа» никого не сбilo с толку. Зал замер, затаив, заманивая звонкое мгновение... Все было пронзительно красиво.

Лавровый венец Мити Парсаданяна оказался удивительно созвучен его дивным кудряшкам и подсказал залу: перед нами — главный танцовщик. Митя всем своим истонно худым телом потянулся к быстрой, гибкой, пламенной Инне Шкутко. Это было необыкновенно трогательно и особенно завораживало. Такой балетный контрапункт. Началось па-де-де. Инна ускользала, манила, звала; легкий, как перышко, Митя стремительно и жалостливо пытался догнать ее, уловить себя в ее руки. (Инна была Функцией, а Митя — Анализом.) Но основная балетная группа противостояла вызревающему соединению двух героев. Митя метался от конца до конца сцены, проделывая виртуозные балетные па, Инна вторила ему. Потом уже она летела по сцене в развевающейся тунике, а Митя — следом. Основная балетная группа неизменно возникала между ними как живая стена.

Хор сопровождал это напряженное действие очередной вариацией — уже на тему главной партии первой части 40-й симфонии Моцарта, ассоциативно соеди-

За роялем Аня Шилёнова. 1992 год

ненной с фамилией Дмитрия Эдуардовича Дубова — штурмана математического класса.

Дуба-дам, дуба-дам, дуба-дам-дам,
дуба-дам, дуба-дам, дуба-дам...

Но даже в этот момент в зале не было ни звука, ни смешка. Все зрители напряженно следили за полетом рук, тел, туник. Точно на шелковых парусах, неся наш спектакль, наш корабль в вечность. Он трогал зрителя за живое. Настоящий признак того, что тебя коснулось настоящее (искусство).

Вот такой миф. О лицейском балете. Такая вот точка *акме*.

Позже, к 94-му году, мы временно обзавелись режиссером Алексеем Антоновичем Студзинским, внешне похожим на потрепанного Фемидой аргентинского танцора. Никто не знал, как он приблудился к нам. Почему-то такое просто отчество, как «Антонович», никто никак не мог запомнить, и оно то и дело произвольно заменялось на «Виссарионович», «Вольфгангович», «Драконович». Но Студзинский не реагировал, и в дальнейшем его стали называть просто и емко — «Студзинский». Главным (но тайным) оппонентом Студзинского стал наш психолог Влад. Детские души, считал Влад, восприимчивы к стрессам и не могут выстоять без последствий под истошными воплями нового режиссера.

Кроме необузданного темперамента, Студзинский обладал жестоким мятежом в сердце и чувством неукротимого темпа. Как фурия, он носился по сцене, разметывая, точно из автомата Калашникова, флюиды возбуждения. Я то и дело вмешивалась в постановочные эксперименты Антоновича (он пришел к нам, когда спектакль был наполовину сделан, и я не могла

оставаться равнодушной к деконцептуализации моей режиссерской идеи). Это вызывало у Студзинского фонтан из слов, чувств, движений — впрочем, так он реагировал на любое замечание любого человека. У него вообще была остро развита обратная связь. При этом наш режиссер не был силен в стилистических изысках, что опять-таки вызывало синхронное сопротивление нашего психолога.

«Анька, зараза!!!» — ревел Студзинский, и Шилёнова, пытавшаяся на цыпочках ускользнуть с репетиции, в мгновение ока оказывалась у рояля и с пионерской преданностью смотрела на маэстро, в очередной раз измученного безумством своей Мельпомены.

Если кто-то из актеров начинал делать что-то не то или, не дай бог, спорить, Студзинский начинал бегать по залу и исходить в речевых конвульсиях. Артисты покатывались со смеху от его метафор, простых и незатейливых.

Порой наш маэстро переходил педагогическую грань, и по выражению его лица можно было уловить, какие эпитеты звучат в этой истерзанной и натруженной душе. Некоторые его шутки попеременно вызывали во мне то оторопь, то смех.

Ван Гог себе отрезал уши,

А Фарадей сошел с ума,

А Шелли не доплыл, не доплыл до суши.

Куда ушли Гюго с Дюма?..

Так начиналась наша не самая удачная песня из спектакля, позаимствованная из студенческого фольклора.

Студзинский подпрыгивал в кресле от желания двигаться в такт мелодии (песня исполнялась на мотив «Мохнатый шмель на душистый хмель...») и пытался петь: «Ван Гог себе обрезал...», — но здесь я все-таки не решусь написать, что именно маэстро предлагал совершить с и без того пострадавшим Ван Гогом.

Под напором Влада («Я не возражаю против ваших выводов, я возражаю против него») со Студзинским пришлось расстаться. Он оставил в наших сердцах воспоминание горячее, как кипяток. Да он и был человеком-кипятком. Наш угля, пылающий огнем. Сразверстой грудью и трепетным сердцем творца-одиночки.

Большинство лицейских спектаклей имели комический оттенок. Но в каждом из них все равно звучало свое «сентименто». Как в нашей финальной песне на стихи Давида Самойлова, которую поет теперь весь лицей:

...И язвительная умудренность

Вдруг становится бедна и брэнна.

И завидны юность и влюбленность,

И былая святость неизменна.

Сцены из лицейского спектакля «Бур Атиныч Колобок»

Как пловец, расталкиваю ставни
И кидаюсь в ночь за ними следом,
Потому что знаю цену давним
Нашим поражениям и победам...

Мотив си-ля-си-ля-си-до, который говорит «прости» слушателю и сам становится прощальным. *Ab imo pectore*. Из самой глубины души, от всего сердца.

*dominus litis*¹²

Мало кто повлиял на меня и на моих детей так сильно, как Библер. Пожалуй, самое главное заключалось в том, как В.С. *разговаривал* с детьми.

Библер — блестяще остроумный, глубоко образованный, необыкновенный человек. В молодости он был рыжим. В детстве ему дали прозвище Петух — из-за запальчивого характера. Вероятно... <...>

В.С. читал детские работы, высказывал свое мнение, разбирал их, показывал где, в какой точке текста содержатся те или иные «подводные течения», — и всегда, в любом сочинении, обнаруживал интересные мысли, повороты, необычные зрения. О библеровской способности сохранять и углублять смыслы рассказывают легенды. Показывая, как можно «вернуть» тему, Библер всегда ценил и любил мысль. Он не обижался, если с ним спорили или не соглашались. И сам был отчаянным спорщиком. Он приучал нас к тому, что «понимать предмет, произведение, человека означает в высшей степени их не понимать».

«В высшей степени не понимать...» — гениальная формула гениального философа. Этим искусом сомнения он буквально заразил нас: «нет ни одного знания, которое бы застыло и стало единственным», «понятия не применяются, а меняются», «философия все ставит под знак вопроса».

Почти каждый вторник я приходила к нему в «психушку» (так

¹² Хозяин спора (лат.).

называли в народе институт педагогики и психологии, где тогда работал В.С. и откуда его со временем «сократили»), и там, на улице Герцена, против консерватории, в полуподвальной комнатухе с грибами на стенах, мы разговаривали о жизни, о школе, о книгах, о политике, о водке, о людях.

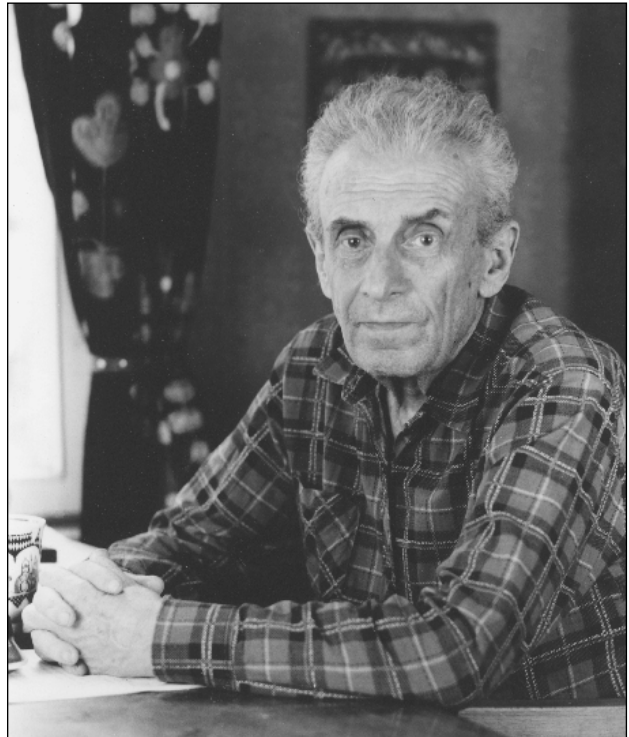
Мало к кому я так прикреплялась душой. Он всегда был для меня шершавым и добрым человеком.

Библер и его группа (Роман Романович Кондратов, психолог Ирина Берлянд, философ Анатолий Ахутин) приходили к нам на конференции, на коллоквиумы. Особенно важным оказалось их участие именно в экзаменационных коллоквиумах, где проходила ученическая защита творческих и исследовательских сочинений.

...Надо сказать, вирус сочинительства основательно внедрился в моих детей. Начало было положено многочисленными этюдами на литературе. Главный критерий — чтобы было интересно. Однообразие утомляет — осваивай смежные жанры (*жанр-жанер-жаныр-жанор* — орфографические интерпретации моих учеников, включая нынешних), учись не по учебникам, а у великих поэтов — высматривай, как работает их перо, как чист, но насыщен их слог, как свежа их мысль, как они повелевают метафорами. Причиной причин послужил все-таки мой эгоизм и нежелание изнывать над нудными, похожими, как близнецы-братья, сочинениями-трафаретами, скроенными на один школярский фасон (от лучей света, лишних людей в темных царствах меня просто трясло). Мне интересно было заниматься *иным*, непохожим, удивляться, получать удовольствие от чтения, от токов мысли и слога.

Под девизом «чтоб было интересно» писались диалоги, сценарии, переводы-подстрочники, художественные переводы, эссе, заметки на полях, большие работы и малые — от афоризма, сентенции до объемного труда (черновики Мельникова по Э. По составили 23 тетради; девятнадцать рукописных журналов класса чуть не вывихнули мне руку, чуть не сделав из меня местного Белинского). Одна и та же литературная тема намечалась и обыгрывалась в максимуме жанров.

Вольский издавал журнал «НЮ-НЮ» — с хроникой внеурочной жизни класса (выражение «ню-ню» прилепилось, стало на некоторое время чем-то вроде общей присказки. Мне это, помню, не очень нравилось, особенно в исполнении Вольского, и без того имеющего нахальную внешность. Учительница французского объясняла, что в переводе с языка сцены «ню-ню» означает «обнаженная натура дважды», на что Вольский отвечал: «Ню-ню»). Петюнчик Тулуков

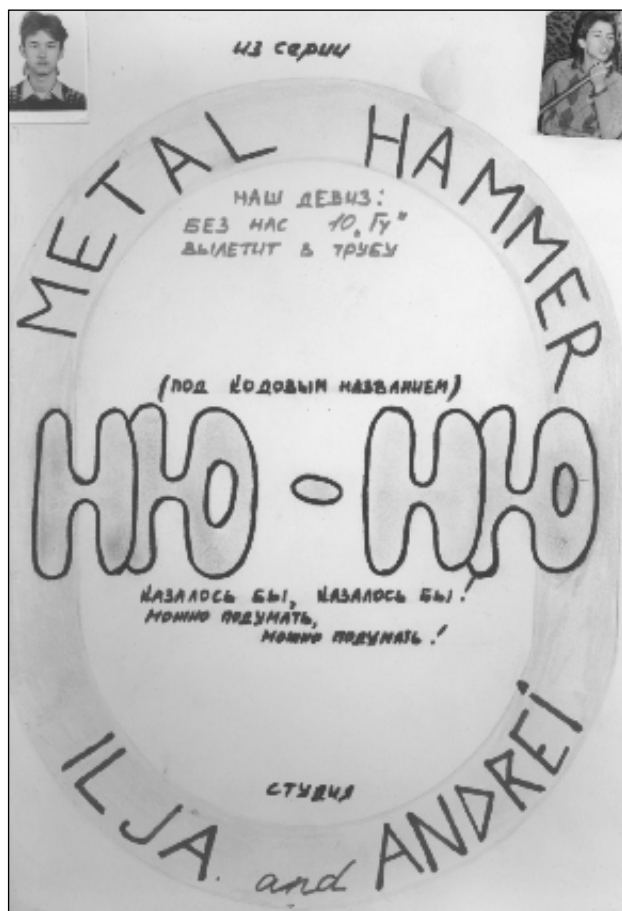

Владимир Соломонович Библер у себя дома, за письменным столом

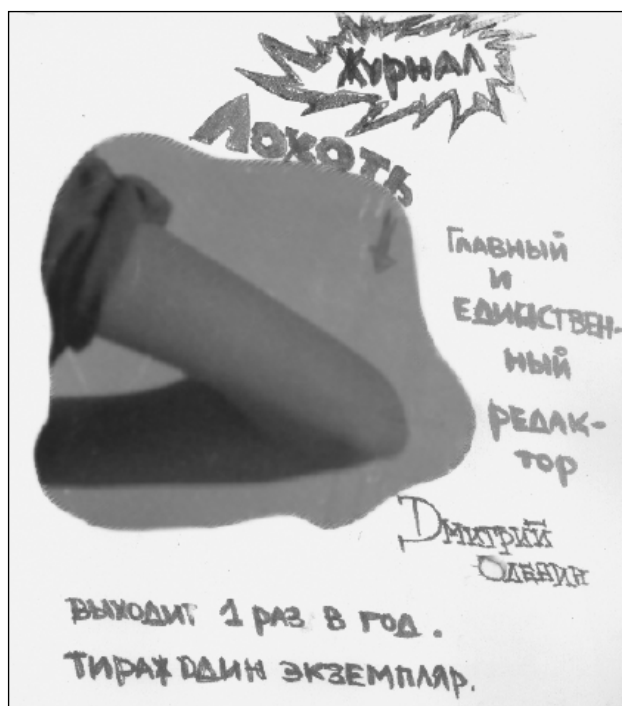
кропал «Стихи и прозы». Дима Оленин выпускал журнал «Локоть» (перебранка «Локтя» и «Ню-ню» распространяла волны васильково-веселой вольности по всему классу), а Митя Парсаданян — «Фотокорки» (фото + корки), где ядовито комментировал происходящие события.

И вот эта атмосфера непрестанных обсуждений и споров, с постоянной пробой «на зубок» идей и рассуждений, поглотила нас. (Мне бы хотелось обнаружить развитие тех своих усилий, но время еще не перевело стрелок и не легло у моих ног — рано.)

Коллоквиум стал пограничной полосой и событием номер один нашей жизни, его ждали с волнением, как «минуты верного свиданья». Проходил он в форме «круглого стола». Кафедра предоставлялась автору сочинения. Подразумевалось, что аудитория уже подробно ознакомилась с опусом, со всеми его нюансами и деталями. Работы по литературе представлялись очень разные и по темам, и по жанрам, и по подходам: философские, теоретические, историко-психологические, социальные, формальные, структуралистские, семантически-лингвистические. Автор кратко представлял свой «несущий замысел» и, если хотел, знакомил слушателей с деталями, заветными мыслями и своими «тайными сюжетами» (Мельников на уроках утверждал, что *каждый* текст имеет свой

Перебранка «Локтя» и «Ню-ню» распространяла волны васильково-веселой вольности по всему классу

Дима Оленин и Илья Вольский, «знаменитые издатели», стали главными фигурами жизни класса. Через четыре года после окончания лицея Илюша трагически погиб, а Дима, успешно отучившись в Бауманке, работает теперь по «компьютерной части»

тайный сюжет), но мог не открывать эту завесу, и тогда аудитория постепенно «вытаскивала» из автора идею. Подразумевалось, что разговор ведется не просто между активными собеседниками, но и между читателями (из словаря не наших синонимов — читать: прочитывать-проглатывать-просматривать-пробегать-угадывать). Вступительное слово автора заканчивалось его ответом на замечания рецензентов.

Засим шли вопросы, и начиналось обсуждение, и длилось оно столько, сколько мы удерживали и выдерживали тему.

Разбиралось само сочинение — то, как оно написано: стиль, структура, приемы организации текста. Досконально, иногда по абзацам, по фразам, по всем уровням — от грамматического до логического. Рассматривались идеи, основания, соответствия, аргументация, противоречия. Извлекались проблемы, контексты, подтексты, надтексты.

Обговаривались «попутные» вопросы, высказывались развивающие (опровергающие, «двигающие», углубляющие, дополняющие) мысли, предположения, суждения. Особенно во всем этот был силен Библер.

По свидетельству лицейстов первого и второго выпуска, коллоквиум являлся сердцем их учебного пути. Некоторые выпускники до сих пор «заражены» проблематикой, «полученной» в лицее, и исследовательские сочинения, написанные в пору ученичества, считают решающими для своих «взрослых» интересов.

В перерывах между обсуждениями, в коридоре, в буфете опять начинались дебаты, продолжались споры. И, конечно же, коллоквиум не кончался своим последним словом, а продолжался много после —

в мыслях, обидах, разговорах, в написании новых сочинений, в доработке старых.

...Я смотрела на это все и не понимала: как же так? это все устроила я? А ведь я только хотела, чтобы мне самой было интересно, я только делала то, что мне самой нравилось и было по сердцу — ничего более, — а теперь это так все забурлило, зажило своей жизнью. Странно...

*abi in pace*¹³

Первый коллоквиум проходил в довольно-таки драматической ситуации, о которой дети и не подозревали. Редюхин уже ушел, М.Р. еще не пришел, и в школе был «промежуточный» директор по прозвищу Таракан. В ту пору впервые были введены так называемые «свободные» экзамены, и мой 7ГУ дружно к ним готовился.

Библеровская группа уже отрецензировала детские сочинения, авторы в который раз доработали их, и все ждали коллоквиума. Вдруг меня вызывает Таракан. «Что за самостоятельность? — бросает он мне. — Какие еще творческие работы? Как Вы докажете, что они не списаны?» Такого поворота я не ждала — в нашей заброшенной Богом школе таким давно никто не интересовался. «Я буду задавать вопросы», — спокойно ответила я. И вдруг Таракан, подобно антигерою мыльной оперы, как стукнул кулаком по столу, как подпрыгнул, как закричал: «А я сейчас пойду к вашим деткам и расскажу, как я буду принимать этот, так сказать, творческий экзамен! И гарантирую — ни один из них! никогда! ни разу в жизни! ни одной творческой работы больше не напишет!» — У меня внутри все задрожало. И засигналила ноющая точка в груди. «Не надо, — попросила я. — У них хорошие сочинения...» «Хорошие сочинения? — взвизгнул Таракан. — Это что за темы такие дикие??? — И начал читать список: «О том, что “неглавное” в сказках Пушкина», — вы хотите сказать, что у Пушкина были ошибки? Измываться над поэтом? «Два мира Оскара Уайльда», — а это что? Гробокопание какое-нибудь — «два мира»?!! «Без названия (последняя лекция Аристотеля)» — без какого такого названия? Причем тут Аристотель и русская литература? КТО ТАКИЕ ТЕМЫ ДАВАЛ?! Я вас спрашиваю!!!» «Некоторые — я. Некоторые — они сами...» — «Вранье! Все списано! Дети не могут сочинить этой дикости! Запрещаю проводить экзамен! Все будут отвечать по билетам! Государственным!»

Таракан швырнул ручку в сторону и гигантскими прыжками понесся в мой класс. Я слышала, как громыхнула за ним дверь. Следуя за ним, я остановилась у подоконника подле кабинета, куда ворвался Таракан. Я абсолютно растерялась и не знала, как мне поступить в этой ситуации. Отменить коллоквиум? Невозможно! Это все равно, что отменить рождение (я себя чувствовала родовспомогательницей, которую не пускают к месту события в самый решающий момент). В то же время: не бросаться же мне в класс за Тараканом? Как объяснить детям его ярость? Что он говорит им? Что они ему отвечают? А вдруг он потребует отдать все сочинения и порвет их в запале? Я застыла, как соляной столб.

Через минуту дверь распахнулась, Таракан вышел. Увидел меня. Наши глаза встретились. Он хотел было что-то сказать, но тут петли вновь закрипели, и в проем высунулась физиономия Вольского. Следуя моде сезона, мой бедовый отпрыск накануне выкрасил волосы чуть ли не во все цвета радуги, на носу у него, в самом удобном месте, торчал одинокий, большой, ярко-оранжевый прыщ, а одето дитя мое было в пограничную форму гигантского размера. Таракан

¹³ «Иди с миром» (лат.) — слова отходной молитвы в католическом религиозном обряде. Любовь умирает вопреки священнику и брачному обету; и не раз мне думалось, что должно бы ввести на нее заупокойную службу и собогослужение, и abi in pace. Уильям Теккерей. История Генри Эсмонда. — М., 1959. — С. 135.

машинально оглянулся и, постояв немного, махнул рукой и побрел к лестнице. (Как это у Пушкина — «словно вол, ужаленный змеею».) Вольский доверчиво обратил на меня лицо и, прочистив горло, спросил голубиным шепотом: «А чё эт он?»

Не знаю, что произошло за эти несколько минут в классе, но Таракан (и в этом поступке будет несправедливо усмотреть недостаток темперамента) почему-то решил отказаться от своего меморандума.

И коллоквиум состоялся. Да еще какой! (Учитывая, что я имела маниакальную привычку записывать стенограммы — готова, в подтверждение своих слов, предоставить все записи обсуждений и все сочинения.)

Сейчас я изредка встречаю Таракана на совещаниях директоров, он приветливо машет мне рукой, расплываясь в улыбке. И я на него зла не держу. По крайней мере он вел себя искренне, не собирал месткомов, парткомов и Вольского не выгнал из школы за боевую раскраску. Розанов писал, что в речи, в словах русский человек гораздо хуже, чем он есть в сердце своем. Верно сказано.

И все-таки. Возможно, все началось именно тогда.

Мне хотелось бы задержать перед глазами несколько картин. На одной — Т.В. в густом адреналиновом облаке, все еще властвуя над моим сердцем, требует от сочинений моих детей нравственных разборов и моральных признаков. На другой — она же, лицом к окну, спиной ко мне, затрудненное дыхание, беспокойство пальцев: «мы отвечаем за вашу программу...», — а сердце мое уже туго спеленуто. На следующей — несостоявшийся крестовый поход Таракана.

И вот картина последняя. Коллоквиум. Библер. Дети. Сережа Мельников говорит, путается, записывает пауза. Никто его не торопит, не гонит. Он опять начинает, опять путается, вновь пробует и сам справляется со своим затруднением. В.С. слушает: рука мнет подбородок, внимательный прищур глаз, кивок, кивок, короткая запись на листе бумаги, лицо запрокидывается вверх. Сердце мое бьется тревожно и весело.

Библера должен был нарисовать Модильяни — только ему дался бы этот силуэт: и ускользающий профиль, и сочетание с Соломоном. (Впервые я увидела Библера на Кропоткинской улице — он шел, в берете, и энергично разговаривал с Р.Р. Синий берет, сдвинутый на ухо, навсегда романтизировал для меня его образ.)

Конечно, тогда и началось все!

Как важно мне было, что моих детей слушают! Не оценивают и «воспитывают», а именно слушают.

Не учебническо-школярское «правильно»-«неправильно» витало над классной комнатой, а «интересно», «существенно» (любимое слово Библера) и, конечно же, «проясните нам основания вашего суждения»...

И возможно, если бы не Библер, я дала бы подтешивать свои стремления, поверила бы, что во всей этой работе ничего особенного нет — так, игры и блики молодого нетерпения. Библер настраивал мою меру, подводил фундамент под воздушные замки, окрылял, ободрял, заражал оптимизмом, учил вслушиваться. И я вытряхивала неприятности, как песок из сандалий. Это был опыт прививки нашей суетливой в общем-то жизни синие-серебряных оснований философии. (*Философия: связь, снег, сети, сфера, судьба, странник, спираль незнания.*) Некоторые слова его... <...>

disjecta membra poetae¹⁴

Я всегда чувствовала самонедостаточность своего предмета (литературы) и беспомощную досаду от того, что за границами моего знания, моего предмета существует колоссальный объем того, что мне никогда не постичь. Никогда. Никогда.

Наверное, поэтому меня привлекла и взволновала Школа диалога культур Библера, книжная школа, терра инкогнита, которая если осуществится, то лет через двести.

Что я понимаю под самонедостаточностью литературы? Самый простой пример. Все читали комментарий Лотмана к «Евгению Онегину». Одна строчка (ну, к примеру, такая: «Шишков, прости: не знаю, как перевести») дает множество культурных очертаний, и без них мы просто скользим глазами по стиху и лишь влетаем эту строчку в гладкое течение пушкинской строфы. И все. (В принципе — это то, чем занимаются обычно люди, читая стихи: входят в их ритм и лад.) Без знания контекста мы читаем, *не понимая*. А вообще: нужно ли? Может ли мерцающий профиль адмирала Шишкова наполнить стих новыми вибрациями? (Мне этого всегда хотелось, зачем-то. Но школа благоразумно держится от подобного в стороне — зачем ей непонимание, раздражение, вибрации образов, разброс, которые неизбежно возникнут по пути «распутывания» смыслов и культурных наслоений.)

Или вот — Пропп о сказке: его ссылки на генеалогию, палеонтологию сказки, историю обряда, историю религий мира. Обязательны ли все эти «нагромождения», чтобы прочесть и понять сказку? Или для сказки нужна всего только сказка, и снежно-искристый вечер, и теплая Арина Родионовна? Что и кто повеле-

¹⁴ Разбросанные части поэта (*лат.*).

вают сказками? Очевидно — Герой, преодолевающий все препятствия, и Беда, уводящая его за тридевять земель, и три боя со Змеем, и Царевна, загадывающая загадки, и Падчерица, высланная злой мачехой за огнем в волшебный лес. Какое им всем дело до «исторических корней», первобытных мифов, «типологических методов» (проясняющих сказкину логику)? Ну, Баба Яга. Какая разница — почему Яга, почему костяная нога? Переживи со сказкой один вечер, испытай страх, восторг и — хватит.

Но меня это не устраивало. И не устраивает. Я ведь знаю, что за границами сказки есть то, что ее тоже делает и объясняет. И оно меня искушает своей верностью.

Школа решила, что учебный предмет закончен, расписан на вопрос-ответ-точку (а не вопрос-ответ-вопрос). Она думает о предмете как о сплошном по составу и замкнутом. В школе властвуют закон приоритета и эволюционная классификация. А те тупики и асимметрии, в которых мерцают тайны и загадки, объявляются «слишком сложными», а потому «бесполезными».

Под предлогом: «ученику этого не нужно на его уровне».

Результат: мосты и переходы между предметами невозможны, параллельные никогда не пересекутся. Иго окошечной школы распространяется все дальше и глубже. И школьный предмет, как резиновый шар на резинке, всегда вернется в те же руки.

Школа разорвала знания на группы, на предметы, на этапы. Одинокие, как учитель на уроке. Наверно, для этого существуют и причины, и необходимости. Я даже могу предположить, какие. Очень уважительные.

Но если бы не библиеровская школа, может быть, я и поддалась бы, дала себя убедить, что такая школа — стена с окошками (самое маленькое из которых самое прозрачно-светлое) — единственно возможная.

Школа Библиера целостна по сути и построена по зодческому принципу. Античность и нынешность в ней равноправны. Она находит такие возможности, в которых культура, например античности, может быть понятна не как последовательная, а как единая, и в ней одновременно живут и страдают и античная история, и математика, и механика. И трагедия, и натурфилософия, и мифология. Все вместе они образуют смыслы и ветры античной эпохи для школьника нынешнего столетия. Спор атомистов и пифагорейцев, пронизывающий всю культуру античности, «точка акме»; идея Рока; хаоса и космоса; «фигурное число» древних греков... — эхо этой феноменальной культурной эпохи пробивается в ШДК «через текст» и подается как глубочайшая проблема, вопрос вопросов.

Ни наш лицей и ни любая другая школа не готовы к тому, чтобы воплотить эту гениальную метафору.

Была попытка осуществить ее в Красноярске, в классе Сергея Курганова, донжуана познания. Десять лет... <...>

*currente calamo*¹⁵

Между тем урок литературы оказался как бы в центре той жизни, которая происходила вокруг и внутри класса. (При этом часть уроков я вообще лишь сидела и слушала — такое впечатление, что дети вели уроки сами. По крайней мере такая картина восстанавливается по стенограммам, которые делались, начиная с 1987 года, поначалу фрагментарно, выборочно, затем систематически.) Я присутствовала на них как заинтересованный слушатель и критик суждений. Иногда провоцировала «драчки» — сталкивала мнения, задавала вопросы.

Кроме того, в результате постоянных письменных перепалок (журналы, «перекрестные» сочинения) в нашем классе образовались своеобразные «литературные» сообщества, малые группы, проводящие как бы свои «подходы» в работе с литературными произведениями. Среди них были группа философов (Олег Батлук, Сергей Мельников), формалистов (Наташа Солдатенкова, Таня Кашаева), «теоретиков творчества» (Олег Гисин), «литературных психологов» (Сергей Кобзев), «классификаторов» (Юля Наумова, Оксана Демченко), «структуралистов» (Ольга Нечаева, Петр Суворов). Постепенно эти группки окрепли и на уроках активно пикировались. Были такие занятия, на которых я и слова вставлять не успевала, даже домашнее задание, логика которого плавно вытекала из урока, ребята распределяли самостоятельно. *Эти дети учили себя сами.*

Еще — у них была особая страсть к глобальным проблемам, «проклятым» вопросам.

...Мы обсуждали, почему и каким образом произведения искусства, в том числе словесного, обладают способностью создавать для нас иллюзию реальности. С легкой руки Мельникова пытались объяснить (и только путались) причины перемены власти жанров и изменения методов литературного исследования. Мы конструировали «концепции» литературы (по Бодлеру, Мандельштаму, Пушкину, Толстому).

¹⁵ Беглым пером (лат.).

Я ничуть не сомневаюсь, как по причине скудости моего таланта, так и по причине того, что писал я почти *currente calamo*, что сочинение мое будет изобиловать тысячью погрешностей, которые дадут повод ополчиться на меня с довольно беззастенчивой критикой. Фернандо де Лисарди. Перкильо и Сарньенто.

Кабинет завораживал, согревал, в его стенах хотелось находиться и, хотя я не верю ни в какие магнетические потоки, в нем действительно была какая-то особая энергетика

Мы рассуждали на тему «Почему великих писателей так часто не понимали современники и понимали (ли?) потомки» и почему произведения, которые будут вызывать удивление в веках, при своем появлении никого не удивили, даже не показались новыми и необычными. Мы говорили о «сходстве» или о «несходстве» поэта с его стихами.

С тех пор по *вопросам* я могу распознать ученика.

* * *

Из моего беглого наброска может сложиться впечатление, что начало было ослепительным, что мы взяли штурмом решающие высоты отечественной педагогики. На самом деле из моей памяти выплывают какие-то отдельные эпизоды, и моя рука их невольно редактирует. И вообще, момент дорисовки ситуации в воображении — существенная часть события, поскольку без этого оно превращается в плоское, как бы недействительное.

На самом деле в ту пору во мне было много боли, раздражения, томления, печали. Меня постоянно сопровождало чувство, что все, что я делаю в классе, — недолеплено, фрагментарно, эклектично. Что мы бросаемся из стороны в сторону, нигде не добегая до цели. Что это не программа, а обломки, обрывки, разорванная и разметанная сеть, а все ее движения и модуляции, которые откуда-то возникают и куда-то исчезают, — все лишь блики того, что должно быть — читано, видано, пережито, понято. Это томило и изнуряло меня.

Временами меня охватывал просто ужас: ведь существуют «официальные требования», а мы, а я...

«Завтра — обязательно...» — говорила я себе, уходя с «незаконченного» урока. «Завтра — обязательно...» — говорила я и садилась за книги — раскапывать ответ на очередной вопрос с занятия. «Завтра — обязательно...» — говорила я, успокаивая в очередной раз свою тревогу тем, что мы много читаем, много говорим о том, что читаем, что дети сами притаскивают на уроки *свои* книги, что комбинации идей вырастают сами, друг из друга, а я, — я просто не нахожу силы оборвать это живое движение и не дроблю свой предмет, и постепенно на наших уроках складывается свой особый метод, у учеников образовывается вкус и возбуждается сердце. И, возможно, именно через подробности, которые так увлекали и уводили нас, узнается смысл главного... А тогда я не видела «главного», да и нельзя было его увидеть...

*condicio sine qua non*¹⁶

...Два обстоятельства сыграли решающую роль в «отпочковывании» нашего класса от школы: экстра-сенсорные способности Редюхина и отзывчивость Стаса Герна, брата моего бывшего ученика из другой школы.

Впервые идея выделиться в самостоятельное учебное заведение промелькнула у меня во время чтения статьи про офтальмолога Федорова. Меня так воспылило описание его коммунизма, что я даже хотела позвонить ему и предложить: купите класс. После девятилетки часть детей отсеется, мы доберем ваших и будем их *хорошо учить*.

Но главному королю я так и не позвонила.

Интровертированный оптимист, Стас ГERN, стал шефом нашего класса. На все нужды Стас выделял нам от своей организации (какого-то компьютерного кооператива) две тысячи рублей в месяц. Школьный час стоил два рубля, Стас платил педагогам пятнадцать.

Он помогал нам делать видеозаписи (крайний дефицит в то время — за видеотехнику тогда убивали), вручал детям подарки за интеллектуальные заслуги, оплачивал машинописные работы — и в результате заработал неприятности с налоговой инспекцией.

Он злился и краснел (помню его короткое, сквозь зубы «Да прекрати»), когда я пыталась его благодарить или описывать кому-то его заслуги. «Ты еще руки начини ломать», — сказал он мне однажды, видя как я смотрю на коробку с призами для исторического

¹⁶ Условие, без которого нет» (лат.), т. е. условие, без которого невозможно что-либо, необходимое условие.

турнира. Пра-пра-прадед Стаса был виноделом у поэта Некрасова, и фамилия Герн, если я не ошибаюсь, как-то связана с этим ремеслом. А может, я путаю.

Дело было сделано, вспять уже его не повернуть: класс учился в своем ритме, жил своей жизнью, созревало «государство в государстве».

* * *

Словом, было время и был случай. И так получилось. Неспециально, без всяких педагогических целеполаганий, строгих замыслов и великих принципов.

И все эти «формы деятельности», идеи, придумки были сообразны *тому* моменту, *той* ситуации, *тем* детям. И возникли — в результате, по причине, или вопреки, или благодаря чему-то. Просто мы так учились, так жили — потому что так было интересно, и семена падали на благоприятную почву, и давали всходы.

* * *

...Редюхин любил распространять слухи о своих экстрасенсорных способностях. Придет к нему ребенок отпрашиваться: «Зуб болит. Отпустите с уроков». Редюхин над ним пассы сделает, и тот вынужденно признается: «Все прошло».

Однажды после уроков мы с мальчиками репетировали в кабинете шуточный концерт-сюрприз к празднику 8 Марта. Вдруг дверь распахивается, и в класс входят энергичные бабушки, не менее 15 человек. С ними молодой человек — худой, как выгнутый парус, похожий на Черного Ангела из стихотворения Мандельштама. Самая пронзительная бабушка обратилась ко мне: «Девочка, уходите отсюда. И вы, мальчики, до свидания». Но потом я вернулась в класс, за тетрадь. И странная картина предстала перед моим взором: сидят бабушки — все на краю стульев, все вокруг Черного Ангела — и покачиваются — тихо-тихо, с закрытыми глазами. Жуть. Потом оказалось они «энергию» из космоса качали. Их Редюхин нанял, поскольку в школе потолки рухнули: «Подпитка из космоса нужна».

Смех смехом, но волей судьбы я этот самый кабинет через год с большими сложностями «купила» у преподавателя математики Лазарева за 50 рублей. Нам был нужен свой остров. И он был завоеван и сыграл исключительнейшую роль в судьбе нашего класса. Бабушки и Черный Ангел старались не зря. Детей из кабинета было не вытащить. Кабинет завораживал, согревал, в его стенах хотелось находиться и, хотя я не верю ни в какие магнетические потоки, в нем действительно была какая-то особая энергетика. Главное, он был большим. В нем обнаружилось много

пространств для кулуаров и уединенных занятий. Кабинет притягивал и взрослых: войдя к нам однажды, они оставались с нами. Он играл роль «садов лица» — это была наша страна, мы ухаживали за ней, жили в ней, и у каждого была своя территория.

...Чуть левее входа, у стены, стоял спасенный с помойки старый книжный шкаф светлого дерева, образца 50-х годов. За стеклом — Августин, Фома Аквинский, «Салическая правда», томики «серебряного» века, Аристотель, классика. Ключ от шкафа хранился в моем столе, и это знали все. Тремя шагами далее стоял широкий стол, подаренный мне за личные дипломатические заслуги школьным поваром-мизантропом Андреем Скотининым (фамилия не настоящая, а подаренная каким-то благодарным гурманом). За столом собирался литературный семинар.

В противоположной стороне класса на водном подносе располагался самовар с чашками, там же проходили импровизированные чайные собрания, с жаркими обсуждениями и заносчивыми спорами.

По диагонали, на первых партах левого ряда, под ироничным патронажем старосты класса (в народе его называли Каневский Саш, лицейский вобл) шли после обеда шахматные баталии.

На первых партах правого фланга была «территория латыни», в ней царили самые тихие и строгие девочки и Мельников.

Подоконник рядом освоил Вольский. Томик Шекспира напоминал мне в его отсутствие о том, как Илоша «надул» меня во время «гамлетовского» урока.

Откуда взялось в этом кабинете старое пианино — не помню, но пространственную энергетику инструмент поддерживал, это точно.

Парты стояли не совсем рядами, а как бы вразброс, что создавало ощущение малых территорий, особенно на перемене.

И, наконец, — мой стол. Он чуть возвышался над миром, так как находился на небольшом подиуме. Стол был огромным, на нем, наверно, можно было спать. Ящики стола неизменно привлекали некоторых любопытных учеников — существуют даже мифы, связанные с освоением содержимого. (Но об этих сюжетах пусть напишет Марат Воронцов, который и является их хранителем.) <...>

И вот, после своего десятого учебного года (в 1991 году) наш класс, покинув школу, стал 11 классом Московского культурологического лицея. Марк Романович, уже год как заменивший на боевом посту Редюхина, нас благословил...

Продолжение обещано
Электронный адрес автора:
tb@lgo.ru

Человек был очень высоким – не меньше двух кубических метров!
Он вытер слезы, закинул за плечо и пошел домой.
За кустом белело что-то синее.

Рубрика «Посмеемся вместе»
Газета «Веселая радуга», Пермь

Не трогай, это библиотечественная книга!
Судя по звонку, звонка еще не было.

Рубрика «Без комментариев»
Журнал «Недоросль», Великий Новгород

Моя мама работает почтальоном. За десять минут она разносит четыре подъезда.
Мать водила Прокла в баню и обдавала кипятком.
Онегин не только сам отказался вступить в законный брак с Татьяной, но и лишил
Ленского этого удовольствия в отношении Ольги.

Чудушка Головлев был продуктом своего времени.

Терасим поставил на пол блюдечко с молоком и стал тыкать в него мордочкой.

Рубрика «Из школьных сочинений»
Газета «Солнышко», Вятские Поляны

Слово – не воробей?

(из афористических, «перловых» рубрик)

Красная рыба – это живая география. Ловится в Охотском море...
Все лишнее – детям!

Рубрика «Приколы из школы»
Газета «Горностай», Новосибирск

ЧПлатона был лоб Сократа, а глаза – мамыны.
Онегин хотел уйти по-английски, но вдруг вспомнил, что в детстве учил французский.

Рубрика «Развлечения»
Газета «Новое поколение», Москва

Архангельск поразил меня отсутствием людей, на улицах лишь встретились несколько прохожих.

Газета «Лучик», Вологда

Не надо делать удивленных движений руками.
Чертёж надо делать крупным, аккуратным карандашом.
Чстальные морщинки глаз.

Рубрика «Весело живем»
Газета «Антеннище», Прокопьевск

Он пришел в литературу из глубинки России, захватив в себе всю эту глубину.
Теперь Ионыча преследует лишь одна цель: он непременно хочет повысить
свой рейтинг не только в своих глазах...

Рубрика «Переменка»
Газета «Зеркало», Альметьевск

...Как только ты хочешь объяснить другим то, что очевидно тебе, возникают неисчислимые трудности. Выводы, казавшиеся неоспоримыми, уже таковыми не представляются; вдруг пропадают связи и последовательность, и возникает необходимость заполнять образовавшиеся пробелы, о которых ты раньше и не подозревал...

Жан Пиаже

У меня новая проблема. Как быть, если люди вдруг начнут расти?

Следует их укоротить или создать для них новый мир?

Станислав Ежи Лец

ЗАЧЕМ УЧИТЬСЯ?

Как четверо взрослых отвечали, но так и не ответили на вопрос одного веселого ученика

Почти каждый месяц в нашей редакции проходят заседания дискуссионного клуба «Рассуждансы».

Мы собираемся и обсуждаем всякие каверзные (насуточные, отвлеченные) проблемы.

Заседания эти обычно проходят бурно, страсти кипят. А бывает наоборот: разговор идет спокойно, и тема все обрастает и обрастает новыми вопросами, как бы ускользая от нас и наших «рассуждансов».

Все простые (они же — вечные) вопросы просты лишь с первого взгляда.

Попробуйте всерьез ответить: Что такое любовь? Как стать счастливым? В чем смысл жизни?

Зачем учиться? — этот вопрос поначалу казался участникам разговора таким легким!

Но тут же обнаружилось «второе дно»: слово «учиться» все понимают по-разному, единого мнения не имеют даже педагоги, не то что ученики.

И тогда мы решили разыграть «типичную учительскую ситуацию»...

В первой части дискуссии завуч московской школы № 1962 **Наталья Кручинина** задала генеральную линию обсуждения. Как ответить ученику, спрашивающему учителя «Зачем учиться?»

А действительно, зачем? К чему физика и химия, если ученик собирается стать танцором? Физкультура да музыка, если он пойдет в бухгалтер? И мы начинаем выкручиваться: «человек учится всю сознательную жизнь», «математика нужна для развития логического мышления», «литература — для развития души». А ученик нам отвечает, что у него и с душой, и с логикой все в порядке. И приводит в пример Пушкина, который математику терпеть не мог!

Разгорелся спор: одни считали, что детям надо последовательно объяснять ценности непрагматического знания («человек — это не чемодан, набитый информацией», «учиться — непрерывно

совершенствовать себя»), другие предлагали провести ревизию педагогических воззрений по теме дискуссии, третьи считали, что ученики, задающие подобные вопросы, прикрываются словами, а на самом деле они просто лентяи.

И тогда ведущий предложил: пусть кто-нибудь попробует сыграть ребенка, задающего вопрос «Зачем учиться?», а кто-то — отвечающего взрослого.

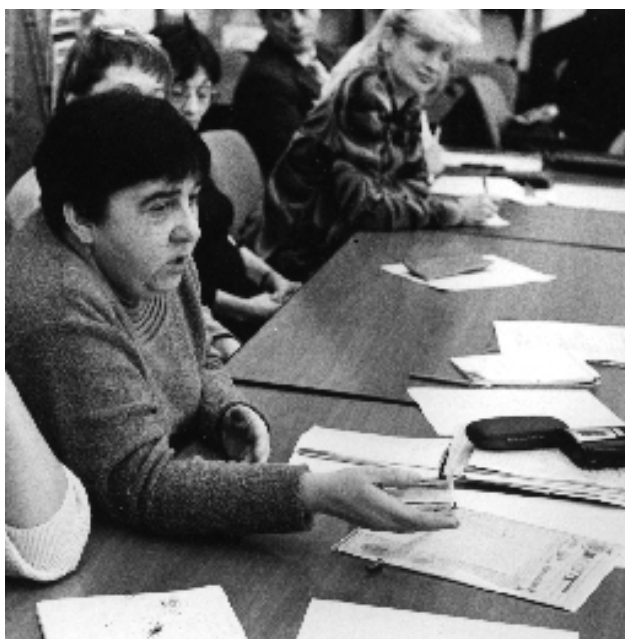
ЧЕТВЕРО МУДРЕЦОВ НА ОДНОГО ПРОСТАКА

Татьяна Баева (г. Братск): Давайте. Я — ребенок. И я не хочу учиться. Что вы мне на это скажете?

«**Взрослый № 1**» (**Сергей Штильман**, учитель литературы, Европейская гимназия, г. Москва): Вот что я тебе скажу! Таня! Есть пословица: «Умный учится на чужих ошибках, дурак — на своих».

Пусть кто-нибудь попробует сыграть ребенка, а кто-то – взрослого

Татьяна Баева: «Давайте я сыграю ребенка, и задам вам вопрос «Зачем учиться?»»

Представь себе: ты идешь по дорожке, а впереди – капкан. И об этом капкане – в одной книжке тебя предупреждали, в другой, в третьей... (начинает говорить назидательно и проникновенно). Учеба, Таня, – это приобщение к общему планетарному жизненному опыту. Если его не учить, будешь набивать шишки, которые миллион лет назад наши далекие предки уже набивали.

«Ребенок» (отвечает, подражая тону учителя): Да я всю жизнь в синяках и шишках, и ничего! Я лучше в шишках похожу, чем «Войну и мир» читать буду!

«Взрослый № 1»: Дело в том, Таня, что ты идешь либо вперед, либо назад – стоячего положения не бывает. Если тебя устраивает роль вечного отстающего – на здоровье! А если нет – нужно учиться.

«Ребенок»: Сергей Леонидович, я Вас не понимаю: тройки мне все равно поставят, школу я закончу. Папанька деньги заплатит, в институте я буду, диплом получу. Место мне обеспечено. Но учиться – то мне зачем?

«Взрослый № 1»: А затем, Таня, тебе надо учиться, что иначе из тебя получится тот самый «лишний человек», о котором классики писали в XIX веке. Зубчик жизни тебя не захватит, вся машина будет работать вхолостую, станешь аутсайдером!

«Ребенок»: Да Вы что! Аутсайдеры – это «ботаники» как раз. А меня – то все любят. Не, я – не аутсайдер.

«Взрослый № 1» (качает головой, сетует, теребя тетрадку): Опять же, Таня, кто любит? Если пока тебе довольно коллектива таких людей, которые до пяти с ошибками считают – ради Бога, но что потом? А если потом ты захочешь подняться на ступеньку выше? И окажется, что знаний у тебя маловато...

«Ребенок»: Да когда это еще будет! Сейчас – то мне зачем на это время тратить?

Ведущий: Кто хочет еще взрослым побыть?

«Взрослый № 2» (Наталья Кручинина): Таня! (Складывает руки «домиком».) Может, я не права. Я так поняла, ты не знаешь, зачем учиться, потому что тебе и так хорошо...

«Ребенок»: Да нет. Я, может, начну учиться. Объясните только: зачем?

«Взрослый № 2»: Я поняла, что на данном этапе, Таня, тебя все устраивает. Тройки...

«Ребенок» (перебивает): Да у меня и четверки есть!

«Взрослый № 2» (не «перебивается»): ...тебя вполне устраивает твой данный уровень, и дальше ты двигаться не хочешь...

«Ребенок»: Переубедите – буду двигаться!

«Взрослый № 2» (не реагирует на Танины слова, продолжает развивать свою мысль): ...или хочешь, но не знаешь, зачем...

«Ребенок»: Да, не знаю!

«Взрослый № 2»: Хорошо, я попробую объяснить. С точки зрения учительницы географии...

Елена Веселова («взрослый № 3»):
«А какую тебе музыку, Танечка, нравится слушать?»

(делает паузу). Ты знаешь (говорит с волнением, краснеет), сегодня Америка, Япония и европейские страны существуют вполне благополучно, в то время как в Африке, Таня, там – множество проблем. Почему?

«Ребенок»: Почему?

«Взрослый № 2»: Там тепло, хорошо, а люди живут в хижинах, умирают от голода. Почему?

«Ребенок» (некоторое время смотрит на учительницу с искренним сочувствием): Слушайте, Наталья Геннадьевна, ну какая мне разница! Это все от меня так далеко... У них проблемы – пусть они и думают. Рядом со мной никто не умирает, все живы и здоровы.

Ведущий: Взрослые! Объясните, наконец, ребенку, зачем ему учиться?

«Взрослый № 3» (Елена Веселова, редактор школьной газеты, г. Самара) (говорит, подложив руку под щеку, доброжелательно и расположительно): Танечка, а что тебе нравится?

«Ребенок» (с готовностью): Тусоваться, музыку слушать. В кино ходить.

«Взрослый № 3»: А какую тебе музыку, Танечка, нравится слушать?

«Ребенок»: Всякую. Даже классику! Мне нравится Франсис Пуленк¹.

«Взрослый № 3»: Вот видишь, Танечка, для того чтобы мы с тобой на равных пообщались, чтобы тебе, Танечка, со мною было интересно, я должна сначала узнать про Пуленка. А я не знаю и в твоих глазах уже проигрываю.

«Ребенок»: Так кому тогда надо учиться?
(Смех.)

«Взрослый № 3» (не смущаясь, снисходительно смотрит на ершистую Танечку): Мне, мне надо учиться, Танечка...

«Ребенок»: Вам! А мне что за чем?
(Смех.)

«Взрослый № 3»: Хорошо. Танечка, а какое кино тебе нравится?

«Ребенок»: «День Сурка».

«Взрослый № 3»: А Бергмана ты знаешь?

«Ребенок»: Да.

«Взрослый № 3»: И что тебе нравится у Бергмана?²

«Ребенок»: Не нравится мне Бергман. Отстой!

«Взрослый № 3» (удивленно): Отстой? Почему отстой?

«Ребенок»: Отстой и все.

«Взрослый № 3»: Но ты смотрела Бергмана, значит, ты училась! Чтобы понимать что-то, ты должна сначала узнать это что-то! Да, Танечка?

(Таня, нахмурившись, смотрит на учительницу.)

«Ребенок»: Бергман у нас никому не нравится.

«Взрослый № 3»: Но ты его смотрела! Значит – училась!

«Ребенок» (с досадой): Ну, не нравится он мне!

«Взрослый № 3»: Но ведь ты...

«Ребенок» (махнув рукой): Ладно, Бергмана посмотрю, а зачем мне «Войну и мир» читать?

«Взрослый № 3»: А ты ее читала вообще-то, открывала?

«Ребенок» (кисло): Да, в кратком изложении.
(Смех.)

Ведущий: Коллеги, а задачка-то оказалась непростая! Кто еще попробует переубедить Таню?

«Взрослый № 1» (не выдержав, вступает в разговор «без очереди»): Ты родителей своих любишь?

«Ребенок» (оторопев): Люблю.

«Взрослый № 1» (напористо): Но ты же их не ценишь, не бережешь! Они надрываются...

¹ Пуленк (Пуланк) (Poulenc) Франсис (1899–1963), французский композитор, пианист. Лирико-психологическая моноопера (для одного исполнителя) «Человеческий голос» (по пьесе Ж. Кокто, 1958), патриотическая кантата «Лик человеческий» (слова П. Элюара), романсы и др.

² Бергман (Bergman) Ингмар (р. 1918), шведский кинорежиссер. Фильмы: «Вечер шутов» (1953), «Седьмая печать» (1957), «Земляничная поляна» (1957), «Лицо» (1958), «Молчание» (1963), «Осенняя соната» (1978), «Фанни и Александр» (1983) и др. Развивает тему трагического одиночества человека в современном обществе.

«Ребенок»: Ни шиша они не надрываются!
(Смех.)

«Взрослый № 1»: Через пару лет выйдешь замуж, родятся дети. Чем будешь кормить?

«Ребенок»: А папа, мама зачем? Они на рынке работают, прокормят.

Сергей Штильман («взрослый № 1»): «Через пару лет выйдешь замуж, родятся дети. Чем будешь кормить?»

«Взрослый № 1»: Они не вечны. Они умирают, спроси у соседа.

«Ребенок» (опять оторопев): Но не скоро ведь.

«Взрослый № 1»: Все! Достаточно развит ребенок, он уже идет ноздря в ноздю со своими родителями, он будет прекрасно устроен на рынке! Он у нас «тусуется» нормально. Не будем тратить на него времени.

Татьяна Баева (выходя из образа): Но таких детей много! Как это «не будем тратить на них времени»?!

Ведущий: Хорошо. Последняя попытка.

«Взрослый № 4» (ведущий): Танечка, а как ты сама считаешь, что такое «учиться»?

«Ребенок»: Сидеть... долбить... делать не то, что хочешь, а то, что заставляют.

«Взрослый № 4»: А что ты делаешь, когда тебя не заставляют?

«Ребенок»: Марки собираю: флора и фауна.

«Взрослый № 4»: Биология тебя интересует или просто марки?

«Ребенок»: Марки.

«Взрослый № 4»: А почему флора и фауна?

«Ребенок»: Животных люблю.

«Взрослый № 4»: У тебя есть животные?

«Ребенок»: Да, собака.

«Взрослый № 4»: Как зовут?

«Ребенок»: Аладдин.

«Взрослый № 1» (вновь неожиданно вторгается в разговор): А ты хоть знаешь названия растений, которые изображены на марках?

«Ребенок»: Знаю. Это же интересно.

«Взрослый № 1» (с чувством): А это – учеба?!!

«Ребенок» (с чувством): Нет! Это – удовольствие!

ПЛАТОНЫ АРИСТОТЕЛЕВИЧИ

Ведущий: Татьяна Баева была очень убедительна в роли дерзкого и неглупого подростка, с которым так и не сумели справиться опытные педагоги. Давайте проанализируем наш разговор и попробуем понять причины учительского фиаско.

Елена Веселова: Мы говорили на разных языках. Мы пытались разговаривать с ребенком языком научно-методических пособий. Неудивительно, что он нас не услышал.

Татьяна Пантюхова (руководитель справочно-информационного центра Лицея № 28, г. Нижний Новгород): Почему-то мы сразу поставили себе цель во что бы то ни стало переубедить ребенка. Мы даже не задумались: а может, его вполне устраивает его жизнь и то, чем мы его пытались напугать, ему вовсе не страшно?

Наталья Кручинина: Мы можем признать свои ошибки, но как выйти из этой ситуации? Ребенок задал вопрос, а мы так и не ответили...

Алла Черноротая (директор Гимназии № 139, г. Омск): Почему не ответили? А вы помните, Таню спросили: «Чем ты любишь заниматься?» – «Собирать марки». – У ребенка есть занятие по душе, есть интерес, за который можно зацепиться. Любой учитель должен увидеть здесь поле для педагогической работы.

Наталья Кручинина (качает головой): Педагогическая работа – длительный процесс. А ребенок хочет получить ответ сейчас. Не через неделю, месяц или год, когда мы отчитаемся о своей работе, а здесь и теперь!

Юрий Невев (журнал «Лицейское и гимназическое образование», г. Москва): Я вот что скажу. Мы так выступали, будто мы все Платоны и Аристотели, будто мы все такие умные. Знаете, когда человек может ответить на такой вопрос? Когда он сам себе на него отвечает!

А ЭТО ВСЕ О НАС

Ведущий: Коллеги, поднимите, пожалуйста, руку – кто из вас был в детстве примерным учеником, кто никогда не задавался вопросом «зачем мне это надо?», не отказывался от математики,

любил литературу, добросовестно все учил про членистоногих, про степень с натуральными показателями, про компоненты географической оболочки, зубрил склонения прилагательных, механические колебания и волны, ну и так далее, до бесконечности. Кто из нас, сидящих в этом зале, в детстве был таким, какой мы хотим, чтобы стала наша Таня?

Поднимают руки два человека – **Юрий Ненев** и **Светлана Логвиненко** (всего в аудитории 29 человек – примерно как в школьном классе).

Ведущий: Вот так соотношение – два из тридцати. И это – будущие педагоги? Давайте-ка спросим себя: зачем учились мы? Но не вообще учились, а в школе. Или даже так: чему каждого из нас в свое время научила школа нашего детства? С каким багажом каждый из нас ушел из нее?

Наталья Кручинина: Я, быть может, шокирую всех, но мне пригодилась работа в пионерской организации, меня там научили общаться с людьми.

Светлана Климова (школа № 1962, г. Москва): Из школы ну что пригодилось? Помимо знания литературы, ставшей моей профессией, пригодилось, как методисты говорят, общеучебные навыки: как пользоваться учебниками, справочниками. Умение конспектировать.

Сергей Штильман: А мне две вещи пригодилось: я понял на примере своей учительницы литературы, как не надо преподавать литературу, я так и преподаю, от обратного. Второе – у нас был учитель физики, который так умел общаться с детьми, что каждая сказанная им фраза запоминалась.

Юрий Ненев: У меня от школы остались только общие впечатления, а не конкретные знания, хотя я был примерным учеником и всегда выполнял домашние задания. А «пригодилось» мне общение с педагогами, это были представители старого поколения, преподавшие мне важный жизненный урок. И еще сыграли роль конкурсы и олимпиады, в которых я, будучи школьником, участвовал. Это привило мне волю к победе, такую способность побеждать. Я по жизни теперь так и иду.

Сергей Штильман: Вспомнил! Я в школе научился отказываться от ненужного! Я сумел аргументировать довольно рано и резко, что мне не нужна математика. И неужели я плохой был ученик? (*Задумывается.*) Да, я доказывал: не нужна мне геометрия, физика, а тем более химия (хотя у меня была пятерка по химии). Зато я умел писать сочинение вместо 5–6 учеников одновременно, а они мне помогали на математике, учителя это

видели, но ко мне не приставали, они поняли: этот мальчик – гуманитарий, не надо его трогать (*задумывается*). В 10-м классе у меня открылись глаза: как мои товарищи пишут сочинения! Они листали учебники, перекатывали шаблонные фразы, а я выбирал свободную тему и не представлял

Юрий Ненев («просто взрослый»): «Мы так выступали, будто мы все Платоны и Аристотели, будто мы все такие умные»

себе, как можно списывать, мне было это скучно, я на свободную тему всегда философствовал...

Елена Веселова: Я вот сижу и думаю: в принципе, когда я в школу пошла – уже читала. Считать меня могли научить и дома. Наверное, главное мое школьное приобретение (возможно, даже оно кардинально повлияло на мою жизнь) – это мой класс. Трудно даже описать словами, какая у нас была дружба, как мы друг друга понимали с полуслова! И в жизни мне эта зарядка так пригодилась! Столько раз я чувствовала «поддержку» из того времени! Это та сила, которая всегда со мной.

Марк Горовой (директор Лицея искусств, г. Норильск): Что касается меня, я учился в специализированной школе, я музыкант. Вместе с тем, всю жизнь с теплотой вспоминаю своего преподавателя Станислава Дмитриевича Мушкова – блестящий пианист, лауреат международных конкурсов. Но он своей основной задачей считал учить нас не пианизму, а литературе, языку, общению. И благодаря этому учителю, я... (*задумывается, замолкает*).

(*Тишина.*)

Литературная обработка
Татьяны Михайловой

Снова у нас педсовет.

Как всегда: кто-то опаздывает, кто-то рассеянно рисовывает блокнот. В общем-то, ничего интересного не предвидится, и мы ведем себя как... нормальные дети. И вдруг...

Директор: Коллеги! Закончился первый триместр. Перед вами – таблица, где отражены его итоги. Пожалуйста, внимательно изучите ее, а потом попробуйте решить задачу: интерпретируйте цифры, указанные в таблице, сделайте выводы, предложите какие-то решения. За ваше выступление вы получите отметку. Сразу и сейчас

УЧИТЕЛЬ ОЦЕНИВАЕТ УЧЕНИКА

Педсовет-провокация

Из непривычно короткой речи директора мы узнаем, что педсовет посвящен проблеме ОЦЕНКИ (конечно, в учительской висело об этом объявление и даже сердитый призыв приготовиться к серьезному разговору, но на объявления у нас мало кто обращает внимание). Между тем директор отмечает, что ученики у нас разные – медленные и поспешные, понятливые и тугодумы, заинтересованные и не очень.

– Но ведь и мы, педагоги, – улыбается директор, – представляем собой такую же разнородную массу: среди нас есть педантичные и демократичные, «легкие» и «трудные», занудные и веселые. И каждый, – продолжает директор, – берет на себя миссию оценивать учеников, создавать некие «мнимые числа», из которых и складываются все эти «средние баллы» и «показатели успеваемости».

ТЕНДЕНЦИИ ИЛИ НАМЕЧАЮЩИЕСЯ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Все получают на руки таблицу «Итоги первого триместра». И для сравнения – аналогичную, прошлогоднюю. Педагоги, то есть новоявленные ученики, углубляются в ее изучение, хватаются за подбородки, делают пометки. И вот – время истекло. Выясняется, что далеко не все успевают сформулировать свои выводы.

Директор: Итак! Каковы же выявленные тенденции?

Учитель биологии: Судя по результатам, количество «хорошистов» у нас увеличилось, а детей «с одной тройкой» – уменьшилось. Что означает: возрос показатель качества знаний.

Учительница МХК: И бросается в глаза «возрастной фактор». По этой таблице ясно видно: успеваемость в 7, 8 и 9-х классах несколько ниже,

Итоги первого триместра по классам

Класс	Кол-во учащихся	Успевают	Не успевают	Успевают				Не успевают			
				на «5»	на «4» и «5»	качество	с одной «3»	по 1-му предм.	по 2-м предм.	по 3-м предм.	более 3-х предм.
6	7	7 100 %	–	–	6 86 %	6 86 %	1 14 %	–	–	–	–
7	17	17 100 %	–	3 18 %	4 23 %	7 41 %	1 6 %	–	–	–	–
8	28	27 96 %	1 4 %	2 7 %	9 32 %	11 39 %	2 7 %	–	1 4 %	–	–
9	26	22 85 %	4 15 %	–	5 19 %	5 19 %	1 4 %	–	–	2 7,5 %	2 7,5 %
10	28	27 96 %	1 4 %	1 4 %	11 39 %	12 43 %	1 4 %	–	1 4 %	–	–

чем в других¹. Вывод: малышей все любят, а они хорошо учатся. Но потом подрастают, вступают в переходный возраст, учеба ухудшается. Зато к 10-му классу все снова нормализуется. Это, на мой взгляд, становится совершенно очевидным, когда смотришь в эти бумаги.

Учитель биологии: Пожалуй, я соглашусь. Здесь именно *тенденция*. Намечающаяся закономерность.

Учительница французского языка, молодой специалист: Обратите внимание! Детей с одной «тройкой» в каждом классе – всего по одному! Значит, этот показатель вообще можно ликвидировать!

Учитель биологии: Не факт! Сначала он, этот «показатель», пусть возьмет да подтвердится в следующем триместре. Вот тогда можно будет говорить о *тенденции*. А пока мы имеем лишь единичный факт. А на основании единичного факта можно делать лишь прогноз, предположение.

Учительница французского языка: Я и делаю.

Учитель биологии: Это правильно.

Учительница французского языка (учителю биологии): А вы сами какую-нибудь тенденцию обнаружили?

Учитель биологии: Обнаружил: если какие-то ученики имеют «двойки», то имеют их одновремен-

но по нескольким предметам. Вывод: это «объективная» неуспеваемость, не случайная.

Завуч: Коллеги! Я считаю: результаты нынешнего первого триместра стоят того, чтобы быть замеченными! Мы с вами хорошо знаем: обычно первый триместр дает самую низкую успеваемость в году (ведь идет «раскачка», дети еще только приноравливаются к нашим требованиям). Тем не менее, благодаря сотрудничеству между корпусом классных руководителей, учительским коллективом и администрацией мы с вами достигли неплохих результатов! Классные руководители не пропустили ни одного совещания по понедельникам! Наш коллектив в этом триместре более активен, более сплочен. И если мы потрудимся еще немного, то показатель качества знаний в нашей школе будет только повышаться!

Директор: А теперь узнаем, как нашу аналитическую работу оценил эксперт.

Выступление эксперта

Эксперт: Я могу выставить следующие оценки. **Учительница МХК** получила «пятерку», она предположила, что качество знаний объективно зависит от возрастного ценза учеников. Высказывалась конкретно, ясно, распространенными предложениями. Четко сформулировала и вытекающую проблему, молодец! **Учительница французского языка** получает «четыре балла». Она обратила внимание на детей «с одной тройкой» и даже подсказала способ, с помощью которого можно исправить ситуацию. Но чуть вяло говорила. **Учителю**

¹ В данной таблице представлены результаты успеваемости 6–10 классов. Говоря о малышах, учитель имеет в виду шестиклассников.

биологии мы ставим «четверку», потому что он выявил важный факт и даже ввел термин «объективная неуспеваемость».

Учитель биологии: Тогда почему мне «четыре»?

Эксперт: Объясню. На фоне других ответов вы говорили хоть и возбужденно, но тихо, неясно. А надо было: четко, громко.

Вот так фокус! За невнятную речь, оказывается, снимают баллы! Конечно, не обошлось без возражений.

Критика экспертизы

Учитель истории: Но вы не назвали критерии, по которым будете оценивать наши ответы! Надо было это сделать, причем с самого сначала. И потом, это же было не домашнее задание. Поэтому оценка «за вялость речи», мне кажется, не совсем корректна.

А всегда ли наши ученики четко понимают, за что им выставляется отметка? И разве не бывает ситуаций, когда ученик, отвечающий, в общем-то, правильно, но неуверенно, затянuto, с паузами, получает «четверку», а то и «тройку»?

КИРПИЧ НА ГОЛОВУ, ИЛИ НЕСТАНДАРТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

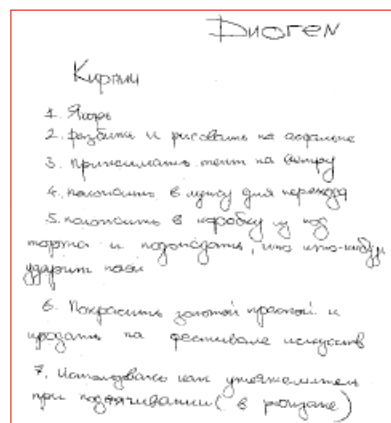
Директор достает из-под стола большой красный кирпич и водружает его на стол. Ну, может быть, мы преувеличили, – он делает это мысленно.

Директор: Приступим к следующему заданию. На листочках бумаги вы должны записать как можно больше вариантов употребления этого предмета, этого кирпича. Что можно с ним сделать? Порассуждайте. Подключите вариативное мышление. Свой листок подпишите, пожалуйста, псевдонимом и через две минуты сдайте экспертам.

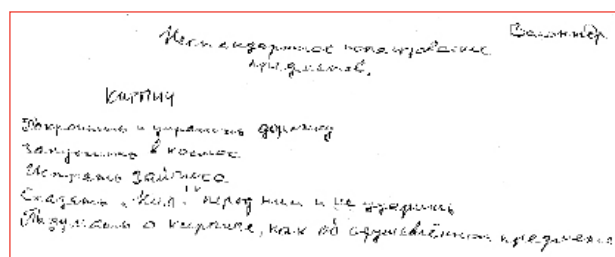
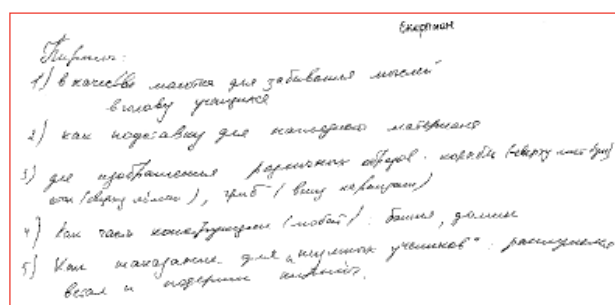
Смех смехом, но солидного вида педагоги лихорадочно принимают за работу. Четкий учительский почерк усыхает до торопливо-корявых набросков... Дзинь! – Сдайте работы! Не задерживайте! Считаю до трех: кто не сдал, – оценка снижается на балл! – Над листочками склоняются вездельные эксперты. И вот – решение готово.

Выступление эксперта

Эксперт: Игрушка для вас оказалась сложной. Преобладают традиционные ответы: стукнуть по голове, положить под кровать. Пресс, подставка,

подпорка, гантели, разного рода сиданки упоминаются в каждой второй работе. Лидер рейтинга – ответ «кирпич вам на голову». Этим ученикам – «тройка». Но есть и «хорошисты», придумавшие нечто оригинальное. Особенно порадовали практико-ориентированные советы. Так, некто Колпак представил кирпич в качестве карандаш-

ницы: просверлишь дырочки, – получается такой нужный предмет – «четверка». Точка написала: «Можно положить в духовку – для лучшей теплоемкости». Понятно, продуктивно – «4». Идея от Лили: «Тереть джинсу до модной белизны». Оригинально. Но в связи с тем, что почерк безобразный, а упомянутое трение даст скорее красноту, чем белизну, мы поставили «4 с двумя минусами». Заяц – единственный, кто подал все в виде таблицы, даже стрелочки нарисовал. Молодец! Поощрительная «5». Работу автора по имени Куку мы не оценивали: она очень грязная. Диоген: «Можно покрасить

золотом и подарить лауреату Фестиваля искусств в нашей школе». Ему «четвербан». Индеец Джо рекомендует носить кирпич на голове для выработки фигуры! Тоже «4», и маленькое замечание: так исправляется не фигура, а походка. Пожалуй, самый лучший ответ у Скорпиона: «Использовать для забивания мыслей в головы нерадивых учеников». Он же дает еще одно остроумное педагогическое применение: «Расшумелся на уроке – встань, поддержи кирпич». На «пятерку».

Критика экспертизы

Ну и галдеж начался! Хуже, чем в классе, когда учитель выйдет за дверь!

Учитель биологии: Мне кажется, я придумал очень интересное применение кирпича – пемза для пяток. Жаль, не оценили.

Учительница немецкого языка: Все-таки надо было предупредить нас о форме ответа: юмористическая? практическая?

Психолог, молодой специалист: Учитель обязан говорить о позитиве! Вынося суждение, надо про всех отмечать что-то положительное! Даже если у меня не очень хороший ответ!

Директор: Запомните эти свои «ученические» ощущения.

Учитель биологии (директору): Я думаю, Ваша затея удалась. Но не могу удержаться от замечания: как ученик, я, получая творческое задание, менее всего предполагал получить отметку. Можно зачитывать наши удачные-неудачные сентенции, разбирать их, но отметки... Не думаю, что это правильно. Я переживал за коллег, которым ставили не «5».

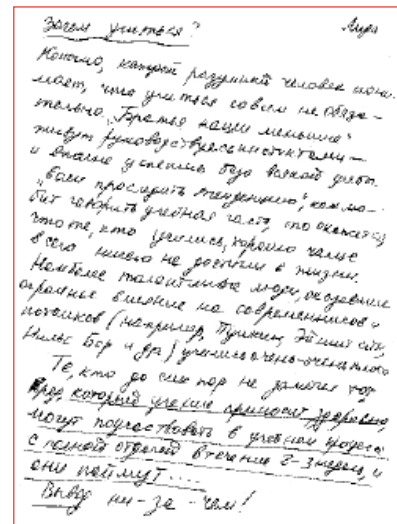
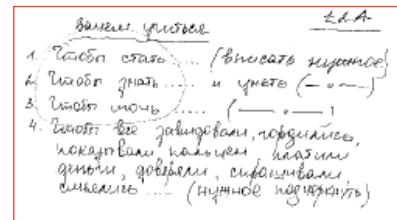
САКРАМЕНТАЛЬНОЕ «ЗАЧЕМ?»

Директор: Как раз и подошло время сентенций. Держите новые листочки и за две минуты ответьте на сакраментальный вопрос: зачем учиться? Прошу вас высказываться афористически, не забудьте подписаться псевдонимом.

Странно, но взрослым не меньше, чем детям, хочется, чтобы их похвалили. Чтобы именно их работа была замечена, выделена. Поэтому «ученики» отнеслись к заданию со всей серьезностью. Каждому хотелось написать что-то выдающееся... Но время истекло невероятно быстро.

Выступление эксперта

Эксперт: Итак, мы прочитали ваши работы. Вы просто какие-то мудрецы! Оказывается, учиться

нужно, дабы «осуществлять мечты» (Агнесса), для «познания мира в себе и себя в мире» (Колпак), «для удовольствия» (Куку и Архимед), для того, чтобы «тебе завидовали», «не показывали пальцем». В ваших ответах – большой разброс: от романтизма («стать частью Вселенной») до практицизма («заработать большие-большие деньги»), от альтруизма («приносить пользу людям») до эгоцентризма («играть в этой жизни главные, а не мелкие роли»).

Нашлись в стоге сена и иголки: оригинальные ответы. Вот, например, некто Муся, сравнивая незнающего человека со слепцом, пишет в восточном стиле: «Невидящий лишь то берет, что видящий ему дает». Ура! – и четыре балла. Другой интересный ответ: «Принудительное обучение развивает выносливость и стойкость характера, открывает человеку ценность свободного времени и свободного творчества». Это Диоген, он тоже получает «пятерку».

А вот Лида: «Конечно, каждый разумный человек понимает: учиться совсем не обязательно. Если «проследить тенденцию», как любит говорить наш уважаемый биолог, то окажется: те, кто учился хорошо, чаще всего ничего не достигли в жизни. Наиболее талантливые люди, оказавшие огромное влияние на современников и потомков (Пушкин, Эйнштейн, Нильс Бор и не только они) в школе

учились очень-очень-очень плохо. Те, кто со мной не согласен, пусть возьмут и поучаствуют в учебном процессе 2–3 недели, но с полной отдачей». Зачем, стало быть, учиться? Чтобы навредить здоровью! Ответ принимается, оценка «5». Ароматический пассаж совершает *Индеец Джо*: «Зачем? – восклицает он. – Да затем, что все так делают! Или есть шанс стать бомжем. А это холодно, голодно и грязно. А вы нюхали бомжей?» Получает высокую оценку. Не из-за «бомжей», а из-за того, что весьма точно подмечена веская причина учения – «потому что все так делают». В заключение процитирую *Синектику*: «Чтобы со знанием дела отметить ненужное». Получает «четверку с минусом».

Критика экспертизы

Учитель истории: А почему *Синектика* получила с минусом?

Эксперт: Почерк небрежный.

Учитель истории: Но у *Ку-Ку* еще хуже почерк, а оценка – выше.

Эксперт: Зато *Ку-Ку* использует латинские реминисценции. Это мы и поощрили.

Учитель математики (эксперту): А как бы Вы сами ответили на этот вопрос, зачем учиться?

Эксперт: Чтобы жить своим умом, вот зачем!

ЛЕКЦИЯ О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ЯЩИКЕ

Директор: У нас осталось самое последнее, самое трудное задание. Трудное, потому что вам уже неохота (но ведь нашим детям тоже бывает «неохота» к восьмому уроку). Возьмите листки бумаги.

Сейчас вам будет прочитана лекция под названием «Использование креативных методов эвристического обучения на современном уроке», а вы сделаете конспект.

И началась лекция. Кое-что интересное удалось законспектировать даже для читателей. Вот послушайте.

Лектор: С понятием «одаренность» следует связывать, по меньшей мере, две практические проблемы. Первое – специальное обучение и воспитание одаренных детей, для чего требуются не «унифицированные», а индивидуализированные программы. Второе – развитие интеллектуально-творческого потенциала каждого ребенка, ориентированное не столько на «передачу знаний», сколько на развитие мышления. Следует использовать особые методы эвристического обучения, как, например:

- «если бы» (что произойдет, если изменятся такие свойства, как...);
- агглютинация (соединить несоединимое: найти силу слабости, мягкость жесткости, может ли гореть лед);
- «мозговой штурм» (получение идей от всех участников, обсуждение и критический отбор);
- синектика (поиск аналогий, ассоциаций, сходства);
- «морфологический ящик» (комбинирование известных и неизвестных элементов);
- инверсия (поиск противоположностей).

Уроки креативного типа могут проходить в форме диспута, диалога, парадокса, фантазии, изобретательства, «сослагательной истории», деловой игры, модели школы будущего, творческого конкурса, прогностического сеанса.

Когда лектор завершил выступление, в аудитории царил полная тишина.

Директор: А теперь нужно, пользуясь конспектом, рассказать то, что вы услышали.

Учительница математики: Речь шла о методах эвристического обучения на современном уровне...

Эксперт: Говорите, пожалуйста, громче, а то оценка будет снижена.

Учительница математики: Я стараюсь. Нам рассказывали: необходимо развивать дар, данный детям от природы. Говорили, как его развивать, какими методами. Надо, говорили, использовать соответствующие программы, обладающие глубиной.

Директор: Вы согласны с этим?

Учительница математики: Да, абсолютно.

Учительница физики: Нет, неправильно! Не это было главным в лекции. Главной была мысль о том, что одаренные дети и детская одаренность – разные вещи.

Учитель биологии: А лично я считаю, что главное – это разобраться с методами. Мы должны обучать детей «думанью», а не механическому воспроизведению. Следует нагружать все составляющие мышления ребенка: как интеллектуальную, так и эвристическую, и критическую.

Учительница английского языка: А знаете что? А пусть детская одаренность сама возьмет и выберет, какому понятию ей соответствовать – на то она и одаренность! Считайтесь с детьми! Не мешайте им быть одаренными.

Директор: Об этом и говорил лектор?

Учительница английского языка: Нет.

2. Ваше умение отвечать по конспекту, – а вместо этого вы начали – кто о чем – разглагольствовать вокруг да около темы. В стиле «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Ни один из тезисов лектора не был воспроизведен. Каждый из вас выдвигал какие-то совершенно не связанные с предыдущими репликами идеи. В целом, разговор напоминал пьесу для театра абсурда.

Критика экспертизы

Учитель биологии: На мой взгляд, мы продвинулись дальше, чем от нас требовало задание: мы стали обсуждать проблему, поставленную лектором.

Учитель биологии: Программы и методики – это, конечно, хорошо. Но ничего не было сказано о законе природы: если где-то прибавится, то в другом месте убавится. Человек может быть одаренным интеллектуально, но при этом абсолютно больным!

Директор: Об этом говорил лектор?

Учитель биологии: Нет.

Психолог: И желательно все это привести в практическую плоскость! На уровне совещаний я не вижу здесь проблем.

Директор: Вы что, отрицаете совещательную форму работы?

Психолог: Нет, не отрицаю. Но голосую за то, чтобы двигаться в сторону практической реализации.

Учительница математики: Мое особое мнение: лекция была прочитана в крайне трудных условиях. За исключением учителя биологии, все считают, что имеют по данной теме колоссальный опыт.

Выступление эксперта

Эксперт: Весь предыдущий диалог мы оцениваем крайне неудовлетворительно. Проверялось:

1. Ваше умение составлять конспект, – а мы получили всего лишь один сданный конспект, от Диогена. Все вы, кроме него, формально являетесь нарушителями учебной дисциплины и получаете «двойки». Сразу оговорюсь, что факт коллективного саботажа задания является серьезным и тревожным сигналом, по которому необходимо принимать особые меры.

Любого учителя такой расклад событий должен порадовать.

Учительница математики: Но мы не выполнили формальных требований. Вообще-то это называется «пятый угол ищут, а первого не видят». В чем-то эксперт прав.

Учитель биологии: Но любой учитель, если он профессионал, должен был сразу отреагировать на возникшую неправильность. Учитель управляет учебным процессом, а не идет на поводу у класса. Почему же нас сразу не поправили? Надо было остановить разговор и еще раз сообщить задачу. Если весь класс не понял задания, значит, дело не в классе, а в задании!

ПОД ЗАНАВЕС

Директор: У нас осталось всего десять минут, чтобы закончить педсовет.

Учитель биологии: Мне было весело! Это очень хороший признак: ведь смеешься в основном над собой, над своей работой. Вообще, предлагая детям творческие задания, мы должны быть очень чуткими. Кажется, мы все почувствовали: дети чаще ждут от нас понимания, а не оценки.

Учительница математики: И внимательного отношения. Все так очевидно...

Учительница немецкого языка: Я думаю, каждый педагог должен чаще вспоминать себя в школьном возрасте: что он делал, как делал, почему делал, и как его за это оценивали.

суждения – личного отношения учителя к работе ученика.

Психолог: Процесс оценивания – это легкий произвол с вкраплениями вопиющего произвола. На нервную систему ученика приходится дополнительная нагрузка, которую можно было бы избежать. Важно, как учитель относится к ученику, с каким настроением разбирает его работу, допускает ли право на апелляцию. Прежде, чем оценивать, учитель должен четко формулировать критерии оценки. Должен работать «правовой механизм» – регламент.

Учитель биологии: Я почувствовал ответственность за то, как я объявляю оценки. Очень легко можно обидеть ребенка, даже просто ничего не сказав.

Психолог: Мне никогда не нравилась процедура выставления оценки. После того как я окончил школу, мне еще лет десять снились нехорошие сны: меня вызывают к доске, или я забыл принести сочинение. Поэтому я и сегодня себя чувствовал очень неуютно. Но такая форма педсовета мне кажется поучительной. Ведь все это делалось, чтобы почувствовать обратную связь, сделать «технология выставления оценок» более корректной, точной, приносящей пользу нашим ученикам.

Учительница математики: Начиная с какого-то момента я считала, что на педсоветах ничего особенно полезного для меня быть не может. Но сегодняшний педсовет – не такой. Во-первых, мы побывали «в шкуре» наших учеников. Как нам не нравилось, что нас оценивали! Мы ощутили насколько отличается отметка, то есть балл, от оценочного

Директор: Но школа – не дворец правосудия. Прежде, чем регламент начнет работать, необходимо научить ребенка им пользоваться.

И вот еще что. Наверняка вы обратили внимание на тот факт, что критерии оценки вам сообщались. Но несмотря на это, вы их не учили. Не потому ли, что характер заданий провоцировал вас на изобретение собственных критериев? Или, может быть, сами задания вошли в противоречие с критериями?

Например, вы получаете задание: написать сочинение на тему «Самый счастливый день в моей жизни». А оценку вам выставляют, скажем, за аккуратность почерка. Да, с небрежностью нужно бороться. Но в педагогическом арсенале есть не только понятие «отметка», но и «оценка». Как их различить? Как сделать конструктивный разбор работы ученика?

Материал подготовила
Татьяна Михайлова

Педагогические перлы

Выписано нашим редактором из разных методичек

Но если пойдут 3 человека: специалист по охране прав детей, учитель и участковый милиционер, я думаю, что результатов мы достигнем больше, потому что милицию сегодня признают.

Москва по делу держит марку педагогического авангарда России.

Несмотря на то что эксплуатация детского труда в нашей стране запрещена, при журнале ЛГО существует юношеская редакция, с результатами работы которой мы время от времени знакомим наших читателей. Одна из основных форм деятельности этой команды – реализация различных проектов, придуманных либо самими ее участниками, либо добрыми дядями и тетями из взрослой редакции.

Хороший ученик – тот, кто умеет задавать хорошие вопросы, – подумали мы и предложили ребятам проверить себя в этом качестве. А именно: составить вопросник «для самых умных» и обратиться с ним к ведущим специалистам в различных областях знаний.

Так появилась на свет «Анкета для мэтра», которую мы и предлагаем вашему вниманию.

Хотелось бы отметить, что этот проект был полностью осуществлен самими ребятами: они не только самостоятельно подготовили вопросы, но и находили самих «мэтров», устанавливали с ними деловой контакт, вели переписку и т. д. Что из этого получилось – судите сами

АНКЕТА ДЛЯ МЭТРА

ФИЛОСОФИЯ

*Мысль остается мыслью, где бы
и когда бы ни случилась.*

Философ, один из
авторов Школы диалога культуры
Ахутин
Анатолий
Валерьянович

личия между делом и продуктом, между поэтом (что по-гречески значит просто «делатель») и потребителем («юзером»): продукт и есть само дело. Носить ботинки не значит обучаться сапожному ремеслу, а вот носить в себе стих – вчитываться в него, вслушиваться – значит пробуждать в себе поэта. В этом смысле поэзия – исключительно для поэтов, пусть и потенциальных. То же самое верно и для философии, которая обращена к каждому, но лишь настолько, насколько каждый может – и хочет – осуществиться в качестве философа. А если мы не хотим просыпаться, то становимся «всеми», требующими от философии поучений для жизни, забавных афоризмов или тайной мудрости, – чтобы слаще спать.

*Философия – это наука только для философов
или для всех?*

Неосторожно называть философию наукой. Не потому, что она недо-наука, пара-наука, сверх-наука или гадание на кофейной гуще, а потому, что когда-то надо спросить и о самой науке: что это такое, откуда она, почему мы идем к ней за ответами? В философии, как в искусстве, нет раз-

*Философ – это особенный человек.
А чем он особенный?*

Человек вообще существо особенное. Природа светила – светить, растения – расти, цветка – цвести, животного – жить, а что значит быть человеком, природа не подсказывает, мы должны решать это сами. Мы не заданы себе, а загаданы, и философ – это просто человек, впавший в задумчивость.

Чем отличается культура от цивилизации?

Цивилизации живут и гибнут в истории, Пушкин останется славен, «доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». Культура – это то, что некой цивилизации удалось открыть и понять вечно значимого.

Актуальна ли до сих пор древняя философия?

Мысль остается мыслью, где бы и когда бы ни случилась. По отношению к древним грекам, например, вопрос стоит иначе: актуальны ли мы для них, т. е. находимся ли мы на том же уровне мысли, смогли бы мы принять участие в их «философском пире»? Мы очень много всего узнали, но стали ли от этого лучше понимать мир? Недаром еще Гераклит Эфесский предупреждал: «Многознание уму не научает».

Конечен ли космос?

Вопрос лишен смысла вне соответствующего контекста (физического или метафизического) и вне культурной определенности. Например, для греческого ума космос не может быть бесконечным, поскольку он – прекрасное совершенство каждого существа в мире и всего мира в целом, а стало быть, их завершенность. Наоборот, для науки Нового времени – Дж. Бруно, Галилея, Ньютона – вселенная столь же логично не может быть конечной, завершенной.

Космос и хаос. Что это и что между ними?

Понятия эти также не имеют смысла «вообще», они «прописаны» в античности, а там означают соответственно «порядок» и «беспорядок» (греческое слово «космос» гораздо ближе к «косметике», чем к «вселенной»), определенное и беспредельное, оформленное и бесформенное... Они – пределы, между ними – мир.

«Скажи, для воли или тюрьмы на этот свет родимся мы?»

Сама возможность такого вопроса говорит о том, что «воля» (свобода) коренится в существовании человека (стало быть, родимся для воли), потому что тюрьму мы осознаем как лишение воли, даже если родились в тюрьме и воли не видали. Впрочем, человек часто предпочитает

надёжное спокойствие тюрьмы трудному бремени свободы и заботится только о том, чтобы сделать жизнь в тюрьме комфортней. Лет десять назад мы были выпущены из тюрьмы на волю и имели случай на собственном опыте узнать всю трудность свободы. Свобода делает каждого совершеннолетним и требует самостоятельности. Страх свободы – страх жизни. Мы родимся для воли, но наша любовь к уютным тюрьмам разного рода говорит о том, что в каждом из нас звучит тоскливый скулеж: «Мама, роди меня обратно!»

Какие философские открытия Вы считаете величайшими и почему?

Философия не физика и никаких открытий не совершает. Ее начало, т. е. то, что ее однажды начало и начинается заново каждый раз, – удивление, причем удивление тому, что никого не удивляет, например: а почему вообще что-то есть? Иными словами, она открывает то, что изначально открыто и потому – незаметно, как свет. Открывает и – удивляется. В XX веке собственно философской способностью удивиться ближайшему и задаться вопросом о само собой разумеющемся особо отличались, на мой взгляд, две философии: моего учителя Владимира Соломоновича Библера и немецкого философа Мартина Хайдеггера.

Золотая полка будущего философа. Какие философские книги Вы считаете лучшими и рекомендуете нам почитать? Почему?

Сочинения Платона («Тэтет», «Протагор», «Пир», «Федр», «Парменид»...), Аристотеля («Метафизика», «О душе», «Никомахова этика»), Августина («Исповедь»), Декарта («Правила для руководства ума» и «Рассуждение о методе»), Канта («Пролегомены»). Названо первое пришедшее в голову. Из современных введений в философию – Ортега и Гассет («Что такое философия»), К. Ясперс («Введение в философию»). Рекомендую книгу В.С. Библера «На гранях логики культуры», где особо значимы для вхождения в философию статьи «Что есть философия» и «Быть философом». Лучшим введением в философию является любая собственно философская книга, книги же о философии чаще всего просто сбивают с толку.

ЛИТЕРАТУРА

И в стихах, и в прозе главное – талант и личность.

Доктор филологических наук, профессор лингвистики, директор Института филологии и истории РГГУ

**Белая
Галина
Андреевна**

Что главное в стихах и в прозе? Что самое важное в произведении искусства?

И в стихах, и в прозе главное – талант и личность. В произведениях искусства самое важное – открытие еще непознанных сторон человеческого духа.

Если бы Вы преподавали литературу в школе, то как? И какую цель Вы ставили бы перед собой, перед учениками?

Я преподавала в школе и считаю, что главное – это не формальное изучение литературы, а «осердеченное», сообща с учениками осуществляемое истолкование тех новых смыслов, которые открываются пред нами благодаря художественному тексту. Образная ткань искусства содержит в себе не только те смыслы, что могут быть сформулированы в прямом слове, но и значительный пласт того, что интуитивно познано художником и о чем рассказано на специфическом, художественном языке.

Цель, которую я ставила пред учениками, – открытие смысла жизни, своей жизни.

Кого и почему можно назвать самыми величайшими прозаиками XX века?

Для меня величайшие прозаики XX века – И. Бабель, М. Булгаков и М. Зощенко.

Почему в школе изучают самые скучные произведения великих писателей?

Талантливые учителя изучают великую литературу, но не они составляют школьные программы, а чиновники.

Из-за чего те или иные произведения считаются классическими?

В любом художественном произведении, как говорил М.М. Бахтин, есть два уровня: актуально-злободневный и вечный. Если писатель умеет возвести проблемы современности в ранг общечеловеческих, его произведения становятся непреходящими, то есть классическими.

Золотая полка будущего литератора. Какие книги Вы советуете нам прочитать и почему?

Вопрос тоже слишком обширен, но я бы посоветовала каждому поставить на свою золотую полку книги А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, М. Цветаевой, М. Булгакова, И. Бабеля, М. Зощенко, И. Бродского, Б. Слуцкого, Вл. Ходасевича, М. Петровых.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Если писать как придется, то в пределе мы вообще не поймем, что написано.

Доктор филологических наук, профессор, лингвист, автор учебника «Психолингвистика»
**Фрумкина
Ревекка
Марковна**

Нужна ли языку реформа и если да, то какая?

Никакая реформа не нужна. Кстати, выражение «реформа языка» довольно неудачно само по себе.

Не считаете ли Вы, что с внедрением современных технологий язык слишком упрощается?

Вопрос сформулирован весьма странно. Язык всегда адекватно обслуживает ту культуру, в пределах которой он функционирует. Во времена Бунина телеграф давно работал, но разве это повлияло на язык его произведений?

Какие изменения претерпел язык в последние годы и как на это должна отреагировать школа?

Резко расширилась сфера применения различных жаргонов и сниженного стиля. Изменилось понятие о шкале допустимого – выражения, прежде считавшиеся нецензурными, стали допус-

каться в печать и широко употребляться литераторами.

Школа должна была бы отрефлексировать эти моменты и показать разницу между нормами устной речи для людей, желающих слыть культурными и воспитанными, и тем, что может использовать писатель в художественных целях.

В чем смысл орфографии? Какая разница – грамотно что-то написать или нет?

Во всех письменных языках есть представление о правильности/неправильности написанного. Иначе говоря, есть правила. Если писать как придется, то в пределе мы вообще не поймем, что написано.

Есть у правил правописания какой-то философский подтекст или их назначение только в нормировании?

Если хотите, под «философией» любых правил можно понимать стремление сохранить единство языковой нормы. Письменный язык может быть единым для сообщества говорящих лишь при наличии самого понятия нормы.

Какие открытия Вы считаете величайшими в языкознании и почему?

Изобретение алфавитного письма. Грамматика Пор-Ройяля. Открытие сравнительно-исторического метода. Дешифровка древнеегипетской письменности Шампольоном. Труды Гумбольдта, увязавшего язык, культуру и общение. Подход к языку как к знаковой системе, изложенный в «Курсе» Ф. де Соссюра. Теоретико-информационный подход, сформулированный Винером.

Золотая полка будущего лингвиста. Какие книги о языке вы считаете лучшими и рекомендуете нам познакомиться с ними?

Лучшая популярная книга о языке вообще: «Энциклопедический словарь юного филолога» под ред. М.В. Панова. Она образцово-научная и общедоступная одновременно, и это действительно словарь.

Лучшая популярная книга – В.А. Плунгян «Почему языки такие разные?» Замечательно интересная книга: Е.А. Земская «Язык русского Зарубежья» (она и популярная к тому же). Не очень скромно рекомендовать свои собственные тексты, но мой учебник «Психоллингвистика» тоже написан заведомо доступно, хотя это учебник для вузов.

Что касается самых замечательных книг по лингвистике, то они будут понятны вам только после того, как вы чему-нибудь научитесь на студенческой скамье. Все же лингвистика – достаточно специальная наука.

ИСТОРИЯ

Общество и отдельные люди, его слагающие, равно важны и самоценны.

Доктор исторических наук, профессор РГГУ, действительный член Академии гуманитарных исследований
**Кнабе
Георгий
Степанович**

Что такое история? Как ее определить?

История – это бытие человеческого общества во времени. Поскольку же общество состоит из отдельных людей, с одной стороны, история складывается из забот человека о своем выживании, о близких, – словом, из его повседневности; в этом смысле человек первостепеннее, «важнее» общества, ибо оно существует за счет каждого из нас. С другой стороны, человек становится человеком и может выжить только как член общества. Таким образом, история – это не только бытие человеческого общества во времени, но и движущееся сквозь время, постоянно меняющееся и колеблющееся противоречивое соотношение обоих образующих его полюсов, нераздельных и неслиянных.

Но история – не только указанный объективный процесс, но и субъективное отражение его в сознании лиц, в нем участвующих и его переживающих. Такое отражение редко бывает нейтральным.

Потребность в адекватном познании окружающего мира не только в пространстве, но и во времени – один из сильнейших инстинктов человечества. Поэтому в нем постепенно назревало неудовлетворение познанием прошлого через традицию, где главное – не точное и адекватное знание происшедшего, а переживание его субъективно окрашенного образа. Так возникло историческое знание.

Благо для государства. Что это?

Отчуждение.

Человек испытывает постоянную потребность реализовать себя в обществе и никогда не может удовлетворить ее до конца. Принципиальная неадекватность человека обществу называется отчуждением.

Отчуждение может быть большим или меньшим и в этих своих вариациях образует одну из главных характеристик типа общества вообще и типа государства в частности. Государство и граждане, каждый со своей стороны, стремятся и преодолеть отчуждение, и сохранить его. Преодолеть – дабы каждый ощущал государство как свое, участвовал в его деятельности и служил ему сознательно, с чувством удовлетворения. Сохранить – дабы чувствовать себя огражденным законами и нормами государства от эгоистических поползновений отдельных лиц. Равновесие между этими двумя импульсами – идеальная норма бытия государства, мечта народов и великих государственных деятелей. Чтобы убедиться, перечитайте сохраненную Фукидидом речь Перикла над павшими афинскими воинами («История» II, 35–46). Ответ на ваш вопрос вытекает из сказанного: отчуждение исчезнуть не может; но оно может быть как частное, преодолимое, не мешающее ощущению гражданской солидарности, и тогда такое государство для человека – благо. Там, где государство отчуждено для определенной группы и она пытается выстроить образ жизни, от государства независимый, государство перестает быть благом, не становясь злом. Там, где отчуждение является тотальным и скрывается за искусственно создаваемой пропагандистской завесой, внедряемой в сознание масс, так называемое «благо для государства» становится злом.

«Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?»

Противоположностью отчуждению является идентификация.

Идентификация – это ощущение своей принадлежности к близкой, понятной и внятной тебе среде, «свой среди своих». Она реализуется в состоянии общественных отношений и связей («свои» – «не свои»), но человек идентифицируется и с определенным строем мыслей и чувств, определенным типом искусства и – определенным представлением о той или иной исторической эпохе в единстве ее объективных характеристик и ее образа. Ваш жизненный, общественный и культурный опыт предрасполагает вас к иденти-

фикации, скажем, с временем и кругом Пушкина. Книги и статьи, совпадающие с вашим о нем представлением, кажутся вам стоящими на золотой полке историка. Отсюда не следует, что такой отбор чисто субъективен. Понятие идентификации дополняется понятием системы: если ваше представление о Пушкине и его круге освещено в полюбившейся вам книге так, что создаваемый там образ противоречит многим другим данным, то чувство идентификации приходит в противоречие с другим не менее императивным чувством – чувством истины, и становится в ходе вашего познания ценным, только слившись с ним и им контролируемым.

Золотая полка будущего историка. Какие книги по истории Вы советуете нам прочитать?

Интересующий вас список не может быть единым и постоянным ни для разных эпох, ни для разных социокультурных групп.

Исходя из характера вопросов, затрагиваемых в перечисленных пунктах вашей анкеты, вряд ли здесь могут быть предложены какие-либо конкретные исследования. В наши дни и для ныне действующих поколений к ним могут быть отнесены и признаны особенно актуальными такие, например, статьи и книги:

- Гадамер Х.-Г. Что есть ИСТИНА? // Логос 1, 1991.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 3. – М., 1895 (есть современное переиздание). Предисловие.
- Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 378–398.
- Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. – М.: Индрик, 1998. Введение. – С. 7–58.
- Шестов Л. На весах Иова. Вместо предисловия: наука и свободное исследование. Часть 3: К философии истории // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Наука, 1993.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Госполитиздат, 1991.

- Schutz A. Collected Papers I. The Problem of Social Reality. The Hague – Boston – London. First edition – 1962, reprint 1982. – P. XXV–XLVII.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Политика – благородное дело, если осознавать меру ответственности перед потомками и историей.

Депутат Государственной Думы, лидер фракции «Яблоко»
Явлинский Григорий Алексеевич

Каким Вам видится будущее России?

Достойным ее истории и ее народа. Мы не говорим, что Россия должна быть самой лучшей, самой передовой страной, но она должна быть такой, чтобы мы были спокойны за свою жизнь, за будущее детей и старость родителей, чтобы наша экономика развивалась, работала промышленность, была дееспособной армия, здравоохранение – эффективным, образование – самым современным. Я уверен, что так и будет.

Эффективна ли власть в нашей стране?

Смотря какая. Если в школе хороший директор, высокопрофессиональный, современно мыслящий, способный набрать хороших учителей, – у него будет хорошая школа, с эффективной директорской властью. Придя в больницу, в парикмахерскую, в кинотеатр, мы сразу понимаем, насколько действенна власть в этом учреждении. Так и в государстве: насколько защищены его граждане, слаженно ли работают различные механизмы в экономике, политике, социальной сфере – настолько и эффективна власть.

Хорошо ли, когда в мире одна страна – лидер (мы имеем в виду США)?

Сам подход к этой проблеме мне кажется неправильным, навязываемым нам. Лидерство США безусловно, с определенной точки зрения, если рассматривать, например, промышлен-

ный потенциал, но есть и другие критерии: богатство истории, культуры, философии. Как сравнивать достижения индийской цивилизации или китайской с выработкой стали на душу населения в США? Стали, конечно, больше, и компьютеризация там достигла невиданных размахов, но это не может служить однозначным доказательством их безусловного лидерства. Вообще мировое первенство – понятие весьма условное и однобокое.

Молодой политик – чем он отличается от политиков, которые занимаются этим «всю жизнь»?

Примерно тем же, чем молодой человек от человека зрелого, – опытом. Молодой, но умный политик может делать ошибки и исправлять их. Опытный политик знает, где можно сделать ошибку, и старается избегать неверных шагов. А мудрый политик не совершает не только неверных, но даже лишних шагов.

Благо для государства. Что это?

Это очень диалектический вопрос. Благо в исторической перспективе может не совпадать с пониманием блага в данный момент жизни государства. Возвышение Москвы за счет соседних княжеств – благо для страны? А Петровские реформы? Мы не можем однозначно оценить и начало XX века в нашей истории. Историки, философы рассматривают этот вопрос с разных точек зрения, видя положительные и отрицательные стороны в любом важном этапе развития страны. И народ по-разному воспринимает эти этапы. Есть люди, способные видеть дальше, чем большинство, они могут переносить все тяготы переходного момента или другие испытания стойче, находя силы в идее усиления государства, светлого будущего потомков и т. п. От таких людей многое зависит в жизни страны. Но есть и другие, их, как правило, большинство, они определяют благо государства по степени удобства собственной жизни. Они имеют право на такой взгляд. Хороший политик должен сочетать исторические интересы страны с интересами большинства.

Часто говорят: «Политика – грязная вещь». Так ли это?

Я очень не люблю это выражение. Оно оправдывает нечистоплотность в политике или нежелание принимать участие в общественной жизни: мол, зачем, все равно честно ничего сделать нельзя. Политика грязна ровно настолько, насколько это

себе позволяют люди. Есть множество примеров, говорящих об обратном: Вацлав Гавел в Чехии, Ким Де Джун в Корее, Андрей Сахаров у нас. Политика – это благородное дело, если осознавать меру ответственности перед потомками и историей.

Зачем люди идут в политику?

Бывает, что это призвание. Человек чувствует в себе силы, связанность с историей, желание передать свое видение развития страны людям, личную ответственность за это. Бывает, жизнь так складывается, что профессиональная деятельность приводит человека в политику. Так замечательный офтальмолог Св. Федоров стал политиком, создал партию людей, разделяющих его взгляды, был кандидатом в президенты России. Впрочем, политика притягивает и людей корыстных в любом смысле этого слова – властью, близостью государственной казны и другими возможностями реализовать низменные цели.

Золотая полка будущего политика. Какие книги Вы советуете нам прочитать и почему?

Пушкина, Достоевского, Толстого, зарубежную классику, книги по истории, философии, культурологии, экономике. Специальных книг для политиков нет.

БИОЛОГИЯ

*Наука – это знание,
а знание грозить миру не может.*

**Академик РАН,
заведующий
Лабораторией
механизмов
биосинтеза белка
Института белка РАН
Спирин
Александр
Сергеевич**

Что такое современная биология?

Современная биология – наука о жизни на всех уровнях ее проявления – молекулярном, субклеточном, клеточном, организменном, популяционном. В современной биологии молекулярный аспект проявляется особенно ярко и мощно.

Больно ли растениям, когда их срезают, и больно ли червяку, которого насаживают на крючок?

Растению вряд ли больно – у него нет нервной системы, да и растению болевой сигнал в принципе не нужен, а потому вряд ли мог развиваться в эволюции. Червяк же скорее всего остро ощущает, как его насаживают на крючок – смотрите, как он извивается! Однако возможно, это не боль в нашем понимании – извивается червяк и когда просто его хватаешь, и нам со стороны отличить боль от просто осязания и защитной реакции, может быть, и не дано...

Почему человек стареет? Возможно ли обратное? Возможно ли бессмертие?

Организм стареет, потому что изнашивается. Восстановление изношенных органов возможно, но в ограниченных пределах, да и здесь многое зависит от износа всей системы в целом. Бессмертие индивидуального организма невозможно в принципе.

Какие биологические открытия Вы считаете величайшими и почему?

После клеточной теории Шванна, генетических законов Менделя, эволюционной теории Дарвина я бы отметил открытие генетической роли ДНК в прямых экспериментах Эйвери, Маклеод и Маккарти (1944) по трансформации бактерий и открытие физической структуры ДНК Уотсоном и Криком (1953), где впервые основной признак живого – воспроизведение себе подобного – был выведен непосредственно из этой структуры. Из последних важных открытий прошлого (XX) века можно указать на работы Карла Вуза (C. Woese), в которых было доказано существование, наряду с царствами бактерий и эукариотических организмов, третьего царства – архей, появившегося в эволюции одновременно с бактериями.

Какие «фантастические» открытия биологам предстоит решить в ближайшем будущем и какие – в далеком?

Предсказания будущего не по моей части – лучше обратиться к гадалкам, астрологам и т. п. Крупные научные открытия на то и открытия, что непредсказуемы самой наукой – они неожиданны и открывают ранее неведомые пути для науки и человечества.

Гениальность – это природное качество или оно зависит от человека?

Гениальность – это природное, прирожденное, генетическое качество. Но для развития и реализации этого качества необходимы соответствующие условия, и прежде всего – востребованность такой личности средой, обществом, историческим моментом и т. д.

Золотая полка будущего биолога. Какие книги по биологии Вы советуете нам прочитать и почему?

Вопрос трудный и требует очень подготовленного ответа. Я не готов для экспромта **ЛГО**

Педагогические перлы

Выписано нашим редактором
из разных методичек

Нормативный критерияльно ориентированный тест позволяет объективно оценить уровень реальных возможностей индивида на различных этапах изучения курса физики

Нреподавание единоборств будет основано на восточных единоборствах

Структура школы разработана как отображение, преемственность части госструктуры СССР, Российской Империи

Развитие военно-спортивных школ будет способствовать еще и тому, что в средние школы возвращается начальная военная подготовка, а также то, что дети и молодежь России хотят быть похожими на Президента В. Путина – мастера дзю-до и каратэ

Каждый учитель в состоянии сделать свой урок привлекательным

Духовное богатство человека, его интеллектуальная мощь основываются на здоровом и гармонично развитом организме

Мастер-класс Т. Михайловой

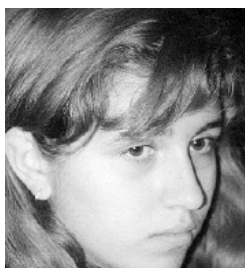
Над проектом «Анкета для мэтра» работали ребята из ученической редакции ЛГО:

Лебедев Тимур

Мартыненко Мила

Чавдариди Юлия

Носова Оксана

Ребенкова Вера

Он был с квадратной головой, остроугольным носом и характером, уходящим в «минус бесконечность»

Однажды учащиеся мастер-класса Т. Михайловой получили необычное задание: выразить человеческие характеры и психологические ситуации с помощью геометрических понятий. А Сима Мельникова из ученической редакции ЛГО придумала иллюстрации к этим мини-сочинениям

Заграничная Саша

Для флегматиков жизнь — прямая, проходящая через множество плоскостей и пространств. Другие же — ломаются на каждом шагу и не могут предугадать, когда будет следующий спад или подъем.

Исаева Аня

Иногда люди попадают в тупик, ходят по одной и той же прямой и не могут найти касательную, так как в школе этому не учили.

Она обычно похожа на прямоугольник, спокойный и уравновешенный. Но стоит только чуть-чуть, с легким нажимом, толкнуть его, и возникнут узколобые трапеции. Может быть, им удастся убедить прямоугольник

в том, что трапеции намного лучше. Тогда два небольших треугольника с жалобным писком отколются, и длинный худой прямоугольник превратится в мирную, приземленную и глупую трапецию.

Косьмина Катя

Иногда я чувствую, что биссектриса вовсе не делит пополам угол моего настроения, а гиперголообразно выгибается, подрагивает, трещит. Когда-нибудь она лопнет. В такие моменты становится ясно, что $a^2 + b^2$ вовсе не равно c^2 , как думают ученые треугольники.

Девлетов Олег

Жил-был на свете треугольник, и уж очень захотелось ему стать квадратом. Понадобилась лишняя сторона, и решил он занять ее у пирамиды. Заплатил за это бешеные деньги. Устроил треугольник-квадрат праздник и пригласил пирамиду. А она не смогла без стороны и шагу сделать, упала и умерла. А квадрат, узнав об этом, заплакал и застрелился.

Кудряшова Наташа

Разговаривая со своей сестрой, я постоянно натыкаюсь на вершины неправильных треугольников. Но иногда она может быть белой и пушистой, как

сфера. Эти две сущности соотносятся в ней, как параллельные плоскости (впрочем, по Лобачевскому, они все равно пересекутся).

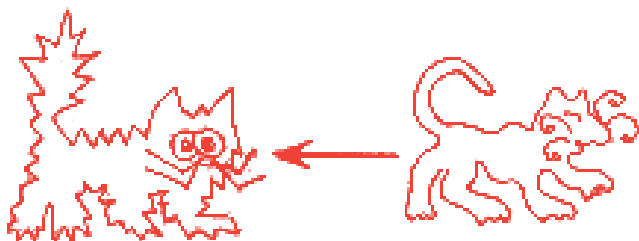

Лиховцева Оля

В любой момент кривая могла взлететь вверх или изогнуться на 180 градусов. И это всегда очень раздражало окружающих...

Микерина Аня

Моя кошка напоминает мне черный язык живого трансформера. Вот я глажу ее, и вся она — текущие, теплые линии, сама плавность и изящество. Но в какой-то неуловимый момент этот мягкий клубок преобразается.

Все кривые жестко выпрямляются, ощетиниваясь бесчисленными острыми углами, а завитые усы становятся похожими на график функции модуль X . Но через минуту может произойти обратное превращение.

Соколова Наташа

Человек — не круг, не квадрат, не овал, не прямая. Он объемник.

Петухова Таня

Он был с квадратной головой, остроугольным носом и характером, уходящим в «минус бесконечность»... Вот такой монстр!

И речь его была резкой, и движения ошибочно-странными... А прямоугельно-плоские мысли блуждали и путались. Бедный дядя!

Острота линий сочетается с мягкостью изгибов, а вот тупость — с линейностью.

Иванов Вениамин

Мысль: прямая в тетради — уже кривая.

Лицо: для ребенка — круглое, а для художника оно и треугольное, и квадратное.

Козлов Василий

Я не умею обходить углы меньше 90° . В то время как мои друзья подобны параболе — их дипломатия переплавляет квадрат конфликта в плавные вершины.

Кудряшова Наташа (написано на уроке алгебры)

Связь между X и Y для смертных непостижима.

Загадочные системы в тисках зажимают железных.

Квадратное уравнение — вещь вообще преступная.

Там два возможных решения! Синус и косинус, сволочи, свойства имеют поганые! Мы против категоричности.

Петухова Таня

Урок математики.

Я, как в темном лесу,

блуждаю по графику.

Странные, страшные,

строгие косинусы вис-

нут на моей одежде.

Спотыкаюсь о каждый

отрезок, натыкаюсь на

углы, бреду по теоре-

мам. Аксиомы прили-

пают к подошвам. Поскальзываюсь на квадратной функ-

ции, падаю... Так сверху еще и параболой прихлопывает.

Скорей бы звонок, а то со мной кубизм случится; обтангенсоидилась вся, бедная. Деформация у меня. Лечение не поддается.

Соколова Наташа

Иду по прямой улице, заворачиваю за угол, выхожу на

абсолютно круглую площадь, освещенную солнечными

лучами, перпендикулярно падающими на камни. Камни

имеют форму куба: вдруг раздастся какой-то зловещий

звук и мимо проносится нечто, а другое нечто громко и

резко протыкает землю позади меня. И я вдруг понимаю,

что такое скрепляющиеся прямые. Открываю глаза:

это всего лишь сон перед контрольной по геометрии.

Филатова Милена

Вектор — человек, знающий, в каком направлении ему двигаться.

Квадрат — мужчина, постоянный во всех отношениях.

Точка — человек, который нашел в жизни, что хотел.

Отрезок — он начал, но затрудняется, и остановился на полпути.

Прямая — человек, идущий напролом. Ему просто надо!

Круг — загруженный работой индивидуум, каждый день его похож на предыдущий.

Угол — он шел

к одной цели, но

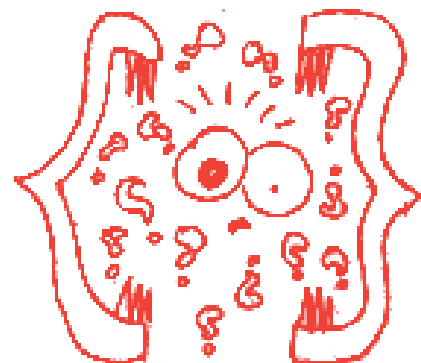
завернул к другой.

Слияние фигур —

способность человека

совмещать все выше-

перечисленное **ЛГО**

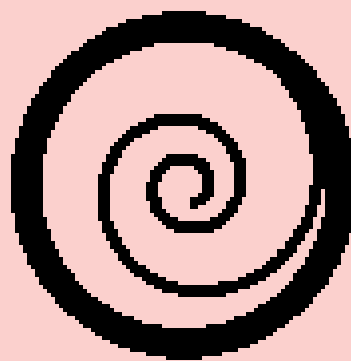

Не опускайте Канта
в прорубь

Разрешите себе
поболеть

Наши люди.
Игорь
Гуртовенко

ГУРТОВЕНКО ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ

Игорь Юрьевич – врач-гомеопат, к.м.н., сотрудник кафедры нелекарственных методов лечения и клинической физиологии Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Но интересы его простираются намного дальше медицины: он увлекается философией, в том числе и восточной, литературой, прекрасно пишет сам. Игорь Юрьевич убежден, что в организме человека нет ничего случайного, все взаимосвязанно. И причину заболевания можно определить, только составив полную картину его личности. Медицинские карты доктора Гуртовенко сильно отличаются от традиционных. В них можно увидеть рисунки: лица, фигуры, на которых стрелки указывают расположение родинок, направление асимметрии. Характеристики пациентов занимают несколько страниц: здесь и вкусовые предпочтения, и подробное описание формы ушных раковин, и даже описание поз человека. И хотя предписываемое пациенту лечение зачастую кажется несколько нелогичным, однако в большинстве случаев оказывается весьма и весьма эффективным.

Журнал ЛГО неоднократно публиковал беседы с Игорем Юрьевичем, причем не пространные размышления о здоровье, а конкретные советы хорошего и небезразличного к судьбам пациентов доктора. Именно поэтому данные публикации всегда вызвали живой интерес и отклики читателей.

Что за дети нынче, право,
Никакой на них управы!
Они учатся, а мы с ними буквально мучаемся. Мало того, что хулиганят, отказываются читать Толстого, так еще и просто болеют, причем по-настоящему!
Как укрепить здоровье детского организма, как правильно подготовить его к предстоящим испытаниям, как приобщить ребенка к занятиям физкультурой?
Сегодня на эти и другие вопросы родителей и педагогов отвечает один из авторов журнала ЛГО, семейный врач – преподаватель Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова – Игорь Юрьевич Гуртовенко

НЕ ОПУСКАЙТЕ КАНТА В ПРОРУБЬ

Медицинские беседы

Как прививать нашим перегруженным детям тягу к физкультуре и спорту?

Ваша озабоченность мне понятна. Среди сегодняшних школьников можно буквально по пальцам пересчитать ребят физически подготовленных, в том числе и к учебным нагрузкам.

Отвечая же на ваш вопрос о «прививании» тяги к физкультуре, скажу одно – личным примером. Так, учителя моей школы на переменках играли с нами в футбол, баскетбол, а «трудолик» был недосягаемым образцом в силовых упражнениях. Так что «цвет школы» собирался не за углом с сигаретой в зубах, а в спортзале. Но, полагаю, не стоит уповать в данном случае лишь на школу: личный пример родителей, увлекающихся спортом, – лучший стимул для их сына или дочери.

По поводу методик замечу: если вы ориентируете ребенка на умственную деятельность, то давать ему серьезные тренировочные нагрузки чаще трех раз в неделю я бы не рекомендовал. Дело в том, что наш организм очень хитро устроен: то, что дается ежедневно, вызывает привы-

кание и зависимость. Это касается и лекарств, и всего остального. Далее, любой перерыв, сбой режима превращается в маленькую трагедию с резкой потерей достигнутого уровня. Взгляните с этой точки зрения на жизнь профессиональных спортсменов! А вот если физические упражнения или, к примеру, лечебные препараты давать через день, привыкания не наступает, но удается поддерживать тонус, хорошую форму. Ребята втягиваются в предложенный режим, умеренная усталость их не отталкивает, а мышечная радость привлекает.

Повторяю, это идеальный вариант тренировок – через день. А зимой даже через два дня, потому что в холодную пору года желательно давать меньшую нагрузку.

Согласитесь, что далеко не всякого ребенка можно вот так сразу вывести на спортивно-физкультурную тропу. Мой сын походил на три-четыре занятия в баскетбольную секцию и бросил. Говорит: «Потеть надоело», а тренер подгоняет: «Чего расселся, потом отдыхать будешь!»

Оттолкнуть человека, а тем более ребенка, от полезного дела можно одной неудачной репликой, а вот чтобы вовлечь в него – необходимы терпение и такт.

Задатками природа наделяет нас неравномерно. Замечательный поэт Гете, бесстрашный Котовский, великий физик Ньютон и многие другие известные люди родились слабыми, невероятными «дохлячками». Эммануил Кант, к примеру, был в детстве большеголовым дистрофичным ребенком, не мог безопасно передвигаться: в доме была убрана вся мебель, потому что он падал и всюду бился головой. Лермонтов рос хилым, а стал блестящим гвардейским офицером, гнул пальцами монеты. Да и Суворов, кстати, в юные годы не отличался здоровьем. Именно волевые усилия в сочетании с постепенными тренировками сделали всех этих людей неординарными не только в своей профессиональной сфере, но и в отношении физической выносливости. В результате крошечная искорка жизни, что была заложена в том же Канте, переродилась в блестящий ум и – самое удивительное – в крепкое здоровье. Он дожил до весьма преклонных лет, сохраняя высокую работоспособность и ясность ума. Почему? Мне кажется, потому что следовал немецкой пословице: «langer, aber sicher» – «Медленно, но неуклонно». Начал с прогулок, потом тренировал себя дальними переходами. Без резких скачков, без сверхнагрузок, с учетом реальных возможностей – что называется, «по самочувствию». А теперь представьте, что мы берем еле живого младенца Канта и начинаем закалять в ледяной проруби. Что получим в итоге? Пневмонию и летальный исход... Как показывает опыт, лишь воля и постепенность позволяют достичь феноменальных результатов.

Сейчас то и дело слышишь: телевизор вреден для детского здоровья, да и на взрослых плохо влияет. Может, вообще надо запретить ребенку смотреть этот «ящик»?

Все хорошо в меру. Можно без последствий посмотреть кинофильм, сказку или прослушать последние известия. Но если ребенок приходит из школы домой и «втыкается» в телевизор, не замечая ничего вокруг, то опасность здесь таится большая. У подростков психика еще окончательно не сформирована, личный опыт небогат, поэтому телевоздействие создает у них искаженное представление об окружающем. Виртуальный мир подменяет собой реальность.

Обделяя ребенка человеческим общением, мы рискуем получить человека, легко поддающегося чужому влиянию, манипулированию. Интеллектуализация – вещь замечательная, если подкрепляется жизненной мудростью, подсказывающей, как поступать в той или иной ситуации.

К чему же мы приходим?

Надеюсь, что человеческое общение все же не будет сведено до уровня общения с техникой: я нажал на кнопку и должен получить предсказуемый результат.

Есть еще один непростой, но пока мало осознаваемый аспект, вытекающий из того же принципа: «нажал – получил». Это отсутствие ощущения пути, который необходимо пройти, чтобы понять связь явлений, событий. Да и волевые качества где приобрести?

Ни дети, ни взрослые, даже занимающиеся физкультурой и спортом, не застрахованы от болезней, от временной потери трудоспособности. Как, по Вашему мнению, можно эффективно противостоять недугам?

Я бы ответил парадоксом: «УМЕТЬ ПРАВИЛЬНО БОЛЕТЬ», то есть «НЕ СПЕШИТЬ». Но если вдумаетесь, то, полагаю, вы согласитесь со мной.

Смысл в том, что в большинстве своем болезни человеку необходимы. С одной стороны, как ориентиры, позволяющие узнать себя, пределы своих возможностей.

С другой – как способ поддерживать «в тонусе» иммунную систему. Особенно это касается легко протекающих заболеваний с температурой. Обратите внимание, очень часто «болезнь» возникает на 2–3-й день после какой-либо перегрузки, когда человеку надо было бы дать себе отдых, сон, а он мужественно продолжает трудиться. В результате усталость проявляет себя под маской ОРВИ, бронхита, просто гипертермии (т. е. подъема температуры) и таким образом пытается дать понять, что организм нуждается в отдыхе. Вот и отдохните, полежите, не спешите. И «болезнь» пройдет сама собой. А мужественное преодоление подобных состояний, да еще с приемом жаропонижающих, вкуче с антибиотиками, постепенно приведет Вас к хроническим болезням или хронической усталости.

Нужно уметь наблюдать, оценивать и, в случае необходимости, ждать. Да, оценка самочувствия своего ребенка требует определенных усилий со стороны думающих родителей и толковых, заинтересованных врачей. Кроме того, необходимо разбирать с ребенком возникающие проблемы. В конце концов вы научите его самостоятельно разбираться в своем здоровье, определять границы собственных возможностей и рационально использовать физические и духовные силы для достижения поставленной цели.

Не секрет, что нагрузки и перегрузки, выпадающие на долю взрослых и детей в наше напряженное время, породили так называемый «синдром хронической усталости». На его фоне возникают «затаенные» болезни, когда один недуг может быть по внешним признакам похож на другой. Вот я и хочу спросить: если в результате усталости возникают какие-то проблемы со здоровьем, значит ли это, что нужно избегать усталости?

Уставать надо. Наш организм устроен весьма рационально: его восстановление происходит по принципу избыточности, но при соблюдении принципа достаточности. Искусство тренировки заключается в том, чтобы тот резерв, который у вас есть, выдать, но не до самого дна, а чуть-чуть оставить. Тут не мешает вспомнить китайскую мудрость: «Чтобы налить, нужно сначала вылить». То же самое происходит и в процессе тренировки: вы старую тренированность «выливаете», и на ее место приходит новая, но при одном условии – приличном питании и сне. Эти два момента ничем компенсировать невозможно: никакими стимуляторами, витаминами, биодобавками.

Кстати, что такое «хорошее питание»?

Питание нужно подбирать под конкретного человека по времени года, по собственным реакциям, но ни в коем случае не ориентируясь ни на одну из новомодных теорий, потому что все они при серьезном разборе не выдерживают малейшей критики.

Некоторые пишут: «нужно пить 3 литра воды в день». Считается, что если ты пьешь, то очищаешься. В другом случае советуют: «не ешь

много мяса, оно, дескать, засоряет организм». В третьей рекомендации сказано наоборот: «ешь мясо». Можно ли все же афористически сформулировать, что такое «хорошее питание», как сделать его рациональным?

За афористичность не поручусь, поскольку в серьезном деле скороговоркой обойтись нельзя, но попытаюсь кратко изложить основные принципы. Итак, прежде всего, должен учитываться возраст. В юные годы лишать человека белковой пищи животного происхождения – по меньшей мере, преступление. Именно в этот период у подростка формируется организм, преобладают процессы анаболизма, а значит необходимо достаточное количество пластического материала, то есть, в первую очередь, белков, из которых все строится. Взгляните на диетологию древних наций, прошедшую испытание временем, – китайскую, еврейскую, армянскую, японскую – там нет отрицания белковой пищи животного происхождения! И быть не может. Иначе бы не выжили. Что касается аюрведических рекомендаций, то, предвидя возражения, сразу же оговорюсь. Посмотрите, кто издатель и поймете, что они выпускаются отредактированными современными индуистами вопреки древней традиции.

После сорока лет можно уменьшить количество потребляемой пищи, но максимальное разнообразие надо сохранять – опять же с учетом индивидуальности. Есть люди, у которых процессы анаболизма преобладают до 60 лет. Некоторые спортсмены и в таком солидном возрасте прекрасно проявляют себя. Скажем, знаменитый русский богатырь Александр Засс, прозванный Железным Самсоном, в 70 лет выходил на публику, посадив на спину двух львов, и делал несколько кругов по арене. Лев весит больше 200 килограммов. Дальше посчитайте сами.

Если же человек занимается сидячей работой и мало двигается, ему, конечно, можно сократить свой рацион. Но, опять же, по желанию. То есть в любом случае нужно учитывать личностные потребности организма, возраст, место жительства, нагрузки и другие факторы.

Скажите, полезен ли рис, столь распространенный в Китае, Вьетнаме, да и у нас?

Надо сразу определиться, о каком рисе идет речь. В том же Китае различают такие его виды, как коричневый, шлифованный, дикий и так далее.

Дикий рис, например, богат витаминами, является прекрасным стимулятором. Шлифованный же рис – пища бедняков. Это просто масса, которой вы приглушаете чувство голода, «залепляете» желудок.

Какой рис чаще всего попадает на наш стол?

В основном, к сожалению, шлифованный. Лучше всего есть не шлифованный, а коричневый или дикий рис.

За 11 лет работы директором перед моими глазами прошло очень много людей. У нас были преподаватели, которые садились на диету и ели всевозможные мюсли, пшеницу и так далее. Я обратила внимание, что через некоторое время они переставали улыбаться. Это может быть как-то связано между собой? И еще: эти люди меняли цвет одежды в сторону фиолетовых, коричневых и иных темных тонов.

Когда человек садится на диету, он, конечно, подвергается большим испытаниям. И настроение у него, естественно, портится. Учтите и еще

один нюанс. Все эти таблетки, которыми сейчас варварски «лечат», добиваясь «похудения», на самом деле портят людей. Я неоднократно наблюдал, без преувеличения, ужасные последствия. Одна из причин в том, что в состав упомянутых препаратов частенько входят антидепрессанты. Поэтому сначала все вроде бы классно, а вот потом, когда ты с них «слезаешь»...

Здесь есть еще один очень важный момент, о котором мало кто задумывается и который практически нигде не отражен. Суть в том, что пища – не просто пластический материал, из которого мы «лепим» свое физическое тело. Пища – это нечто большее, в том числе и носитель информации. Вспомните, как меняются ваши пристрастия в еде в зависимости от настроения!

Если перейти на язык аналогий, то можно представить ситуацию так: у вас есть разнообразные носители информации, предположим, бумага, лазерный диск, кассета, золотая пластинка и т. д. Но на каждый вид носителя Вы можете записывать информацию, сопряженную с определенными чувствами. Например, на кассету – грусть, на бумагу – раздумья, на золотую пластинку – радость и т. д. Чем больше видов носителей, тем разнообразнее, богаче чувственная картина жизни. А теперь взгляните с этой точки зрения на жесткие диеты и их последствия **ЛГО**

Педагогические перлы

Выписано нашим редактором из разных методичек

Отсутствует сознательный характер объединения педагогов в коллектив.

Но мере увеличения стажа педагогической работы удовлетворенность уменьшается.

Молодежь – стратегический ресурс московского общества.

Ностоянная забота и помощь, оказываемые администрацией и коллективом общеобразовательных учреждений молодым специалистам, несомненно, способствует их закрепляемости.

Входить и выходить из класса можно только с разрешения учителя.

Меперь хотелось бы дать некоторые социальные характеристики. Основу выборки составили женщины.

Человек – существо загадочное, противоречивое и нервное. И, может быть, самое большое искусство – умение грамотно вести диалог с самим собой. В этом смысле болезнь – есть своего рода результат «нарушения правил» этого диалога, напоминание о необходимости вернуться в его границы. Как этого добиться – учит нас врач Игорь Юрьевич Гуртовенко. Его очередную беседу с нашими читателями мы публикуем в этом номере

РАЗРЕШИТЕ СЕБЕ ПОБОЛЕТЬ

Вы говорили, что «болезнь – хранилище многоликости». Парадокс какой-то. Объясните, пожалуйста.

Такое восприятие болезни у меня сформировалось не сразу. Сначала слово «болезнь», как и у всех нормальных людей, вызывало тревожные ассоциации. Потом, когда я был студентом, мы ходили в клиники, смотрели больных, составляли истории болезней. Перед нами проходила череда каких-то расстройств, сбоев в работе организма, которые выхватывались нами под тем же названием «болезнь» без прочувствованной связи с жизнью человека.

Но вот судьба сложилась так, что я оказался в маленькой больнице на периферии. Поселок небольшой, поэтому каждого видишь почти ежедневно. Годами. И тогда впервые возникла мысль, что болезнь во многих случаях охраняет нас и часто спасает от еще больших неприятностей.

Как это происходит? Человек попадает в положение, непосильное для него, для тех резервов, которыми он располагает. И вот организм выдает одну из форм поведения, позволяющую индиви-

дууму не «сгореть», а временно выбыть из неприятной ситуации. Внешне это проявляется через ограничение каких-либо функций. Например, болит голова, желудок, начинается ангина. Таким образом, реактивная, или, как еще ее называют, хроническая болезнь есть механизм, стоящий на страже жизни.

Другой вопрос, что есть и риск. Как и всякое начинание, она потом может выйти из-под контроля.

Получается, врач должен помочь человеку распознать, что вызвало болезнь и нивелировать эту причину?

Отчасти так. Кстати, мне понравилось, что Вы сказали именно «распознать» и «нивелировать». В самых различных направлениях медицины чаще встречается понятие «ликвидировать». Меня это всегда настораживало. Природа умна и рациональна. Еще Аристотель заметил: она не терпит пустоты. Поэтому надо помнить, что на место ликвидированного тут же заступит что-то другое, и не исключено,

что с ним наш вопрос устранения будет обстоять еще сложнее. Это вопрос о неизбежности обратной стороны в любом явлении.

Вот пример. В свое время стало величайшим открытием изобретение антибиотиков. Их применение действительно спасло и спасает много жизней. Появилось эйфорическое настроение, что все микробные болезни будут вскоре побеждены. Сам процесс развития антибиотикотерапии поддерживал подобное мнение какое-то время. Но потом оказалось, что, во-первых, у многих микроорганизмов постепенно появилась нечувствительность к антибиотикам. Второе – при лечении стало нарушаться состояние самого организма, потому что антибиотики не вода, одни из них токсичны, другие – губительны для микрофлоры кишечника и т. д. В-третьих, произошло то, о чем предупреждал Аристотель: когда мы вроде бы справились с бактериями, их место стали занимать вирусы, вызывающие не менее тяжелые инфекции; когда нашли способы борьбы со

многими вирусами – начали проявляться еще более тяжелые вирусы и грибковые инфекции. С этим как раз была связана моя диссертационная работа. Грибковые недуги оказались настолько тяжелыми, что на данный момент не существует надежных методов борьбы с ними.

И что же делать? Нельзя же не бороться с болезнями!

Человек стремится все довести до конца. А природа такого подхода не приемлет. Окончание означает смерть. Искусство жизни заключается в балансировании.

Как же этого достичь, чтобы, уйдя от одной проблемы, не прийти к другой, еще более сложной и глубокой?

Знать, думать и балансировать. Скажем, врач, если он думающий, прежде чем порекомендовать антибиотики, должен взвесить – а нужно ли? Например, широкое профилактическое назначение антибиотиков для меня остается загадкой и поныне.

Недавно у одной из моих дочек заболело ухо. Бабушка вызвала ЛОР-врача из Семашкинской поликлиники. Доктор осмотрела ребенка и, поставив диагноз – острый наружный катаральный отит, назначила порядка девяти препаратов (капли, таблетки и т. д.), в трех из которых содержались различные антибиотики.

Такие назначения оправданы при тяжелом состоянии пациента, но в данном случае температура отсутствовала, ребенок был активен, аппетит не нарушен и т. д. Единственное – «стреляло» в ухе.

В такой ситуации, на мой взгляд, лечение должно быть минимальным, а первостепенное значение следует придавать соблюдению режима (согревание, отсутствие холодного питья, теплые носки, местные процедуры) и наблюдению.

В большинстве случаев этого бывает достаточно. При такой тактике организм приобретает опыт самостоятельного выхода из болезни. Укрепляется иммунитет.

Массивная терапия, предложенная моей коллегой, была бы оправдана при ухудшении состояния, с чем доктор, кстати, и согласилась, узнав в беседе, что я тоже врач.

К сожалению, подобные ситуации не так уж и редки. Читаешь, к примеру, рекомендации по назначению антибиотиков при вирусных инфек-

циях. Удивляешься: «Но ведь антибиотики не действуют напрямую на вирусы!» Отвечают: «Существует возможность осложнений». Говорю: «Но тогда желательно отследить момент их появления и лишь после этого начинать курс антибиотикотерапии. Если Вы назначаете их еще до возникновения осложнений, то отчасти провоцируете последние. Ведь преждевременным применением антибиотиков Вы сбиваете иммунитет, именно тот компонент, который сражается с вирусом». Отвечают: «Это уже другой вопрос».

И в самом деле другой.

Скажите, почему же врач так поступает?

Он перестраховывается. Не назначить «профилактический» препарат – означает взять на себя большую ответственность и нагрузить себя большей работой в плане ведения, отслеживания больного.

А все-таки, как же быть с причиной болезни и способами ее нейтрализации?

Наиболее частые причины «реактивных» болезней – перегрузки, усталость, установка «добьюсь любой ценой».

Нужно разрешить себе поболевать и подумать о «звоночке». Поискать пути компенсации затрат организма, в результате которых ты заболел. И выбирать этот способ компенсации, сообразуясь исключительно со своей натурой. Так, одна моя пациентка, директор школы, работает от зари до зари, но, как минимум, четыре раза в год уходит в «сонный» отпуск, отключаясь от всего. Она нашла такую вот компенсацию.

В ряде случаев без серьезного обследования обойтись невозможно. Когда болезнь, как сигнал об изменении функций и структур организма, уже зашла далеко, необходим скрупулезный сбор анамнеза. Подход к болезни здесь уже должен быть другой: в первую очередь, поддержание или компенсация утраченной функции. Например, если у человека серьезно нарушена сердечная деятельность, то без β -блокаторов, анаболических веществ, сердечных гликозидов он не сможет. Значит, надо уделить этому внимание и лишь затем, по прошествии времени, проводить действия, которые позволяют компенсировать утраченную функцию.

Я перешла работать в частную школу. Часов меньше, но нагрузка возросла. Недавно заметила, что у меня скачет пульс: то 70–80, то за 100. Говорят, это плохо. Что делать и каким должен быть пульс в 40 лет?

Сложно ответить на Ваш вопрос, но я попытаюсь, сопровождая каждый свой довод некоторыми комментариями.

Переход на новую работу – всегда стресс. Начнем с того, что у Вас происходит процесс адаптации к новой обстановке. Вопрос в том, как долго он продлится. И если в течение трех-четырех месяцев Вы никак не войдете в норму, возможно, данная работа не по Вам. Дальнейшие шаги во многом зависят от Вас. Если не можете позволить себе уйти, то надо договориться с самой собой, чем Вы можете поступиться.

Бывают случаи, когда люди, сменив работу, не могут сориентироваться в новой организации и ждут от нее соблюдения их личного устава.

Приглядитесь: что принято в новой школе, что поощряется, что не приветствуется. Как там обычно решают вопросы – обращаются к руководству или самостоятельно? Каковы корпоративные правила? Сразу скажу, если приметесь их резко менять или сопротивляться установившимся вещам – Вас ждут неприятности. Например, если в школе принято вести переписку с родителями, а Вы сочтете это излишним, то, скорее всего, Вас не поймут.

Вот случай. Учительница перешла работать в частную школу и была абсолютно обескуражена многими вещами, которые тут же сочла неприемлемыми. Телефонные разговоры (время, затраченное на них) в этой школе фиксировались в специальной тетради. По пятницам учителя должны были сдавать завучу какие-то письменные отчеты. Кроме того, их просили ходить на какие-то лекции (она считала их бессмысленными). Через месяц наша учительница покрылась сыпью и стала тосковать о старой школе (в которой, впрочем, ее тоже многое не устраивало).

Любая работа, если ее внимательно проанализировать, подвергается рационализации. Присмотритесь, что именно вас «забивает», и подумайте, как избавиться от негативных моментов. Если идет дождь – мы ведь не пытаемся его переубедить, перебороть. Так и здесь. Откройте зонтик!

Но если ухудшение самочувствия связано с проявлением скрытых ранее органических нарушений, то надо пройти обследование, включающее кардиограмму и последующую беседу с кардиологом.

Отвечаю на другой Ваш вопрос. В среднем пульс в таком возрасте составляет не более 80 ударов в минуту. Это – в спокойном состоянии. При повышенной физической или эмоциональной нагрузке пульс может подскакивать до значительно больших показателей.

Если вы чувствуете, что сердце у вас «шалит», пульс прыгает, а проверка у кардиолога ничего не показала кроме так называемых «функциональных нарушений», то вам помогут занятия плаванием, бадминтоном или настольным теннисом. Очень часто это компенсирует состояние тахикардии. Объясню почему.

В вашем положении наблюдается так называемая «вилка». Человек испытывает большую морально-психологическую нагрузку. Организм готовится к рывку, бегу, сопротивлению. Но под воздействием культурной среды человек вынужден приветливо улыбаться, переживая то или иное противостояние скрыто, внутренне. В то время как

вся его эндокринная, нервная, мышечная система подготовлена к действию, к движению – движения нет. И вот сердце дает следовую реакцию: торопится, бежит, бежит... Но если вы обеспечите ему ту нагрузку, которую оно ожидало, то и пульс потом нормализуется.

Получается, открытое противостояние для здоровья лучше, чем скрытое?

Чаще – да. Но это Вы и сами знаете.

Что такое «трудоголизм» в Вашем понимании? Каковы симптомы этого «заболевания»?

Речь идет прежде всего о состоянии духа, к которому толкает наш образ жизни. Человек не может без работы. Он постоянно о ней думает, постоянно ее находит. Работает в выходные, работает в отпуске. Весь обмен веществ его настроен на работу.

Здесь важен аспект – любимая работа. «Трудоголизм» очень распространен в творческой и научной сферах. Кафка: «для еды» – работал чиновником, а все свободное время писал до изнурения (в его дневнике – пронзительные строки о том, как он обязывает себя писать, писать и писать, отказываясь от передышек, от общения с любимой женщиной). Гоген: был таможенником, но когда понял, что любимое его дело – живопись, бросил службу и перебивался с хлеба на квас. Репин, академик Павлов, знаменитый микробиолог Луи Пастер – тысячи и тысячи биографий художников, писателей, ученых, режиссеров, архитекторов, строителей, политиков.

Историей жизни Пастера можно проиллюстрировать понятие «трудоголизм». Имя этого человека ассоциируется с изобретением сыворотки от бешенства, с пастеризацией молока и др. Мало кто знает, что еще в юном возрасте Луи перенес тяжелое заболевание и инсульт. Тело его было наполовину парализовано. Фанатично трудясь, он почти полностью вернул себе способность двигаться и мыслить. Деталь: после смерти ученого, на вскрытии, была обнаружена потрясающая подробность – пораженная половина мозга была практически полностью замещена вторым, здоровым полушарием.

Жить с таким человеком, конечно, непросто. Но и здесь возможен разумный компромисс. Зная, с кем имеет дело, мудрая жена Пастера даже

в день свадьбы по дороге из церкви предложила ему заехать в лабораторию.

Но бывают случаи, когда человек «прячется» в труде. Когда у него нет сил на другое и в душе нет места для чего-то еще. Но это, я считаю, еще не худший вариант.

А если он прячется в работу, например, лишая внимания свою семью?

Возможно, человек прячется в работу, потому что ему неуютно в семье, он не знает, как себя вести. Также это может быть связано и с отсутствием закладываемых с детства стереотипов поведения: как жить в «ячейке общества» с удовольствием и радостью.

Как трудовому человеку восстановиться? Традиционно советуют: бассейн, спорт...

Иногда достаточно хотя бы осознания того, что с тобой происходит. Я говорю о созерцании, неспешном наблюдении с последующими выводами.

Либо следует действовать согласно китайской мудрости, утверждающей, что лучшим деянием является недеяние. Это часто наилучший шаг, но решиться на таковой препятствует страх: если я не буду вмешиваться, то все обязательно расстроится, развалится.

Что, на Ваш взгляд, родители могут или должны дать ребенку?

Вопрос, с одной стороны, очень индивидуальный, а с другой – глубоко философский. На мой взгляд, главное, что могут дать родители ребенку, – чувство защищенности и счастливого детства. К упомянутым бесценным состояниям мы потом возвращаемся всю жизнь, ибо они составляют основу психологической устойчивости уже взрослой личности. Показательно «обратное» явление, особенно часто наблюдаемое в семьях с большим достатком. Родители ребенка практически не видят, он последовательно сдается мамкам, нянькам, гувернерам, закрытой школе. Плохо, если в подобном стиле отношений отсутствует самое главное – совместные переживания, совместные дела, совместное преодоление трудностей.

А если нет трудностей?

Если нет – их нужно создать. Варианты? Пожалуйста! Вместе починили сломанную ручку, вместе пришили оторванную пуговицу. Раз-два в году совершили поход пешком или на байдарках. Главное – присутствие разнообразных эмоционально окрашенных ощущений. Вот это и будет настоящим «золотым запасом». Причем, только вашим.

Я работаю классным руководителем. У меня есть ученик, который очень развязно и демонстративно ведет себя на уроках, бросает грубые реплики. При этом учится на «отлично». И родители очень помогают школе. Никакие воспитательные и душевспасительные беседы он не приемлет. Что Вы посоветуете?

Посмотрите, что он приемлет, и действуйте в этом направлении. Обычно таким образом дети пытаются самоутвердиться. Покажите ему такие области взаимоотношений, где для самоутверждения потребуются другие качества, нежели те, которые он демонстрирует. Если это мальчик, то можно воспользоваться спортзалом. Дети очень легко провоцируются на соревнование, так как в состязании присутствует сильный личностный интерес и возможность самоутвердиться. Для Вас же в данной ситуации важна иная плоскость контакта. Ситуация меняется: в классе Вы, по определению, должны быть выше, а здесь – на равных.

Но он же мальчик и легко у меня выиграет!

Ну и что. Выберите именно ту игру, тот вид спорта, где Ваши шансы будут относительно равны. Да и выигрывать Вам вовсе не обязательно! Можете вообще попросить научить Вас, например, играть в бадминтон или теннис. Если даже это неумоготу, попросите подключиться кого-нибудь из коллег. А сами заинтересованно присутствуйте. В этом плане также очень полезны совместные поездки, походы, где люди видят друг друга день за днем в разных обстоятельствах, и особенно «трудотерапия». Взаимопонимание и уважение обычно после таких дел возрастает на порядок, казавшиеся неразрешимыми проблемы вдруг как-то сами собой уходят. Смысл – в смене плоскости контакта и последующем проектировании создаваемых отношений на зону конфликта **лго**

УЧЕННЫЕ СТЕПЕНИ

Все современные ученые степени России без исключения (как и большинство терминов университетской жизни) восходят к практике средневековых университетов, а следовательно, имеют латинские истоки. Но история у них разная.

Доктор (лат. *doctor* — «учитель») — слово, однокоренное «доценту» (русская форма причастия от глагола *doceo* «учить» — *docens*) и «доктрине» (*doctrina*, «учение» во всех смыслах); в Средние века оно преимущественно означало учителя богословия, и наиболее выдающимся фигурам присваивались особые эпитеты: *doctor gentium* (дословно «учитель язычников») — апостол Павел, *quattuor Doctores* («четыре Учителя») — Амвросий Медиоланский, Августин, Григорий I и Иероним.

Когда же слово «*doctor*» проникло в медицинскую область и столь резко поменяло свое значение? В античную эпоху этого не произошло, хотя путь такого развития и намечен древней философией, не раз сопоставлявшей попечение о теле с попечением о душе; лишь гораздо позднее, когда университеты уже давно стали неотъемлемой частью духовной жизни общества, а профессия медика пользовалась высоким престижем, вместо *doctor medicinae* — ученой степени доктора медицинских наук — стало употребляться просто *doctor*, что и соответствует положению в современных языках.

Научная практика знает степень доктора *honoris causa*, т. е. без защиты диссертации, «за заслуги»; последние могут быть как научного, так и совершенно иного порядка. Знаменитый прусский полководец Блюхер, который нанес армии Наполеона смертельный удар при Ватерлоо, получив за этот подвиг от Оксфордского университета степень доктора права *honoris causa*, вступился за своего начальника штаба: «Если уж хотите, чтобы я был доктором, то произведите Гнейзенау хотя бы в аптекари».

Западная ученая степень «доктора философии» в какой-либо науке восходит к структуре средневекового университета, где философский факультет, кроме самостоятельного значения, имел пропедевтический, «общеобразовательный» характер: несколько курсов его надо было окончить, чтобы потом учиться на другом, специальном факультете.

Слово «*магистр*» (лат. *magister* — «начальник», «учитель») стало ассоциироваться со школой достаточно рано, хотя это не первое и не главное его значение: всякий глава по-латыни может называться магистром: так, *pecudum magister* — (дословно «начальник скота») — пастух, *magister navis* (дословно «начальник корабля») — кормчий, *magister officiorum* (дословно «начальник служб») — глава императорской канцелярии и т. д. Сейчас слово «магистр» больше, чем остальные аналогичные термины, отдает чем-то средневековым; но причина единственно в том, что Советская власть с магистрами расправилась радикальнее, чем с кандидатами и докторами (причину такого лингвистического отторжения чрезвычайно трудно объяснить; может быть, это произошло потому, что «кандидаты» сохранились, кроме науки, в политике, а «доктора» — в медицине; «магистры» же, лишенные такого подкрепления, должны были уйти в небытие. Сегодня эта ученая степень сохранилась лишь в богословии.

Кандидат (лат. *candidatus* — дословно «облеченный в белоснежную одежду», от *candidus* — «белоснежный» и «простодушный»). Такого рода облачение требовалось в Риме от кандидатов на высшие государственные должности, выбор на которые осуществлялся народным собранием. Иногда, впрочем, это слово означало любого человека, помогающего чего-либо (*candidatus crucis* дословно «кандидат на крест» — тот, кто слишком уж упорно нарывается на пытку или высшую меру наказания). Кандидату на должность было положено обходить избирателей, выказывая к ним всяческое внимание и любезность; такое обхождение называется *ambitus*, откуда один шаг до *ambitio* — русской «амбиции». Ничего не поделаешь: это неотъемлемое свойство всех кандидатов.

Таким образом, кандидат в президенты или депутаты точнее соответствует исходному смыслу слова, нежели кандидат тех или иных наук. В Российской Империи ученая степень кандидата присваивалась лучшим выпускникам университетов (остальные заканчивали курс «действительными студентами»), современному же кандидату в большинстве случаев соответствовал дореволюционный магистр. Лишь в советское время статус этой ученой степени был серьезно повышен.

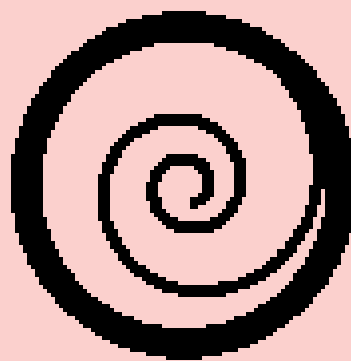
Алексей Любжин

**«Это опасная штука –
нырять в себя.
Можно и не
вынырнуть»**

**Про лицей, или,
точнее, про класс,
похожий на стаю
шумных
и говорливых птиц...**

**Наши люди.
София
Бер-Тамоева**

СОФИЯ ЛЕОНИДОВНА БЕР-ТАМОЕВА

Слова «креатив» и «креативный» ворвались в нашу жизнь столь же стремительно, как и масса других иностранных слов, нахально заполонивших нашу речь и безнаказанно потеснивших русские слова с аналогичным значением. Наверное, именно поэтому Софья Леонидовна вышеозначенные слова не любит, предпочитая называть все то, что она делает, просто творчеством. С ней нельзя не согласиться, поскольку «творит» она в самом деле неустанно и, если можно так сказать, всесторонне – будь то написание очередного сценария заключительной церемонии награждения лауреатов Конкурса школьных изданий, составление профессиональной тетради учителя с магическим названием «Рождественская сказка» или просто написание журнальной статьи о собственных жизненных наблюдениях для очередного номера ЛГО. И все-то у нее получается интересным по содержанию, элегантным по форме и актуальным по тематике. А если еще учесть, что процесс творчества всегда проходит с чарующей улыбкой на устах, с радостно-веселым отношением к жизни во всех ее многогранных проявлениях и с неизменной легкостью, доступной только профессионалу, то любому становится ясно, что перед ним – «креативный директор» или, попросту говоря, истинный творец, создатель, писатель и прочая, прочая, прочая.

Зинченко Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, действительный член Российской академии образования, почетный член Американской академии искусств и наук. Он автор изданных на многих языках 350 научных работ и книг, посвященных общей, когнитивной, детской, экспериментальной, инженерной психологии, а также психологии искусства и культурологии

«ЭТО ОПАСНАЯ ШТУКА – НЫРЯТЬ В СЕБЯ. МОЖНО И НЕ ВЫНЫРНУТЬ»

**Интервью с доктором
психологических наук В.П. Зинченко**

Владимир Петрович, как Вы относитесь к психологу в школе?

В высшей степени положительно, но только надо, чтобы это действительно был психолог. Но, увы, хороших психологов еще меньше, чем по-настоящему хороших учителей. Наши школы долго обеспечивались психологами административным способом: хочешь работать – иди в Ленинский пединститут и через 9 месяцев получишь нужный диплом. Хорошо, если это умный человек, который понимает, что у него недостаточно знаний и продолжает свое образование, не делая насчет детей категорических заключений, во всяком случае – первые годы, который не слу-

шает директора, требующего сиюминутного ответа: умный ребенок или глупый.

А ведь еще и трехмесячные курсы есть! Да что там! «Психологическая газета», которая издается в Санкт-Петербурге, приводит объявления, которые размещаются в прессе да и просто висят на заборах: «Приглашаем на курсы парикмахеров, бухгалтеров, медсестер, психоаналитиков, массажистов. Срок обучения – 1 месяц. Группы: утро, день, вечер. Выдаем сертификат соответствующего образца». Пожалуйста, идите и за месяц получайте звание психоаналитика! И сколько их теперь, получивших такую корочку?.. А психология – это наука. В цивилизованной стране

психоаналитиком может стать человек, который получил высшее образование и 14 лет работает под руководством тьютора. Психологом в школе может работать лишь специалист со стажем. А для того, чтобы получить право самостоятельно тестировать, надо три года поработать с тестами. Так что все это очень серьезные вещи. Ведь в нашем деле один человек решает судьбу другого!

Представим себе, что в школе есть хороший психолог. Допустим, Вы...

А кто Вам сказал, что я хороший психолог?

Но Вы ведь заслуженный человек, столько лет жизни посвятили этому...

В школе я, наверное, мог бы быть и хорошим психологом. Я пять лет преподавал логику и психологию, когда эти предметы там были. Это начало 50-х годов. Я работал с 9–10 классами. Но это не означает, что я смог бы тестировать первоклассников. Это совершенно другие задачи и даже другая профессия. Я же не одессит, чтобы впутываться в чужие дела.

Многих современных детей одолевает лень, равнодушие. Что Вы об этом скажете?

Только то, что с детьми заниматься надо и любить их! Папа должен ходить с сыном или дочерью гулять, читать им книги, как когда-то мы читали... Было вечернее чтение толстых книг, когда вся семья собиралась, и кто-то из взрослых читал вслух. И это вовлекало детей! А как иначе? Или вместе с детьми сделать матери какой-то сюрприз. Не пойти и купить веник, а вместе сделать какую-то работу по дому.

Часто дети, даже из вполне благополучных семей, испытывают сильное чувство одиночества...

Правильно. Чем более благополучны родители, тем больше они заняты собой. Почему нормальные дедушка и бабушка «вцепляются» в своих внуков? Да потому, что они своим детям не доплатили и стараются внукам переплатить. Это чувство вины. Несчастное поколение сейчас растет:

выросли, вкрутились в бизнес и помнят, что их родители на них внимания не обращали. Они так же, по инерции, успокаивают себя рассуждениями вроде: «Мы же деньги даем. Есть няньки. Ребенок сыт, обут, одет, и ладно».

Я только что вернулся из Финляндии. Там ведь настоящий социализм, не то, что у нас. Там нет голодных, бездомных, но зато сформировалось уже третье поколение безработных, живущих на соцобеспечение. У них ни целей, ни задач. Ему хоть кол на голове теши – ни образования, ни работы не надо. Он хочет скорее сесть на шею, как сидят его мама с папой, как сидели его дед с бабкой на этом соцобеспечении. Все – кончилась мотивация, нет мотивации достижения в семье! А у нас обратная сторона беды – гипермотивация достижений: давай, давай... Дети бизнесменов в хороших школах учатся, но папам и мамам не до них. Но одиночество – штука коварная. Взрослый человек, находясь в одиночестве, до чего только не додумается... А что говорить об одиноких детях? Есть даже термины такие – «коммуникативная дистрофия», «игровая дистрофия».

Что бывает с людьми, пережившими «коммуникативную дистрофию»?

У них чувства юмора нет. Иногда они неплохо устраиваются. Становятся, например, чиновниками. А игровой момент у них, у наших чиновников, часто на взятки направлен – как больше «слупить» с пришедшего...

Ребенок нуждается в общении и в каждом возрасте должен получить необходимое ему на данном этапе внимание.

Детское одиночество – это страшная вещь. Ребенок чувствует себя одиноким, находясь в семье, в школе. Вроде бы даже у него есть друзья, но он зачастую в наше время все равно одинок...

Одиночество тоже нужно. Ведь цивилизованный европейский жилищный стандарт какой? $N + 1$, где N – количество членов семьи и плюс общая комната. Для духовного роста необходимо, чтобы каждый мог побыть наедине

Зачем психологу искусство? Ведь есть тесты, методики, программы тренингов. Современный психолог вполне может обойтись и без искусства.

Вы меня удивляете. Искусство – неисчерпаемый источник гипотез и эвристик для науки. Искусство опережает науку в познании души и мира вещей. Оно

сохраняет мир целостным, а наука дробит.

Смотрите сами: для математика Колмогорова Пушкин – источник эвристик; великий Гумбольдт,

с самим собой. Но, с другой стороны, когда он все время один...

Ведь не случайна поговорка: «Дорого яичко к Христову дню». Чем занимается психология развития? Вот она и ищет этот «Христов день» и для младенца, и для дошкольника, и для старшеклассника, чтобы игра вовремя сменилась учебной деятельностью, чтобы подросток задумался.

Подростковый возраст – он же прелестный! У них постоянное общение. Они друг с другом часами разговаривают, не оторвешь от телефона. И плевать они хотели на уроки.

И что – это нормально?

Абсолютно. А спроси его, о чем разговаривали, – он не ответит. Это тренаж общения. И вместе с тем поиск приложения своих сил. Если родители и школа не помогут ему, не дадут какой-то перспективы и вариантов, куда силы приложить, то он сам их приложит – и вы не обрадуетесь...

Я в Японии захожу в школу. Класс. Довольно большое помещение, маленькие столики. Детишки – каждый занят своим делом. Присматриваюсь. У одного – кисти и краски (кисти почему-то все колонковые), у другого – фломастеры, у третьего – фанерка, лобзики, молоточки, у четвертого – морская галька, клей, кисточки (он мастерит композиции), у пятого – бумага (он делает оригами), у шестого – цветная бумага, какие-то аппликации... Спрашиваю педагога: «Зачем такое разнообразие?» Отвечает: «Как зачем? Ребенок должен найти себя в материале. Ну, не получается у него из пластилина – он возьмет краски...»

Выбор – необходимая вещь. Если пространства выбора не существует у человека, у него появляется чувство собственной никчемности.

И, бывает, впадает в отчаяние... Как психолог может помочь ребенку преодолеть такое состояние?

А работа школьного психолога заключается в том, что он должен посмотреть в глубину страдания ребенка. Если он не в состоянии ему помочь, его дело – правильно сориентировать и родителей, и педагога. Ведь могут быть разные вещи, вплоть до

глубокого аутизма. Психолог обязан вовремя распознать состояние ребенка и направить, при необходимости, к узкому специалисту. Как в медицине – работают стоматологи, окулисты, терапевты, так и в психологии есть свои специализации. Ведь духовный организм не проще телесного. Кто-то жалуется на несосредоточенность, невниманье, кто-то – на слабую память, кто-то очень инертный, или слишком активный. Дети ведь, слава Богу, все разные. Если бы они были одинаковые, то учителям, конечно, было бы легче, но скучнее.

Чем, на Ваш взгляд, психологически отличаются современные дети от детей Вашего поколения?

Я принадлежу к военному поколению, но не помню ни одного случая, чтобы с 1938 по 1948 годы моего пребывания в школе кто-то из учеников впадал в ярость, кидался на пол, сучил ногами... Я увидел это уже после войны, когда выросло поколение безотцовщины. И сейчас приходится наблюдать, как ребенок в школе испытывает сильные отрицательные эмоции. А куда деваться? Ведь сейчас очень много факторов, которые провоцируют не только детей, но и взрослых. Подраспустили нас немножко с дисциплиной, вот мы и детишек своих подраспустили тоже. В советское время было так, что особенно не забалуешь...

Ребенок ведь зачастую сам страдает от таких вспышек?

А любой истерик в первую очередь сам страдает. Но взрослый истерик всегда знает, где его границы и выбирает момент – когда, при ком, в какой ситуации «вспыхнуть». А у детей такого ума еще нет... Но это же, в общем, мировая проблема. У нас, слава Богу, я не слышал такого, чтобы дети брали автоматы и расстреливали своих одноклассников. А за океаном это происходит непрерывно, хотя таких экономических проблем, как у нас, нет.

Как Вы это прокомментируете?

Я не раз бывал в американских школах. Вот эпизод. Иду вместе с директором школы во время перемены. Вдруг ученик окликает его: «Бобби,

Разговор корреспондента с В.П. Зинченко

известный как лингвист, пришел в науку из искусства. А пример Гете? Он не только слыв науки и искусства, но и выдающийся дипломат.

То есть на конференции «Психология искусства» главное искусство?

С моей точки зрения, психологам нужно еще учиться у искус-

ства пониманию личности человека. Например, у Набокова в «Камере обскура» или «Защите Лукина» дан анализ личности, недоступный современной психо-

Заметки на полях

Бобби». Директор делает два шага навстречу школьнику, наклоняется к нему: «Что?» А тот его – раз, как щелканет по носу... А я тогда подумал: «А если бы мой сын щелкнул своего директора?» Да меня бы из академии выгнали! А в Америке студент называет профессора «Джимми». Там так принято. Хотя это не значит, что он может прийти к нему, не подготовившись к экзаменам или консультации... А в Германии, например, такое панибратство невозможно. Там – четкая иерархия. Нужно на все пуговицы застегнуться, прежде чем подойти к профессору. Просто разные традиции, которые и дают разные плоды. Вот такой комментарий.

А как бороться с детской распущенностью?

Если на мой характер – я бы подзатыльник дал. А иного, например, можно взять только спокойствием. В общении важны нюансы. Вы же знаете, как подойти к одному взрослому и как – к другому. Вы ведь варьируете – и отношения различные, и подходы различные. То же и с детьми. Нет универсального рецепта.

Что Вы скажете о подростковых увлечениях, влюбленности?

А что сказать? Я слышан и знаю о том, что ребенок в курсе, что такое секс, но может дорасти до седых волос и не понять, что такое любовь. До секса он и сам может додуматься... Вспомните: «Любови нас не природа учит, а первый пакостный роман...» Это же Александр Сергеевич. Не помните? А для того, чтобы вы не подумали о том, о чем сейчас подумали, он взял и зачеркнул это, и написал: «...любови нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан».

Он имел в виду легкий французский роман...

Да, который, тем не менее, назвал пакостным. Так что здесь есть и какой-то эпатаж, и шутка, но и нечто серьезное. «Давно сердечное томленье томило ей младую грудь. Душа ждала... кого-нибудь, и дождалась... Открылись очи...» Она уже себе построила (между прочим, на основании романов!) образ суженого. «Владимир Ленский, с душою прямо геттингенской...» ей, видите ли,

не подошел. Ей «лишнего человека» подавай – Онегина.

Откуда мы узнаем о чувствах?

Не из непосредственных впечатлений, даже если подглядывать за мамой и папой в замочную скважину. Мы узнаем о любви из искусства, из поэзии, из литературы. Должны, во всяком случае. Ведь искусство подготовило для нас совершенно необыкновенную палитру чувств, а мы к ней спиной поворачиваемся. Был у нас такой замечательный мыслитель – Алексей Алексеевич Ухтомский. Он говорил: «Песни Петрарки и Данте стали учителями дальнейшего человечества». Вот вам образцы! Человеку нужны символы, а не только «непосредственные впечатления». Посмотрите, как описывает любовь Лев Николаевич Толстой! Он же говорит, что Анна с Вронским до того, как между ними что-то началось, построили символическое тело любви. Тело любви, тело чувства!.. Найдите эти страницы, где описывается то, что происходило с Вронским! Есть то, что называется «высшими эмоциями», «умными чувствами». А этому может научить только искусство, только культура – культура души, культура тела. А где она, душа?

Да, где она, душа?

Загнана, уязвлена. Духовное и культурное развитие человека совсем близко, совсем рядом. Что такое «духовный человек»? Это тот, который задумывается о своей собственной судьбе, о вечности, о смысле жизни; о том, кто я и что; какова моя правда и моя истина; каково мое место в жизни. Причем, к духовному развитию – науки, будь то физиология или психология, едва-едва прикасаются. Очень сложный предмет для исследования. Александр Сергеевич Пушкин, когда ему было от роду 33 года, за несколько лет до смерти написал князю Вяземскому, что наконец достиг такого духовного возраста, что может поставить перед собой такие-то задачи... Это же не ваш ученик 10 класса говорит! Это Пушкин! Так он оценивает уровень своего духовного развития! Другое дело – культурное развитие, которое отличается и от духовного, и от психического.

Международная конференция «Психология искусства»

логии. Особенно для психологов интересна поэзия. В поэзии раскрываются тонкости души. Анна Ахматова в одном из произведений задает вопрос: «Что нужно

сделать, чтобы забыть тебя навек?» Сама постановка вопроса для современного психолога, воспитанного на экспериментах по забыванию, неверна.

Он хорошо осведомлен о кривой Эббингауза. Однако Ахматова сама же и отвечает: «Видеть каждый день». Искусство может быть противоречиво в себе и с первого

Заметки на полях

Кого мы считаем культурным? Всезнайку, эрудита, который может отличить Гегеля от Гоголя; знает, где что лежит; бывает в музеях; читает книжки? По тестам мы можем определить уровень культурного развития человека. Дали идиотские вопросы, которые собирают в экзаменационных листах для ЕГЭ, – он безошибочно ответил, и мы решили: да, это человек культурный. А его в глаза не видели. А вот решить духовный или недуховный человек – заочно мы не можем. Это совершенно другая ипостась, которой в школе уделяется все меньше и меньше внимания, поскольку гуманитарная составляющая (и литературное образование, и сочинения, которые когда-то неплохо писали советские дети) все больше урезается. Сочинения заменяются изложениями, диктантами. Это и есть формальная грамотность. А душа – уменьшается...

Говорят, что раньше психология была наукой о душе, а теперь стала наукой о ее отсутствии. Так и есть. Пытаемся, конечно, что-то восстанавливать. Помните цикл стихов Марины Цветаевой «Час души»? «Дитя, и час сей – бьет... Дитя, и нож сей благ». Не пропусти этот час. А пропустишь – страшно может быть. Но это нужно делать тонко, умно, красиво, а не вести эти бесконечные и бессмысленные разговоры о том, когда и как вводить половое воспитание, что показывать, а что не показывать... Это совсем другое. Даже наш не до конца похороненный классик Ленин говорил, что без человеческих эмоций не может быть искания истины. Но должна быть нормальная эмоциональная сфера, а не вспышки гнева и истерики. Надо этому гневу противопоставлять какие-то другие вещи, связанные с выражением человеческих чувств.

А как можно научить детей испытывать благородные, возвышенные чувства? Культура и искусство – понятно, но сейчас жизнь устроена так, что это им не интересно. Я недавно познакомилась с замечательным 15-летним мальчиком, очень умным, из хорошей семьи. За 3 недели на отдыхе он прочитал 40 страниц романа Гончарова. Он читал каждый день

и прочитал только 40 страниц! И ему даже нравился роман. Там не было телевизора или компьютера, которые его отвлекали бы. И тем не менее... Складывается ощущение, что дети отвыкли читать с удовольствием, что-то произошло...

Ну, я думаю, что если бы ему дали «Робинзона Крузо» или «Дети капитана Гранта» в этом возрасте, то он не оторвался бы.

Он еще может заставить себя почитать то, что ему требуется по программе, а что-то дополнительное – нет. Сейчас есть экранизации. Он посмотрит фильм и все.

А как вы ему поможет, когда есть такие противники? Мы же догоняем Америку! Есть же соблазны. Как говорят умные люди, дьявол соблазняет, и не тело, заметьте, а душу... Он подбрасывает соблазны. В Америке делают комиксы из «Анны Карениной» и «Войны и мира». И наши тоже на всех парах движутся к этому. «Сверхкороткое изложение классиков» на лотках – как вам?

Я помню, как в 9 классе читал «Преступление и наказание». Вроде бы унылая вещь, но меня завлекло! Повезло с учителем литературы. У нас была замечательная Надежда Афанасьевна Грановская. Мы через 50 лет после окончания школы встретились в Харькове, я один был гуманитарий, а все остальные (понятно – послевоенные годы) – инженеры, врачи, биологи, физики, военные... Собрались мы, и один мой бывший одноклассник, полковник в отставке, говорит: «Если бы не Надежда Афанасьевна, я бы не научился думать». Ведь это были глухие сталинские годы, а думать учили. И благородству учили. Кстати, на великой русской литературе.

Может быть, потому что сейчас человек больше обращен ко внешнему, а не к себе?

Вы перепутали местами следствие и причины. Наоборот, литература помогает человеку заглянуть вглубь себя. Великий поэт Уильям Блэйк говорил: «Поэзия нужна для того, чтобы обратить очи внутрь своей души». Вот что бесконечно интересно психологии – внутренний мир.

Разговор корреспондента с В.П. Зинченко

взгляда противоречит психологии, но это ощущение возникает от того, что психология еще не поняла ДУШУ человека, доступную искусству.

Психологам необходимо снять пелену науки, «очки понятий», попытаться проникнуть в тайну личности. Знали бы мы, что есть любовь, не будь

Данте, Пушкина, Мандельштама?

Самарское общество психологов

Заметки на полях

А как быть с определением: «Психология – это наука об отражении объективного мира»?

Это совершенно идиотское определение. Да плевать я хотел на этот «объективный мир», когда у меня есть свой собственный внутренний. Мне он что, менее дорог, чем объективный? Конечно, я могу стать жертвой своего собственного внутреннего мира, его заложником, но мой мир может служить для меня и убежищем. Это положительная функция одиночества, между прочим. Еще Иван Андреевич Крылов дал такую старую, как мир, рекомендацию: «Не лучше ль на себя оборотиться?» И собой заинтересоваться... Это еще, кроме всего, и интересно. Но психологи очень мало занимаются «своим собственным миром». Я своим студентам преподаю именно так, как вам говорю. И стараюсь им глаза «вывихнуть», чтобы они на себя оборотились. В окружающем мы как-то худо-бедно разбираемся, а вот свой собственный – это задачка похитрее будет!

А как психология решает такую задачу?

Есть умные люди, которые ставят такую задачу, но это непросто. Между прочим, возбраняется дикий психоанализ, когда сам человек выступает собственным психоаналитиком. Можно погубить себя. Чтобы у вас не было иллюзий, что психология – это легко и просто, Зигмунд Фрейд сказал: «Психоанализ подобен ножу хирурга». А хирург может вырезать не то, что надо. И психоаналитик тоже может изуродовать человека. Словом можно вылечить, а можно и убить. Это известная вещь. Н.С. Гумилев писал: «Солнце останавливали словом, Словом разрушали города...» Но самокопанием заниматься иногда полезно, потому что культура невозможна без рефлексии.

Но не чрезмерной рефлексии?

Мышьак – это и лекарство, и страшный яд. Так что дозировка везде должна быть. Мы, знаете ли, устроены, как дельфины. Помните, как они плавают? Нырнул – выскочил, нырнул – выскочил... Можно нырнуть и не выскочить, или выскочить в доме призрения, в психушке. Это опасная штука

ка – нырять в себя. Можно и не вынырнуть. Но это уже предельные ситуации...

Какую задачу Вы считаете наиболее важной для психологов и педагогов?

Например, такую, чтобы у детей развивалась визуальная культура, чтобы они могли жить в образах, работать с ними, и чтобы у них было на это время. Это еще раз к вопросу об одиночестве. В детстве, если я посмотрел фильм, то потом это долго переживал. Тогда ведь было редкостью пойти в кино. А сейчас дети: в любой момент воткнули кассету в видеомагнитофон и посмотрели. У них нет времени даже пережить, прочувствовать то, что они увидели. Для этого нужны какие-то паузы. А язык, языковая культура?..

Я систематически в разных аудиториях со своими студентами в контексте психологии играю в такую игру. Сюжет, который я развиваю, иллюстрирую поэзией. Я называю пушкинскую строчку и прошу продолжить. В ответ – тишина... Ну и где это «наше все»? Уже Пушкина никто не знает. «Узрю ли русской Терпсихоры...» чем «продолженный полет»?

Я тоже не знаю.

Душой!

Поэзия школьникам необходима?

Обязательно. А как же иначе? Я даже книжку писал: «Возможна ли поэтическая антропология?» Поэты, между прочим, на столетие опережают развитие науки. У них голова устроена как-то совершенно иначе...

Вообще, культура, к вашему сведению, – это усилие. Это не продажная женщина: она в объятия первому желающему не бросается. Это я не свои слова говорю, а Пастернака. Культура берется гораздо большим усилием даже, нежели физика или алгебра. Вот Мераб Мамардашвили говорил: «Культура – это усилие человека быть человеком». Вот я и желаю вам, чтобы вы человекoв выпускали из своих школ, лицеев и гимназий **лго**

Беседовала София Бер-Тамоева

Владимир Зинченко:

«Работа школьного психолога заключается в том, что он должен посмотреть в глубину страдания ребенка»

Заметки на полях

Как-то мне приходилось читать о психологе, который в течение дня ходил по пятам за одним ребенком и повторял в точности все его движения. К вечеру психолог свалился, совершенно выбившись из сил, а малыш, резвый и веселый, продолжал носиться, как заводной. Мне предстояла похожая задача. Объектом моего наблюдения по заданию ЛГО должны были стать ученики седьмого класса одного столичного лицея. Как им живется?

ПРО ЛИЦЕЙ,

ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ПРО КЛАСС, ПОХОЖИЙ НА СТАЮ ШУМНЫХ И ГОВОРЛИВЫХ ПТИЦ, В КОТОРОМ ИНОГДА ССОРЯТСЯ И ОБИЖАЮТ ДРУГ ДРУГА, НО ВСЕ РАВНО ЭТО ОДНА БОЛЬШАЯ ЛИЧНОСТЬ, НЕПОВТОРИМАЯ И СОСТОЯВШАЯСЯ

Уже начало оказалось непростым. Подъем в семь утра воспринимаю как пытку. Кошмарный, нескончаемый трезвон будильника. Сил никаких нет, но с усердием, достойным барона Мюнхгаузена, беру себя за шкирку и поднимаю. Протираю глаза. За окном – тьма египетская. Умываюсь и, хоть организм уже давно отвык принимать пищу в такую рань, – даешь чистоту эксперимента! – вливаю в себя чашку крепчайшего кофе и, давась, жую булочку с маслом (не я ли постоянно ратую за пользу завтраков?).

До моего лицея час пути на общественном транспорте – обычное дело для тех, кого не подвозят на машинах. Начало занятий – ровно в девять. Опаздываю на десять минут. Охранник, заранее предупрежденный о моем визите, удостоверился, что я та, за кого себя выдаю, и пропустил. Уговариваю гардеробщицу разрешить повесить пальто. На лестнице в меня врывается мяч. С ловкостью, которую в себе и не подозревала, останавливаю его ногой. Поднимаю глаза – два ученика, каждый выше меня на голову. Ага, прогультыки. «Вы из какого класса?» – спрашиваю

строгим голосом. «Из десятого, – смущенно отвечают, и тут же находят, – а Вы кто?» Ну что на это скажешь? «Важная персона. Неужели не видно?» – и, пряча улыбку, прохожу мимо.

Нахожу свой седьмой класс. Там идет урок биологии. Ведет его завуч Светлана Афанасьевна. Тихонько прохожу, занимаю заднюю парту. В классе двадцать учеников (по моим сведениям, всего их двадцать пять, значит, пятеро болеют). Внимательно разглядываю каждого (увы, только со спины). Правда, некоторые затылки так выразительны...

Светлана Афанасьевна спрашивает домашнее задание, потом рассказывает о разных царствах живой природы – растениях, животных, грибах и бактериях, а в конце останавливается на хламидомонаде – микроскопическом существе (дивной, оказывается, красоты). «Как вы думаете, почему ей дали такое название?» – вопрошает она класс. Со всех сторон звучат выкрики. Версий много, но все мимо. «От слова “хлам”», «от слова “лимонад”». Я еще не настолько вжилась в роль, чтобы поднять руку и сказать «хламида», но порыв был. Кстати,

выясняется, что прекрасная хламидомонада при размножении проявляет исключительную жертвенность – давая жизнь своему потомству, сама погибает...

Звенит нечто, напоминающее мелодию моего мобильного телефона. Только успеваю понять, что это звонок на перемену, как остаюсь в классе вдвоем с учительницей.

Следующий по расписанию – мастер-класс по журналистике. Обычно его ведет директор, но сегодня с детьми занимается лицейский психолог Оксана Петровна. Тема занятия: «Как по-разному реагировать на одну ситуацию». Получив разрешение, сажусь рядом с учительским столом – теперь я всех вижу. Прямо напротив меня сидит Кирилл. Впрочем, «сидит» – сказано неточно. Он беспокойно ерзает, то кладет голову на руку, то откидывается на спинку стула, играет ножницами... Вдруг снимает ботинки (чтобы с удовольствием размять пальцы ног?), вытягивает из них шнурки. Выражение лица самое серьезное. Ах вот оно что: мальчик быстро разворачивается и стегаёт шнурками сидящего позади Костю. За это Кирилла, конечно же, «ссылают на камчатку». Видимо, в ссылку люди едут с тяжелым сердцем: по дороге мальчик роняет тетради, учебники, а под конец – портфель. На секунду останавливается: поднять – не поднять?

А в классе тем временем обсуждается ситуация: как реагируют ученики на плохую оценку? Встает Кирилл: «Пинаю стенку, бью диван, а потом полчаса играю в какую-нибудь “стрелялку”, чтобы там со злости всех расстрелять и вообще быть крутым...»

«Если с тобой поступают несправедливо, лучше уйти из школы», – говорит Оля.

«Ребята, нужно сделать так, чтобы учитель как бы случайно из окна упал!» – выкрикивает Антон. Все одобрительно смеются.

Задача Оксаны Петровны – склонить класс к разумному решению: начните с попытки разо-

браться в ситуации. Попробуйте выяснить, в чем причина плохой оценки, и либо исправить собственную работу, либо доказать свою правоту. И дети соглашаются: конфликт не всегда происходит оттого, что учитель плохой. Просто иногда мы не хотим услышать друг друга. Уважение к другому – залог того, что и тебя уважать будут...

– И не надо говорить запретного слова на букву «Т»? – комментирует улыбаясь Юля.

Я не успеваю понять, что это значит: звенит звонок. На этот раз дети не убегают, а окружают меня. Перемена после второго урока двадцатиминутная, но завтракать идут не все. Кажется, они успели ко мне привыкнуть: интересуются, как меня зовут, и сколько стоит мой фотоаппарат.

– Вы только фотографии не используйте в плохих целях, – просит Кирилл, – а то их еще смонтируете с какими-нибудь картинками, типа как мы убиваем кого-нибудь.

– Кого же?

– Ну, президента. А то потом меня в тюрьму посадят.

– Ладно, – соглашаюсь, – а что это там за слово было на букву «Т»?

– И тут выясняется, что мой собеседник бьет все рекорды по количеству прозвищ.

Прозвище – это такая штука, которая может быть и обидной, и нормальной. Это то, чем тебя уменьшительно, а иногда и неласкательно называют, когда твое имя длинное, или много таких имен, или ты какая-нибудь крутая или отстойная личность, или чтобы тебя выделить.

Настя

– Это слово «тосол», такая жидкость для охлаждения двигателя, – объясняет Кирилл. – Когда я был в 6-м классе, все время носил с собой синеватую бутылочку с чаем. А один пацан придумал, что я пью тосол – он ведь синеватый. И раз я пью его, значит и сам «тосол». Но теперь это слово запретное, чтобы меня не ранить. А еще меня одна девочка зовет «Интокраник».

– Это потому, – поясняет Юля, – что он в прошлом году на английском сказал, что вода течет «инт о краник». А еще его иногда называют Шимпанзе. Он от этого так злится – ужас просто!

– Шимпанзе? Но почему?

– Потому, что он сидит и все время чешет голову пятерней.

– Да она у меня чешется! – оправдывается Кирилл.

– Мыться надо чаще! – со знанием дела говорят девочки.

– Мне нельзя, волосы выпадают, – с охотой подставляет голову. Я запускаю руку ему в волосы и тяну.

– Ничего не выпало.

– Это сейчас, – убеждает Кирилл, – а когда у меня были длинные волосы, то выпадали.

Потом у нас с ним состоялся «личный разговор»:

– У вас в классе принято обижать друг друга?

– Да.

– Ты почему обижал Костю?

– А потому, что он меня в одно место тыкал своим дурацким ботинком.

– Значит, ты мстительный товарищ?

– Да. И злопамятный.

– А какие еще недостатки у тебя есть?

– Болтливый, ненавистный.

– А достоинства?

– Не знаю. Скорее всего, я умный. А может быть, и нет...

– Ты считаешь себя талантливым?

– Если за талант считать мою ботаничность, то я очень талантлив. Ботаничность – то переплет знаний. Так часто называют человека, который очень хорошо учится – «книжный червь». Хотя я – не червяк.

– Кто же ты тогда?

– Интокраник, из которого течет тосол.

Третий урок – алгебра. Умножение и деление чисел в степенях. Учительница Ольга Леонидовна – молодая, стройная, в строгом черном брючном костюме. Еще раз убеждаюсь, что женщины-математики – особые женщины, работают без лишних сантиментов.

На перемене выхожу в коридор и наблюдаю «живую картину». Несколько одноклассников схватили Кирилла за руки-ноги и тащат вниз по лестнице. У всех – дикий восторг, мальчик, кажется, тоже не прочь развлекаться. На их счастье, поблизости нет никого из учителей. Веселье прерывает трель звонка, все бегут в класс. Волосы Кирилла теперь еще больше растрепаны, брюки в пыли, пуговицы на рубашке расстегнулись... Вот такой он лицеист, просто обыкновенный мальчишка.

Урок русского языка. Учительница Ирина Евгеньевна, наверное, и не подозревает, что выделяли ее ученики минуту назад. «Спокойно, спокойно», – говорит она, видя их возбужденные лица. На удивление быстро все успокаиваются.

«А еще его иногда называют Шимпанзе. Он от этого так злится – ужас просто!»

«Изучаем деепричастие». Тема как тема, но у Ирины Евгеньевны есть множество способов сделать ее интересной. Сначала к доске выходит девочка Женя. А класс стал эдаким многоголовым учителем – все задавали Жене вопросы и исправляли ее, если она ошибалась или допускала неточность. Потом у доски ее сменил Саша. Он – в роли учителя. Выбирает, кого спросить, и задает вопросы. Все оживлены и довольны. Тут ритм урока изменится: дети получают задание написать мини-атюру на тему «Мои каникулы» или «Мой лицей» с использованием деепричастий в предложениях. Желающие (а их в этом классе всегда много) прочитав у доски свое сочинение тянут руки. Прочитав, каждый выслушивает замечания класса. Мне понравилось, что ребята не боятся друг друга критиковать, и никто на это не обижается. Очень часто выступал Кирилл – и всегда находил, за что похвалить каждого.

Сегодня у «моего» седьмого два урока английского. Класс разделен на четыре группы: три по уровню знаний, а четвертая – для тех, у кого это второй язык. Иду в большую – и, разумеется, в сильнейшую группу (у многих это любимый предмет). Ведет занятие милейшая, обаятельная Светлана Борисовна. В лицее вообще все учительницы такие симпатичные, что может показаться, будто их по внешности подбирали. И, что особенно приятно, тут полно мужчин-учителей. Это в наше время большая редкость, чаще в школах настоящее бабье царство. А учиться в них, на мой взгляд, то же, что расти в неполной семье.

На уроке дети усиленно шевелят мозгами, а я позволяю себе расслабиться: все английские слова, которые я знаю, почерпнуты в основном

из хипповского сленга, мой официальный иностранный – немецкий.

После пятого наступает самая большая, получасовая перемена. Полагается обед. Что ж, посмотрим, чем тут кормят... В дверях столовой сталкиваюсь с Анжелой Вячеславовной – куратором седьмого класса. Куратор в лицее – это «вторая мама». Домой уходит, только проводив своего последнего ученика. Вот и Анжела Вячеславовна прибежала с температурой в школу. «У нас особые отношения, – говорит она, – весь прошлый год мы на каждые выходные выбирались куда-нибудь, всегда вместе справляем праздники, а на дни рождения устраиваем имениннику сюрпризы. Вот, например, когда у Кирилла был день рождения, я его задержала в лицее, а ребята все поехали к нему. Он приезжает домой, – а там вопли радости, поздравления, подарки...»

Последние два урока – музыка. Влетаю в класс в тот момент, когда Татьяна Евгеньевна (она сегодня первый день в лицее работает) рассказывает о трогательной привычке маленького Моцарта каждый вечер перед сном целовать своего отца Леопольда в нос. Всех это ужасно развеселило. Класс как будто обрадовался возможности расшуметься, но тут Татьяна Евгеньевна рассказала о своей собственной привычке. Оказывается, когда ей что-то не нравится, она не ругается плохими словами, а нажимает на клавишу: вот так (раздается пронзительный звук).

Нам рассказывают столько интересного, но это уже седьмой урок... Некоторым явно хочется размяться: не дождавшись перемены, они дубасят друг друга кулаками по спине, дергают девчонок за волосы. Другие откровенно позевают. Я тоже припоминаю искусство спать с открытыми глазами...

Дождусь перемены и сбегу домой... И все же решаю остаться: уж если бедные детки терпят... На втором уроке музыки Татьяна Евгеньевна просит сдвинуть стулья полукругом вокруг рояля: заниматься пением. Воспользовавшись образовавшейся чехардой, мой Марков и еще пара непосед залезли под стол в углу и забаррикадировались. Правда, вскоре им сделалось скучно, и они стали усиленно хихикать, чтобы их заметили и вызволили...

Дурашливое веселье вконец овладело классом: вместо ноты «ре» какие только звуки не издают лицеисты – кто-то воет волком, кто-то подражает сирене пожарной машины, а кто-то кричит «уа», видимо, вспомнив первые минуты своего появления на свет... И тут совершается маленькое волшебство: Татьяна Евгеньевна садится

к инструменту и очень красивым сопрано поет «Со вьюном я хожу, Золотым я хожу...» Все замерли. «Хотите научиться красиво петь?» – тихо спрашивает она. И оставшиеся двадцать минут уже присмиревшие ребята разучивают эту и еще другую, уже ковбойскую песенку...

Уроки закончились поздно – без четверти четыре. Мои семиклассники разбежались, мне можно идти домой, но почему-то уже не хочется. Как-то тепло и душевно в этих стенах. Брожу по коридорам, разглядываю фотографии на стендах, заглядываю в классы, где идут дополнительные занятия – мастер-классы (тут их великое множество – на любой вкус)... На лестнице опять встречаю Анжелу Вячеславовну, она в компании какой-то девушки. Это Серафима – выпускница лицея прошлого года, а ныне студентка полиграфического института. Как и большинство выпускников, она захаживает в лицей – повидаться с учителями и друзьями. Знаете, говорит Серафима, у нас не классами дружат, а всем лицеем. «Ну, как Вам у нас?» – спрашивает она. Честно отвечаю, что была бы не прочь сама здесь поучиться... **ЛГО**

Мой класс – это что-то неожиданное, большое и шумное. Услышав в каком-то кабинете грохот, догадываюсь: это наш класс. Так что наш класс – одна большая личность, сама по себе неповторимая и состоявшаяся.

Юля

Наш класс – это большая стая шумных и говорливых птиц, от которых исходит огромная энергия, поглощающая других. Нас так все называют, потому что:

*Мы кричим и смеемся,
Мы портфелями деремся,
По лицу мы несемся
И бумажками плюемся.*

Но на самом деле мы похожи на добрых, беззащитных птенцов. Не правда ли?

Настя

Если выйти во двор, где дети, крича, улыбаясь, кидаются снежками, сразу поймешь – пришло время зимних каникул. Из кидających детенышей человека до старости доживут только сильнейшие – таков естественный отбор. По системе выживания живут они и в школе. Эту систему устанавливают учителя, оценивая жизнеспособность определенными баллами. При такой жизни каникулы просто необходимы.

Антон

Этимологический словарь

ЧАСТНАЯ ШКОЛА

С этим словосочетанием могут встретиться определенные смысловые сложности: так, в Москве начала XIX века частными училищами называли государственные школы, относящиеся к территории той или иной полицейской части; то, что мы называем частными школами сейчас, именовалось училищами *приватными*. Рассмотрим оба эти слова по отдельности.

Частный — прилагательное от слова *часть*, в древнерусском языке — это *доля, земельный участок, наследство*; этимологически слово связано с такими, как, например, *кусок*. Модернизация значения в современном смысле относится к XVIII веку. Уже Словарь Академии Российской дает такую статью для слова «частный» (слово «приватный» в него не включено): «Частный, -ная, -ное, прил. 1) Составляющий часть целого, дробный. Частное число. 2) Тот, который не имеет никакой государственной должности, службы, сам собою живет. Частной человек. Частные люди. Частная жизнь. Частное состояние». Однако в том же Словаре отражено и другое значение слова «частный», связанное с интересующим нас аспектом: «Частный пристав. Чиновник, зависящий от Управы благочиния, имеющий в смотре своем какую-либо часть города для соблюдения порядка и благочиния».

Что же касается слова «приватный», его исток — архаическое, редкое латинское (точнее, общелатинское) *privus* (особенный)¹. От него, в свою очередь, происходит глагол *privo* (обособлять, отделять, с развитием в сторону *отчуждать, лишать*). Его причастие *privatus* может значить как *лишенный*, так и *отдельный, обособленный, частный* (эта двусмысленность сохраняется и у *privé* во французском, и у *privato* в итальянском). Если же причастие субстантивируется, оно может обозначать *частный человек, частное лицо*. В качестве существительного ему противостоит *populus* (народ), в качестве прилагательного — *publicus*, *государственный, общественный, публичный* (это противопоставление также сохранилось в современных романских языках). Таким образом, в Риме (где все эти понятия относились прежде всего к общинной земле, *ager publicus*, и к ее использованию) первоначально частный означал *выделенный из общинного земельного участка*. Как видим, развитие шло примерно в том же направлении, что и в древнерусском языке.

В качестве примера такого противопоставления приведем фрагмент из речи Катона Старшего «*De praeda militibus dividenda*» («О распределении добычи между воинами»): «*Fures privatorum furtorum in nervo atque in compedibus aetatem agunt, fures publici in auro atque in purpura*» («Воры, крадущие у частных лиц, проводят свой век в кандалах и колодках, казенные же воры — в золоте и пурпурной одежде»). В связи с бурным расцветом юридической мысли в Римской Империи эти слова стали обозначениями особых разделов римского законодательства — *ius publicum* и *ius privatum*, *публичного права* и *частного права*.

Лексическая опасность подстерегает нас в английском языке. Если *private school* — частная школа, что не станет для нас неожиданностью, то *public school* — не противостоящее ей казенное учебное заведение, а закрытая привилегированная школа, такая, как *Eaton* или *Harrow*.

Алексей Любжин

¹ Еще одно образование от этого слова, распространившееся практически на всю Европу, — *privilegium*, законодательный акт в пользу отдельного лица.

Название: «Исторические портреты и этюды»

Автор: Ключевский В.О.

Серия: «Кругозор»

Исполняет: Андреев А.

Время: 10 ч 15 мин., 128 кБит/сек.,
1 диск, stereo

Аннотация:

В красочных этюдах о жизни и деятельности прославленных людей России – Ивана Грозного, Сергия Радонежского, Петра Великого и других – отражены не только исторические факты, но и глубокие психологические портреты этих выдающихся личностей.

Кто же выходит победителем в вечной схватке истории – сила характера и убеждений или историческая неизбежность? Книга великого русского историка посвящена, прежде всего, этому вопросу.

В издание включены также знаменитые афоризмы В.О. Ключевского.

Название: «Мифы классической древности I. Заложники богов»

Автор: Штоль Г.

Серия: «Кругозор»

Исполняет: Гульдман М.

Время: 12 ч, 128 кБит/сек., 1 диск, stereo

Аннотация:

Боги Олимпа, как известно, ведут себя как люди: любят, ревнуют, участвуют в походах и войнах. А люди занимаются тем же, с той лишь разницей, что они смертны, а еще тем, что уже более двух тысяч лет притягивают, восхищают и воспитывают целые поколения. И Геракл, и Тезей, и Мелеагр, совершающие великие подвиги, и Орфей, спускающийся в царство Аида, и Икар, поднимающийся к солнцу, – вечные примеры высот мужества, любви и духа, которых может достичь человек. Даже если все они заложники богов.

Название: «Мифы классической древности II. Заложники любви»

Автор: Штоль Г.

Серия: «Кругозор»

Исполняет: Гульдман М.

Время: 8 ч 38 мин., 128 кБит/сек., 1 диск, stereo

Аннотация:

Неумолимый рок сплетает судьбы Ясона, Медеи и Гипсипилии, Эдипа и Иокасты, Амура и Психеи. Страсти, кипящие на Олимпе, воздвигают вокруг них преграды, магические и психологические капканы. Но выбор между жизнью и смертью, свободой и рабством – смысл и цель тех, кто становится заложником любви.

Название: «Маркиза де Помпадур. Три жизни великой куртизанки»

Автор: Нечаев С.

Серия: «Кругозор»

Исполняет: Зайкова М.

Время: 9 ч 45 мин., 128 кБит/сек., 1 диск, stereo

Аннотация:

Маркиза де Помпадур – некоронованная королева Франции и одна из ключевых фигур в политической жизни Европы середины XVII века. Почти двадцать лет она была фавориткой короля Людовика XV и вошла в историю не только как самая блестящая куртизанка, но и как выдающийся политик, покровительница наук и искусств. При этом она была чужой при дворе, так как не принадлежала к высшему свету. Здоровье ее было таким слабым, что она выполняла обязанности любовницы

с трудом. Но, тем не менее, находчивость маркизы, незаурядность ее личности и глубокое знание психологии позволили ей управлять развратным Людовиком, а вместе с ним и страной.

Название: «Без вины виноватые» (радиоспектакль)

Автор: Островский А.Н.

Жанр: Русская классика

Исполняют: Вячеслав Невинный, Олег Стриженов и другие

Время: 2 ч 08 мин., 320 кБит/сек., 1 диск, stereo

Аннотация:

Любимое произведение А. Островского, написанное им «на одном дыхании» и обреченное на 120 лет вперед быть самой репертуарной пьесой российской сцены. «Без вины виноватые» – это история женщины, однажды обманутой любимым и оставившей на попечение чужих людей своего маленького сына. Он не знает о своей матери ровным счетом ничего, кроме того, что она была актрисой. Пожалуй, никому до Островского еще не удавалось так раскрыть личную драму талантливого человека на фоне всей запутанности и жесткости взаимоотношений в актерской среде. И почему-то, несмотря на название пьесы, оказывается, что без вины виноватых нет. Но Кручинина и ее сын однажды встретятся!

Название: «Ричард III» (радиоспектакль)

Автор: Шекспир У.

Жанр: Зарубежная классика

Исполняют: Михаил Ульянов, Александр Филиппенко, Ирина Купченко и др.

Время: 2 ч 11 мин., 320 кБит/сек., 1 диск, stereo

Аннотация:

«Женщины сдают ему без борьбы, мужчины доверяют ему словно дети, он младший брат короля и доблестный боец, о чьей храбрости ходят легенды, + одну из величайших трагедий Шекспира «Ричард III» можно назвать «свободной от истории», хотя место и время действия вполне исторически четки – Англия, середина XV века, 20 лет без войны. Сражения Алой и Белой розы позади, а Ричард только начинает свой путь к вершине власти. Разочарования в кумирах – это тема на все времена. В царстве хаоса и бесчинств должна найтись сила, которая остановит тирана. Если только это не будет новый Ричард».

Название: «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Вий» (радиоспектакли)

Автор: Гоголь Н.В.

Серия: «Вначале была классика»

Исполняют: Лев Дуров, Евгений Весник, Вячеслав Невинный, Ирина Муравьева, Клара Румянова

Время: 6 ч 11 мин., 1 диск, stereo

Аннотация:

«Тиха украинская ночь»? Не тут-то было! Наши радиоспектакли с участием таких звезд, как Л. Дуров, И. Муравьева и В. Невинный сделают вас участником феерической «Ночи перед Рождеством», пощекочут нервы мистической «Майской ночью» и заставят похолодеть вместе с Хомой Брутом в ту ночь, когда перед ним появится Вий. А потом все наваждение развеет развеселая «Сорочинская ярмарка».

Содержание:

1. «Сорочинская ярмарка».
2. «Ночь перед Рождеством».
3. «Майская ночь, или Утопленница».
4. «Вий».